

Журнал
Редактор Евгений Беркович

СЕМЬ
ИСКУССТВ

Наука

Культура

Словесность

9/2010

Журнал
«Семь искусств»

Сентябрь 2010

Редактор и составитель
Евгений Беркович

Художник Дорота Белас

2010

Журнал
«Семь искусств»

Сентябрь 2010

© Евгений Беркович (составление и редактирование)

© Дорота Белас (оформление)

Компьютерная верстка и техническое
редактирование Изабеллы Побединой

Ганновер

Издательство «Общества любителей еврейской старины»

Содержание

Эдуард Бормашенко	
Прощай очевидность	4
Андрей Пелипенко	
Между природой и культурой	11
Игорь Гергенрёдер	
Антинормандская Великорось	56
Михаил Хазин	
Светлана Якир и её близкие	90
Александр Баршай	
Дело жизни Рудольфа Баршая	117
Люсьен Фикс	
Гастроли Артура Рубинштейна в советской России	144
Софья Шапошникова	
Из книги «Гений в плену или в плену у гения»	159
Александр Пивинский	
exegi monumentum aere perennius	175
Даниэль Тамар	
Тени прошлого	184
Евсей Цейтлин	
Шаги спящих	201
Елена Матусевич	
Два рассказа	219
Борис Курланд	
Стеклянный дождь	234
Хаим Соколин	
И сотворил Бог нефть...	257
Владимир Порудоминский	
Правила проигранной игры	331
Евгения Ласкина	
Третья книга Даниэля Тамара	352
Нина Воронель	
Из цепких лап забвения	358
Нина Никипелова	
Поэт Рената Муха: минимализм без редукции	370
Наталия Рапопорт	
Моя Рената	377
Нина Воронель	
Герой своих романов	387
Об авторах	425

Эдуард Бормашенко

Прощай очевидность

ד"ר

«...какое мне дело до законов природы и арифметики, когда мне почему-нибудь эти законы и дважды два четыре мне не нравятся?»

Ф.М. Достоевский, «Записки из подполья»

нтеллигентному человеку положено знать, что Декарт сказал: «я мыслю, следовательно, я существую». Также положено, вздохнув и изобразив серьезную мину, отдать должное величию этой максимы. Только самые честные признаются себе в том, что не понимают, в чем, собственно, бездонная глубина Декартовой фразы.

Квалифицированный философ разъяснит: Декарт впервые сделал ставку на очевидное, ясное, прозрачное мышление, водрузил разум на основание, в котором невозможно усомниться. Ответ этот – не то чтобы не верен, но поверхностен. Никакая культура не может обойтись без некоторого минимума очевидных утверждений. Вопрос в том, что полагается очевидным? Ответ на этот вопрос не универсален, но историчен. Например, в традиционной еврейской культуре, бесспорно, очевидно, то, о чем упомянуто в Танахе. До Нового Времени многие культуры строились вокруг священного текста, положения которого были неоспоримы, и безоговорочно принимались всеми носителями этой культуры. Очевидность, таким образом, носила не индивидуальный, а коллективный характер. Я, разумеется, не присутствовал при Сотворении Мира, но священный текст рассказывает о нем так-то, и все члены

моей общины полагают этот рассказ бесспорно верным, отчего же и мне не согласиться?

Декарт переключил мышление на *иную* очевидность. Главное в его формуле – «Я». Очевидно, лишь то, что очевидно *мне*, моему внутреннему зрению. Удивительно, но именно эта новая, личная очевидность запустила машину рационального мышления. Удивительно, потому что, очевидное *мне* оказывается очевидным и *другому*. Несмотря на заведомое несходство наших мозгов можно сойтись в очевидностях. Быть может это и есть самое загадочное в человеческом мышлении.

Но, что же абсолютно мне очевидно, помимо «я мыслю, следовательно, я существую»? На одном этом белом тезисе рационализма не построить. И здесь Декарт делает удивительный логический скачок, объявляя, что «...арифметика и геометрия гораздо более достоверны, чем все другие науки, а именно – предмет их столь ясен и прост, что они совсем не нуждаются в предположениях, которые опыт может подвергнуть сомнению, но всецело состоят в последовательном выведении путем рассуждения». («Правила для руководства ума»). То есть Декарт предполагает строить мышление на доверии к таблице умножения, к $2 \times 2 = 4$. Не разумно ли предположить, что под словами число, прямая, точка все понимают одно и то же? Здесь опять самое время удивиться, ибо мы *привыкли* думать, что все математики и нематематики понимают под всем этими очевидностями одно и то же. На самом деле вера в то, что *все* разумеют под числом и точкой одно и то же представляет собой нулевую аксиому рационализма.

Декартов перенос очевидного в математику оказался необычайно плодотворным, воплотившись в новую картину мира, обустроенную точными науками. Принято думать, что в этой новой картине мира все доказывается. Иначе говоря, любое научное утверждение, далекое от очевидности, за конечное число шагов можно свести к утверждениям столь же достоверным, как и $2 \times 2 = 4$. Таким образом, декартово требование персональной очевидности сохраняется. Попутно заметим, что Оруэлловский О'Брайен, пытая Уинстона, заставляет его усомниться именно в таблице

умножения, по справедливости полагая в ней основу независимого мышления.

Теперь о главном. За последние полстолетия по великолепному корпусу научного знания поползла трещина (всегда кажется, что еще чуть-чуть и здание это приобретет свой окончательный вид). Причем зародилась эта трещина в фундаменте науки – математике. Оказалось, что основные математические представления, такие, как число, доказательство, аксиома вовсе не самоочевидны, и влиятельные математические школы спорят об их истинном смысле. Понятия числа, доказательства, аксиомы оказались *историчны*, их смысл менялся со временем, и разные поколения математиков разумели их по-разному (см. прекрасно написанную книгу М. Клайна «Математика. Утрата Определенности»).

Историчным оказалось и представление о математической очевидности. Сегодня никто не сомневается в правомочности неевклидовых геометрий. Но вот, что писал в 1837 году один из самых блестящих математиков XIX века Уильям Р. Гамильтон «*Ни один честный и здравомыслящий человек не может усомниться в истинности главных свойств параллельных, как они были изложены в «Началах» Евклида. <...> Геометрия Евклида не содержит неясностей не приводит мысли в замешательство и не оставляет разуму сколько-нибудь веских оснований для сомнения*». Оказывается, основания для сомнений есть...

Об историчности очевидности лучше всего сказал Макс Планк: «Новая научная истина побеждает, не потому что ее противники убеждаются в ее правильности и прозревают, а лишь по той причине, что противники постепенно вымирают, а новое поколение усваивает эту истину буквально с молоком матери». Основания квантовой механики, весьма далекие от очевидности, были неясны Эйнштейну, а сегодняшнему неблестящему студенту, ознакомившемуся с ними на первых годах университетского курса, они представляются бесспорными. Да что основания квантовой механики, крупные математики XIX века протестовали против употребления «бессмысленных»

отрицательных чисел, а сегодня ими свободно оперирует пятиклассник.

Историчным оказалось и понятие доказательства. А что, собственно говоря, представляет собой математическое доказательство? «Доказательство – это убедительное рассуждение, убеждающее нас настолько, что с его помощью мы способны убеждать других» (В.А. Успенский, «Семь Рассуждений на темы философии математики»). Ясно, что понятие доказательства располагается в сером поле, отделяющем психологию от математики. Кого доказательство убеждает, а кого и нет, и сколько надо убеждать математиков, чтобы считать нечто доказанным? И надо ли убеждать только математиков, или также широкие народные массы? И что считать доказанным? Не утвержденное ли большинством голосов Ученого Совета?

Ситуацию усугубила теорема Геделя, показавшая, что существуют утверждения, об истинности которых нельзя составить суждения: истинны они или ложны. Не менее тяжкий удар декартову рационализму нанесла всевозрастающая специализация знания. Специалисты, работающие в одной области, едва понимают коллег, пасущихся на отдаленных пастбищах точных наук. Вдобавок, некоторые рассуждения экспертов столь громоздки, что не представляется возможным проследить их от начала до конца. Характерна ситуация, сложившаяся с доказательством великой теоремы Ферма. Оно вроде бы получено, но столь изощрено, что трудно было найти добровольца, готового ухлопать месяцы на его проверку. Неспециалисту остается *верить* в то, что великая теорема Ферма доказана. Какая уж тут очевидность?

«Большие доказательства начинают жить по каким-то своим, макроскопическим законам... Получается, что хотя все доказательства должны, по определению, быть убедительными, одни доказательства убедительнее других, т. е. в большей степени являются доказательствами чем другие. Возникает нечто вроде градации доказательств по степени доказательности – идея, которая, конечно, в корне противоречит первоначальным представлениям об одинаковой непреложности всех доказательств. Но ведь и

математические истины допускают нечто вроде такой градации. Каждое из следующих трех утверждений: $2 \times 2 = 4$, $17^{14} > 31^{11}$, $300! > 100^{300}$ истинно. Однако мы говорим: верно, как $2 \times 2 = 4$, но не говорим: верно, как $17^{14} > 31^{11}$ или верно, как $300! > 100^{300}$ » (В.А. Успенский, «Семь Рассуждений на темы философии математики»).

Декартова «личная очевидность» окончательно растворилась в море результатов, полученных при помощи компьютерного моделирования. Вот я слушаю доклад, в котором ученый моделировал некий процесс. Расчеты на суперкомпьютере заняли месяц машинного времени. Что сказать о результатах? Быть может они и верны, но явно не в картезианском смысле этого слова, черт его знает, что там творится в компьютерных мозгах.

В этом плане характерна ситуация, сложившаяся вокруг глобального потепления. Прогнозирование климата доступно только суперкомпьютерам. А значит, ничего не остается, кроме доверия группам экспертов, занимающихся компьютерным моделированием; о Декартовой очевидности следует забыть. А эксперты – люди, им надо получать гранты...

Огромные успехи науки создали впечатление ее прочной обоснованности, оказалось, между тем, что занятия наукой более напоминают ходьбу по болоту, нежели танцы на паркете. Как говорил, много размышлявший о философии науки Г. Вейль: «Процесс познания начинается, так сказать, с середины и далее развивается не только по восходящей, но и по нисходящей линии, теряясь в неизвестности. Наша задача заключается в том, чтобы постараться в обоих направлениях пробиться сквозь туман неведомого, хотя, конечно, представление о том, что колоссальный слон науки, несущий на себе груз истины, стоит на каком-то абсолютном фундаменте, до которого можно докопаться, является не более чем легендой».

Процесс познания начинается и заканчивается в человеческих мозгах, а потому колосс науки обречен стоять на глиняных ногах. Все самоочевидные «понятия» такие как число, время, множество перестают быть таковыми, когда мы начинаем в них внимательно вглядываться. Какой-то

остроумец заметил: я прекрасно знаю, что такое время, пока меня об этом не спрашивают. Все настоящие трудности коренятся в очевидностях, и не всегда $2 \times 2 = 4$. Две капли, слившись с двумя каплями, не дадут четыре капли. Да и объем большой капли не будет в точности равен учетверенному объему малой капли.

И если уж математика не сводима к Евклиду, то, что говорить о других науках. Например «в лингвистике не существует способов доказательства, которые позволяют с безусловностью отделить верное от сомнительного» (Р. Фрумкина, «Внутри истории»). А значит очень трудно возвести забор, отделяющий науку от трясины постмодернизма, уравнивающего в правах Моцарта и тамтам, теорему Геделя и математику маори.

Классический период развития науки завершен, основные понятия нового знания всего более теряют, отчетливость подобно тому, как потеряли отчетливость предметы в натюрмортах нового искусства. Электрон квантовой механики менее всего напоминает бильярдный шар, он размазан в пространстве. Подобно этому размытость контуров в полотнах импрессионистов потеснила отчетливость очертаний, знакомую нам по картинам старых голландцев. Но, что же придет на смену декартовой очевидности? В. Успенский в уже цитированной статье предположил, что на смену персональной прозрачности результата, придет его коллективная убедительность. В самом деле, просматривая сегодня поток научной литературы, я первым делом обращаю внимание на два обстоятельства: солидна ли группа авторов, представляющих результат, и сколько раз статья цитировалась в научных журналах? Проследить логику исследования до конца чаще всего не представляется невозможным, а значит, приходится полагаться на мнение коллег.

В самом деле, если физика, это то, чем занимаются физики, математика, то чем занимаются математики (а такие определения по сердцу многим из ученых), то не следовало бы считать истинным, то, что признано таковым научным сообществом? Надо только отдавать себе отчет в том, что

мы вступаем в новую эру: коллективная убедительность – небезопасна, ибо «общественное мнение обладает автономным механизмом самоподдержания» (В. Успенский). Представление об очевидности совершило круг, начав с коллективной убедительности, пройдя через индивидуальную достоверность картезианства, и на новом витке вновь выйдя к коллективной убедительности новой науки.

Сегодня даже шаманы и ворожеи, желая быть убедительными, обильно пересыпают свои предсказания научной терминологией. Но наблюдается и встречный процесс, ученые, обращаясь к коллективному разуму научного сообщества, не брезгают заклинаниями. Всякая научная статья начинается с «Введения», в котором автор, обрисовывая состояние предмета, цитирует предшественников. Чем длиннее список цитированных работ – тем солиднее работа. Реферируя десятки научных статей в год, я убедился в том, что подавляющее большинство авторов не читало процитированные ими статьи, а если и прочитало, то не поняло. Но ведь надо быть «коллективно убедительным...» Никогда со времен Декарта положение рационального знания не казалось столь прочным, как сегодня. Это и вызывает наибольшую озабоченность в его будущем.

Андрей Пелипенко

Между природой и культурой

Главы из новой книги

*Чем лучше я узнаю людей, тем
больше мне нравятся собаки*

Конфуций

*Всё испорченное на этом свете,
испорчено на достаточном основании*

Гегель

1.1. Больное животное

е касаясь подробно сложной и деликатной темы антропогенеза как таковой, обратимся к некоторым обстоятельствам межсистемного перехода от биосистемы к культуре и проанализируем, каким образом эти обстоятельства могут раскрыть изложенные в гл. 1. общие механизмы и принципы переходных процессов.

Означенный переход, в лучших традициях механистической дихотомичности, традиционно представляют в виде некоего рубежа, по одну сторону которого располагается природа, по другую – культура. И хотя игнорировать размытость этого рубежа уже давно стало невозможно: ведь даже возникновение языка и знаковой деятельности не имеет согласованной датировки, его, полубессознательно стремятся любой ценой обнаружить и прочертить с максимальной ясностью. В то же время, переход от явной природности к ясно выраженному постприродному состоянию занял у предков человека столь протяжённый отрезок времени, что возникают сомнения по поводу того, позволительно ли вообще здесь говорить о рубеже, а не о самостоятельном эволюционном качестве. Между тем, для обозначения того, кто уже не животное, но

ещё не человек, нет пока даже специального термина, кроме зоологического – *гоминиды*. (В последние годы на основании молекулярных методов реконструкции филогенеза в семейство гоминид стали включать и африканских человекообразных обезьян, а в качестве подсемейства – и орангутанга, и гиббона. Но при этом вопрос об отнесении к роду *Ното* хабилисов остаётся дискуссионным)¹.

Разговор о проявлении макроэволюционных закономерностей в антропогенезе и культурогенезе хотелось бы начать с хлесткого высказывания Ницше о том, что человек – это животное с испорченными инстинктами («не установившееся животное»). Это изречение, давшее основание представлять человека то «голой обезьяной» (Д. Моррис), то «ошибкой эволюции» (А. Кестлер), заложило основу концепции «патологичности» человеческого сознания как такового² и его корректировки в процессе исторического развития.³ Если отбросить некоторое кокетство и игру в самоуничижение, эта точка зрения точно улавливает одну из важнейших закономерностей эволюционного процесса: становящиеся формы нового системного уровня с точки зрения нормальных режимов материнской системы всегда в той или иной мере патологичны.⁴ Не случайно ещё Р. Вирхов

---

¹ Так, некоторые антропологи считают правильным поместить хабилисов в род *Australopithecus*. (См.: Wood B., Collard M. The changing face of the genius Homo // Evolutionary Anthropology. Vol. 8. № 61999, P.195 -207. , т.е. «породнить» его с прогрессивным грациальным австралопитеком. Другие авторы видят в нём первого достоверного предка человека, т.е. гоминида.

² У А. Гелена и М. Шелера можно встречаются такие формулировки как «биологически недостаточное существо», «больной зверь», «дилетант жизни» и т. п.

³ См. Демоз Л. Психоистория. Ростов/Дон: Феникс, 2000; Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории. Проблемы палеопсихологии. М.: Мысль, 1974 и др. (См. также более полное издание: С-Пб. АЛЕТЕЙЯ 2007)

⁴ Так этологи, изучая поведение приматов, в частности их реакции на иммобилизационный стресс, приходят к выводу о том, что

усматривал в переходных формах животных патологические типы, а Э. Геккель распространял понятие патологии на все изменения органических форм вообще.

Стало быть, метафора культуры как болезни вполне эвристична.⁵ Но если культура – болезнь, то весьма своеобразная. Излечивается она не возвратом к исходному «здоровому» т.е. животному состоянию, а исключительно путём усугубления самой болезни, т.е. превращения патологии в норму. Следовательно, мы имеем дело не с деструктивным процессом, а с межсистемным переходом, где пик болезни приходится на самое промежуточное, «бескачественное» состояние. Вообще, слово «болезнь», даже с такими оговорками, не совсем точно передаёт суть явления: между дисфункциями и системными трансформациями, вызванными теми или иными внешними причинами в ходе вертикального эволюционного перехода существует коренное отличие. Поэтому для обозначения режима такого перехода следовало бы ввести специальный термин, но я, за неимением такового, ограничусь пока полуметафорическим выражением *эволюционная болезнь*.

Очевидная направленность антропогенетического процесса свидетельствует о том, что причину болезни следует искать не в частных экологических обстоятельствах и, тем более, не в каких-либо стохастических факторах или случайных мутациях, хотя роль последних нельзя недооценивать.⁶ Вертикальный характер перехода между

патология поведения выступает одним из важнейших факторов появления новых, эволюционно значимых форм поведения. См. напр. *Дерягина М.А., Бутовская М.Л.* Модели поведения: Поведение при стрессе у приматов // А.Н. Корнетов, В.П. Самохвалов и др. *Этология в психиатрии*. Киев. 1990 С. 174-199.

⁵ О патологиях в психике гоминид см. *Бунак В.В.* Мозговая коробка // *Ископаемые гоминиды и происхождение человека*. М: Наука. 1966; *Бунак В.В.* Ранние стадии эволюции гоминид и начала прямохождения // *Вопросы антропологии*. 1976. Вып. 53.

⁶ Объяснение филогенетического развития гоминид мутагенными процессами предлагалось ещё Б. Киарелли. См. *Кочеткова В.И.* Палеоневрология / В.И. Кочеткова. – М.: МГУ, 1973. Вообще, в

био- и антропосистемой задаётся тем, что ГЭВ, как уже говорилось, постоянно ищут в биоценозах «слабые точки»: такие живые формы и такие условия, где можно совершить прорыв на следующий уровень системной конфигурации.⁷ Этим, очевидно, объясняются необычайно высокие, но не вполне востребованные когнитивные способности у разных видов животных: дельфинов, осьминогов, крыс и даже насекомых (пчёлы и муравьи, как выяснилось, способны производить простейшие арифметические действия), не говоря уже о человекообразных обезьянах. Это – не просто «черновики» и «наброски» эволюции, но по-своему драматическое столкновение ГЭВ со стабилизирующими силами системы. Сопrotивляясь давлению ГЭВ, система держит удар, накрепко привязывая каждый вид к своей «ячейке», специализируя морфологию организма и вписывая

большинстве работ наблюдается стремление ценой любых натяжек привязать факторы гоминизации к процессу адаптации к внешней среде. Такого рода «объяснения» нередко поражают своей обезоруживающей простотой. Так, согласно П.Л. Пику «резкие перемены в климате, происшедшие на планете 1 млн. 600 тыс. лет назад, усилив процесс адаптации, привели к развитию у первых гуманоидов зачатков памяти и сознания и позволили им распространиться по земному шару». *Peaq P. L' home ecartel entre deux natures/ P. Picq// Revue des deux Mondes. – 1998. – № 3.* С такой же прямотой заявляется, что «нестабильность условий среды в плейстоцене – повышенная вулканическая активность, радиация, геомагнитные инверсии, с одной стороны, усложняли жизнь гоминид, а с другой стороны, создавали *оптимальные факторы гоминизации*». *Дерягина М.А. Эволюционная антропология / М.А. Дерягина. – М.: УРАО, 1999. С. 73.*

⁷ Здесь уместно вспомнить гипотезу А.А. Зубова о том, что в антропогенезе, как и во всей эволюции Вселенной, магистральной линией выступает тенденция к отбору на автономизацию (вектор нарастания субъектности – *А.П.*) и большей независимости от среды. Причём инициаторами цепи ароморфозов выступали наименее специализированные формы, дающие начало высшим таксонам. *Зубов А.А. Общие предпосылки гоминизации // Вопросы антропологии. 1983. Вып. 71. См. 29-41.; Зубов А.А. Магистрализация и демагистрализация в ходе эволюционного процесса // Там же. 1985. Вып. 75. С. 14-26.*

его в иерархию трофических цепей. Однажды «заточенная» под экологическую ячейку, видовая форма может модифицироваться только в диапазоне изменений самой этой ячейки, и в границах, заданных видовым генетическим кодом. Потому даже самые поразительные прорывы в когнитивных возможностях у животных остаются «спящими изобретениями», вытесненными на периферию системы и не приводят к «выпадению» из заданных биосистемой экологических кластеров. Какой бы разгон не брали ГЭВ в своём горизонтальном внутрисистемном движении, какой бы задел избыточных потенциалов ни образовывался на периферии системы, вертикальные эволюционные устремления неизменно упираются в морфофизиологические границы вида, структуру его генетического кода и конфигурацию экологической ниши.

В конце концов, в бесконечно разворачивающемся разнообразии живых форм ГЭВ нашли того, кого оказалось возможным «вытолкнуть» из природы на следующий эволюционный уровень. Арсенал средств для такого выталкивания у ГЭВ достаточно широк: он варьируется от климатических, геохимических и радиационных факторов до формирования и фокусировки в точке прорыва обстоятельств собственно морфоэволюционных.

Эволюционное значение этих факторов рассматривалось разными авторами.⁸ Однако, стремясь во что бы это ни стало связать гоминизацию исключительно с адаптациогенезом, большинство авторов вынуждено либо прибегать к натяжкам, либо мистифицировать движущую силу эволюции. Есть, впрочем, исключения. Так, Г.Н. Матюшин не считает бипедализм, редукцию клыков и увеличение мозга у австралопитеков адаптационными

---

⁸ См., напр.: *Зубов А.А.* Систематические критерии рода Номо и его эволюция // Вопросы антропологии. 1973. Вып. 43. С. 92-106., *Герасимов И.П.* Природа и развитие первобытного общества // Изв. АН СССР. Сер. геогр. 1970. № 1. С. 5-8., *Будыко М.И.* Глобальная эволюция. М: Мысль, 1977, *Величко А.А.* Природа у колыбели человечества // Природа. 1985. № 3. С. 35-45, *Решетов Ю.Г.* Темпы и факторы эволюции приматов // Биология и акклиматизация обезьян. М.: Наука. 1973. С. 90-93. и др.

изменениями, а само их происхождение связывает с мутациями, вызванными повышенным уровнем радиации.⁹ Но и здесь «уклонение» от вектора адапциогенеза не увязывается с факторами гоминизации. Всё опять же сводится к какому-то одному или по меньшей мере главному внешнему обстоятельству, закономерность которого остаётся непрояснённой.

Однако для того, чтобы вертикальный прорыв состоялся, факторы эти надо было особым образом «срежиссировать», собрать, сфокусировать в нескольких точках потенциального осуществления. Самой общей движущей силой фокусировки выступает достигнутое к эпохе начала антропогенеза, общее исчерпание эволюционного потенциала млекопитающих в рамках их общей морфофизиологической конфигурации. Здесь, как уже не раз бывало в эволюции биосистемы, тенденция к генерализации и независимости от среды вступила в «полемику» с адаптационным и экспансионистскими принципами дробления таксона. В конечном счёте, когда потенциал паллиаций оказывается исчерпан, это противоречие приводит к эволюционному тупику и вертикальному скачку на новый системный уровень, где оно транслируется в новую системную конфигурацию. В такой эволюционный тупик и зашло развитие млекопитающих.

Млекопитающие, с их максимальной по сравнению с эволюционными предшественниками, независимостью от среды, обусловленной церебрализацией и усилением ароморфной линии развития, а также благодаря целому ряду морфофизиологических признаков (высокое развитие ЦНС, волосяной покров, теплокровность, внутриутробное развитие, выкармливание молоком и нек. др.), закономерным образом образовали наиболее сложную и совершенную подсистемную конфигурацию в природе. Однако горизонтальная эволюционная «парадигма» поставила их перед необходимостью дробления и специализации форм в ущерб универсализму и интеграции,

---

⁹ Матюшин Г.Н. У истоков человечества. М.: Мысль, 1982.

что и вызвало ситуацию очередного эволюционного тупика, выходом из которого явился антропогенез.

Само по себе это обстоятельство ещё ничего конкретно не определяет в эволюционных сценариях, но твёрдо гарантирует, что в каком-либо месте, при благоприятных обстоятельствах вертикальный прорыв непременно произойдёт. Не более того, но и не менее. Не случайно процесс гоминизации шёл одновременно в Африке и в Азии.¹⁰ Но африканский вариант опередил азиатский, и тот остановился. Произошло это в немалой степени потому, что именно в рифтовой зоне Восточной Африки необходимые факторы сфокусировались в максимальной полноте. Описание этих факторов хорошо представлено в соответствующей литературе, и я не буду сейчас на них останавливаться. Поясню только, что такой взгляд на эволюцию скорее согласуется с экосистемной теорией,¹¹ чем с теми или иными концепциями происхождения отдельных видов.

Вернёмся к тому, что с природной, если можно так выразиться, точки зрения, процесс антропогенеза, принял вид тяжелейшей патологии.

Косвенным подтверждением идеи разбалансированности природных психических настроек на начальных этапах формирования человеческого сознания является спонтанность, произвольность

---

¹⁰ Рамапитек – один из вариантов «азиатского пути» эволюционного формирования крупного прямоходящего примата, который был параллелен африканскому, но осуществлялся на основе не шимпанзе, а орангутанга. В этом эволюционном русле появились такие великаны, как мегантроп и гигантопитек, а также рамапитек и сивапитек.

¹¹ Здесь основным принципом выступает объяснение причин и механизмов преобразования целых экосистем со всеми входящими в них видами, включая гоминид. Другое дело, что коэволюция гоминид как компонентов изменяющихся животных сообществ с соответствующими им фаунистическими комплексами всё же не может быть признана самым глубинным уровнем причин эволюционирования.

присоединительности ассоциирования в детской психике¹². На сегодняшний день сопоставления (разумеется, корректные) между онтогенезом индивидуума и филогенезом человечества считаются вполне допустимыми и не требующими специальных методологических пояснений. Если некоторое время назад такие сопоставления, ввиду отсутствия общепринятых научных доказательств, считались чем-то несерьёзным и даже неприличным, то теперь, похоже, пришло понимание того, что если наглядную очевидность не удаётся научно обосновать, то её просто следует принять как аксиому.

Если, развивая метафору болезни, попытаться дать её диагноз, то его очевидно, можно определить как *аритмию* (не в кардиологическом, конечно, смысле) и связанные с ней осложнения. Всякий вертикальный эволюционный прорыв начинается с частичной эрозии структур материнской системы, и прежде всего – ритмических регуляций. Космо- и биоритмические регулятивы – незримая основа стабильного существования всех форм, структур и процессов в системе. Сбои и нарушения в регулятивных воздействиях природных ритмов на организм, отразившиеся как на физиологии, так и на психических структурах, вытолкнули предков человека из системно замкнутого континуума природы и поставили перед необходимостью глубоких системных трансформаций¹³. На выпадение из биоценоза предки

---

¹² *Пиаже Ж.* Речь и мышление ребёнка. М., 1994.

¹³ В качестве одного из подтверждений этого тезиса можно указать на идеи и гипотезы С.Л. Рубинштейна и А.А. Ухтомского, которые в последние годы находят обоснование и подтверждение не только в философском обобщении открытий в математике и физике, но также и в исследованиях «периодически эквивалентных процессов» (ПЭП) в биологии и физиологии. Исследования в этих областях выявили в организмах большое число относительно независимо функционирующих *биоритмов*, связанных с деятельностью клеток, тканей, органов и физиологических систем. Так, для того чтобы подчеркнуть главную особенность открытых им биоритмов, Ф. Хальберг, использовал термин «*циркадианные*», (от латинского *circa*, –

человека (в том числе и весьма дальние) были «обречены» уже потому, что природа «легкомысленно» не снабдила их «заточенными под среду» специализированными органами с «намертво» закреплёнными за ними функциями и обрекла их, тем самым на своего рода «отрицательный универсализм» бескачественности. Проще говоря, плохо подогнала конфигурацию организма к соответствующей ячейке биоценоза. Поневоле став эврибионтами (универсальными животными), предки человека нашли ответный ход: раз природа не даёт возможности подстроиться под себя, тогда пусть сама подстраивается под становящегося человека и создаваемую и создаваемую им надприродную среду – культуру!

Неспециализированность предков человека выражалась не только в морфофизиологии, но и в психике. Невыраженность доминирующей поведенческой стратегии вкупе с унаследованной от приматов подражательностью позволила гоминидам в дальнейшей развить в себе способности к сочетанию и комбинированию поведенческих паттернов, присущих разным животным: хищникам, грызунам и нек. др. Благодаря этому потомки *homo ergaster* не только освоили охотничий образ жизни, но и в конечном счёте заняли высшую позицию «поверх ниш» в иерархии трофических цепей. Результатом этой поведенческой неспециализированности стала и ролевая пластичность поведения человека в позднейших социокультурных сценариях.

Однако вначале надо было выбраться из эволюционного тупика, в который природа загнала ранних

«около».) Как оказалось, подавляющее большинство биоритмов человека обладает собственной внутренней относительно гибкой временной организацией, лишь приблизительно соответствующей природным ритмам смены дня и ночи. При этом наименее подвижными являются биоритмы на внутриклеточном уровне, а наиболее свободными – биоритмы на уровне функциональных систем. Более того, были обнаружены так называемые *свободно протекающие ритмы*, временная организация которых *вынужденно подчиняется* внешне задаваемым природой или условиями деятельности человека ритмам.

гоминид: снижение уровня мутабельности и общее замедление темпов эволюционных реакций (об этом ниже) вызвало сильнейшие «аритмические сбои» не на каком-то одном, а сразу на нескольких уровнях ритмического включения в космобиосистему. Именно выпадением из витальных ритмов можно объяснить такие явления, как чередования биологической экспансии с изолированным («локально-реликтовым») проживанием групп гоминид, ослабление популяционноцентрического инстинкта и многие другие коллизии их эволюционной линии, оторвавшейся от общего горизонтального «мейнстрима».

Поэтому начало антропогенеза связано с мучительной и болезненной выработкой новых ритмических структур – уже не совпадающих с природными, но по возможности максимально к ним приближенных¹⁴. Вряд ли к понятию ритма применимо слово «дробление». Но именно в этом направлении шло и продолжает идти изменение ритмических структур не только в антропогенезе, но и на протяжении всей истории Культуры. Прежние ритмические структуры не исчезают, но действие их постепенно ослабляется, и они превращаются во внешний контур, внутри которого «укладываются» и «упаковываются» ритмические новообразования, дробящие временной, а также синкретически слитный с ним, особенно на ранних стадиях культуры, пространственный континуум на всё более мелкие и дискретные единицы. Иными словами,

---

¹⁴ Эта задача далеко не всем оказалась по силам, о чём свидетельствует факт вымирания ряда родственных человеку видов и подвидов гоминид в период ок. 1 млн. лет назад и ранее. См. *Оно С.* Генетические механизмы прогрессивной эволюции. М., 1973. Здесь, однако, не следует упускать из виду несовпадение антропологической и культурной генеалогии; связи по линии *предок – потомок* в физическом аспекте не совпадают с аспектом преемственности культурной. Так, к примеру, хабилис, встраиваясь в линию относительно прямой культурной преемственности с современным человеком скорее всего, не является его прямым предком на древе физической эволюции. Таковым может оказаться какой-нибудь не обнаруженный на сегодняшний день вид.

условием развития всё более специализированных культурных практик является формирование соответствующих ритмических структур на психосоматическом уровне. Здесь, впрочем, трудно сказать, что является причиной, а что – следствием. Скорее, уместно, опять же вести речь о когеренции.

Нетрудно заметить, что резкие изменения ритмических оснований жизненно важных процессов неизменно приводят к психологической фрустрации и вызывают социальную напряжённость)¹⁵.

В апогее «эволюционной болезни» старые чисто природные ритмы максимально ослаблены и дестабилизированы, а новые, культурные ещё не сформировались. Тогда находящемуся в межеумочном эволюционном состоянии существу, которое уже не животное, но ещё не человек приходится испытывать на себе все многочисленные аритмические осложнения, вызванные режимом межсистемного перехода. Обобщая антропогенетические данные, можно предположить, что пик бескачественности (своего рода точка равновесия) приходится на эпоху *homo habilis*. (2,4(2,6)-1,7 млн. лет назад).

Возможно, именно с достижением этой стадии связаны и те морфофизиологические изменения, которые в контексте общеэволюционного процесса предстают как прогрессивные, но для того времени скорее вступают как патология. Речь идёт о таком «гигантском шаге к новому уровню организации»¹⁶, как увеличение абсолютного и относительного размера мозга; заметное расширение

---

¹⁵ В качестве классического примера здесь вспоминается ситуация, когда в раннеиндустриальную эпоху мигрирующие в город крестьяне становились городскими рабочими и поневоле вынуждены были вписываться в противоестественные для них производственные и бытовые ритмы. Это, в свою очередь, вызвало сильнейшую фрустрацию, обвальную архаизацию сознания, всплеск неомифологической эсхатологии и как следствие, – рост революционаризма.

¹⁶ См. *Tobias P.V.* The brain of the first hominids // *Origins of the Human Brain*. Oxford. 1995. P. 74-76.

теменной области; сеть мозговых борозд, напоминающая человеческую, развитие выпуклостей в зонах полей Брока и Вернике. Патологичность усугубляется и тем, что общая анатомия хабилуса, обладая рядом рецессивных, если не регрессивных свойств, приближается к анатомии австралопитеков. Критический уровень разнаправленности тенденций вызвал сильнейший кризис адаптации и, как его следствие, – стихийный поиск особых форм компенсирующей самонастройки витальных режимов, прежде всего психических. А результатом этих поисков стал запечатлённый в первых артефактах выход в режим прото-смыслообразования и, соответственно, протокультурных практик, т. е. первые зримые шаги на пути к культуре.

В теме «больного животного» выделяются два момента: сама концепция патологичности, «сумеречности» древнего мышления (Дж. Пфайфер) и идея замещения «испорченных инстинктов» культурными программами. Первый момент в значительной мере продиктован хроноцентрическим субъективизмом: современное состояние сознания автоматически берётся за эталон и критерий нормативности. А то, что предки человека лишь благодаря этой «патологичности» и смогли дожить до современного состояния, как правило, не учитывается¹⁷. Ведь помимо дальнего вертикального прицела в этих болезненных изменениях должен был сдержаться адекватный ответ на конкретный вызов среды, пусть даже и простимулированный внутренним напряжением системы. И притом ответ не только адекватный, но и достаточно эффективный.

Вообще любое пройденное и снятое эволюцией качество аберративно воспринимается как патология. Хорошо известно, например, что описываемые современной психиатрией девиации ещё для средневекового человека

---

¹⁷ Pfeiffer J.E. The creative explosion. An inquiry into the origin of art and religion. N.Y. etc. Harper and Row, 1982, *Гримак Л.П.* Вера как составляющая гипноза // Прикладная психология, 2001, и др.

были нормой.¹⁸ Поэтому разговор об относительности критериев патологичности – отдельная тема, которая сейчас не столь важна. На фоне современных антропогенетических исследований, не оставляющих никаких сомнений в направленном¹⁹ характере процесса эволюции человека, начиная с самых ранних её этапов, слишком серьёзное, не метафорическое отношение к концепции патологичности представляется скорее философией от настроения – плодом невротического самоуничужения, причины которого следует искать гораздо ближе, чем в глубинах предыстории. Однако если видеть в этой самой патологичности не долгосрочные клинические отклонения (от матери-природы или установленной современностью нормы?) психоневрологической системы гоминид, а нарушение или даже частичное разрушение генетических инстинктивных и условно-рефлекторных программ,²⁰ то этот момент приобретает действительно исключительно важное, если не ключевое значение.

Второй момент – замещение инстинктивно-рефлекторной «правильности» животного поведения

---

¹⁸ Особую популярность эта тема получила после работ авторов школы Анналов и М. Фуко.

¹⁹ Так, в отечественной науке ещё Д.Н. Соболев обосновывал концепцию направленной изменчивости, берущей начало уже с возникновения жизни. *Соболев Д.Н.* Начала исторической биогенетики. Харьков: Госиздат Украины. 1924. А Л.С. Берг утверждал, что эволюционный процесс представляет собой развёртывание уже существующих зачатков: высшие признаки появляются у низших групп задолго до их полного развития у организмов, стоящих на более высокой ступени эволюции. При этом ряд признаков развивается в силу присущих самой природе организма автоматических причин и независимо от влияния внешней среды. *Берг Л.С.* Номогенез или эволюция на основе закономерностей. Пг.: Госиздат. 1922. Автогенетического взгляда на антропогенез придерживались также Ф. Вайденрайх, Г.Ф. Осборн, Л. Больк и др. авторы.

²⁰ *Давиденков С.Н.* Эволюционно-генетические проблемы в невропатологии / С.Н. Давиденков. – Л., 1947.

самоорганизующейся системой культурных программ²¹. Эта идея, присутствуя обычно где-то на периферии других исследовательских тем, как ни странно, не получила достаточно углублённого развития. А между тем, именно режим означенного замещения, как представляется, и есть корневой мотив культурной эволюции. Тема эта будет варьироваться в данном исследовании в самых разнообразных регистрах, и прежде всего в контексте проблемы механизмов **конвертации** биопрограмм в культурные практики.

Не ставя задачу углубляться в «натуралистические» эволюционные факторы антропогенеза, а главное, не поднимая сакраментального вопроса об их объяснительной достаточности, ограничусь лишь беглым очерком в русле основной темы – формирования условий эпигенетического надстраивания культуры над биосистемой в ходе вертикального межсистемного перехода. Отмечая эпигенетический характер этого надстраивания, важно акцентировать внимание на сохранении в глубинных слоях культурной и докультурной памяти нескольких уровней биологических по генезису наборов программ, образующих невидимый фундамент многослойной структуры человеческой ментальности. Культурные программы не просто надстраиваются над природными, оставляя их «где-то внизу». Последние, просвечивая сквозь многослойные социокультурные опосредования, исподволь организуя не только пресловутый уровень первичных потребностей, но и те стороны жизни, которые традиционно считались территорией культуры. (Так, к примеру, древняя реактивность лимбической системы, главным образом через канал связи с правой гемисферой, прорастает в поведенческих формах культурного сознания, проявляясь, к примеру, в различных сценариях агрессии). Но, будучи по

---

²¹ Причины «правильности» инстинктивного поведения – отдельный и невероятно сложный вопрос. После того, как моторная теория инстинкта в начале 1970-х гг. зашла в тупик, и было предложено вообще избавиться от этого термина, на проблему необъяснимости инстинкта, похоже, просто махнули рукой.

генезису биологическими, эти базовые программы, реализуясь в социальном контексте, продуцируют уже принципиально иное, не-природное содержание²². Этот сложнейший процесс, требующий более тонких, чем формальная логика, методов объяснения²³, ещё не раз станет темой обсуждения.

Игнорирование сложности в этом вопросе часто приводит к плоским редукционистским выводам, превращающим лежащие в их основе серьёзные и подчас чрезвычайно интересные научные наблюдения в легковесную публицистику. Так, поведение животных истолковывается в понятиях поведения человеческого; внешнее сходство принимается за тождество или близкую типологическую аналогию, а затем «обратным ходом» вменяется людям. Конечно, «археология» культурных форм преподнесла самонадеянному антропоцентрическому сознанию немало неприятных сюрпризов, обнажив биологическую подоплёку того, что традиционно считалось привилегией человека, и дала, тем самым, самые сильные козыри в руки биологизаторов, которые со сладострастием принялись развенчивать претензии человека на исключительность. Однако, как ни наивен самонадеянный антропо- и культуроцентризм и сколь и закономерна расплата за него, биологизаторская крайность, доходящая подчас до полного отрицания различия человека и животного, ничуть не более симпатична. И не более убедительна. Вообще, вопрос о том, что есть человек: венец творения или большое животное давно превратился из научного в идеологический. Научная или квазинаучная аргументация, как некогда построения

---

²² См. замечание Б. Малиновского о том, что «Потребности мы соотносим не с индивидуальным организмом, а скорее, с сообществом и культурой», «лучше опустить понятие влечения в анализе человеческого поведения, пока мы не поймём, что мы должны пользоваться им иначе, чем зоопсихологи и физиологи». *Малиновский Б.* Научная теория культуры / Б. Малиновский. – М., 1998. С. 87.

²³ Здесь приходит на ум полузабытое гегелевское понятие *инобытия*, трактуемое, разумеется, уже в ином содержательном контексте.

догматического богословия, лишь внешне оформляет предзаданные мировоззренческие установки, лишней раз подтверждая ехидную сентенцию о том, что научно-философская рационализация – это лишь подпорки для глубинных и априорных интуиций (см. гл. 1). В этом смысле спор биологизаторов и культуроцентристов демонстрирует в действительности маятниковую смену доминант антропологического минимализма и максимализма не только в сознании, но и в подсознании, т.е. на уровне глубинных и слабо отрефлектированных моделей идентичности. Да и само противопоставление природного и культурного (социального) в духе унылой и отчаянно устаревшей антиномичности по принципу *tertium non datum* более напоминает идеологическую, нежели научно-философскую концепцию. А срединная позиция, обозначающая себя как биосоциальная, часто предстаёт не диалектической, а эклектической, ибо так и не даёт ответа на вопрос о том, каковы режимы и механизмы трансформации (или, говоря языком диалектической логики, *снятия*) природных программ в социокультурные.

Ощутимый удар по позициям культуроцентристов был нанесён современными этологическими исследованиями, доказавшими способность животных к знаковой деятельности²⁴. Удар этот оказался не только чувствителен, но и крайне неприятен ввиду того, что именно знаковая деятельность служила главным сакраментальным бастионом, отделяющим территорию культуры от царства природы. Ведь и популярная по сей день символическая теории Кассирера, и семиотические концепции культурогенеза в основе своей, как правило, восходящие к широко понимаемому кассирерианству, казалось бы, провели между этими мирами жирную черту, внося

---

²⁴ С орудийной деятельностью дела у культуроцентристов ещё хуже: выяснилось, что орудийная деятельность широко распространена у самых разных видов позвоночных и даже беспозвоночных. *Мешкова И.Н.* «Развитие психики» А.Н. Леонтьева – взгляд через шестьдесят лет // Традиции и перспективы деятельностного подхода в психологии. Школа А.Н. Леонтьева. М., 1999. С. 65.

«окончательную» ясность. Однако сколь ни велико нежелание менять взгляд на человека как на «символическое животное», массив данных, подрывающих эти представления, столь велик, что отмахнуться от него, списав всё на субъективность или лукавство интерпретаторов, уже невозможно.

Собственно, так называемая «теория ума» (theory of mind)²⁵ как предпосылка знакового поведения и показатель языковых способностей присуща всем человекообразным обезьянам (что, впрочем, признаётся не всеми исследователями) и, будучи эволюционным признаком общего предка орангутанга, шимпанзе и человека, имеет возраст около 16 млн. лет²⁶. А накопленные в последнее время данные, связанные с изучением поведения шимпанзе и некоторых других обезьян²⁷, «существенно подрывают традиционные представления о качественной уникальности человека и делают поиски пресловутой грани между ним и

---

²⁵ *O'Connell J.F.* Empathy in chimpanzees: Evidence for theory of mind // *Primates*. Vol. 36. № 3 P. 397-410. 1995., *Dunbar P.I.M.*, Theory of mind and the evolution of language // *Approaches to the Evolution of Language*. Cambridge. 1998. P. 92-110.

²⁶ *Byrne R.W.*, Machiavellian intelligence // *Evolutionary Anthropology*. Vol. 5, № 5. P. 172-180.

²⁷ См. напр. *Фирсов Л.А.* Высшая нервная деятельность обезьян и проблемы антропогенеза // *Физиология поведения: нейробиологические закономерности*. Л. С. 1982. 639-771, *McGrew W.C.* Chimpanzee material Culture: Implication for Human Evolution. Cambridge. 1992, *Гудолл Дж.*, Шимпанзе в природе: поведение. М., 1992., *Бутовская М.Л.*, *Файнберг Л.А.*, У истоков человеческого общества. М., 1993, *Бутовская М.Л.*, Эволюция человека и его социальной структуры // *Природа*. № 9., 1998. С. 87-99, *Boesch C.*, *Tomasello M.*, Chimpanzee and human cultures // *Current Anthropology*. Vol. 39. № 5. 1998. P. 591-614, *Parker S.T.*, *Mitchell R.W.* The mentalities of gorillas and orangutans in phylogenetic perspective // *The mentalities of Gorillas and Orangutans. Comparative Perspective*. Cambridge. 1999., P. 397-411, *Whiten A.*, *Horner V.*, *Marshall-Pescini S.* Cultural panthropology // *Evolutionary Anthropology*. Vol. 12. № 2. P. 92-105. 2003, *Boesch C.*, Is culture a golden barrier between human and chimpanzee? // *Evolutionary Anthropology*. Vol. 12. № 2. 2003. P. 82-91. и др.

человекообразными обезьянами малоперспективными».²⁸ Уже появилась классификация, в соответствии с которой человек и шимпанзе рассматриваются как два подрода – *Ното* и *Ран*, и образующих вместе род *Ното*²⁹. На стыке приматологии, антропологии и зоопсихологии складывается новая дисциплина – культурная приматология³⁰, а применительно конкретно к шимпанзе – культурная пантропология³¹.

Обезьяны не только усложняют сигнальный характер знаков до возможности интерпретации их в дефинициях классического семантического треугольника (по Пирсу: имя – денотат – концепт. (Здесь, впрочем, трудно отделаться от подозрений в модернизации). Они также придают ему мобильность: способность расширять и сужать содержание, переходить с объекта на объект и, что особенно важно, – комбинировать знаки. При этом оперирование простейшими элементами синтаксиса обнаружены даже у низших обезьян. Более того, знаковое поведение способно развиваться до выраженных форм и в рамках инстинкта, о чём свидетельствуют, в частности, наблюдения за «танцами» медоносной пчелы³². Видимо, тенденция к развитию знакового поведения сама по себе универсальна, но

---

²⁸ Бутовская М.Л. Эволюция человека и его социальной структуры // Природа. № 9. 1998. С. 94.

²⁹ Godman M., Porter C.A., Czelusniak J., Page S.L., Shneider H., Shoshani J., Gunnel IG., Groves C.P., Towards a phylogenetic classification of primates based on DNA evidence complemented fossil evidence //Molecular Phylogenetics and Evolution. Vol. 9.№ 3. P. 585-598. 1998.

³⁰ Brumann C. On culture and symbols // Current Anthropology. Vol. 43. № 3. P. 509-510. 2002.

³¹ Whiten A. *Op. cit.* С. 95-105.

³² См. напр. Лопатина Н.Г. Сигнальная деятельность в семье медоносной пчелы. Л., 1971, Фриш К. Из жизни пчёл. М. 1980 (1927). Довольно сложные способы передачи информации, кроме пчёл, обнаружены также у муравьёв. См. Резникова Ж.И., Рябко Б.Я. Язык муравьёв и теория информации // Природа. 12998. № 6.

проявляется исключительно в границах эко-видовой конфигурации, т.е. единства морфологических признаков вида и суммы его функционально-поведенческих связей с экосредой. И только разрушение этой конфигурации под действием сложного комплекса факторов, каковое и произошло у гоминид, позволяет данной тенденции сменить своё периферийное положение на системообразующее. Неудивительно поэтому, что при погружении в детали в рамках эмпирического подхода часто теряются из виду качественные различия между психикой человека и высших приматов³³. Ошибка не только в том, что количественным изменениям иногда свойственно переходить в качественные. (Разве одно лишь обстоятельство, что животным рождаются, а человеком надо ещё стать в процессе инкультурации, не указывает на системные различия?) Если держать в поле зрения динамику изменений одного и только одного параметра, то действительно можно ничего кроме количественных изменений не увидеть. А между тем «невидимая» качественная граница, делающая различие между человеком и животным априорно очевидным, образуется не каким-то одним, сколь угодно важным фактором, (будь то знаковое поведение, способность к самообучению или что-то иное), а взаимосвязанным комплексом признаков, свидетельствующим о разрушении биологической эко-видовой конфигурации. Без этого разрушения никакие, даже самые поразительные когнитивные способности не приводят к сапиентизации и остаются не реализованным по преимуществу, потенциалом, создающим в системе подспудное напряжение. Ведь человек – это не только интеллект, но и всё остальное, включая

---

³³ «...Между человекообразными обезьянами и всеми остальными существует качественное различие, тогда как разница между первыми и человеком главным образом количественная». Цит по: *Hart D., Karmel M.P., Self-awareness and self-knowledge in humans, apes and monkeys // Reaching into Thought. The Minds of Great Apes. Cambridge. 1996. P. 325-347.* При внимательном и непредвзятом изучении экспериментальных данных, *качественный* характер границы между человеческим мышлением и психикой высших приматов обнаруживается вполне очевидно.

морфофизиологию тела и даже «низшие» психические режимы. Поэтому, когда этологи, описывая проявления актов мышления у высших приматов, априорно предполагают, что от них тянется прямая линия интеллектуального прогресса к ранним гоминидам и далее к ближайшим эволюционным предкам человека, то здесь следует сделать некоторые замечания.

То, что экспериментаторы провоцируют обезьян на человеческое поведение, моделируя для них человеческие условия и обстоятельства и уже тем самым вписывая их в среду специфическо человеческой когнитивности, – отдельный повод для придинок. Ведь уже в сами условия эксперимента закладывается именно то, что экспериментатор хочет увидеть. Как и вменяемая животным чисто человеческая прагматика, задающая и цели, и условия, и интерпретации результатом экспериментов. Кроме того, даже в полевых условиях не следует исключать фактор произвольного воздействия экспериментатора, хотя бы на уровне невольного психического внушения. (На последнем не настаиваю, т.к. доказать и зафиксировать факты такого внушения пока невозможно). Однако я не намерен подвергать сомнению выводы этологов о том, что антропоиды значительно превосходят низших приматов по следующим способностям:

«– целенаправленное применение орудий в соответствии с «мысленным планом» и предвидение результата своих действий, в отличие от случайного манипулирование ими у низших обезьян;

— формирование обобщенного способа действия при систематическом использовании орудий;

— более успешное формирование установки на обучение при серийном обучении;

— более успешное формирование довербальных понятий;

— больший объем оперативной памяти и др. Только антропоиды способны:

— к спонтанному использованию орудий;

— к овладению языками-посредниками (на уровне детей 3 лет);

- к рисованию (на уровне детей 3 лет);
- к самоузнаванию;
- к оценке мысленных процессов и пониманию намерений партнеров (theory of mind);
- к «социальному манипулированию» и «обману»³⁴.

Нетрудно заметить, что эти способности можно разделить на две группы. Первая включает набор признаков, развитие которых у антропоидов количественно превосходит развитие таковых у низших приматов. Вторая содержит набор способностей в принципе недоступных последним.

Здесь возникает вопрос: если высшие обезьяны настолько интеллектуальны, то почему ранние гоминиды – хабилисы и их ближайшие родственники по эволюционному кусту, которые, согласно прогрессивистской логике должны стоять выше их, так долго топтались на месте. Например, более миллиона лет, т.е. на протяжении всей олдувайской эпохи, не смогли освоить когнитивную технологию копирования образца? Тут, конечно, можно сказать, что у них не было дрессировщика. Но когда артефакты уже появились, кто мешал ускоренному освоению когнитивных алгоритмов, образов действий на основе довербальных понятий, обобщений, символизаций и прочих мыслительных техник, которыми, оказывается, обладали уже высшие приматы? Ведь те же этологические наблюдения показывают, что даже макаки быстро подхватывают случайно изобретенные полезные инновации, вроде отмыwania плодов от песка в воде и т.п., делая их достоянием всей «гибко мыслящей» часто популяции.

А вот у предков человека явно «что-то не заладилось». Сплошная линия поступательного прогрессивного развития здесь явно не прочерчивается, и,

---

³⁴ Зорина З.А. Эволюция разумного поведения: от элементарного мышления животных к абстрактному мышлению человека // Этология человека и смежные дисциплины. Современные методы исследований. Под ред. М.Л. Бутовской. М.: Ин-т этнологии и антропологии, 2004. С. 175-189.

стало быть, концепция эволюционной болезни получает дополнительное обоснование. Да, нарастающие способности к оптимизации когнитивных операций, продуктивной комбинаторике элементов, снятию и трансляции опыта посредством довербальных понятий и символизации, как проявление универсальных тенденций ГЭВ дошли в рамках эко-видового кода антропоидов до своего предельного развития. И когда давление ГЭВ на границы эко-видовой конфигурации достигло критической силы, произошёл вертикальный эволюционный скачок, разрушивший эти границы ещё до того, как когнитивные способности гоминид обеспечили их эффективными адаптивными программами. Оттого и когнитивность гоминид, вырвавшихся, в конце концов, на стезю культурного развития, не является прямым продолжением когнитивности высших приматов, и прямой перенос на них представлений о прагматике, мыслительных и поведенческих моделях, полученных в результате искусственного провоцирования квазичеловеческого поведения у высших обезьян, если и допустимо, то в весьма ограниченных пределах.

Таким образом, помимо согласованности с идеей двунаправленности эволюции, концепция эволюционной болезни позволяет избавиться от одной закоренелой иллюзии. Даже признавая, что эволюция движется от кризиса к кризису (Н. Моисеев), обычно полагают как само собой разумеющееся, что каждая последующая форма начинает своё прогрессивное развитие с отметки, достигнутой предшественниками, а всякого рода отклонения от прямой преемственности низводятся до частных оговорок и поправок на «нелинейность» и многовариантность развития. Однако в ситуации вертикальных переходов нарушение прямой преемственности по показателям, традиционно относимым к критериям прогресса, становится не частным случаем, а правилом. Примеры такого рода нарушений нередко обнаруживаются в исследованиях современных первобытных народов. Так, согласно исследованиям Питера Гордона (Columbia University), взрослые члены амазонского племени Пираха, по своим способностям осмыслять действия с числами «уступают

аналогичным способностям американских и европейских младенцев или даже некоторых «интеллектуальных» животных (крыс, голубей и обезьян)³⁵.

Крушение символично-семиотических теорий учит тому, что между человеком и животным бессмысленно искать грани или границы, ибо их нет, а есть сложно организованные, внутренне напряжённые и динамичные зоны перехода. В этих зонах поэтапно происходит трансформация исходной биосистемы. Благодаря структурной перекомпоновке её элементов, изменения доминативно-периферийных отношений и некоторых других процессов, исподволь формирующаяся *антисистема внеприродных программ и способов существования*, эксплицируясь, «выламывается» за пределы природного универсума. Поэтому совершенно бессмысленно, в духе плоского формально-логического монизма, искать некий один (или, по крайней мере, главный) фактор, которого *там* (в природе) ещё нет, а *здесь* (в человеческом мире) уже есть. Ведь растянутость процесса антропогенеза на миллионы лет сама по себе указывает на бесплодность поисков чётких границ и на необходимость разработки специальной методологии исследования сферы перехода. То, что в животном мире проявлялось ситуационно и периферийно, стало в процессе антропогенеза приобретать генерализующие, а затем и системообразующие черты. А условием этого и одновременно движущим толчком была разбалансировка биологических программ, произошедшая в силу комплекса макро- и микроэволюционных факторов. Эволюционные ответы на сбои и трансформации всякий раз закреплялись морфологически и очерчивали границы промежуточной межсистемной устойчивости в рамках того или иного вида гоминид. При этом корректировки экосреды, придавая эволюционному процессу нелинейный характер, не нарушали его общей направленности.

Представляется, что ключевым для описания сопряжённости природного и надприродного, является

---

³⁵ См. Tribe without names for numbers cannot count.
<http://www.nature.com/news/2004/040816/full/news040816-10.html>.

исследование обстоятельств разрыва преемственности линии горизонтального эволюционирования, ломки системных границ и трансформации биопрограмм. В силу этих факторов уже давно выработанные, но периферийные для животной психики свойства и возможности стали работать по-другому: в иных режимах и другом качестве, что и привело, в конечном счёте, к рождению культуры. Можно сказать, что динамика восходящих и нисходящих тенденций, определяющих диалектику антропогенетического процесса, связана с двумя направлениями: с одной стороны, с линией «отпадения» от природы со всеми сопутствующими травматическими последствиями и, с другой – с «настройкой» трансформирующихся программ на принципиально иной (культурный) лад, которая играет роль противоядия против этой травматичности. Разнообразные компенсаторные действия от ритмических авторегуляций (раскачивание) до игр, ритуалов и манипулятивной активности – присущи уже приматам. Но у них масштаб проблемы существенно иной, далеко не такой драматичный, как у предков человека.

Надстраивание условно-рефлекторных режимов поведения над генетически наследуемыми инстинктами у наших далёких предков³⁶ явилось одновременно и тем критическим уровнем усложнения поведенческой системы, предопределившим её трансформацию, и предпосылкой, обуславливающей саму возможность такой трансформации. Ибо усложнение условно-рефлекторного поведения – это недвусмысленный шаг в сторону высвобождения психической жизни от власти инстинкта и, по сути, пролог «выпадения». А вектор движения был направлен на достижение *надситуативной психической активности* – более высокой ступени автономности, обеспечивающей в перспективе максимальную эмансипацию культурного

---

³⁶ Объяснения этому находят в недостаточности наследственных реакций для осуществления основных жизненных программ, что проявляется в раннем онтогенезе. *Гросс К.* Душевная жизнь ребёнка. Киев. 1916. С. 71-72. Эта объяснение, впрочем, весьма поверхностно и само порождает множество вопросов.

сознания от природы с последующим её замыканием на себя. Но уже и самые ранние проявления надситуативной психической активности указывают на разрыв с императивностью природных программ, с их инстинктивными и рефлекторными регуляциями, на выход в качественно иное состояние. Все ранее приобретённые психические возможности здесь трансформируются и «конвертируются» в иную модальность. (См. гл. 1 о нарастании субъектности как проявлении ГЭВ).

1.2. Эмиграция из природы

Какими же конкретными факторами опосредовалась вертикальная ориентация ГЭВ? Это прежде всего *бипедализм* (прямохождение): *неотенический комплекс* и сопряжённый с ним *синдром родовой травмы*; *опережающий рост мозга, протекающий в режиме нарастающей церебральной асимметрии*; *гиперсексуальность* и *выпадение из популяционных волн*, с чем непосредственно связано ускользание человека из-под действия естественного отбора и занятие им позиции поверх всех трофических ниш в природе. Другие факторы: формирование кисти руки, голосового аппарата и пр., при всей их важности, носят всё-таки подчинённый характер. А отмеченный Н.П. Дубининым³⁷ переход генетической программы от закрытого к открытому типу, предполагающему интенсивное постнатальное развитие нервных процессов в ориентировочно-приспособительной активности – не самостоятельно возникающее явление и не следствие прямого воздействия внешней среды, как это нередко представляется, а следствие всей совокупности вышеперечисленных факторов.

---

³⁷ Дубинин Н.П. Современная генетика поведения в поисках теоретических основ / Н.П. Дубинин, А.З. Кукаркин // Психол. журнал . – 1986. Т. 7. № 6. Указанный фактор не подлежит простому выведению из адапциогенеза хотя бы в силу его уникальности, не говоря уже о последствиях психического развития, никоим образом не укладывающихся в стратегию приспособления к среде.

Рассмотрим основные факторы подробнее. Но сначала следует отметить: хотя между факторами отпадения и прослеживается вполне определённая причинно-следственная связь, характер этой связи скорее напоминает не последовательность самостоятельных звеньев каузальных зависимостей, а эффект домино. Прогрессия нарастающих трансформаций запускается из некоей условной «точки невозврата», когда однажды нарушенный стереотип горизонтальных эволюционных реакций оказался изменён, и каждый новый шаг к «исправлению» ситуации лишь усугубляет положение. Т. е. ключевые факторы антропогенеза предстают разнесёнными во времени аспектами **одного макрособытия – разворачивания системной конфигурации более сложного эволюционного порядка.**

До недавнего времени было принято считать, что эволюционные пути предков современного человека и предков нынешних шимпанзе окончательно разошлись ок. 6 млн. лет назад, в эпоху глобального похолодания, наступившего 7-8 млн. лет назад и длившегося несколько миллионов лет. Но, после открытия прямоходящих *Ardipithecus ramidus* (4,4 млн. лет назад) и его предка *Ardipithecus kadabba* (5,8 млн. лет назад) дату этого разветвления уверенно отодвинули на 7 млн. лет назад. Если, отвлекаясь от концепции вертикального прорыва, придерживаться убеждения, что антропогенез всё же не был случайным явлением, а обладал некой направленностью, (хотя бы и с не прояснённой до конца телеологией) и потому имел, отношение ко всей биосистеме (что убедительно обосновывают коэволюционисты), а не к какой-то одной из её подсистем, то обращает на себя внимание факт резкого сокращения в эту эпоху числа видов человекообразных приматов. Не кроется ли за этим, казалось бы, тривиальным эволюционным эпизодом проявление упомянутого закона иерархических компенсаций Седова – Эшби (см. гл. 1), согласно которому разнообразие на высшем уровне эволюционной иерархии компенсируется снижением разнообразия на низшем?

Отправным эколого-климатическим обстоятельством, открывшим возможность вертикального межсистемного перехода, стала своеобразная климатическая мельница плейстоценовой ледниковой эпохи, когда в ходе циклических возвращений сухих ледниковых периодов происходило то резкое расширение, то сокращение площадей африканских травяных саванн. Ритмы климатических периодов уплотнились, переведя динамику и, соответственно, само содержание эволюционных процессов на этой территории в принципиально иную плоскость. Показательно, что начало межсистемного перехода инициируется именно изменениями в регулирующих ритмах – самом глубинном в то же время самом абстрактном уровне эволюционного процесса.

В результате ускоренного чередования климатических периодов весь фаунистический комплекс оказался в чрезвычайно сложной ситуации. Обычный «горизонтальный» ответ на вызов сложившихся условий был неадекватен: видообразование, формирование органов и физиологических режимов, ориентированных на адаптацию к среде, не может осуществляться по принципу «туда – и обратно». Вектор горизонтального эволюционирования здесь заходит в тупик, ибо остаётся лишь два выхода: вымирание или миграция. Но гоминиды явили совершенно неординарный и не укладывающийся в логику горизонтального эволюционирования ответ – **снижение мутабельности и замедление эволюционных реакций**. Здесь просматривается начало того поворота, который привел, в конечном счёте, к отказу от стратегии приспособления к среде в пользу стратегии приспособления среды к себе. Совершенно очевидно, что только существа с минимальной морфофизиологической и психической специализацией были способны на такой эволюционный кульбит. Так аутсайдеры горизонтальной эволюции начали своё восхождение к новой конфигурации, которое совершалось, однако, в форме тяжелейшей «эволюционной болезни».

Наиболее ранним физическим признаком перехода явился **бипедализм**³⁸. Впрочем, само по себе прямохождение, какими бы причинами оно ни объяснялось: от необходимости приспособления к жизни в травяных саваннах и средства против перегрева головы до необходимости высвобождения передних конечностей для орудийной деятельности (?!)³⁹, – это, в любом случае, лишь «ни к чему не обязывающее» начало. (Типологическим аналогом здесь, несомненно, выступают двуногие динозавры мезозоя, «благополучно» зашедшие в эволюционный тупик). Однако какие бы из адаптационных мотивов бипедализма ни оказались наиболее близкими к истине, важно другое: тенденция к прямохождению и «мотивы этого важнейшего акта в эволюции предков человека более сложны и лежат вне сферы прямого приспособления к условиям среды»⁴⁰. Весьма

---

³⁸ Наиболее ранними на сегодняшний день свидетельствами бипедализма являются фрагменты скелетов *Australopithecus anamensis*, найденные в 1995 г. в северной Кении и датированные 4 млн. лет назад. Более ранние находки, в том числе и упомянутый *Sahelanthropus tchadensis* остаются спорными.

³⁹ Здесь модернизаторские фантазии трудовой теории доходят до комического абсурда. Выходит, что идея трудовой деятельности априорно присутствовала уже у ранних гоминид, и им оставалось лишь составить «прогрессивный план» развития по развитию своей физиологии в соответствии с задачами предстоящей трудовой деятельности на несколько миллионов лет вперед. Ведь между переходом к бипедализму и изготовлением первых артефактов прошло не менее 7 млн. лет. Здесь, впрочем, возникает повод лишний раз напомнить, что только про горизонтальную эволюцию можно сказать, что она работает как «слепой конструктор» и ничего не делает в расчёте на потом, т.е. любой новый признак усваивается отбором лишь в том случае, если он обеспечивает виду конкретные преимущества в борьбе за существование здесь и сейчас. А автоморфизмы в русле эволюции вертикальной подчиняются уже совершенно другим законам.

⁴⁰ Дубинин Н.П. Биологическое и социальное в человеке / Н.П. Дубинин // Биологическое и социальное в развитии человека. – М., 1977, Вишняцкий Л.Б. История одной случайности ил происхождение человека. Фрязино 2005. С. 114-120.

примечательное суждение! Действительно, ни биоэнергетическая, ни терморегуляционная, ни какие-либо иные гипотезы⁴¹ не могут убедительно объяснить тот факт, что переход к прямохождению не давал никаких очевидных адаптационных преимуществ, а попытки эти преимущества обнаружить, приводит к явным натяжкам.

Так, упомянутый выше прямоходящий ардипитек, отнявший у австралопитеков право называться «пионерами антропогенеза», опроверг распространённую натяжку о том, что прямохождение было вызвано приспособлением к жизни в условиях травянистых саванн: он жил в лесу.

Скорее уж наоборот, прямохождение не повышало а с очевидностью снижало адаптивные возможности. Так, М.И. Урынсон писал об австралопитеках: «С чисто биологической точки зрения выпрямленная походка пир отсутствию специализированных естественных органов защиты и нападения... в условиях открытых пространств, населённых многочисленными видами хищных животных, создавала для этих приматов невероятные трудности в борьбе за существование, ставя их на грань катастрофы».

Стало быть, уже на этом этапе можно говорить о первых, ещё слабо выраженных вертикальных устремлениях ГЭВ, «перпендикулярных» горизонтальной адаптационистской эволюционной стратегии. И всё-таки магистральное направление вертикального прорыва обозначилось с достаточной ясностью: бипедализм стал дополнительным стимулом для дальнейшего развития мозга, как генеральной тенденции морфофизиологической эволюции⁴².

Ещё В.И. Вернадский, опираясь на принцип Д. Дана, указывал на то, что, начиная с кембрия, эволюционный процесс идёт в направлении цефализации – прогрессивного развития центральной нервной системы и головного мозга.

---

⁴¹ О завиральной «акватической» гипотезе не буду даже упоминать.

⁴² Харитонов В.М., Лекции по антропогенезу и археологии палеолита. М., 1987; Хрисанфова Е.Н. Древнейшие этапы гоминизации // Антропология. М ВИНТИ, 1987. Т 2. С. 5-92.

В этом смысле, магистрально движение ГЭВ через взрывное развитие мозга у гоминид, было вполне очевидным образом predetermined. Хотя predeterminedность, не была, разумеется, фатальной: без определённого сочетания факторов эта тенденция не привела бы к системному скачку.

Итак, окончательное выделение линии гоминид произошло не позднее 5 млн. лет назад. Об этом свидетельствуют открытия *Sahelanthropus tchadensis*, («сахелантроп чадский» 7-6 млн. лет назад), которого ряд специалистов считает первым прямоходящим гоминидом, *Orrorin tugenensis* (ок. 6,2 млн. лет назад)⁴³ и примечательных во многих отношениях ардипитеков, показывающие, что те виды австралопитеков, которые до недавнего времени считались древнейшими предками человека, отнюдь не исчерпывают собой всего разнообразия ранних гоминид. Не исключено, что именно этот, самый ранний период становления *Homo* окажется наиболее богат видовыми вариациями путей «выхода» из драматического эволюционного тупика. Учитывая, что с экосистемной точки зрения антропогенез можно рассматривать в контексте общего направления эволюции разных групп млекопитающих, начавших в миоцене осваивать открытые пространства,⁴⁴ явление это вполне укладывается в инерционное доразвитие их затухающей горизонтальной эволюции. Вернее, борьба вертикальных и горизонтальных устремлений ГЭВ неизменно завершалась победой последних, тогда как первые приводили лишь к локальным спорадическим прорывам. Но слабое звено в биосистеме уже было найдено, и в конце концов, положение стало меняться.

Бипедализм – первый шаг в сторону от «отрицательной универсальности»⁴⁵, и стал, вероятно,

---

⁴³ Эти виды были вытеснены *Kenyanthropus platyops* (3,5-3,2 млн. лет назад).

⁴⁴ Воронцов Н.Н. Развитие эволюционных идей в биологии. М.: Изд. отд. УНЦ ДО МГУ: Прогресс-Традиция: АБФ, 1999.

⁴⁵ Об отсутствии у предков гоминид специализации в типе локомоции см.: Юровская В.З. О предпосылках возникновения

фактором, запустившим эффект домино. Выпрямление позвоночника и связанные с этим физиологические изменения не только сами по себе вызвали болезненные последствия⁴⁶, но и послужили фактором усиления *неотенического комплекса*, вызванного прежде всего замедлением эволюционных реакций. Выявить какой-то один главный фактор развития этого комплекса, по-видимому, невозможно: вероятнее всего, такового просто не существует. Но «запускающей» причиной вполне могло стать резкое (примерно в 3,8) увеличение удельного метаболизма, т. е. количества пищевой энергии, потребляемой особью в течение жизни на единицу веса⁴⁷. (Значение этого фактора – так называемой постоянной Рубнера⁴⁸ – справедливо подчёркивается в работах Н.В. Клягина)⁴⁹. Повышение уровня прижизненного обмена веществ замедляет онтогенез, филогенез и темпы эволюционирования. Точно датировать время этих изменений сложно, но, по мнению ряда специалистов, они

двуногости // Материалы японо-сов. симпоз. «Проблемы современной антропологии». Токио: Нац. музей науки. 1982. С. 27-41.

⁴⁶ Речь идёт о таких анатомических и физиологических дефектах как трудности при вынашивании плода и при родах, дисфункции гемодинамики, пищеварения, кровообращения, сердечно сосудистой системы, боли в спине, варикозные расширения вен нижних конечностей и нек. др. Причём, у ранних предков человека все эти дисфункции проявлялись даже сильнее, чем у современного человека, ибо преимущества прямохождения у них были выражены куда более слабо.

⁴⁷ См. *Аршавский И.А.* К проблеме продолжительности жизни человека в свете данных сравнительного онтогенеза // *Вопр. антропологии*, 1962. Вып. 12. С. 73; *Клягин Н.В.* Происхождение цивилизации. М., 1996, С. 12-23.

⁴⁸ См. *Аршавский И.А.* К проблеме продолжительности жизни человека в свете данных сравнительного онтогенеза// *Вопр. Антропологии*. 1962. Вып. 12. С. 73; *Шмидт-Нильсен К.* Размеры животных: почему они так важны? М., 1987. С. 159-163.

⁴⁹ См. *Клягин Н.В.* От доистории к истории. М., 1992; *Происхождение цивилизации*. М., 1996.

происходили уже эпоху австралопитеков⁵⁰, древнейшие останки которых относятся к 4,2-3,9 млн. лет. «В эволюционном отношении современный человек представляется результатом неотении, т.е. такой формы эволюции, когда инфантильные или даже эмбриональные черты ребёнка сохраняются до взрослого состояния. У человека это – обезволенность тела, округлая форма черепа, маленькие челюсти, что в совокупности обуславливает непропорциональное развитие мозгового скелета по сравнению с лицевым. Неотения же, (замедленность онтогенеза), несомненно, является следствием высокого уровня удельного метаболизма, тормозящего онтогенез»⁵¹. Из того акта, что предки человека были способны потреблять в течение жизни примерно в 3,8 раза больше пищи, чем равновеликие млекопитающие, следует, что для сохранения экологического равновесия со средой им необходимо было соответствующим образом растянуть процесс жизнедеятельности. «В результате в каждый конкретный момент времени они потребляли столько же пищи, сколько и равновеликие им млекопитающие, но при этом жили примерно в 3,8 раза дольше, что и вызвало торможение всего их жизненного цикла, т.е. онтогенеза»⁵². Здесь мы со всей отчётливостью наблюдаем очередное и уже никак не сводимое к случайным флуктуациям действие силы, выталкивающей предков человека из природного царства. Фактор неотении, т.е. в известном смысле «преждевременность» рождения в сочетании с отсутствием внутриутробной конкуренции (формулировка Н.В. Клягина, на мой взгляд несколько экстравагантная), существенным образом усиливает эффект **родовой травмы**, обостряя шок экзистенциального отчуждения при выходе из утробы. Разрыв психофизиологических режимов между «там» и

---

⁵⁰ Клягин Н.В. Происхождение цивилизации. М., 1996. С. 14.

⁵¹ Клягин Н.В. Указ. С. 15. Со ссылкой на «Биология человека» /Харрисон Дж., Уайнер Дж., Тэннер Дж., Барникот Н., Рейнолдс В. М., 1979. С. 18-19.

⁵² Клягин Н.В. Указ. С. 15.

«здесь», неуклонно нарастающий от ранних гоминид к сапиенсам, преодолел у последних критический рубеж, по достижению которого можно говорить о выходе в принципиально иное эволюционное качество.

Австралопитеки с их вполне по-обезьяному узким тазом, рожали детенышей с маленькой головой. Но уже у хабилисов опережающий рост мозга был несомненно сопряжён с началом развития эффекта родовой травмы. При этом, и расширение таза, и сокращение внутриутробного периода, не говоря уже о сочетании этих двух способах решения проблемы не оставляли никаких шансов на «нормальный» горизонтальный путь эволюционирования. Первый вёл к совершенно нетипичному для животных половому диморфизму со всеми вытекающими из этого последствиями. Второй – к опять же беспрецедентному в животном мире уходу, обучению и заботе о «недоношенных» детёнышах. Для архантропов, по-видимому, превалировал именно этот второй путь; у эректусов существенного расширения таза не происходит. Но нарастающее ускорение вертикальных эволюционных трансформаций, всё более рассогласованных с «нормальной» для биосистемы скоростью горизонтального адаптационизма, вызвало необходимость быстрой и решительной эволюционной реконструкции женского таза. Диспропорциональное, с «животной точки зрения» увеличение черепной коробки плода у палеоантропов поставило эту задачу со всей остротой. Но последний и притом существеннейший рывок в сторону усиления синдрома родовой травмы и всего неотенического комплекса был сделан неантропами. (Так, антропологи установили, что у неандертальцев подросткового возраста почти не существовало). При этом примерно равновесное (компромиссное) сочетание обоих вышеозначенных путей решения изначальной проблемы, способствовало выталкиванию сапиенсов из биосистемы с удвоенной силой.

Здесь, кстати, мы сталкиваемся с проявлением чрезвычайно важной закономерности: болезненность, патологичность новых форм, рождаемых вертикальной эволюцией по отношению к материнской системы вызвана

рассогласованием темпов горизонтального и вертикального эволюционирования. Темпы эволюционирования переходных форм существенно выше, чем в материнской системе, но ниже, чем в ещё не сформировавшейся новой системе. При этом эволюционные трансформации физического материала материнской системы в ускоренном режиме перенаправляются в неорганичное, несвойственное этому материалу русло. В результате, процесс эволюционирования «комкается», и в фундаменте новой системы оказываются недостаточно подогнанные друг к другу элементы, структуры и программы, управляющие их существованием и воспроизводством. В этом – одна из причин «вечной неудовлетворённости» ГЭВ и бесконечности эволюции. И по этой же причине, культура никогда окончательно не решает созданные природой проблемы, а человек оказывается вечно незавершённым существом.

В паллиативности переходных периодов, частным случаем которых выступает антропогенез, оппозиция *норма – патология* вообще перестаёт работать: патология укореняется в виде «неправильной нормы» нормы, а нормативность оказывается построенной на глубоко патологических основаниях. Притом и оба понятия в таком контексте надо брать в кавычки. Так, то, что у человека плод, проходя через родовой канал, делает три поворота для наскоро сформированной в «эволюционной горячке» физиологии человека – норма, но с точки зрения общего случая горизонтальной эволюции млекопитающих – тяжёлая патология, повлекшая за собой широкий набор последствий.

Итак, возможно, именно родовая травма и связанный с ней отрыв от нормальных по биологическим нормам режимов протекания импринтинга и стал тем вызовом, ответом на который стало бурное развитие когнитивных способностей, как формы вне-наследственной передачи опыта. Т. е. мышление развивалось, опять-таки как «протез» – вынужденная замена нарушенным инстинктам. Впрочем, значение родовой травмы к этому не сводится, и мы вернёмся к этому вопросу в гл. 4, где родовая травма будет

рассмотрена уже не как фактор антропогенеза, а как одна из главных предпосылок смыслообразования.

Если, поддаваясь инерции монистической методологии, всё же пытаться искать единую или, по крайней мере, главную причину превращения психофизиологической аномалии в норму, то она, по-видимому, коренится именно в экзистенциальном разрыве, вызванным «преждевременностью» рождения⁵³. А сам феномен родовой травмы, связывая психофизиологическое с психическим и ментальным, выступает важнейшим фактором межсистемного перехода от животного психизма к смыслообразовательной деятельности человека. (Одно из определений культуры гласит, что последняя есть не что иное как внегенетический способ передачи информации). На увеличение разрыва, толкающего человеческую психику (превращающуюся в ходе этого процесса в сознание) на создание надприродных (смысловых) форм кодирования и передачи опыта работает также и то, что родившемуся «раньше времени» человеческому существу приходится гораздо дольше «доучиваться», т. е. с помощью надприродных средств осваивать программы, которые животные (в частности, приматы) получают в виде «уже готовых» инстинктов, а краткий период обучения, «запуская» эти программы, лишь незначительно их «корректирует»⁵⁴. (Показательно, что эта закономерность

---

⁵³ Многие авторы, рассуждая о врождённых автоматизмах новорожденного, отмечают их весьма скудный набор и говорят о «физиологической недоошенности» человеческого ребёнка. Так, например, Пэйпер отводит ему промежуточное место между птенцовыми и выводковыми млекопитающими.

⁵⁴ Показательно, что некоторые авторы связывают развитие неотенического комплекса, (в частности, замедление онтогенеза вследствие растянутости детства) социальными факторами уже в раннем антропогенезе. См. *Зубов А.А., Халдеева Н.И.* Одонтология в современной антропологии. М.: Наука. 1989. Думается, однако, что в раннем антропогенезе социальные факторы не могли значительно влиять на характер и динамику морфофизиологической эволюции, хотя в тенденции их обратное корректирующее влияние на последнюю неуклонно возрастало.

проявляется и в истории: чем примитивнее общество, тем в более раннем возрасте происходит социализация. И, напротив, в более развитых обществах срок периода обучения всё более растягивается).

Таким образом, действие ГЭВ в антропогенезе проявилось и в том, что реакцией на эволюционную болезнь стало надстраивание над первыми ступенями импринтинга, связанными с доминированием биопрограмм, вертикально ориентированного звена – импринтов символических – обеспечивающего запуск программ культурных. Так наряду с *оральным, территориально-эмоциональным* и *социополовым* импринтами, возникает дополнительный импринт – вербально-семантический, центры которого локализованы в левом полушарии и связаны с мышцами гортани и правой (у правой) руки. Блокировка его закрывает ребёнку путь к очеловечиванию.

Вертикальное давление ГЭВ, следовательно, опосредуется вполне конкретными биоэволюционными факторами, и вызовами экосреды, однако необходимость решать «неправильные» с природной точки зрения задачи, выходя постепенно из матрицы их чисто биологического решения, не имеет ничего общего с «нормальной» и «правильной» горизонтальной эволюцией, решающей исключительно задачи адаптации, специализации и подстраивания под эту самую среду.

Очевидно, что инфантилизация формы черепа вследствие неотении выступает морфологическим условием развития мозга и, соответственно, сапиентизации. При этом замедление роста объёма мозга (после его бурного пропорционального увеличения в период от 2 до 1 млн. лет назад), которое произошло одновременно с появлением человека современного типа, и сопутствующее этому замедлению взрывного роста поведенческих навыков вполне укладывается в логику межсистемной стыковки биологического (психофизиологического) и протокультурного (ментального) этапов эволюции. И здесь совершенно необязательны какие-либо дополнительные объяснения, вроде «генетического сбоя», произошедшего около 100 тыс. лет назад и якобы приведшего к

формированию нового типа человеческого мозга с его современными возможностями. Хотя сам факт такого сбоя вполне мог иметь место и стать одним из проявлений вышеозначенной состыковки. Однако же направленность вертикальных эволюционных изменений не может быть сведена к случайным мутациям: если мутации обнаруживают направленный характер, то их надо как-то по-другому называть и объяснять.

Значение морфофизиологических особенностей, связанных с повышенным удельным метаболизмом и неотенией, особенно наглядно в сравнении с анатомией шимпанзе, с которой у человека генетический код совпадает на 98,4 %. Замедление развития даёт чрезвычайно важные результаты уже на эмбриональной стадии⁵⁵. У шимпанзе она длится две недели, у человека – восемь. Поэтому нейроны человека в 2-3 раза многочисленнее и достигают в объёме от 900 см³ до 2000 см³ к взрослому состоянию. (У шимпанзе от 320 см³ до 480 см³). Неотеническое замедление развития имеет отношение и к развитию бипедализма у человека и его предков, начиная, по крайней мере, с австралопитеков, а, скорее всего, и более ранних видов. Искать ответ на вопрос, что является причиной чего: бипедализм неотении или наоборот, по-видимому, бессмысленно. Речь может идти лишь о взаимосвязанном комплексе, где даже разнесённость во времени не верифицирует прямой каузальной зависимости.

Период выкармливания у человека по сравнению с шимпанзе значительно удлинен и достигает 6 лет (у шимпанзе 3 года). При этом в течение периода выкармливания детёныш шимпанзе ходит на двух ногах, но к концу периода теряет эту способность, тогда как дети её сохраняют. Это обусловлено расположением затылочного отверстия, через которое головной мозг продолжается в спинной. У детёнышей шимпанзе оно соединяется с вершиной позвоночного столба, а у взрослых особей –

---

⁵⁵ Примечательно, что И.И. Мечников связывал происхождение человека с остановкой зародышевого развития у человекообразной обезьяны третичной эпохи.

смещено назад. У человека же во взрослом состоянии оно остаётся в том же самом месте, что и у детей – вертикально по отношению к центру тяжести черепа.

Если пионерами неотенических изменений были, по всей видимости, австралопитеки, то следующие шаги были последовательно сделаны кениантропами. *Kenyanthropus rudolfensis* совершил и первую технологическую⁵⁶ революцию – олдувайскую. Впрочем, «автор» древнейших орудий (2,63-2,58 млн. лет назад)⁵⁷ точно неизвестен, Затем – *Homo habilis* и *Homo erectus*. Замедление развития продолжалось: половая зрелость наступала ещё позже, сдвиг затылочного отверстия усилился, что привело к ещё большему выпрямлению осанки. Встраивается в этот ряд и «гейдельбергский человек» (*Homo heidelbergensis*), и наследующие ему неандертальцы. И, наконец, у *Homo sapiens* расширяется черепно-лицевая перетяжка⁵⁸, окончательно исчезают подглазничные валики и вытянутая морда (не в обиду будет сказано). Достижение половой зрелости ещё больше сдвинулось и установилось где-то между шимпанзе и человеком – от 7 до 14 лет.

Ещё одним следствием высокого удельного метаболизма, также работающим на «выталкивание» из природных ниш, является возникающая в связи с ним необходимость в прогрессирующем **демографическом росте** – исходном условии будущей горизонтальной эволюционной экспансии. Вследствие заторможенности эволюционно-экологических реакций на перемены в среде, гоминиды выпали из популяционных волн⁵⁹, через которые

---

⁵⁶ В каком смысле эту революцию можно называть собственно технологической, будет сказано позднее.

⁵⁷ В последние годы множатся работы, в которых древность первых артефактов доводится до 3 млн. лет назад.

⁵⁸ Этот фактор, способствующий формированию складок на крыше дыхательного отдела, заставляет опускаться гортань, что даёт возможность ребёнку по достижении двухлетнего возраста начать говорить.

⁵⁹ Закон популяционных волн, открытый русским учёным С.С.Четвериковым (1880-1959) в работе «Волны жизни» (1905 г.),

осуществляется действие естественного отбора⁶⁰, что, в свою очередь, вызвало тенденцию к медленному, но стабильному демографическому росту. А *Homo habilis* уже столкнулся с настоящим демографическим взрывом. Одним из важнейших последствий которого – была миграция ок. 1,9-1,8 млн. лет назад из Восточной Африки в Евразию и ашельская технологическая революция (1,6-1,5 млн. лет назад), возможно, связанная, наряду с прочими факторами, с исчерпанием миграционной стратегии. (Хотя эта причина была, всё же, не главной: движущей силой здесь выступала динамика вертикального эволюционного прорыва).

Было ещё одно обстоятельство, ведущее к необходимости искусственного регулирования численности популяции: наличие внутри популяций (прото-общин) представителей разных поколений. (У животных это выражено в значительно меньшей степени). Впервые с этим столкнулись, вероятно, ещё кениантропы (3-2,6 млн. лет назад. Значение этого фактора в «истории болезни» пока недооценено.

С неотеническими изменениями физиологии несомненно связана и **гиперсексуальность** человека и его ближайших эволюционных предков, в достаточной степени развившаяся по-видимому, к мустьерской эпохе. Однако «разгон» был взят издалека. Особую роль в эволюции приматов сыграла полицикличность, т. е. наступление овуляции и эструса у самок независимо от сезона. Освободив приматов от половой доминанты, полицикличность обеспечила им большие адаптационные возможности за счёт развития новых форм поведения: ориентировочно-исследовательской и предметно-манипулятивной. При таком типе размножения

не связан непосредственно с классическим дарвинизмом, соответственно, критика в адрес последнего на него не распространяется.

⁶⁰ Ещё в начале прошлого века высказывалась мысль о том, что естественный отбор прекратил своё действие уже на ранних этапах становления человека. См.: Мензбир М. Естественный и искусственный отбор по отношению к человеку // Памяти Дарвина. М., 1910. С. 159-208.

естественным образом возникает потребность для самок и самцов держаться вместе (что, впрочем, вкупе с ослабленным популяционноцентрическим инстинктом, создаёт мало типичный для природы контрапункт поведенческих моделей), а постоянная потенция самцов обеспечивала возможность перманентных половых контактов с самками в эструсе⁶¹. Но этот ещё ни к чему не обязывающий пролог был в антропогенезе усилен совершенно особенными, «патологическими» с точки зрения прежнего хода эволюции, обстоятельствами.

О психофизиологических признаках человеческой гиперсексуальности антропологи обычно говорят как-то вскользь и, видимо, не столько из атавистического пуританского ханжества, сколько из нежелания оказаться на методологическом поле фрейдизма, с некоторых пор вызывающего у многих авторов приступы высокомерной брезгливости. Однако то, например, обстоятельство, что женская особь человека, в отличие от животных, всегда готова к спариванию, хотя благоприятный для зачатия период длится у неё всего несколько дней каждый месяц, очень многое объясняет в том, какие надприродные возможности получил человек перед лицом внутрипопуляционных и демографических проблем. Становится очевидно, как природная потребность, не исчезая и даже не ослабляя своего давления, трансформируется, меняя диспозиции поведенческих программ. Здесь просматривается диалектика симметрично-асимметричных отношений. Человек – единственное существо, у которого режимы сексуальной стимуляции и оргазма имеют выраженную межполовую асимметрию: если у мужской особи, как и у высших обезьян, для достижения эякуляции достаточно (в общем случае) серии из 10-14 коитальных фрикций⁶², то для женской особи требуется намного большее их количество и необходимые для

---

⁶¹ *Алексеева В.Л.* Полицикличность размножения у приматов и антропогенез. М.: Наука. 1977.

⁶² См. *Дерягина М. Бутовская М.Л.* Этология приматов. М., 1992. С 138-139.

достижения оргазма режимы стимулирования более разнообразны. Здесь мы видим, как фактор асимметрии, перебрасывая мост между физиологией и культурой, генерирует одно из фундаментальнейших и принципиально не снимаемых противоречий человеческого бытия – проблему гармонизации гендерных отношений. Развившись на физиологическом уровне как проявление вышеозначенной болезненной аритмии – рассогласованности с природными ритмико-физиологическими регулятивами⁶³ – межполовая асимметрия коитальных режимов стала частным случаем того класса ситуаций, когда некое противоречие, снимаясь посредством культурно-смысловых практик на ситуативном (локальном) уровне, никогда не снимается на уровне глобальном, ибо имеет докультурные, физиологические истоки.

Фундаментальная неразрешимость проблемы полов не только придала особый оттенок весь культуругенез, выведя сексуальный аспект (уже вне прямой связи с программой продолжения рода) на передний край мотивационных устремлений, но и дала толчок к развитию собственно сексуальной культуры, в которой были реализованы, а затем осознаны генерализующие направления удаления человека от природной запрограммированности. Зачатки того, что у человека стало пониматься как сексуальная культура, наблюдаются и у высших приматов. Но выраженность этих зачатков у них лишь смутным первичным пробуждением тех проблем, которые во всём их драматизме поставила перед гоминидами эволюционная болезнь: тот тяжкий крест,

---

⁶³ Атавизмы» животной согласованности физиологии и инстинкта в программе сексуального поведения представлены у человека достаточно широко. Например, при сильнейшем ослаблении значения обоняния в сексуальных контактах, возбуждающее действие выделений женских потовых желёз не просто сохраняется, но и носит строго циклический характер, действуя «по природному» исключительно в периоды, наиболее благоприятные для зачатия.

который выпало нести пионерам вертикального межсистемного перехода.

Здесь уместно заметить, что проблема отпадения от синкретического единства материнской системы впервые проявляется отнюдь не в антропогенезе. Дифференцирующее давление ГЭВ всякий раз воспроизводит отпадение на новых эволюционных витках. От системы к системе, а также и на субсистемных уровнях наращивается обособленность и субъектность форм, снова и снова взламывая скрепляющие оболочки в ходе вертикальных эволюционных переходов. Мир природы в этом смысле предстаёт отнюдь не первозданным царством всеобщего неразделённого единства, как это иногда мнится человеку, поскольку мир этот – далеко не первый уровень эволюционного дифференцирования и пробуждения самости: у высших животных уже возникают психические программы, связанные с попытками преодоления отчуждающего отпадения и связанной с ним психической фрустрации. Особенно ярко это отражается в половой сфере, где изначальная разделённость полов является исходным условием реализации чрезвычайно важных, с точки зрения воспроизводства вида, программ. Именно здесь противоречие между видовым (всеобщим) и самостным (особь) достигает предельной для животной психики остроты. Вот почему удар эволюционной болезни антропогенеза по изначальной сгармонизированной на природный лад психофизиологии половых отношений открыл один из важнейших каналов прорыва к постприродному качеству, т. е. культуре. В природе же устремлённость к преодолению отпадения едва намечено, ибо само это отпадение сдерживается непреодолимой границей – видовым генокодом и непреложностью инстинктивных программ. Взломать его – против своей, разумеется, воли, выпало лишь гоминидам.

Феномен гиперсекуальности с хрестоматийной ясностью демонстрирует механизм трансформации природных программ в культурные. Если инстинктивная программа предполагает нераздельную сцепку строгой последовательности действий с конечным результатом, то в

случае разлада программы составляющие её блоки – стандартные связки инстинктивных действий входят в состояние дисбаланса. Они смещаются, противоречат друг другу, перекомпоновываются, а главное, отрываясь от конечного результата перенацеливаются на самокоррекцию, устранение разлада и патологии. Но хитрость эволюции в том, что путь назад оказывается дорогой вперёд (или, точнее, в сторону) и закреплённая на физиологическом уровне межполовая асимметрия коитальных режимов, перенацеливая (но, разумеется, не более того) главную мотивацию с программы продолжения рода на сексуальную гармонизацию как таковую, оказывается мощным фактором культурогенеза и выделения из природы. Немалую роль в развитии гиперсексуальности человека сыграл и такой неотенический фактор⁶⁴, как чрезвычайная тактильная чувствительность всей поверхности тела.

Разбалансировка природных программ в связи с развивающейся у предков человека гиперсексуальностью связана также и с тем, что мужские особи оказались, в силу ослабления своей сексуальной конституции, неспособными к частым и многократным сексуальным контактам. Это, в свою очередь, послужило причиной снижения генетического разнообразия, «плотности» генетического обмена и, соответственно, эволюционных шансов. Чисто физиологическое решение проблемы: выведение человеческой сексуальности из сезонных режимов (эстрогенных циклов) и перевод её в перманентный фоновый режим, по всей видимости, проблему не решил, – зато существенно усугубил всю ту же эволюционную болезнь, лекарством от которой стала культура. И культурогенетическое значение этого фактора в связи с перекомпоновкой сценариев сексуального поведения и перенацеливанием его с животной репродуктивности⁶⁵ на

---

⁶⁴ Имеется в виду прежде всего отсутствие волосяного покрова на теле и высокая чувствительность многочисленных нервных окончаний.

⁶⁵ Показательно, что уже сам овуляторный цикл оказывается разбалансирован с сексуальным влечением и, по сути, оторван от

самодовлеющий (в крайних проявлениях) сексуальный гедонизм поистине огромно.

В результате всех вышеописанных трансформаций пришлось искать особые, ещё не социальные, но уже и не вполне природные формы регулирования численности и состава популяции⁶⁶. Это ослабило, а затем и вовсе свело на нет давление естественного отбора, действующего через механизм расширения и сокращения численности групп в популяционных волнах. «Высвобождение» демографических процессов из биоритма популяционных волн, даже вне несомненной связи с технологией, на которую справедливо указывают антропологи, явилось мощнейшим фактором культурогенеза: верхнепалеолитический демографический взрыв вызвал технологическую (и не только технологическую) революцию. По-видимому, именно необходимость выработки надприродных способов регулирования численности популяции в условиях демографического взрыва, расселения по новым территориям и оформления своей экологической ниши «поверх» сложившегося в природе эко-трофического баланса и стала фактором складывания собственно человеческого типа сексуальности. Этот фактор можно в известном смысле принять за рубеж окончания биологической эволюции, что вполне

него: не самка, ни тем более самец не могут знать когда происходит созревание яйцеклетки, ибо остальные компоненты поведенческой программы продолжения рода, включая сексуальное возбуждение и влечение, будучи перенацелены на иной результат, действуют уже сами по себе и притом в перманентном режиме.

⁶⁶ С этим несомненно связана одна из древнейших табуативных традиций – запрет на инцест. Если у высших обезьян половые контакты естественным образом организованы так, что не инцестуозные связи, направленные на обогащение генетического материала, неизменно дополняются инцестуозными, также необходимыми для естественного отбора, то человек, решительно отвергая инцест, будто сознательно ставит себя в более уязвимую эволюционную позицию и необходимость искать из неё «противоестественный» выход.

соответствует утверждениям антропологов, относящих завершение формирования физического образа человека к преддверию верхнего палеолита⁶⁷.

(продолжение следует)

---

⁶⁷ Впрочем, если справедливы утверждения о том, что люди современного физического типа жили на Переднем Востоке уже ок. 200 тыс. лет назад, то дистанция до верхнего палеолита и даже до его преддверия оказывается подозрительно большой.

Игорь Гергенрёдер

Антинормандская Великорось

опулярные ныне ролевые игры имели некоторое подобие в моём, к примеру, детстве. Я и мои друзья, прочитав интересную книгу, импровизировали, играя её персонажей. Потом книга и игра сменялись новыми книгой и игрой, а о прежнем оставалось что-либо высказанное моим отцом, непременным участником подобных занятий. После томика «Чингисхан» (автор Василий Ян) мы представляли себя монголами, которые с гордым презрением смотрят на поднесённые противником драгоценности, приказывают рассыпать их по степи и бросаются рубить и колоть врагов, штурмовать их крепость. Попутно мы узнавали от отца и то и другое, что не вошло в книгу. В итоге память сохранила главное о Чингисхане: он провозгласил, что монголу не бывать рабом. И всюду, где была монгольская власть, монголы стали свободны. Произошло это в начале XIII века.

О ещё более давних временах повествовала книга областного писателя, увлёкшегося фигурой норманна Эрика Рыжего. Толстый роман по малому моему возрасту я был не в силах одолеть, знал его, в основном, по пересказу, и запомнилась книга благодаря тому, что сказал о норманнах отец. Сказал же он то, что ему в далёкое царское время запомнилось со слов учителя. К норманнам снарядили послов славяне. Они никак не могли объединиться в государство, и послы везли прошение, смысл которого был: земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет, придите к нам и правьте нами. Норманны откликнулись, послали своих Рюрика, Синеуса и Трувора, благодаря которым создалось Древнерусское государство.

Что это «ложная теория», я услышал в советской школе, заранее предупреждённый отцом, дабы не вздумалось возразить. Я не возразил, однако же и не поверил, предчувствуя, что верность теории будут подтверждать историки. Среди них оказался профессор Петербургского университета Андрей Буровский, который в книге «Отцы городов русских» написал: «Кто такой Рюрик и как он появился на Руси, – спорят до сих пор. Но практически все дореволюционные историки были согласны с тем, что «Призвание первых князей имеет великое значение в нашей истории, есть событие всероссийское, и с него справедливо начинают русскую историю». (С.М. Соловьев. «Призвание варягов на русь северными племенами славянскими и финскими. – Следствия этого явления. – Обзор состояния европейских народов, преимущественно славянских, в половине IX века»).

У А.М. Буровского (можно сказать, как и у меня) есть основания по-своему воспринимать охаивание «иностранцев». Он имеет непосредственное отношение к немцам и мог бы носить фамилию Шмидт.

***

Период, когда не стоило возражать, что нормандская теория «лжива», был весьма опасен. И хотя никто не возражал, озлобление её противников не ослабевало. Сколько раз мне доводилось слышать и читать, что прошение звучало не так, как я передаю его. Что Синеуса и Трувора не существовало. Что Рюрик являлся не норманном, а варягом и причём таким, какие на самом деле не варяги, а русы.

Когда «нормандской теории» доставалось по первое число, нельзя было не заметить, хотя бы в семидесятые годы, до чего же соответствует времени прилетевшее из глубины веков: земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет, придите к нам и правьте нами. В той сволочной жизни не могло не быть тех, в чьём сердце не шевельнулся бы позыв прошептать это. Уж больно отвратительно правили те, кто занял место норманнов.

Нормандская теория, таким образом, звала размышлять: кто правит? Сопоставим этот вопрос с другим

– верна она или нет – и перенесём оба вопроса во время, когда теория была выдвинута приглашенными в XVIII веке в Россию немецкими учёными Г. Байером, Г. Миллером и А. Шлёцером и «опровергнута» Ломоносовым. Российской империей правили... нет, не Романовы, а фон Гольштейн-Готторпы.

Романовы вымерли. Пётр Великий оставил единственного наследника мужского пола – внука по имени Пётр. Он умер в 1730 году и с ним оборвалась мужская линия Романовых. Были у Петра Великого и две дочери: Анна и Елизавета. Анна вышла замуж за герцога Карла Фридриха фон Гольштейн-Готторпа, в старом добром германском городе Киле родила Карла Петера Ульриха и через три месяца умерла от родильной горячки. Вдовец не оказался долгожителем: покинул бренный мир, когда Карлу Петеру Ульриху исполнилось одиннадцать лет. И вот он, государь Гольштейна, в 1762 году был объявлен русским царём Петром Фёдоровичем Романовым. Жена Карла Петера Ульриха, немецкая принцесса, стала Екатериной II.

Русская родовая знать приняла немецкую династию фон Гольштейн-Готторпов, тем самым подтвердив, что так же было и с норманнами. Пусть лучше правит чужеземец, нежели свой, который не в силах доказать, что его род знатнее твоего. По душе пришлась династия и дворянству, которое было освобождено от государственной службы и могло наслаждаться жизнью благодаря труду крепостных. У Пушкина в «Капитанской дочке» помещик Гринев празднично живёт в своём имении, в то время как его друг-немец, дослужившись до генеральского чина, не покидает армию, несмотря на старость.

Немцы стали необходимы на местах, освобождаемых Обломовыми, которые полёживали на своих диванах, и Герцен, обуянный русским патриотизмом, несмотря на то, что у него самого мать была немкой, писал в статье «Русские немцы и немецкие русские»:

«Не знаю, каковы были шведские немцы, приходившие за тысячу лет тому назад в Новгород. Но новые немцы, особенно идущие царить и владеть нами из остзейских провинций, после того как Шереметев «изрядно

повоевал Лифлянды», похожи друг на друга, как родные братья».

Раздражение Герцена, по мере того как он углубляется в задевающую русское самолюбие тему, усиливается:

«Собственно *немецкая* часть правительствующей у нас Германии имеет чрезвычайное единство во всех семнадцати или восемнадцати степенях немецкой табели о рангах. Скромно начинаясь подмастерьями, мастерами, гезелями, аптекарями, немцами *при детях*, она быстро взползает по отлогой для ней лестнице – до немцев *при России*, до ручных Нессельродов, цепных Клейнмихелей, до одноипостасных Бенкендорфов и двуипостасных Адлербергов (*filiusque – и сына – лат.*). Выше этих *гор и орлов* ничего нет, то есть ничего земного... над ними олимпийский венок немецких великих княжон с их братьями, дядюшками, дедушками».

Высказывания на этот счёт идеологов разных направлений не противоречат одно другому, а лишь друг друга дополняют. Вот каков представитель германского племени у Достоевского:

«Андрей Антонович фон Лембке принадлежал к тому фаворизированному (природой) племени, которого в России числится по календарю несколько сот тысяч и которое, может, и само не знает, что составляет в ней всю свою массу один строго организованный союз. И, уж разумеется, союз не предумышленный и не выдуманный, а существующий в целом племени сам по себе, без слов и без договору, как нечто нравственно обязательное, и состоящий во взаимной поддержке всех членов этого племени одного другим всегда, везде и при каких бы то ни было обстоятельствах. Андрей Антонович имел честь воспитываться в одном из тех высших русских учебных заведений, которые наполняются юношеством из более одаренных связями или богатством семейств <...>учился довольно тупо <...> карьера его устроилась. Он все служил по видным местам, и все под начальством единоплеменников <...> умел войти и показаться, умел глубокомысленно выслушать и промолчать, схватил

несколько весьма приличных осанок, даже мог сказать речь, даже имел некоторые обрывки и кончики мыслей, схватил лоск новейшего необходимого либерализма». («Бесы». Часть вторая. Глава четвертая).

Приведя цитату из Достоевского, невозможно, разумеется, не обратиться к Льву Толстому. В его рассказе «Божеское и человеческое» читаем о генерал-губернаторе Южного края: «здоровый немец с опущенными книзу усами, холодным взглядом и безвыразительным лицом». Его прототип Тотлебен в 1879 отправил на виселицу троих народовольцев, обвинявшихся в подготовке покушения на Александра II. Толстой говорит то, что стоит перечитать и задуматься. Немец вспомнил «чувство подобострастного умиления, которое он испытал перед сознанием своей самоотверженной преданности своему государю».

В рассказе Гаршина «Из воспоминаний рядового Иванова» капитан Венцель, убеждённый, что есть только одно средство быть понятым русскими солдатами – кулак, – избивает их до полусмерти, выделяясь лютостью среди офицеров. Солдаты, переделав его фамилию на свой лад, за глаза зовут его «Немцевым».

Нет ни одного значимого писателя XIX века, который не коснулся бы вопроса о «колбасниках». Но я ограничусь тем, что приведу ещё лишь сказанное Маминым-Сибиряком в романе «Горное гнездо» о заводууправителе Майзеле:

«Его гладко остриженная голова, с закрученными седыми усами, и военная выправка выдавали старого военного, который постоянно выпячивал грудь и молодецкато встряхивал плечами. Красный короткий затылок и точно обрубленное лицо, с тупым и нахальным взглядом, выдавали в Майзеле кровного «русского немца», которыми кишмя кишит наше любезное отечество».

Недовольным из числа русских надо бы сердиться на своих Обломовых, благодаря чьей лени карьеру в России делали и шведы, и голландцы, и другие западные европейцы: все те «варяги», кому одинаково завидовали, на кого копилась и копилась злоба.

Национализм особенно обострялся в армии. Было время, Ермолов ответил Александру I, спросившему, какой он хотел бы награды: «Произведите меня в немцы!» Генерал Скобелев в последней трети XIX в., не находя фраз остроумнее, своё отношение к «немчуре» выражал в иной манере.

Как правило, поносимые не терялись в этой обстановке, немало их во главе с Александром III играли патриотов, более русских, чем сами русские. Однако никто не собирался уступать своих мест, что стало видно, когда приблизилась русско-японская война 1904-05 гг.

В канун войны русским посланником в Токио был барон фон Розен. В ближайшем к Порт-Артуру китайском городе Чифу находилось консульство России. Кто консул здесь? Тидеман. Во главе министерства иностранных дел стоял граф Ламздорф, морским министерством управлял Авелан. Тихоокеанской эскадрой в начале войны командовал адмирал Старк. Сменивший его русский Макаров пробыл в должности пять недель, погиб, и всё вернулось на круги своя. Во главе эскадры встал адмирал Витгефт. Когда Витгефта убил японский снаряд, командование кораблями в Порт-Артуре перешло к Роберту Вирену. Тралением, очисткой от мин рейдов Порт-Артура руководил Рейценштейн, в начале войны командовавший отрядом крейсеров во Владивостоке. После того как японцы сокрушили флот, в его восстановлении отличился барон Эссен.

В сухопутных войсках подобных случаев навряд ли меньше. Например, 2-й Маньчжурской армией сначала командовал Гриппенберг, которого заменили бароном Каульбарсом. Отход армии после Мукденского сражения в феврале 1905 прикрывала дивизия под началом генерал-лейтенанта Гершельмана. Каульбарса на посту командующего армией сменил барон Бильдерлинг. Военным министерством в то время руководил Редигер.

Русскими войсками, которые защищались в осаждённом Порт-Артуре, командовал Стессель. На самой важной позиции под названием Высокая Гора обороной руководил генерал Ирман. Когда гарнизон был всё-таки

вынужден капитулировать, хлопоты по сдаче возложили на генерала Фока. Через несколько лет отношения с Японией потеплели, японцы воздвигли памятник защитникам Порт-Артура – на открытие прибыл русский генерал Гернгрос.

***

На что же было надеяться русским националистам, как не на войну с Германией? Лишь такая война могла дать им рычаг, дабы свалить ненавистную династию и повыгнать её любимцев. В 1914, когда заговорили пушки, из шестнадцати командующих русскими армиями семеро носили немецкие фамилии и один – голландскую. Одни только прибалтийские немцы составляли тогда четверть русского офицерства. (А.И. Уткин. Первая мировая война. – М.: Алгоритм, 2001, с. 99).

От Германии не ожидали долгого сопротивления, и ура-патриотизм подогревался желанием после победы над нею посчитаться со своими немцами. Германская кровь не помешала штабс-капитану Лемке разделить с русскими торжество момента и, веря, что война закончится победой через полгода, написать: «Народ настроен еще более оптимистически и рад свести счеты с немцем, которого давно ненавидит; именно народ знал его всегда с самой неприглядной стороны как управляющих именьями или помещичьих приказчиков, мастеров и администраторов на фабриках и т.п. Еще со времен крепостного права, когда немцы-управляющие угнетали крестьян, ненависть эта таится, а временами и обстоятельствами то росла, то проявлялась».

Обратим внимание: крестьян, оказывается, угнетали управляющие, а не господа владельцы.

Не зная, как ещё выслужиться перед ура-патриотами, Лемке хаёт исполняющего их волю царя – за что? Да просто так, за тупость и глупость:

«Как легко править таким народом! Каким надо быть тупым и глупым, чтобы не понять народной души, и каким черствым, чтобы ограничиться поклонами с балкона... Да, Романовы-Гольштейн-Готторпы не одарены умом и сердцем». (М.К. Лемке. 250 дней в царской ставке 1914-1915. – Мн.: Харвест, 2003, с. 10, с. 16).

Война затягивалась и затягивалась, ненависть ко всему германскому росла и росла, пока, наконец, националистам не удалось исполнить замышляемое. Припугнув царя, что вынесут на всенародное обсуждение вопрос, по какому праву он, фон Гольштейн-Готторп, зовётся Романовым, его согнали с престола. *(Об этом и не только – мой роман «Донесённое от обиженных», см. Ссылки и примечания*
http://lib.aldebaran.ru/author/gergenryoder_igor/gergenryoder_igor)

***

Если написанное о Февральской революции, об отречении Николая Второго уподобить огромному стогу, то иголка, до сих пор в нём не отысканная, наведёт на мысль о шиле в мешке.

Почему монарх, столь упрямо отстаивавший самодержавие, вдруг, казалось бы, безвольно отдал империю – «будто эскадрон сдал»? В 1905 размах вскипевших страстей был пошире. Восстания на нескольких боевых кораблях, солдатские бунты, возникновение советов рабочих и солдатских депутатов и провозглашение вдоль Сибирской железной дороги Читинской, Иркутской, Красноярской «республик», поджоги помещичьих усадеб по всей стране, всероссийская стачка, забастовки, когда перестали ходить поезда и министры добирались к монарху в Царское Село морем, баррикады в Москве... В то время Николай отнюдь не противился энергичным мерам, не запрещал войскам открывать огонь.

А что же в Феврале? Сложившаяся ситуация существенно отличалась от предыдущей. Отличалась тем, что стало совершенно очевидно и для иностранцев. Английский посол Джордж Бьюкенен в канун революции сказал Николаю напрямую: между императором и русским народом выросла стена...

В 1905-м не было войны с Германией – и Мин, Риман, Меллер-Закомельский, Ренненкампф могли действовать так, как действовали их предшественники в Санкт-Петербурге 14 декабря 1825. Тогда генерал Карл Толь предложил Николаю Первому очистить Петровскую

(Сенатскую) площадь от мятежников артиллерийским огнём, царский адъютант Адлерберг передал Толю дозволение – и картечь споро разрешила вопрос. Точно так же в 1905 шрапнелью и пулями спасли голштинскую династию Мин, Рима, Меллер-Закомельский, Ренненкампф.

Полковник Г.А. Мин командовал Лейб-гвардии Семёновским полком, когда им в ночь на 16 декабря был окружён район Красной Пресни. В приказе Г.А.Мина о штурме говорилось, что «арестованных на сей раз не будет», – и около тысячи человек было убито, включая 86 детей. Затем Г.А. Мин направил отряд под командованием полковника Н.К. Римана на Казанскую железную дорогу, отдав приказ: «Пленных не брать, пощады не давать. (Цитируется по книге: Брайан Мойнехен. Григорий Распутин: святой, который грешил. Смоленск: Русич, 1999 с. 147).

Барон Меллер-Закомельский Александр Николаевич (1844-1928), генерал от инфантерии с декабря 1906, отличился во время Первой русской революции, руководя карательной экспедицией. Продвигаясь со своим отрядом по Сибирской железной дороге и чиня расправу на месте, он умирал солдат запасных частей, что требовали срочного возвращения в Центральную Россию «по домам». (В частности: В.И. Федорченко. Императорский Дом. Выдающиеся сановники: Энциклопедия биографий: В 2 т. – Красноярск: БОНУС; М.: ОЛМА – ПРЕСС, 2000 – Т. 2, с. 44).

Ренненкампф Павел Карлович (1854-1918), получив чин генерал-лейтенанта, в конце 1905 – начале 1906 «возглавлял экспедиционные войска, направленные на подавление революционных выступлений в Забайкалье» и весьма преуспел. Граф А.А. Игнатъев писал о нём: «он оказался таким, каким я его себе представлял – обрусевшим немцем, блондином богатырского сложения, с громадными усищами и подусниками. Холодный, стальной взгляд, как и вся его внешность, придавал ему вид сильного, волевого человека. Говорил он без всякого акцента, и только скандированная речь, состоящая из коротких обрубленных

фраз, напоминала, пожалуй, о его немецком происхождении». (Там же, с. 302).

Но в Феврале Семнадцатого достигли накала волнения, вызванные не только потерями в войне, но и ролью, положением, привилегиями немцев в России – то есть тем, что Амфитеатров назвал «германским владычеством». В этих условиях Государственная Дума, желавшая отобрать власть у императора, имела козырного туза. Непосредственным обстоятельством, которое заставило Николая отречься, стала угроза разоблачения. Государственная Дума могла бросить в разъярённые массы: «Вы возмущены тем, что царица – немка и при дворе процветает прогерманская камарилья. Но вы не знаете, что и царь – вовсе не Романов, а фон Гольштейн-Готторп! Его предок занял престол вопреки воле Петра Великого, перед которым родители Карла Петера Ульриха под присягой – за себя и своих потомков – отказались от притязаний на Российскую корону!»

Николаю нетрудно было представить, что произойдёт. Он знал, как уже и без того настроены люди, ему докладывали: «В семьях, мало-мальски затронутых политикой, открыто и свободно раздаются речи опасного характера, затрагивающие даже Священную Особу Государя Императора». Его уведомляли, что в столице по ночам появляются надписи на стенах: «Долой династию Романовых!» Министр внутренних дел Протопопов докладывал ему о недовольстве венценосцем в армии, о том, что «оппозиционно настроены высший командный состав и низший».

То, что царь и царица чувствовали над собой дамоклов меч, следует из фактов. В целях конспирации чета пользовалась в переписке только английским языком и стала зашифровывать фамилии: Протопопов фигурировал как «Калинин», Керенский – как «Кедринский».

Когда Николай выехал в Ставку и туда начали поступать телеграммы о беспорядках в столице, ему 26 февраля, во время воскресного богослужения, стало плохо (это при его всем известном крепком здоровье). Он записал: «Сегодня утром, во время службы, я почувствовал

мучительную боль в груди, продолжавшуюся четверть часа. Я едва выстоял, и лоб мой покрылся каплями пота».

В Петрограде 25 февраля, во время митинга на Трубочном заводе, поручик Госсе застрелил агитатора, угрожавшего ему кулаком. Поначалу толпы рассеивались – чтобы вскоре собраться вновь. Появились красные флаги и плакаты: «Долой самодержавие!»! Председатель Государственной Думы Родзянко телеграфировал царю и всем командующим фронтами: «В столице анархия. Правительство парализовано. Транспорт продовольствия и топлива пришел в полное расстройство. Растет общественное недовольство. На улицах происходит беспорядочная стрельба. Части войск стреляют друг в друга. Необходимо немедленно поручить лицу, пользующемуся доверием страны, составить новое правительство. Медлить нельзя. Всякое промедление смерти подобно. *Молю Бога, чтобы в этот час ответственность не пала на венценосца*» (выделено мной – И.Г.).

Николай не может не ощутить, как уверенно, с сознанием, что за козырь у них в руках, его берут за горло. В наименьшей тревоге и царская свита: министр Императорского Двора Фредерикс, герцог Лейхтенбергский, граф Граббе, Дрентельн, Штакельберг, Цабель... (Позже станет известно, что особняк Фредерикса в Петрограде оказался первым сожжённым толпой в начальный день революции). 27 февраля на завтраке у императора было мало приглашённых, Николай, обычно любезный, больше молчал. Комендант императорского поезда полковник Герарди, беспокоившийся за семью в Царском Селе, попросил отпуск на несколько дней и получил его. На место Герарди был назначен подполковник Галь.

Обстановка меж тем накаляется, Дума усиливает давление на царя. Получена телеграмма от Родзянко: «Положение ухудшается. Надо принять немедленно меры, ибо завтра будет уже поздно. Настал последний час, когда решается судьба родины и династии». Николаю, таким образом, дают поразмыслить над словами «завтра будет уже поздно». Императрица, дети, больные корью, – в Царском Селе: не скрыться, не убежать! Зная, как в Москве едва не

разорвали сестру жены Елизавету, Николай видит, *что* разыграется в Царском... Уже не толпа, швыряющая булыжники, а масса солдат с винтовками рванётся во дворец: лишь только упадёт последняя капля, грянет правда о том, что царь – фон Гольштейн-Готторп.

***

За обедом монарх и окружение несколько приободряются: им так хочется верить в проблеснувшую надежду. Генерал Иванов, слывший «поклонником мягких действий», рассказал, как ему удалось успокоить волнения в Харбине при помощи двух полков без единого выстрела. После обеда царь сказал Иванову, что посылает его с фронтовыми полками в столицу, назначив главнокомандующим Петроградским округом. Иванов доложил, что он уже год стоит в стороне от армии, но полагает, что далеко не все части останутся верны в случае народного волнения, а потому лучше не вводить войска в город, пока положение не выяснится, – чтобы избежать междоусобицы и кровопролития. Николай ответил: «Да, конечно».

Всё, на что он счёл возможным решиться: послать против восставших – причём с условием «избежать междоусобицы и кровопролития» – генерала с русской из русских фамилией Иванов.

Самым надёжным подразделением, выделенным Иванову, считался батальон Георгиевских кавалеров. Однако назначенный командовать им генерал Пожарский тотчас объявил офицерскому составу: в Петрограде он не отдаст приказа стрелять в народ, даже если этого потребует генерал-адъютант Иванов. (Чего же можно было бы ожидать от Пожарского – узнай он ещё и всю правду о династии?)

В столице тоже имели место попытки опереться на надёжные войска. Брат царя Михаил Александрович и участники экстренного совещания наметили привести часть пехоты и матросов, которые ещё их слушались, в Петропавловскую крепость и занять там оборону. Однако помощник коменданта крепости барон Сталь, вызванный к телефону, сообщил, что на Троицкой площади стоят

броневые автомобили восставших и орудия, а на Троицком мосту – баррикады.

Обер-гофмаршал Высочайшего Двора граф Бенкендорф телеграфировал из столицы в Ставку, что гвардейский Литовский полк убил своего командира, а преображенцы убили командира батальона. Бенкендорф спрашивал, не желает ли его величество, чтобы императрица с детьми выехала ему навстречу. Николай велел передать, чтобы ни в коем случае не выезжали, что он сам приедет в Царское Село. Императорский поезд отправился из Могилёва ранним утром 28 февраля, на станциях следования к нему выходили урядники и губернаторы и угощали «жареными» слухами из Петрограда: убиты управляющий министерством путей сообщения Кригер-Войновский, градоначальник Балк, его помощник Вендорф, уполномоченный по хлебообеспечению столицы Вейс...

Положение в Петрограде и в самом деле стало таково, что военный министр Беляев и его секретарь Шильдер принялись жечь секретные документы. Новым органом власти провозгласил себя Временный комитет Государственной Думы. Толпы громили аптеки и магазины, чьи владельцы удостоились чести быть поставщиками двора. Теперь с их заведений сбивали деревянных двуглавых орлов, императорские монограммы, топтали их и сжигали. В Кронштадте матросы убили адмирала Вирена и десятки (по некоторым публикациям – более ста) офицеров, чьи трупы сложили штабелем.

Вечером 28 февраля царский поезд прибыл на станцию Лихославль, где к нему вышли начальник Николаевской железной дороги Керн и начальник жандармского управления генерал Фурс, от которых стало известно о захвате толпой Николаевского вокзала в Петрограде и о распоряжении по всем железным дорогам: эшелон с монархом задержать. На станции Бологое свита, следовавшая впереди, получила известие, что Любань занята революционными войсками, которые могут не пропустить дальше. В Малой Вишере к свитскому поезду вышел офицер железнодорожного полка, сказавший, что в Любани ждут две роты с орудиями и пулемётами. (Позднее выяснится: это

было не так. Местная запасная часть разграбила на станции буфет, вот и всё). Когда прибыл императорский поезд и Николай услышал «новость», он без разговоров приказал повернуть назад. Не понятно ли, что его страшила вероятность стычки революционных солдат с охраной? Лишь только прольётся кровь, думские деятели решат: он перешёл к наступательным действиям. И тысячами листовок извергнется: «Доколе немцы будут безнаказанно лить русскую кровушку?!»

На станции Дно поезд остановился. Приближённые Николая, делавшие свои выводы из обстановки, с облегчением встретили решение ехать в Псков и были за то, чтобы пойти на уступки Временному комитету, сторговаться с ним. Монарх и не думает спорить, протестовать. От его имени из Пскова телеграфируют Иванову: «Надеюсь, прибыли благополучно. Прошу до моего приезда и доклада мне никаких мер не предпринимать. 2 марта 0 ч. 20 мин.»

Генерал Иванов прибыл в Царское Село вечером 1 марта. Полковник Гротен доложил, что гвардейская рота перестала подчиняться и ушла в Петроград. К Иванову поступили и другие сведения, из которых следовало, что выход не в вооружённой борьбе, а в соглашении с Временным комитетом. Прибежавший начальник станции принёс весть, что приближаются восставшие тяжёлый дивизион и батальон первого гвардейского запасного полка... Генерал, предполагая, что, «если пойдет толпа, тысячи уложишь», распорядился уходить. Покинув с батальоном Георгиевских кавалеров Царское Село, он выехал в Вырицу. Позже решил проехать по соединительной ветке через станцию Владимирскую, что между Гатчиной и Царским Селом, на Варшавскую дорогу и посмотреть выделенный в его распоряжение Тарутинский полк, но на станции Сусанино (в других публикациях: Семрино) железнодорожники загнали эшелон в тупик. (По некоторым источникам, они повалили на пути товарные вагоны).

Генерал составил зашифрованную телеграмму на имя начальника штаба Верховного Главнокомандующего: «До сих пор не имею никаких сведений о движении частей,

назначенных в мое распоряжение. Имею негласные сведения о приостановке движения моего поезда. Прошу принятия экстренных мер...»

Иванов послал подполковника генерального штаба Тилли с текстом в Царское Село, чтобы тот по прямому проводу передал телеграмму в Ставку. Вскоре Тилли доложил по телефону, что задержан, а затем Иванова известили, что выделенные ему войска с соизволения государя возвращаются в места дислокации.

***

Ещё до «соизволения» генерал Рузский **своей властью** (пишет С.С. Ольденбург, выделено им) распорядился не только прекратить отправку войск в подкрепление генералу Иванову, но и вернуть обратно в Двинский район уже отправленные с Северного фронта эшелоны. Главнокомандующий Северным фронтом Николай Владимирович Рузский, в чью ставку в Псков прибыл царь, оказался хозяином положения. (Императрица, узнав, что царский поезд в Пскове, записала 2 марта: государь в западне). Встречая на станции приехавших, Рузский до разговора с Николаем объявил его свите: придётся сдаваться на милость победителя. Под «победителем» он подразумевал Временный комитет Государственной Думы, но только ли его?..

Николай Владимирович не отличался знатностью происхождения, и ему не могли быть чужды слова Ермолова, обращённые к Александру Первому: «Произведите меня в немцы!» В продолжение своей карьеры Рузский насмотрелся на удачливость «фаворизированного племени» в России. Человек он был, по воспоминаниям Брусилова, «очень самолюбивый, ловкий и старавшийся выставлять свои деяния в возможно лучшем свете, иногда в ущерб своим соседям, пользуясь их успехами, которые ему предвзято приписывались». Добившийся популярности, он знал, что, слегка переиначивая его фамилию, о нём произносят с национально-патриотическим пафосом: «*Русский* генерал!» Неудивительно, если он увидел перст судьбы в том, что ему

досталась столь важная (если не решающая) роль в свержении немца с российского трона.

Вскоре в интервью газете, отвечая на вопрос, не ему ли обязана Свободная Россия предотвращением ужасного кровопролития (имелся в виду приказ вернуться посланным в Петроград войскам), Рузский заметит с улыбкой:

– Если уж говорить об услуге, оказанной мною революции, то она *даже больше той*. Я – убедил его отречься от престола. (Цитирую по статье Александра Солженицына «Размышления над Февральской революцией». Выделено Солженицыным).

63-летний сутуловатый болезненного вида генерал вечером 1 марта вошёл в царский вагон, чтобы превратить самодержца в послушное существо. Вошёл представителем всех тех обиженных, кому выпало на протяжении полутора веков видеть, что не они – родные дети монархов-голштинцев. Рузский сознаёт выгоды своего положения, свою силу; он получил достаточно телеграмм от Родзянко и от начальника штаба Верховного Главнокомандующего М.В. Алексева.

Тот с отъездом Николая из Ставки оказался у власти над всеми фронтами, над семимиллионной армией.

Михаил Васильевич имеет не меньший, если не больший счёт к династии, нежели Рузский. Происходя из семьи солдата-сверхсрочника, дослужившегося до чина майора, Алексеев обязан карьерой исключительно упорству, терпению, невероятной трудоспособности и усидчивости – тогда как некие иные обласканы и без того.

В русско-турецкую войну 1877-78 гг. Алексеев одно время состоял офицером для поручений при генерале Скобелеве, известном ненавистью к российским немцам. Существует историческая версия, что Скобелев готовил заговор, дабы совершить переворот и занять престол в качестве истинно русского монарха – вместо Александра Третьего.

Не тень ли Скобелева была с Михаилом Васильевичем, когда 28 февраля по его приказанию генерал Клембовский телеграфировал из Ставки главнокомандующим фронтами: «Частные сведения

(«частные сведения»): примечательный зачин, не правда? – И.Г.) говорят, что 28 февраля в Петрограде наступило полное спокойствие, войска примкнули к Временному Правительству в полном составе, приводятся в порядок. Временное Правительство под председательством Родзянко заседает в Государственной Думе; пригласило командиров воинских частей для получения приказаний по поддержанию порядка».

На самом деле в столице в это время народ и войска буйствовали, толпы громили полицейские участки, а Временное Правительство ещё и не было провозглашено.

Русский, заботясь о том, чтобы надёжнее затянуть удавку на шее Николая, перед его приездом в Псков велел передать в Ставку, что «просит ориентировать его срочно, для возможности соответствующего доклада, откуда у начальника штаба Верховного Главнокомандующего сведения, заключающиеся» в его телеграмме. За Алексеева, который «нездоров и прилёг отдохнуть», ответ подписал генерал Лукомский. В ответе сообщалось, что сведения «получены из Петрограда из различных источников и считаются достоверными».

Потом историки напишут, что М.В. Алексеев позволил создать у себя ложные представления о событиях в Петрограде, дал «сделать себя орудием свержения» царя. Будто у Михаила Васильевича и у самого не имелось стимулов для той бурной деятельности, которую он развил. Русский беседовал с царём с глазу на глаз, когда в вагон доставили телеграмму Алексеева с образцом манифеста, предлагаемого Николаю для подписания. Главное здесь – написанные за царя слова «я признал необходимым призвать ответственное перед представителями народа Министерство, возложив образование его на председателя Государственной Думы Родзянко». То есть монарху предложено скрепить своей подписью передачу власти в другие руки.

Не церемонится Михаил Васильевич! Ибо знает, что сделают с царём и его семьёй в случае разоблачения, – как знает и то, что и самому Николаю это известно. Тому уже дали понять, что распорядители на балу настроены серьёзно.

Когда Николай велел сопровождавшему его дворцовому коменданту отправить Родзянко телеграмму, Рузский вырвал её из рук придворного, заявив, что здесь он сам отправляет телеграммы. Все переговоры по телефону и по телеграфу со Ставкой и с Петроградом генерал взял на себя. С.С. Ольденбург пишет: «Государь не мог сноситься с внешним миром; он, видимо, не мог, помимо желания ген. Рузского, покинуть Псков. Фактически он как бы находился в плену».

После длительной беседы с Николаем генерал передаёт Родзянко по прямому проводу: император выразил окончательное решение – «дать ответственное перед законодательными палатами министерство, с поручением Вам образовать кабинет». Телеграф отстукивает в ответ: «...то, что предполагается Вами – не достаточно и династический вопрос поставлен ребром». Генерала уведомляют: «Очевидно, что Его Величество и Вы не отдаёте себе отчета в том, что здесь происходит ... народные страсти так разгорелись, что сдержать их вряд ли будет возможно; войска окончательно деморализованы: не только не слушаются, но убивают своих офицеров».

Теперь Рузский знает цену тому, что передал Алексеев («в Петрограде наступило полное спокойствие, войска примкнули к Временному Правительству в полном составе...»). Но так ли неожиданно для Николая Владимировича, что открылась ошибка? Поверил ли он с самого начала в «частные сведения»? Не знал ли, для чего они – *именно такие* – нужны? Нужны же они, дабы осуществить главное: то, что пока не доведено до конца. Генерал спрашивает у Родзянко, «в каком виде намечается решение династического вопроса». Родзянко телеграфирует: «грозные требования отречения в пользу сына, при регентстве Михаила Александровича, становятся определенным требованием».

Некоторые думские деятели сознавали, как будет зыбко положение нового правительства – утлое судёнышко легко может утонуть, – и посему хотели сохранить каркас прежней империи. Сторонниками конституционной монархии были, к примеру, Гучков, Миллюков.

Несовершеннолетний Алексей на престоле и брат Николая как регент (не имеющий власти), – служба фасадом, придавали бы новорождённому правительству видимость легитимности. Главное: немцы лишались покровителя-самодержца, и с их преобладанием можно было покончить без оглядок и оговорок. Вот что важно для Рузского и для Алексеева, которому разговор с Родзянко передали незамедлительно.

***

Михаил Васильевич не смущён тем, что распространённые им «сведения» из Петрограда, которые «считаются достоверными», оказались ложью. Не ему ли более, чем кому-либо, известно их происхождение? Что его сейчас интересует в сказанном Родзянко, так это сигнальная фраза – «ненависть к династии дошла до крайних пределов». Алексеев срочно посылает Лукомского передать по прямому проводу в Псков: необходимо разбудить государя и сейчас же доложить ему о разговоре генерала Рузского с Родзянко. «Переживаем слишком серьёзный момент, когда решается вопрос не одного Государя, а всего Царствующего Дома и России, – читает в Пскове с ленты генерал Данилов, начальник штаба Северного фронта. – Генерал Алексеев убедительно просит безотлагательно это сделать (разбудить царя и доложить. – И.Г.), так как теперь важна каждая минута и всякие этикеты должны быть отброшены».

Вот как нетерпелив, как напорист Михаил Васильевич. Не отстаёт от него и Лукомский – в стремлении к цели, столь желанной для обиженных. Он телеграфирует Данилову: «...а теперь прошу тебя доложить от меня генералу Рузскому, что, по моему глубокому убеждению, выбора нет и отречение должно состояться. Надо помнить, что вся Царская Семья находится в руках мятежных войск, ибо, по полученным сведениям, дворец в Царском Селе занят войсками, как об этом вчера уже сообщал вам генерал Клембовский. Если не согласятся, то, вероятно, произойдут дальнейшие эксцессы, которые будут угрожать Царским детям, а затем начнется междоусобная война, и Россия погибнет под ударами Германии, и погибнет династия».

Данилов, как и Лукомский, разделяет мысль, что царь должен покинуть трон: «едва ли можно рассчитывать на сохранение» государя во главе страны «с ответственным перед народом министерством». Вместе с тем Данилов не уверен, удастся ли Рузскому склонить монарха к отречению. На это следует весьма аргументированное пожелание Лукомского, «чтобы генералу Рузскому удалось убедить Государя. В его руках теперь судьба России и Царской Семьи».

Алексеев, спеша и опасаясь, что Рузский не добьётся желаемого, направляет Главнокомандующим фронтами телеграмму, так охарактеризованную Лукомским, – она «по своему содержанию ... вполне определенно подсказывала Главнокомандующим ответ, который начальник штаба желал, чтобы они сообщили Государю». Суть телеграммы та, что обстановка, по-видимому, не допускает иного решения, кроме отречения царя от престола в пользу сына при регентстве Михаила Александровича.

Одним из фронтов, а именно Кавказским, командует двоюродный дядя императора великий князь Николай Николаевич. В своё время он был Верховным Главнокомандующим, пока царь не сместил его и сам не занял этот пост. Вряд ли Николай Николаевич с этим всею душой согласился, и обошлось без обиды. Как бы то ни было, он ещё и видит размах, мощь нависшей над династией угрозы. Он не верит, что Николай способен выкарабкаться, и отнюдь не расположен в довольно вероятной кровавой свистопляске заодно с ним терять всё. Тем более когда есть выход, который, как кажется, лично его не затрагивает. Удивительно ли, что великий князь призывает монарха к отречению? А в какую облакает это форму! «Я, как верноподданный, считаю, по *долгу присяги* и по *духу присяги*, необходимым коленапреклоненно молить Ваше Императорское Величество спасти Россию и Вашего Наследника» (выделено мной – И.Г.).

Интересная трактовка присяги. Ею верноподданный как будто бы обязывается хранить верность именно венценосцу Николаю. Ан нет! Оказывается, «*долг присяги*»,

«дух присяги» побуждают склонять царя к отречению – которое не предусматривается законами страны.

Не предусматривается – ну и что? Какие законы, какая присяга, когда страна-то – вотчина! Вотчина, через обман и нарушение присяги, данной Петру Великому, доставшаяся чужим, укоренившим в ней несправедливость: каковую русские генералы, наконец-то, могут устранить...

Среди Главнокомандующих один носит иностранную фамилию: Алексей Ермолаевич Эверт. Ему известно настроение войск Западного фронта, которыми он командует, обстановку он оценивает трезво и никакой возможности противостоять разбуженному движению, думским деятелям и русским коллегам не видит. Узнав мнение других Главнокомандующих, Эверт подписывает телеграмму Николаю: «На армию в настоящем ее составе при подавлении внутренних беспорядков рассчитывать нельзя ... Я принимаю все меры к тому, чтобы сведения о настоящем положении дел в столицах не проникали в армию, дабы оберечь ее от несомненных волнений. Средств прекратить революцию в столицах нет никаких».

Алексеев передал ответы Главнокомандующих в Псков в 2 ч. 30 мин. 2 марта. Поступила туда и ещё одна телеграмма – «незапланированная» – от генерал-адъютанта Хана Гуссейна Нахичеванского, командира отдельного Гвардейского кавалерийского корпуса: «До нас дошли сведения о крупных событиях; прошу вас не отказать повергнуть к стопам Его Величества безграничную преданность гвардейской кавалерии и готовность умереть за своего обожаемого Монарха». Потом окажется – телеграмму от имени Хана Нахичеванского, который отсутствовал, отправил его начальник штаба полковник А.Г. Винекен. В воспоминаниях генерала Н.А. Епанчина «На службе трех Императоров» сказано, что «когда Винекен доложил эту депешу Хану, то последний настолько ее не одобрил, что Винекен после доклада ее ушел в свою комнату и застрелился».

Получивший депешу Рузский не счёл нужным показывать её царю. Ещё чего доброго отвлечётся от того, что телеграфировал Родзянко и что генерал повторил

монарху, как нож к горлу приставил: «Ненависть к Государыне Императрице дошла до крайних пределов», «ненависть к династии дошла до крайних пределов...» Можно представить, как пристально, с какими чувствами следил Рузский за Николаем, когда тот читал с поданной ему ленты: «весь народ, с кем бы я ни говорил, выходя к толпам и войскам, решил твердо – войну довести до победного конца и в руки немцам не даваться».

Выходило – при сказанном о ненависти к династии – народ и войска понимают так, будто царь-то и хочет сдать их в руки немцам.

Далее следует более прозрачное высказывание: «В то время, когда народ в лице своей доблестной армии проливал свою кровь и нес неисчислимые жертвы – Правительство положительно издевалось над нами. Правительство – то есть Вы, самодержец Николай Второй.

Вот какой огонь горит. А выплеснись в него ещё и бочка масла: «Чего ж ему не издеваться над русскими, когда он – фон Гольштейн-Готторп»?.. А из Ставки уже и так нажимают: твои дети во власти взбунтовавшихся – и некому вызволить! Некому! Николай Николаевич закликает спасти отречением жизнь Наследнику. Царь читает телеграммы Главнокомандующих, добавленную к ним – от Алексеева, чьё мнение уже достаточно известно (но кашу маслом не испортишь). Везде суть одна: отрекись, или... Подоспела и депеша от адмирала Непенина, командующего Балтийским флотом: присоединяется к «ходатайствам» о «немедленном принятии решения, сформулированного председателем Гос. Думы» и тоже предупреждает о «катастрофе», если «решение не будет принято в течение ближайших часов».

***

С утра 2 марта Николай знает о присланной в штаб Северного фронта телеграмме Клембовского: «Известно ли вам о прибытии сегодня конвоя Его Величества в полном составе в Государственную Думу с разрешения своих офицеров и о просьбе депутатов конвоя арестовать тех офицеров, которые отказались принять участие в восстании?»

Отборная охрана, обласканные, наделённые привилегиями гвардейцы: и те – против! Теперь. А что будет после разоблачения? Ружский, Алексеев, верхи армии, Родзянко куда как настоятельно дали и дают понять: не сделаешь по-нашему – станешь убийцей твоих детей! Монарх перед очевидностью: упорство приведёт только к одному. Ружский скажет ему об аресте, и народу объявят: принёсший России столько несчастий царь-немец, прятавшийся под русской фамилией, взят под стражу. Каким шквалом это отзовется, неотразимо подкрепив и приумножив слухи о разгуле шпионажа, о германских пособниках, что до сего дня везде и всюду безнаказанно творили своё чёрное дело...

Николаю, который не может не быть во власти впечатлений, вручен полученный из Ставки образец манифеста об отречении. Ружский вызывает в вагон генералов своего штаба: Болдырева, Данилова, других. Все они – за немедленное подсказываемое царю решение.

В 15 ч. 2 марта императором подписаны манифест, который в этом варианте обнародован не будет, и тексты для двух телеграмм. Первая: «Председателю Государственной Думы. Петроград. Нет той жертвы, которую я не принес бы во имя действительного блага и для спасения родной матушки России. Посему я готов отречься от престола в пользу моего сына с тем, чтобы он оставался при мне до совершеннолетия, при регентстве брата моего Великого князя Михаила Александровича. Николай».

Вторая: «Наштаверх Ставка.

Во имя блага, спокойствия и спасения горячо любимой России я готов отречься от престола в пользу моего сына.

Прошу всех служить ему верно и нелицемерно. Николай».

Позже Лукомский напишет, что «Государю, выходящему из вагона в 15 ч. 10 м., было доложено о выезде в Псков депутатов» Гос. Думы А.И. Гучкова и В.В. Шульгина, уполномоченных говорить с ним об отречении. «Государь, – пишет Лукомский, – приказал телеграмму на имя председателя Государственной Думы

задержать до прибытия депутатов, а телеграмму на имя генерала Алексеева взял обратно; в 15 ч. 45 м. Государь потребовал возвратить ему и телеграмму на имя М.В. Родзянко о согласии отречься от престола в пользу сына».

По иным источникам, Рузский не вернул телеграммы Николаю, но и не велел их отправлять – ожидая Гучкова и Шульгина. Официальный историограф Николая II генерал-майор Д.Н. Дубенский оставил запись в дневнике, что царь, отрекаясь, уже знал об ожидаемом приезде депутатов. Он потому и подписал телеграммы, «дабы не делать отказа от престола под давлением Гучкова и Шульгина».

Дубенский отмечает: придворные «выражали сожаление, что государь поспешил, все были расстроены, насколько могут быть расстроены эти пустые, эгоистичные в большинстве люди». По словам историографа, через полчаса после отречения он стоял у окна вагона и плакал, в это время мимо окна прошёл царь с герцогом Лейхтенбергским, весело посмотрел на военного писателя, кивнул ему и отдал честь. Дмитрий Николаевич полагает: «Тут возможна выдержка или холодное равнодушие ко всему». Он замечает также о царе, что после отречения «у него одеревенело лицо, он всем кланялся...»

Не понять ли так, что Николай, когда ему показали: его армия – против него, – оказался сражён, морально убит? «Перед Царем, – позднее напишет Дубенский в книге «Как произошел переворот в России», – встала картина полного разрушения его власти и престижа...» То есть он почувствовал полную беспомощность, увидел, что власти у него уже нет и лишь одно от него зависит: спасти семью от расправы. Она предстала столь вероятной и близкой, что он не мешкая подписал телеграммы об отречении. Затем в сознании, что у него не имелось выбора, что это – Судьба, – почерпнул облегчение. Облегчение оттого, что избегнута катастрофа: разоблачение и, как следствие, неминуемое убийство жены, детей, его самого. Чувством избавления и можно объяснить то, что он сохранял хорошую мину при диктуемой ему игре.

Он «наивно думал, – записал Дубенский в дневнике, – что может отказаться от престола и остаться простым обывателем в России («обывателем», заметим, весьма обеспеченным. – И.Г.)». В разговоре с лейб-хирургом С.П. Фёдоровым Николай обмолвился: «Неужели вы думаете, что я буду интриговать. Я буду жить около Алексея и его воспитывать». Фёдоров, говоря о болезни Алексея гемофилии, в то время неизлечимой, заключил, что наследник вряд ли доживёт до шестнадцати... После этого, обсуждая положение с Фредериксом, Николай заплакал.

Когда в девять вечера приехали депутаты Гос. Думы, он услышал от Гучкова, что с сыном ему придётся расстаться, ибо «никто не решится доверить судьбу и воспитание будущего государя тем, кто довел страну до настоящего положения». На это Николай ответил, что расстаться с сыном не может и передаёт престол своему брату Михаилу Александровичу. Взяв привезённый для него текст отречения, он вышел и примерно через час вернулся с перепечатанным на машинке подписанным актом. Это была насмешка над правом, запрещающим такие немислимые вещи, как отречение за несовершеннолетнего наследника. Но что поделать, коли царя отличала простота отношения к законам, к стране? О свершённом он оставил в дневнике несколько простых фраз: «Вечером из Петрограда прибыли Гучков и Шульгин, с которыми я поговорил и передал им подписанный и переделанный манифест. В час ночи уехал из Пскова с тяжелым чувством пережитого. Кругом измена, и трусость, и обман!»

***

Поборники монархической идеи охотно повторяют, что были, однако, достойные сыны Родины, желавшие во главе верных войск доказать преданность императору. Указывают на командира 3-го конного корпуса, вызвавшегося повести своих гусар, драгун и казаков на Петроград. Генерал-лейтенант, узнав об отречении, отправил на имя царя телеграмму: «3-й конный корпус не верит, что Ты, Государь, добровольно отрекся от Престола. Прикажи, Царь, придем и защитим Тебя».

То, что депешу генерал послал в обход своего начальства, это одно. Но заслуживает внимания и другое обстоятельство. Он собрал представителей эскадронов и казачьих сотен, заявил им, что не верит в добровольный отказ царя от трона, – и *тогда* зачитал посланную телеграмму. Хотя надо было бы, кажется, собрать и выслушать представителей *прежде*, чем телеграфировать: «3-й конный корпус не верит...»

Происшедшее напоминает случай с телеграммой, которую от имени Хана Нахичеванского отправил полковник Винекен. Не мешает сравнить и фамилии отправителей. Командира 3-го конного звали граф Фёдор Артурович Келлер.

Пишут, что его телеграмму передали Николаю лишь после того, как тот был арестован. Отсюда проистекает соблазн гипотез: а какой поворот событий имел бы место, получи царь депешу до ареста и решишь дать Келлеру свободу действия... По воспоминаниям В.В. Шульгина, – он ссылается на мнение барона Врангеля – можно было с помощью «кавалерии, которая сохранилась», «не была разложена ... навести порядок».

Дабы развить гипотезу, нужно для начала оспорить слова С.С.Ольденбурга о положении монарха в Пскове: «При той позиции, которой держались ген. Рузский и ген. Алексеев, возможность **сопротивления** исключалась». (Выделено Ольденбургом).

Но предположим, что Рузского, Алексеева и генералов, которые им помогали, поразил приступ бездеятельности, охватило состояние безволия. Допустим также, что в Николая вселился дух Павла Первого, кричавшего заговорщикам, которые на него бросились: «Умру вашим императором!»

Короче говоря, Келлер получает повеление «навести порядок». Согласимся и с тем, что его кавалерия в самом деле «не была разложена». Гусары, драгуны, казаки 3-го конного корпуса двинулись на Петроград, готовые усмирять бунтующих и клинками и пулями.

Эта решимость представима лишь до момента, пока конникам не открылось, что им приказано привести русских

в повиновение... фон Гольштейн-Готторпу. А как дадут думские деятели сигнал и застучат телеграфные аппараты – разнося гвоздящие фразы об историческом обмане?.. Типографии извергнут тысячи листовок: «Кавалеристы! Граф Келлер ведет вас убивать ваших русских братьев, чтобы на троне усидел немец под краденой русской фамилией!»

Сколько понадобилось бы времени, дабы разоблачение проникло в эскадроны, в казачьи сотни? Как отнеслись бы к нему русские офицеры? Неуж и они и подчинённые остались бы глухи? глухи настолько, что в анналы истории вошло бы: «3-й конный корпус не верит, будто Ты, Государь, – не Царь Русский Романов, а...»

Не дальновиднее ли Келлера оказался генерал Эверт, телеграфировавший царю: «Я принимаю все меры к тому, чтобы сведения о настоящем положении дел в столицах не проникали в армию, дабы оберечь ее от *несомненных волнений*»? (Выделено мной – И.Г.). Допустим, сведения, о которых говорит Эверт, на конников не влияли. Неужели не повлияло бы и разоблачение?..

К слову сказать, через год Эверта, который после Февраля, будучи отрешённым от должности, поселится в Смоленске, солдаты всё-таки убьют. Убит будет и Келлер – на Украине петлюровцами.

Смута, хаос. А ведь, по мнению знающих дело, всё это вполне можно было предотвратить в самом начале. Решительный-де приказ царя перекрыть железные дороги на Петроград – и восставшие, без подвоза продуктов, через три дня сдались бы... Или: государь мог-де уехать в «верное место: в армию Гурко, в гущу расположения своей гвардии, на передовую линию, – из этого твёрдого верного окружения сохраняя возможность проявить свою волю стране» (Солженицын).

Если принять на веру, что ещё существовала гвардия, могущая служить «твёрдым верным окружением», то – опять же – осталась бы она таковой, узнав, кого именно окружает?.. И какие войсковые части согласились бы морить голодом столицу затем, чтобы продолжал царить фон Гольштейн-Готторп?.. Кажется, почему это не увидеть тому

же Александру Исаевичу? Ведь увидел же он «всеобщее состояние», которое в годы войны «ещё усилилось ложными внушениями: что государственная власть не выполняет национальной задачи». (Так и сказал Александр Исаевич: «национальной задачи»). Ему, а не иному принадлежат слова: «главнокомандующие генералы телеграфно столковывались, как стеснить» царя «к отречению, и всем им это казалось полным исчерпанием русских проблем». Вот тут бы и дойти до подробностей «ложных внушений», до истоков того, что убористо названо «русскими проблемами».

То есть заговорить о том, а не была ли Россия поднемецкой страной?..

Не обижая никого подозрением об обиженности, извинимся за вопрос, убедительно ли объяснено Александром Исаевичем поведение тех же русских генералов? О М.В. Алексееве сказано: «Всегда такой оглядчивый, сдержанный, терпеливый Алексеев – не в ночном бреду, но в утренней ясности, не проверив никак: а что на самом деле происходит в столице? не задумавшись: что будет с армией, если неподчинение разжечь на самой её верхушке? – подписал фантастическую телеграмму, призывающую генералов переступить свою генеральскую компетенцию и судить о судьбах императорского трона».

Что же такое нашло на Михаила Васильевича? Отчего – оглядчивый и, не в бреду находясь, – не задумался? «В помрачение утянулся», – вот она, причина. Утянулся, «не видя, что совершает прямую измену своему воинскому долгу».

Столь же исчерпывающе растолковано, почему и другие генералы поспешили «изменить собственной присяге!» Александр Исаевич проникает в самую суть:

«Такое единое согласие всех главных генералов нельзя объяснить единой глупостью или единым низменным движением, природной склонностью к измене, задуманным предательством». Чем, однако, объяснить можно, так «только элементом всеобщей образованной захваченности мощным либерально-радикальным (и даже социалистическим) Полем в стране». Под «Полем», которое

«струилось сто лет», подразумеваются антигосударственный радикализм, умствования интеллигенции, настроения «городской общественности». Силовые линии Поля «густились – и пронизывали, и подчиняли все мозги в стране, хоть сколько-нибудь тронутые просвещением, хоть начатками его». Поселялись в мозгах мысли о вреде самодержавия, об отсутствии свобод, о социальной несправедливости...

А мысли о преобладании немцев – не поселялись! Будто и не говорил никогда Достоевский о фаворизированном племени. Не произносил своей знаменитой фразы-просьбы Ермолов. Не проклинал немцев Скобелев. Не видели русские военные, из поколения в поколение, – кому неизменно и верно удаётся карьера. Не носила в 1914 половина командующих армиями немецких фамилий, не составляли одни только прибалтийские немцы четверть русского офицерства...

Не было ничего подобного. «Поле», которое включало в себя разные оттенки недовольства, возмущения порядками, – при всей своей всеохватности – противонемецкую тенденцию, однако же, не вобрало. Силовыми линиями могли быть и были радикальные, социалистические устремления, а национально-освободительные – нет! Будто вовсе и не то, что принято ими называть, послужило единому согласию генералов, согласию, которое претворили в действие Алексеев и Рузский...

Другой вопрос, что далее дело пошло не так, как они рассчитывали. Власть им не досталась. Но она стала воспоминанием и для людей фаворизированного племени. Разговор о нём с падением монархии, похороненной подписью Михаила Александровича, сделался утратившим серьёзность разговорчиком вчерашнего дня. Насущным было уже иное. Владевшие массами побуждения быстро меняли направление и характер.

Однако то, что двигало восставшими в Феврале, запечатлелось в фактах. Ярость избирала людей с немецкими фамилиями. В Петрограде был убит граф Штакельберг. В Луге закололи штыками лейб-гусара

поручика В.К. Клейнмихеля, конно-гренадера полковника Н.Н. Эгерштрома, генерал-майора Г.Г. Менгдена, графа, чей предок был магистром рыцарского Ливонского ордена. В Твери толпа растерзала губернатора Н.Г. Бюнтинга. Видя скопление людей вокруг дома и зная об убийстве чиновника-немца, Бюнтинг предугадал свою участь, успел связаться с находившимся в Твери викарным епископом и исповедаться.

***

Тем, кто столь настойчиво отнимал власть у «варягов», пришла пора звать кого угодно для спасения собственных жизней. Бессудные расправы множились и на фамилии уже никто не смотрел, ширилось разложение, страна сползала к Октябрю. А там немного понадобилось дней и ночей, отмечаемых деятельностью ревтрибуналов и ЧК, чтобы стало отражением момента: земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет, придите к нам и правьте нами.

Враги немцы вошли в Псков, в Ростов-на-Дону, в Новочеркасск, в Крым, к невероятному облегчению жителей остановив массовые аресты и казни. Бунин в дневнике «Окаянные дни» оставил запись, как в 1918 он с надеждой ждал в Москве прихода германских войск. Однако избавителям хватало и своих забот, помимо спасения русских от русских.

Лечившийся в Пятигорске Николай Владимирович Рузский осенью 1918 вряд ли отказался бы увидеть там германские каски. Арестованный, он на допросах в ЧК падал в обморок. «По дороге в глубь кладбища <...> генерал Рузский заговорил тихим протяжным голосом. С грустной иронией заметил он, что свободных граждан по неизвестной причине ведут на смертную казнь, что всю жизнь он честно служил, дослужился до генерала, а теперь должен терпеть от своих же русских. Один из конвойных спросил: «Кто говорит? Генерал?» Говоривший ответил: «Да, генерал». За этим последовал удар прикладом ружья и приказ замолчать». **(Красный террор** в годы Гражданской войны: По материалам Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков / Под ред. док-ров

ист. Наук Ю. Фельштинского и Г. Чернявского. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2004, с. 50, 51, 53).

Будь палачи грамотными людьми, они могли бы перед тем, как зарубить Николая Владимировича, поговорить с ним о нормандской теории, поразмышлять о роли норманнов и о роли династии фон Гольштейн-Готторпов в России. Ведь не без гордости же сказал Рузский о себе и императоре: «Я – убедил его отречься от престола».

И другие участники дела имели полное право поддержать беседу, которая обернулась бы ничем иным, как, опять же, тоской по варягам. Подобные, слава Богу, нашлись. Бывшие военнослужащие австро-венгерской армии чехословаки начали борьбу с диктатурой большевиков на железной дороге от Пензы до Владивостока. На Север, на Дальний Восток, на Юг бесхозной страны пришли англичане, американцы, французы, войска других государств – членов Антанты.

Но никто не намеревался увязать в войне, биться с большевиками до победы над ними.

Варяги в России не задержались. Правители же её сами были не прочь понести свет к соседям. И, хитря, интригуя, строя козни, делая ставку на обман, подставились нашествию. Народ, поначалу встречавший пришедших хлебом и солью, понял: варяги-то не те! Это примитивные захватчики, оболваненные собственной мерзкой кликой убийц.

Когда с ними покончили благодаря союзу с Великобританией, США и другими странами, союзники России не удостоились благодарности. Их подавали и подают как невыразимо коварных врагов, желающих её распада.

Один из многих примеров: выпущена книга «самого популярного современного историка» Николая Старикова под названием «Кто «заказал» Россию». Англия с Америкой – а вы думали кто? Англичане вложили нож в руки Хионии Гусевой, чтобы пырнула Распутина и не дала ему уговорить царя не воевать с Германией. Англичане вывели толпы на улицы Петрограда требовать хлеба в Феврале 1917. На англичан, спешно разрушая Россию, работало Временное

правительство. Английская разведка обеспечила Октябрьский переворот, надоумив немцев пропустить через Германию пломбированный вагон с Лениным и его соратниками.

А что – дала английская литература гениального Джеймса Бонда, так получай, Англия, обличения от благодарного читателя господина Старикова! Осталось только добавить, что нормандскую теорию, поселив её в головы немцев, в Россию подбросили, опять же, англичане. И ещё непременно нужно к английским разведчикам Сиднею Рейли и Освальду Райнеру присовокупить американца Ли Харви Освальда, что, бесспорно, и сделает с блеском Николай Стариков, ибо количество загадочных фигур свидетельствует об изощрённости противороссийских происков.

Упорство, с каким приветствуется их разоблачение, говорит, что власть верит в нормандскую теорию и дико страшится повторения. Не для того ли, чтобы навечно опровергнуть и похерить теорию, разгоняются мирные манифестации, чей прообраз видят в той вольнице, которая жила в Новгороде после Рюрика?

Власть ищет подпитки у чего-то, что древнее, чем Русь. Это племя рось, полоскавшее рты росой. Его возвеличивают, приписывая ему поклонение косточке медвежьего пениса, превознося поцелуйный обряд. Делая всё не так, как делали бы норманны, созидают антинормандскую Великорось. В ней тупой омоновец, услышав, что его мат не нравится прохожему, хватает того за волосы и кулаком разбивает ему лицо, нимало не стесняясь нацеленных на него камер. Трое других работников милиции, мчась пьяными в машине, таранят автомобиль свадебного кортежа и принимаются яростно избивать жениха и невесту, после чего его и её признают виновными. Виновными объявлены и две женщины, ехавшие в автомобиле и погибшие оттого, что в их ситроен врезался, помчавшись по чужой полосе, мерседес миллиардера.

Суды по указанию сверху глумливо занимаются всякого рода подтасовками и осуждают невиновных,

оплёвываются закон, статьи Конституции. Если власти хочется, чтобы кто-то умер, она посылает ему смерть в обличье, какое ей желательно, и следственные органы скрывают убийц. Если властимущему или кому-то связанному с ним приглянулся ваш домик, вас из него вышвыривают, напрочь отбив охоту искать справедливости. Это происходит чаще и чаще, став той повседневностью, каковая должна обратить нормандскую теорию в прах под ногами. Но чем яростнее она опровергается, тем упрямее о ней напоминает зов последней надежды: земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет, придите к нам и правьте нами.

Так, может, оставить теорию в покое, Бог с ней? Перестать в ней разубеждать – то есть прекратить разгонять демонстрации, начать отучаться от брызг крови из-под дубинок, не заламывать людям руки за спину, не срывать с ветеранов войны ордена. И как-нибудь так уж постараться и не бить безоружных людей в лицо, и не только в лицо, но и по затылку. И если на это решиться, тогда шагнуть дальше: выпустить из-за решётки осуждённых несправедливым судом, разоблачить и отдать под суд всех, кто стоит за общеизвестными нераскрытыми убийствами и взрывами домов в Москве, Волгодонске, на «учениях» в Рязани, досконально расследовать злодеяния в Беслане. Ну и, конечно, провести выборы по закону.

А то ведь придут не с Севера и не с Запада – и не править, а освобождать землю для своих.

Список использованной литературы

- Бильбасов В.А. История Екатерины II. Т. 1 – 2. Берлин, 1900.
- Блок Александр. Последние дни старого режима. – Архив русской революции, изданный Г.В. Гессеном. В 22 томах. Переиздание – М.: «Тerra»: Политиздат, 1991. IV, с. 5-55.
- Богданович А.В. Три последних самодержца. Дневник. Изд-во Л.Д. Френкель. М. – Л., 1924.
- Валишевский Казимир. Преемники Петра. М., книгоизд-во «Современные проблемы». 1912.
- Валишевский Казимир. Сын Великой Екатерины. СПб., 1914.
- Временное правительство и анархия. Гражданская война. – М.: «Страстной бульвар», 1993.

- Данилов Юрий. На пути к крушению. Очерки последнего периода Российской монархии. М.: ЗАО Издательский дом «XXI век – Согласие», 2000.
- Дубенский Д.Н. Как произошел переворот в России / Тайна власти. Харьков: «Фортуна-Пресс», 1997.
- Епанчин Н.А. На службе трех императоров. М.: Наше наследие, 1996.
- Искюль С.Н. Год 1762 – СПб.: Информационно-издательское агентство «ЛИК», 2001.
- Карнович Е.П. Родовые прозвания и титулы в России и слияние иноземцев с русскими. СПб., изд. А.С.Суворина, 1886.
- Ключевский В.О. Лекции LXXII – LXXXVI. Русская история. В пяти томах. Том 3, М.: «РИПОЛ КЛАССИК», 2001, с. 171-483.
- Ключевский В.О. Императрица Екатерина II (1729-1796). Там же, с. 507-565.
- Кузнецов В.В. Русская Голгофа. – СПб.: Издательский Дом «Нева», М.: Издательство «ОЛМА-ПРЕСС», 2003.
- Лукомский А.С. Из воспоминаний. – Архив русской революции. II, с. 14-45. Документы к «Воспоминаниям» ген. Лукомского. Там же, III, с. 247-271.
- Солженицын А.И. «Русский вопрос» к концу XX века. – Сб. «Ленин в Цюрихе. Рассказы. Крохотки. Публицистика». Екатеринбург: изд-во «У-Фактория», 1999, с. 661-741.
- Шилов Д.Н. Государственные деятели Российской империи 1802-1917. Биобиблиографический справочник. Издание второе, исправленное и дополненное. СПб., издательство «Дмитрий Буланин», 2002.
- Шильдер Н.К. Император Павел I. СПб., 1901.
- Шмурло Е.Ф. ЭПОХА ПЯТАЯ. 1725-1855, ЭПОХА ШЕСТАЯ. 1855-1917. В книге «История России. 862-1917». М.: «Аграф», 2001.

Михаил Хазин

Светлана Якир и её близкие

Не опубликованная переписка Льва Кассиля, Анатолия Кузнецова с молодой писательницей

ков Иосифович Якир, еврейский писатель, отец Светланы: *«Вызовут меня в НКВД на допрос, – отпираться не стану. Да, откровенно скажу, я родственник того самого Якира. Красного командарма. Вы говорите, он подлец, предатель? Трудно представить... У нас в Бессарабии он был честным, порядочным человеком. Не знаю, что вы с ним сделали, что он у вас стал таким...»*

Маня, жена Якова Иосифовича (после ареста мужа): *«Грустная, очень грустная получается стирка, когда в стирке нет мужского белья».*

Светлана Якир, их дочь, писательница: *«В палате тяжелобольных нас было три женщины... все после сложных операций... И вот привезли к нам на каталке четвертую, – молодую здоровую деваху... Пыталась отравиться. Из-за несчастной любви. Откачали дуру. Мы наперебой ругали ее. И жалели. И смеялись над ней... Что молодость знает о ценности жизни?!»*

Вита, шестилетняя дочь Светланы, внучка Якова Иосифовича, будущая журналистка Виктория Мунблит: *«Мы с бабушкой лежали на диване... Он рассказывал, что есть нехорошие слова. Такие нехорошие, что дети их не должны говорить... Дедушка перечислил много таких слов, велел хорошенько запомнить, что такие слова нельзя повторять...»*

С семьей Якир (и с каждым ее членом в отдельности) меня связывают нити, – нет, скорей, узы воспоминаний.

Начать с того, что ряд лет я жил с ними в одном дворе на уютной, осененной каштанами, липами, акациями кишиневской улице, которую старожилы называли Синадиновской. К Якову Якиру меня влекло не просто как к еврейскому писателю, но еще больше – как к мученику, вернувшемуся домой после восьми лет каторги в Колымских лагерях. Яков Иосифович был, наверно, первым реабилитированным, первым возвращенцем из ада, которого мне довелось увидеть после смерти Сталина, и я испытывал жгучий интерес к его личности и судьбе.

Яков Якир

Хотя у меня было приподнятое настроение по случаю наступившей оттепели, переоценки ценностей, возвращения невинно осужденных, Якир не разделял моей восторженной доверчивости, не спешил рассказывать о пережитом, словно наказ тюремщиков «о неразглашении» еще не утратил власти над ним. Яков Иосифович с трудом

возвращался к литературной работе, и я, стараясь его растормошить, написал с ним в соавторстве статью о стихах нашего общего приятеля, молдавского поэта Петра Заднипру, опубликованную в «Дружбе народов», затем мы подготовили публикацию о трех найденных письмах Шолом-Алейхема, адресованных издателю из молдавского города Сороки, – для журнала «Днестр».

Маня Якир, жена писателя, хотя и была простой домохозяйкой, никогда не пыталась предстать салонной интеллектуалкой, обладала острым умом, яркой речью и, по мнению многих, была даже «больше писательницей», чем ее муж. Однажды, еще до возвращения Якира с Колымы, стирая в лохани все, необходимое для семьи, Маня со вздохом произнесла: «Грустная стирка, когда в ней нет мужского белья». Как-то я сказал Мане, что собираюсь на концерт известного танцовщика Махмуда Эсамбаева, она с улыбкой спросила: «Он что, – танцует по-еврейски?»

К Якирам часто приходила в гости младшая сестра Мани, Йента Маш с мужем, не так давно вернувшаяся из сибирской ссылки. Внешне ничто в ней пока не предвещало, что через много лет, после ее репатриации в Израиль, Йента Маш в не молодые годы станет там известной писательницей.

У Якиров было двое детей. Сын, родившийся незадолго до окончания войны и названный Шолом, что означает мир. На русский лад в обиходе его звали Шурик. И дочь Светлана, родившаяся до войны и до прихода советских освободителей. Ее еврейское имя было Блимале, цветок.

Со Светланой Якир, почти моей ровесницей, мы ходили в литературное объединение при газете «Молодежь Молдавии», которым руководил Кирилл Ковальджи, дружили семьями. Когда в Кишиневе открылся долгожданный Еврейский народный театр, который создали и возглавили поэт Мотл Сакциер и режиссер Рувим Левин, ранее учившийся в студии Михоэlsa, мы в соавторстве со Светланой, тогда уже страдавшей тяжелым недугом, написали радостную рецензию на первый спектакль этого

еврейского театра – о Шолом-Алейхемовской Касриловке. И опубликовали мы ее в «Вечернем Кишиневе».

О том, каким несомненным талантом обладала Светлана Якир, свидетельствует дружеское внимание к ее публикациям таких мастеров словесности, как Лев Кассиль, Любовь Кабо, Анатолий Кузнецов, Кирилл Ковальджи, Ион Друцэ. Каждый из них оставил отзыв о ее творчестве или состоял в переписке с ней. Обстоятельства сложились так, что поделиться воспоминаниями о Светлане Якир меня обязывает не только долг дружбы или, может быть, ностальгия по нашей общей молодости, но целый ряд не опубликованных писем, мало известных материалов, сохранившихся у меня и, на мой взгляд, обладающих поныне несомненной историко-литературной ценностью. Их надо ввести в литературоведческий и читательский оборот.

Светлана Якир

Но прежде чем перейти непосредственно к новым текстам, я счел нужным дать краткую биографическую справку о Светлане Якир. Заглянул в интернет и с радостью обнаружил в «Википедии» заметку, посвященную ей. Нашлось в мировой сети место для памяти об одаренной писательнице, прожившей так мало лет и оставившей теплый след во многих сердцах.

Светлана Якир (1936-1971) родилась в Кишинёве в семье бессарабского еврейского писателя Янкеля Якира.

Росла в Кишинёве и в местечке <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%95%D0%B2%D1%80%D0%B5%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5%D0%B7%D0%B5%D0%BC%D0%BB%D0%B5%D0%B4%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%BD%D0%B8%D0%B8%D0%B2%D0%91%D0%B5%D1%81%D0%B3%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B4%29> Згурица Сорокского (уезда), где проживала семья матери вплоть до депортации, – принудительного выселения в отдалённые районы Сибири сразу же после советского «освобождения» Бессарабии в 1940 году http://ru.wikipedia.org/wiki/1940_%D0%B3%D0%BE%D0%B4 (в соответствии с пактом Молотов-Риббентроп). Бабушка погибла на поселении.

В годы Второй мировой войны – в эвакуации в Узбекистане. После войны отец Светланы, Яков Иосифович Якир, имевший честь сотрудничать с Еврейским Антифашистским Комитетом, был репрессирован, и семья осталась практически без средств к существованию. В годы оттепели Светлана окончила литературный факультет Кишинёвского педагогического института имени Иона Крянгэ (1954-58), затем работала в библиотеке.

Публиковаться начала в периодических изданиях вскоре после окончания института и быстро проявила себя незаурядным дарованием. Первый сборник повестей и рассказов «Жил-был двор» вышел в кишинёвском издательстве «Лумина» в 1968 году. В него вошла повесть «Мы – тыловые дети» и другие рассказы. В 1970 году в кишинёвском издательстве «Картя молдовеняскэ» вышел другой ее сборник рассказов – «Апроша».

Последний прижизненный сборник повестей и рассказов «Жил-был двор» вышел в московском издательстве «Молодая гвардия» в 1971 году и в том же году Светлана Якир умерла после продолжительной

онкологической болезни. Посмертно, в Израиле в переводе на идиш, выполненном её отцом, вышла книга «Белая козочка с серебряными колокольчиками» (*Ди Вайсэ Циг Мит Ди Зилбэрнэ Глэкэлэх*, 1976).

***

Лев Абрамович Кассиль отнесся с живым интересом и доброжелательностью к творчеству Светланы. Познакомились они в начале 1969 года в Москве, на пятом Всесоюзном совещании молодых писателей. Незадолго до того у Светланы Якир вышла повесть «Жил-был двор». Вообще она держала курс на взрослую прозу и огорчилась, что определили ее в семинар детской литературы. Но, узнав, что руководить семинаром будет Кассиль, искренне обрадовалась.

«Моей первой любовью в литературе стали повести «Кондуит и Швамбрания», – рассказала Светлана. – И что бы я потом ни читала, каким жанром ни увлекалась в пятом, седьмом, девятом классе, я неизменно от Жюль Верна и Стивенсона, Дюма и Гюго, от советских детских писателей возвращалась к «Кондуиту и Швамбрании». Каждый раз я находила в этих повестях новые достоинства, и хотя я потом перечитала все книги Льва Кассиля, самыми любимыми остались те... Именно ею – «Швамбранией» – я (уже будучи педагогом) усмиряла буйных шестиклассников...»

Лев Кассиль

Личное знакомство с Кассилем, участие в его семинаре – все это оставило глубокий след в душе Светланы. Превозмогая недуг, она жила творчеством. Работала над рассказами, жила литературой до последних дней...

Адресованные ей два письма Льва Кассиля приоткрывают творческую лабораторию известного мастера, и уже одним этим представляют историко-литературный интерес. Отзывчивость сочетается в них с взыскательной оценкой произведений молодой писательницы и надеждой, что она – перспективный автор.

Москва. Переделкино, 13.4.69.

Одно из первых изданий Швамбрании

Милая Светлана Яковлевна!

Спасибо Вам за очень сердечную и теплую заметку о нашем семинаре на Совещании Молодых, которую я прочел в «Литературной России». Спасибо Вам за добрые слова. Даже если тут есть и гиперболизация Ваших ощущений, я признателен Вам и за хороший порыв, побудивший Вас написать...

В «Литературной России», где я рассказывал в частном порядке о нашем семинаре, мне сообщили, что они намереваются напечатать Ваш рассказ «И снова марш». И попросили прочесть Вашу рукопись. Это было 9-го апреля. Но я только сегодня, выбравшись на полдня к себе на дачу, с дорожным чемоданом, набитым рукописями, – больше чужими, чем своими, – сумел познакомиться с Вашим рассказом.

Он очень глубок и выразителен по внутреннему своему настроению и точности авторских красок. Но, честно Вам скажу, самая концовка показалась мне надуманной и несколько вывихнутой. Все до этой страницы трогает,

волнует, раскрывает сущность мироощущения Вашей тихой и любящей Фени, все выглядит типичным, правдивым, а вот тут, как мне показалось, что-то пошло уж от лукавого... Или что-то я тут просто не понял? Ну почему, в самом деле, у матери, получившей только что два письма от сына и предвкушающей чтение их дома, вдруг так странно изменился слух, заставивший при звуках маршей, к которым она относилась хотя и без особой симпатии, но не так уж враждебно, отказаться мысленно от всего, что намечалось ею на вечер, как нечто желанное?

Если даже вынужденное слушание маршей породило непереносимую усталость, то мне все же непонятно, как марши могли хотя бы на минуту заглушить в Фене голос заветных мыслей и чувств. И еще что-то не совсем ясно с будильником, на который косится, слушая марши, Феня. Ведь будильник-то мы до этого встречали дома у Фени, а не у Тепловых. Или тут что-то сократили в редакции?

Все это я пишу Вам лишь потому, что дарование Ваше показалось мне незаурядным, свежим, поэтичным. И я уже не могу быть невзыскательным к Вам. В редакции я ни с кем своими замечаниями делиться не буду, чтобы не ставить препон на пути Вашему рассказу в печать. В конце концов, может быть, я ошибаюсь. Но лично Вам я счел своим долгом высказать свое суждение.

Желаю Вам всяческих дальнейших успехов в работе. Жаль, что Вы уходите из литературы, обращенной к детям. Поверьте мне, лучших читателей на свете нет. Но, конечно, я Вас уговаривать не собираюсь, упаси Бог!..

Будьте здоровы и счастливы.

Лев Кассиль.

***

Москва, 20 июня 1969 г.

Уважаемая Светлана Яковлевна!

Уже давно, вернувшись с месяц назад из Японии, я получил Ваше письмо и тогда же решил как можно быстрее прочесть пришедшую еще до этого бандероль с журналом «Кодры», в котором напечатаны Ваши рассказы. Но Вы, по-видимому, совершенно не представляете себе той меры моей загруженности, которая буквально расплющивает все мои

дни, погребая часто под собой самые добрые намерения. Так что не надо меня корить за то, что я не смог столь стремительно, как Вы ожидали, прислать Вам свой отзыв. Я же не нахожу возможным упрекать Вас в том, что Вы не прочли в «Литературной газете», в большом очерке обо мне И. Дика «В штабе адмирала Швамбрании», упоминание о предстоящей мне поездке с докладами в Японию... Иначе Вы бы и без моих пояснений знали, что меня долго не было в Москве.

Если бы Вы хоть часок посидели у меня в кабинете на московской моей квартире, оглашаемой непрерывным телефонным трезвоном и звонками «сорока тысяч курьеров» с парадной лестницы, если бы Вы взглянули хоть одним глазком на груды писем, журналов, книг, папок с чужими рукописями, загромождающими все вокруг, Вы бы не рассчитывали на молниеносный отзыв. Сейчас я, помимо всего обычного, без конца читаю рукописи рвущихся в Литературный институт, так как работаю в Приемной комиссии, а кроме того, на моих руках около дюжины моих дипломников, заканчивающих в этом году курс в Литературном институте. Все-таки, выбравшись к себе на дачу, я прочел все Ваши рассказы, напечатанные в «Кодрах». Больше всего мне понравился рассказ «Апроша», очень душевный, сильный по вложенным в него эмоциям, очень точный по диалогу, глубоко берущий за сердце. Жаль только, что там, где Вы говорите о прошлом старика, бывшего когда-то букинистом, Вы не нашли нужных, запоминающихся деталей, которые должны были бы живо свидетельствовать о знаниях и книжных страстях этого персонажа, будучи вложены в его уста, и приходится тут верить автору на слово. Тут нужны были бы и названия редких книг, и фамилии давно ушедших неизвестных авторов, и другие библиографические раритеты.

Очень симпатична новелла «Моя знакомая собака». Она запоминается надолго.

Рассказ «В тенистом уголке» интересен и тем, что в нем проявляется хорошая наблюдательность автора, и тем, как решены линии Елены Тимофеевны и Клавдии Степановны, где-то скрещивающиеся, где-то идущие

параллельно, а в чем-то вдруг оказывающиеся несопоставимыми. Не банально дан массовик Миша, хотя не все в его образе выписано убедительно.

Менее других привлек меня первый рассказ «Пир горой», по теме и материалу своему мало что нового вносящий в наше ощущение военных лет и тягот. Да и последняя фраза его звучит весьма натянуто и «тускло».

А в целом я рад, что не обманулся в Вас. Желаю Вам всего доброго.

Лев Кассиль.

Что и говорить, хорошие письма писал мэтр своей «семинаристке». В меру душевные, аналитические. Но едва ли не больше места, чем анализ ее рассказов, занимает «самоотчет» Льва Абрамовича о его бурной деятельности, не лишенный рисовки. Светлана рассказывала, что некоторые участники московского семинара подметили эту слабину своего шефа. Смаковали эпиграмму:

Мы пахали,
мы косили...
Самохвалы
мы, Кассили...

***

Письма Анатолия Кузнецова (1929-1978) к Светлане Якир, добротные писательские письма, и сами по себе представляют литературный интерес. Но есть у них еще одна ценная особенность. В какой-то мере они помогают понять, какая скрытая внутренняя борьба горела в душе этого успешного, на первый взгляд, автора «Продолжения легенды». Его печатали миллионными тиражами, медные трубы славы гремели.

Самого Анатолия Кузнецова официальная печать сделала едва ли не легендарной личностью: участник комсомольской стройки, талант из рабочей среды, безупречная анкета. А он возьми да переметнись обманным маневром по другую сторону железного занавеса. Во вражеском издательстве «Посев» опубликовал полный текст своего «Бабьего Яра», работал на «Радио Свобода».

Анатолий Кузнецов

В письмах Кузнецова ощутима душевная неустроенность этого замкнутого, почти загадочного человека, его нетерпимость к фальши, лжи, диктату чиновничьей цензуры. При всей его славе, Кузнецов не стал литературным вельможей. С дружеской откровенностью беседует он с молодой писательницей Светланой Якир. Да ведь и сам начал писать рано. В оккупированном Киеве, когда ему было четырнадцать лет, тайком стал заносить в тетрадочку свидетельства о кровавых событиях вокруг Бабьего Яра. Из тех записей вырос его роман «Бабий Яр», который дома, в своей стране, удалось напечатать лишь в усеченном, изувеченном виде. Всего лишь как антифашистский документ. А он в действительности глубже и смелей. Это – антитоталитарное произведение. В его не изуродованном, полном тексте по заслугам воздается и тому режиму, который устроил на Украине голодомор, унесший миллионы жизней.

Кстати сказать, известное стихотворение Евтушенко «Бабий Яр» косвенно тоже связано с Анатолием

Кузнецовым. Это он водил Евгения Евтушенко по памятным, трагическим местам Киева, вместе с ним размышлял о бойне, устроенной здесь гитлеровцами...

Переписка со Светланой Якир началась с того, что Кузнецов написал внутреннюю рецензию на ее рассказы, представленные в московское издательство «Молодая гвардия». Отклоняя их, рецензент тем не менее нашел теплые, дружеские слова для автора из глубинки. Он, в частности, писал:

Здравствуйте, Светлана! Где бы вы ни оказались, что бы вы ни делали, никогда не бросайте писать, а, наоборот, пишите как можно больше и так же тепло, волнуяще и искренно, как написаны «Две Зиночки» и особенно «Чужая судьба».

Никогда не теряйте этой чуткой внимательности к людям, боли от их страданий, радости от их счастья, которые звучат в ваших первых литературных опытах. Напечатать в «Молодой гвардии» ваши рассказы пока нельзя. Но пусть это вас не огорчает. Лично мне кажется, что вы будете печататься. Может быть, это время даже не так далеко.

У вас есть главное качество писателя: умение художественно осмысливать жизнь, а это дается не каждому. Беда ваша – нет, не беда, а поправимый недостаток – в том, что пока вы еще как-то по-детски, не очень глубоко вникаете в сущность явлений, которые беретесь описывать. Уверен, что это от молодости. Вы только не обижайтесь, Светлана. Вполне естественно, что вам еще трудно «по-взрослому», глубоко и мужественно разбираться в жизни; ваши рассказы написаны, так бы сказать, школьницей, несколько наивно, несколько сентиментально, несколько неглубоко.

Я сам молодой писатель и прекрасно помню, как еще недавно у меня никак не получались «взрослые» рассказы. Мне много толковали о поверхностности изображения, о схематичности характеров, и никто не догадался сказать: да ты еще молодой и глупый, ты еще не знаешь, как следует, жизни... А мне это доставило столько мучений.

Опытность и то, что называют «жизненной мудростью» придут, а вы пишете, пишете и пока не огорчайтесь, если вас будут отвергать. Возможно, иной раз будут очень больно и обидно отвергать. Когда вам будет трудно и грустно, читайте и перечитывайте «Мартина Идена». И всегда пишете о том, что вас по-настоящему, глубоко трогает и волнует.

Итак, письма Анатолия Кузнецова к Светлане Якир.

№ 1

27.01.1966

Здравствуйте, Светлана!

Ну, спасибо вам за письмо, очень приятное письмо, и я, раздувшись от гордости, подтверждаю, что рецензия из «Молодой гвардии» была, действительно, моя.

Правда, не помню теперь, что вы тогда присылали, потому что рецензий вот таких я написал с тех пор сотни. Вы должны знать, что рецензии – это первое средство спасения от голодной смерти разной нищей литературной братии, и вот я тогда, студент Литинститута со стипендией в 220 руб. (старыми, конечно) в месяц, отчаянно искал заработка. Редакция «Молодой гвардии» была в нашем дворе, Тверской бульвар, 25, и вот они спасали меня тем, что давали материалы на рецензирование, а я за это получал денежки. Только благодаря этому я мог не слишком нагло голодать и писать «Продолжение легенды», эту книжку я как раз начал в 1956 году.

Так что умные слова, которые я вам тогда написал, были не слишком бескорыстными. Но я работал очень честно и убивал авторов, горюя. Дело в том, что на рецензии отправляются только такие вещи, которые по той или иной причине редакцией отвергнуты, и мне было сказано: «Вот это не пойдет, надо объяснить автору убедительно». «А если это хорошо?» – спросил я. «Все равно убить. Вам даются вещи на убой».

Таким образом, даже если бы редакция решила отвергнуть «Войну и мир» или «Тихий Дон», я должен был бы убедительно рассказать авторам, почему это плохо и убить их.

За время работы рецензентом в столичных редакциях (я еще рецензировал потом в «Огоньке», «Юности», «Работнице», «Новом мире» и «Знамени», видите, какой стаж!) мне довелось насмотреться на многое, и я пришел к одному любопытному выводу: что автор, присылающий в столичный журнал свое произведение по почте, **практически не имеет никаких шансов быть опубликованным.**

Теоретически – да, но практически – никаких. По крайней мере, я такого чуда лично не видел. До конца я так и до сих пор в этой петрушке не разобрался. Тут действуют многие факторы, но главный следующий.

Рукописей поступает в редакции Москвы баснословное количество. Заведующие, с частности, отделами прозы читать все, конечно, не в состоянии. Да они и не стали бы читать, ибо заняты совсем другим делом: охотятся за именами, за маститыми, обзванивают их и просят «что-нибудь» для очередного номера, затем с ними же и работают. То, что поступает «самотеком», в лучшем случае просматривается рядовым редактором или консультантом. Им совсем неохота ходить и доказывать, что вот-де неплохая рукопись прислана неизвестным автором. Ну и что, что неплохая, – говорят ему, – а что она даст журналу? Верните с ответом, что напечатать не можем, приложите рецензию.

Несколько раз так обжегшись, редактор или консультант уже не морочат никому голову, а тут же, получив очередную почту, вручает пришедшие рукописи какому-нибудь голодному Тольке Кузнецову: это не пойдет, надо объяснить автору убедительно. Толька Кузнецов пыхтит, объясняет, и так эта машина работает: вы посылаете, почта доставляет, секретарша распечатывает, редактор, не глядя, отдает «на убой», рецензент убивает, секретарша запечатывает, почта доставляет, а вы получаете и – убиты, убиты, убиты.

Стена эта непробиваема, посылайте хоть заказным, ценным, хоть с уведомлением о вручении, хоть с автобиографией, хоть без. Жаль, что вы не написали мне

раньше, я бы это вам рассказал, избавив от совершенно бесполезного труда и траты нервов.

В столичные редакции нужно являться только лично. Сейчас меня знают во всех редакциях и почитают за честь что-нибудь от меня заполнить. Меня осаждают звонками и телеграммами с просьбой дать что-нибудь в очередной номер, – и представьте себе, даже сейчас я не позволяю себе отсылать что-нибудь по почте, а привожу только лично. Даже если нужно только отдать, положить на стол, я сажусь в поезд, еду в Москву, заявляюсь в кабинет заведующего прозой и кладу на стол.

Зачем? Не знаю, не могу толком объяснить, но десятки раз замечал, что если пошлю, начинается тягомотина, рукопись там валяется, ее никто не читает. Проходит месяц, другой, я уже волнуюсь, приезжаю в Москву, захожу, спрашиваю: ну, как? И мне с невинным видом отвечают: «Ах, да, да, завтра же прочтем». Пока сам не поедешь, не подтолкнешь: почему не печатаете? – так все и лежит камнем.

Довольно много значит и телефонный звонок. Вот почему я действую обычно так. Написал. Отвез лично в Москву. Поговорили о погоде, здоровье, детях. Редактор кладет рукопись перед носом, чтобы «сейчас же» прочесть. Дудки, сейчас же он никогда не читает. В лучшем случае, она будет мозолить ему глаза несколько дней, путаться и перекладываться на столе, пока уже его совесть не заест, тогда он возьмет ее домой, и он прочтет ее в метро, в постели, за ужином, но прочтет. За это время я пару раз позвоню ему, невинно спрашивая: «Еще не прочли?» И он понимает, что читать надо. Что – о погоде говорили? Говорили. О семье, о детках говорили? Говорили. Кузнецов – хорош парень? Хорош, конечно. Ах, ах, надо читать...

За это же время через редакцию пройдут 77 рукописей разных Светлан, присланных по почте, о прочтении которых даже и речи не может быть.

Но вот рукопись прочитана. Она не ахти. Если бы можно было отделаться рецензией по почте, то, может быть, и Анатолию Кузнецову ответили: «Замысел хороший, тра-та-та, к сожалению...» Однако, Кузнецов рецензий не ждет,

он является сам. И приходится волей-неволей ему лично толково и убедительно объяснять. Кузнецов говорит: «Прекрасно» и тут же исправляет чего надо. Что делать? Ничего не остается делать, как только печатать.

И вот вам, наконец, притча о том, как я начал это постигать и как я впервые напечатался в «Огоньке» в том же 1956 году, еще будучи никем, просто студентом. Вот как это было.

Я принес рассказ в «Огонек», спросил, кто зав. прозой. У меня пытались рукопись отобрать, в кабинет не пустить, но я прорвал все заслоны секретарш, предстал перед завом и сказал:

У меня только одна просьба: прочтите лично сами – и никаких рецензий. Рецензии я сам в «Молодой гвардии» пишу, и не надо мне ничего объяснять, вы мне только, сами прочтя, скажете «Да» или «Нет». Я позвоню, а вы скажете «Да» или «Нет». Когда позвонить?

Заву это так понравилось, что он мой короткий рассказик на 10 страницах прочел всего-навсего за неделю. Я не торопился со звонком, позвонил через две недели, и он мне бодро сказал в трубку: «Да! Уже отдали на иллюстрации». Рассказик был не хуже и не лучше других, и его в их числе уже возвращали мне с рецензиями.

Вот с тех пор, говорю вам, я ношу свои рукописи лично, за ответом прихожу лично. Времена «Мартина Идена» миновали. Рукопись – это как ребенок, за каждым шагом ее нужно присматривать лично, никому нельзя доверять.

Конечно, Тула и Кишинев – разные вещи. Отсюда за каких-нибудь три часа добираться до Москвы, а из Кишинева – это уже целое путешествие. Везти рукопись вручать, а потом позванивать, подхлестывать, являться за ответом, дорабатывать – это надо ехать на месяц, получается. А что я могу вам посоветовать? НИ-ЧЕ-ГО. Или так, или откажитесь от мысли печататься в Москве, прежде чем не станете величиной хотя бы с Коптяеву, или Николаеву, или Панову. Даже провинциальный член Союза писателей для столичных редакций – ноль без палочки. Можете себе хоть золотом подписаться: «Н.Н., член СП

СССР» – вам исправно вернут рукопись с убедительной рецензией. Сам сколько раз писал.

Ой, я бы об этой кухне мог вам рассказывать на ста страницах, но, однако, это вряд ли вас вдохновит... Я бы очень хотел вас чем-нибудь вдохновить, но откуда я знаю вас, ваши условия, ваши возможности? Если вы русский писатель, то без Москвы, или без Ленинграда, на худой конец, вы НИКОГДА, НИЧЕГО порядочного не сделаете. Все, все, кто вылезал из провинции, обязательно околачивались по Москве и если позволяли себе ее оставлять, то не раньше, чем добившись признания – вроде Тендрякова, Солженицына и т. д., да и тот же Шолохов «родился» не в Вешенской, а именно в Москве.

Есть в Иркутске такая поэтесса, моя однофамилица и ваша тезка – Светлана Кузнецова, так себе поэтесса, и никто ее не знал. Приехала в Москву, околачивалась по редакциям, смотришь, стала печататься, смотришь, там где-то вечер поэзии – она подвернулась, выступает, там делегацию писателей посылают в Эстонию, кто-то не смог поехать, Светлану всунули – поехала. Понимаете, одним своим присутствием «на месте события» она выбилась и теперь, куды ж там, маститая такая, стихи подписывает «Иркутск. 1965», а на самом деле половина тех стихов по московским гостиницам написана. Да и когда она уехала, то уже присылать по почте могла рискнуть. Ибо посылала людям знакомым, ее хорошо знающим, просто Светкой называющим. И одно дело письмо со стихами от какой-то Кузнецовой из Иркутска, другое дело стихи, присланные Светкой, «той самой, что, помните, на вечере в МГУ выступала?»

Ну, вот, кажется, все, осталось объяснить, почему это письмо красное. В Туле нет лент для пишущей машинки, а я вчера бегал по Москве, искал, искал – и там нет! В одном единственном магазине пишущих машинок на Кирова были вот такие красные, для счетных машин, вернее, они двухцветные, другая половина чернильная. Я купил. Заложил чернильную, а она такая жирная, все буквы сливаются. Красная половинка тоже жирная, но хоть не так. А нижние хвостики «у», «р», видите, захватывают

чернильную. Итак, голь на выдумки хитра, будем писать красным цветом!

Вашу книжку я прочту, как только снова поеду в Москву – три часа дороги, одно удовольствие, хоть почитать можно. И напишу, понравилось ли. И хорошо, что без надписи, я их не люблю. Большой у вас ребенок? Моему Алешке 6 лет.

Желаю вам добра и всем вашим. Будьте здоровы. Еще раз большое спасибо за такое приятное для меня письмо!

Анатолий Кузнецов

P.S. Яков Иосифович Якир – не ваш ли отец?

№ 2

21.02.1966

Здравствуйте, Светлана!

Я не виноват, что мое письмо вас долго искало: адрес я переписал точно из вашего письма. Вижу, я вас расстроил. Так у меня всегда, – говорю, что думаю, а потом оказывается, что причиняю боль. Но я не думал сказать что-нибудь для вас обидное, просто объяснял, что без кипящего котла центра России большим русским писателем сделаться невозможно. Но вы можете не соглашаться с этим и спорить. Десятки писателей со мной бы спорили, только сколько они ни спорят, а их творчество говорит само за себя и сводит на нет их доводы.

Я только что вернулся из Киева, куда ездил по делам романа, который сдаю в «Юность». Ваша книжка помогла мне коротать часы дороги. Она очень искренняя и милая, но и очень неумелая, этакая «самодеятельная», примитивная чересчур. Простота-то простота, но это не та простота, которая сестра таланта, а простота примитива. Все это потому, что у вас нет железной хватки, которая вырабатывается именно в столичном котле. Походили бы вы с этой книжкой в «Детгиз», да получили бы десятки оплеух, оскорбительных отзывов и отказов, – как это, кстати, было со мной лет 12 подряд, – и разозлась, обрели бы литературную ярость, которая толкает нас не просто на книжку, а на книжку обязательно сильную. Конкуренция.

Очевидно, и там вам приходится конкурировать, – но это слабая конкуренция, когда на безрыбье и рак рыба. Все зависит от того, какие горы вокруг тебя. Мне, еще раз повторяю, ваша книга понравилась. Особенно хорошим искренним тоном. Скромно, мило, как неприметный полевой цветочек. Устраивает вас такая похвала?

Вот, понимаете, меня бы она только огорчила. Хочу писать не полевые цветочки, а выращивать невиданные, экспериментировать, выводить, гибридизировать или как там, новый громадный женьшень вырастить величиной с секвойю. Я знаю, что его не выращу, но хочется дерзать, а не заранее отводить себе скромное место: вот я, мол, скромный сажатель полевых цветов, я тоже нужен.

Я, кажется, какую-то ересь порю. Ладно.

Будьте здоровы! Желаю вам счастья.

И чтоб ваша дочка была здорова-прездорова.

До свидания!

А. Кузнецов

№ 3

24.05.1966

Здравствуйте, Светлана!

Получив ваше письмо, я сразу же написал ответ, запечатал в конверт, а на другой день у меня было другое настроение, и я подумал, что написал вчера очень глупое письмо, я решил его порвать, но что-то помешало, я закрутился, потом ездил в Москву, в Днепропетровск, опять в Москву...

У меня произошел страшный скандал в «Юности», где пытались вывернуть наизнанку мой роман, и я наотрез отказался, и роман полетел вон накануне дня сдачи в набор...

После этого я несколько дней был сам не свой, меня здорово выручил Олег Табаков, артист «Современника», мы с ним очень дружим, это он мне подарил календарики, один из которых я вложил, мы два дня бродили по яснополянским лесам, и вот он уехал, а я сел приводить мысли и дела в порядок – и вдруг обнаружил не отправленное вам письмо. Распечатал, перечитал, нашел, действительно, глуповатым, но не так уж страшно. И поскольку теперь я перед вами

виноват за долгое молчание, я решил его все-таки не рвать, а послать в качестве вещественного доказательства своей (иногда) пунктуальности и своего (пока неизменно) хорошего к вам отношения. Ведь вы же такая мнительная!

Жду от вас пакета, и не берите с меня дурного примера, шлите побыстрее. Всего вам хорошего!

А. Кузнецов

№ 4

(Прислано вместе с предыдущим письмом № 3)

Я только что приехал из Москвы, уставший, как собака, вечерним поездом, отпер дверь (живу я с некоторых пор один), а в двери у меня дырка, куда бросают почту, так когда я приезжаю, она вся на коврике лежит, иногда даже дверь трудно открыть из-за кучи газет и прочего, если долго меня не было. Но сегодня я поехал утром, вернулся вечером, и за день пришло только ваше письмо и украинский журнал «Всесвіт», который я ужасно люблю.

И первой мыслью при виде письма было: «Вот черт, ты смотри, не обиделась. Правда, долго молчала. Неужели, наконец, ругается?» и не без маленького содрогания распечатал, потому что знаю: за такие письма, как мое прошлое, хорошего ждать не приходится. Я всегда говорю правду, ту самую, которая матка – и в ответ ругаются жутко, в лучшем случае заткнутся и молчат. Прочел вашу догадку насчет моей первой мысли («О, господи, эти периферийные!.. не оберешься писем») – и заторжествовал, как пацан, попавший из рогатки в фонарь на столбе. Не угадала!!!

Прочел, имея уже с самого начала 1:0 в свою пользу – и поэтому естественно, что разозлился. До того разозлился, что тут же шваркнул машинку на стол и вот это шпарю, рук даже не вымыл, чемоданчик стоит у порога, «Всесвіт» лежит на коврике, я же так зол, что не могу... я должен немедленно выругаться, и если вы не прекратите так безобразно писать письма, так я ваши рассказы читать не буду и своего романа вам не дам, трам-пам-пам!

Прекратите унижаться! У меня было исключение: я одного сукина сына графомана выпорол, и он прислал мне... восторженное и полное сладкой муки от побоев письмо, в

котором были слова: «Вы, писатели, для нас, маленьких людей, как звезды в небе, мы смотрим на вас и берем с вас пример» и что-то в этом роде.

Не уподобляйтесь ему со своим «ах, вы, столичные», «а мы периферийные», «не рискую отнимать ваше драгоценное время», ах, «закончу свое существование, как писательница в Чеховской «Драме», ах, ах... Во-первых, я не столь воспитан, чтобы слушать или читать драмы, если они графоманские. Прочитываю пару страниц и говорю: «Не, это дело не пойдет» – и все. Во-вторых, теперешние пресс-папье – это ж смех, пластмассовые и легкие, как перышко, такое как раз болтается у меня вот на столе, им и муху не убьешь. В-третьих, я не-на-ви-жу слово «периферия», «периферийные». Я говорю более жестоко: **провинция**.

Далее, я сам люблю полевые цветы и только их, у меня есть велосипед, на котором я специально совершаю, экспедиции за каким-нибудь дрянным пучком этих самых полевых цветочков, потому что у меня есть цветочная вазочка, а если она есть, то должно же в ней что-то торчать, но не покупать же для этого пионы на базаре? Поэтому же, если вам хочется так миленько, так скромненько (ведь кому-то же надо и...) выращивать полевые цветочки, так и черт с вами, выращивайте, присылайте, только не манерничайте при этом, умоляю вас!

И, наконец, самое важное, самое возмутившее меня и взбесившее, как гиену: прошу не отождествлять *писателей* с теми сукиными сынами, засранцами и алкашами, которые с писательскими билетами в кармане совершают «творческие» поездки к солнечным молдавским, грузинским, таджикским и прочим винам, ходят маститыми группами по перифериям, поучая меньшую братию уму-разуму, обжираясь на банкетах, знакомясь с жизнью всей кодлой при выездах в колхоз-маяк на совминовских ЗИМах, да еще кладя при этом в карман командировочные. Однажды бог меня включил в такую «делегацию», и я до конца жизни буду краснеть за все то, что я видел. Многие уважаемые писатели с тех пор полетели для меня (для меня, только лично для меня) вверх тормашками. Пусть они пишут, что хотят, для меня они – воняют. Это было давно,

но меня до сих пор колотит, как вспомню. И с тех пор я наотрез отказывался от этих прогулочек. Они к вам приедут – считайте, что саранча прилетела.

Прилетела и села, все съела и опять улетела. Занесло меня от злости. Теперь спокойно.

Рассказы надо было присылать сразу, без ломания. Думаю, что они все равно мне не понравятся. Была у меня мысль показать вам свой роман – тоже о детках во время войны, потому что мы-то что? Нам только и остается писать о детках в войну, какими мы тогда были. Так вот я и написал. И написал не так, как вы. Может, потому и слишком шаррахнул по вашей повести. Я же ведь считаю, что написал наилучшим образом, вот, мол, как надо писать – и хотел сгоряча послать вам роман в поучение. Но потом опомнился, устыдился, успокоился. Вы его прочтете: он поставлен в № 7-8 «Юности», идет последнее отрезание ушей, рук, ног, и он сдается в набор, за этим я сегодня ездил, вернулся с настроением висельника, спасибо, вы меня развлекли своим противным письмом.

Вы написали одну страшную фразу, кажется, сами не отдавая себе отчета, какой ужас вы пишете: «Мы тут народ скромный, варимся до обалдения в собственном соку и даже не возмущаемся».

Все. Выругал. Легче стало. Есть захотелось. У меня-то ведь ни черта нет, в прошлую ночь я все корки пожрал, и было два яйца – выпил, только кофе на плите в достатке. А сегодня в Москве питался пирожками на улице, перед поездом времени не оставалось, так я купил на ходу дорожный пакет, знаете? У вас делают на вокзале? Целлофановый пакет с хлебом, куском колбасы и парой вареных яиц, ужасно удобно для таких дураков, как я. Половину я в поезде съел, половину домой привез.

До свидания! Иду включать ванну, доставать остатки пакета и пойду-ка подниму «Всесвіт», ух, буду в ванне лежать и читать!..

С вашей мнительностью вообще с непривычки (кажется) к человеческим словам вы можете подумать (я это только что сообразил), что я перед вами выпендриваюсь, – про ту ванну, и пакет, и все такое. Не-е-е! Если бы вы сейчас

были тут сами вместо своего письма, я бы точно так и поговорил с вами – и предложил бы одно вареное яйцо с солью. Представьте – и поймете: ночь, с поезда, устал, висельное настроение, вот письмо, вот разговор, я болтаю. Искренне. Не ломаюсь. Охота мне была, скажите? Это ломаются, когда кадрят. А я в письмах давно перестал кадриться. Страшно непродуктивное занятие, ведь согласитесь, правда? Заврался, пора кончать.

Вот вам календарик. (У меня их два, один лишний. Вы хорошая. За это.)

А.

№ 5

(Сохранился текст болезненно раздраженного и, наверно, потому не отправленного письма Светланы Якир)

Уважаемый товарищ Кузнецов!

В отличие от вас, начинаю письмо с традиционного обращения по имени или фамилии. Сказать мне вам надо так много, что, кажется, вот-вот лопну от нетерпения. Ваше письмо прибыло сегодня утром, я должна была быть на работе к 10 часам. Прочла письмо и – немедленно позвонила в школу, что больна, температура и прочее... Что-то врала по телефону только для того, чтобы ответить вам немедленно!

Ужасно трудно собраться с мыслями, но – давайте по порядку. Если бы вы жили не в Туле, а хотя бы в пяти-шести часах езды от Кишинева, я бы приехала сегодня же, разыскала вас из-под земли и заставила бы вас слушать 24 часа подряд. Ух, как бы я с вами разделалась. Я бы вам высказала все, все, что накопилось и накипело за последние годы. И вы бы слушали, еще как слушали! Я бы вас разбила методично, по пунктам, в плановом порядке. Может быть, вам тогда стало бы кое-что ясно, и вы бы не несли такую ахинею...

Итак, почему вы решили, что тон моих писем и их содержание вызваны самоуничижением? Черт возьми, неужели вы не понимаете элементарной деликатности?! Подумайте, почему я вдруг послала вам книгу? Почему? Вы над этим задумались? Не горячитесь (сейчас я больше уговариваю себя, а то у меня даже губы дрожат от возмущения) и подумайте вот над чем: первый рассказ мой

появился в печати чуть ли не 10 лет назад, потом замужество, ребенок, работа, тяжелая болезнь и самое страшное – изо дня в день одно и то же!

Я не жалею, но ничто не заедает так человека, как быт. Мне хотелось работать, но у меня для этого не было никаких возможностей (я имею в виду творческую работу). Я всю жизнь мечтала об одном, а попала в какой-то круг, из которого вырваться невозможно. Сейчас дочка подросла, здоровье относительно в норме, появилась возможность снова взяться за работу. Повесть «Мы – тыловые дети» я закончила в 1964 году, но написала ее за несколько месяцев, как говорится, одним духом. Повесть эту я люблю, и, честно слово, не было еще человека, которому бы она не понравилась (кстати, ее читали люди, не меньше вас понимающие в литературе). Видите, из-за вас я начинаю бахвалиться (терпеть этого не могу), но ей-богу, я говорю правду. Книгу свою я вам отправила с самым хорошим и теплым чувством. Мне понравилось ваше первое письмо, понравилось своей искренностью, хотя уже в нем звучала какая-то бравада, которая, как дурной запах, сразу ударила в нос.

Я почему-то представляла вас очень скромным, даже застенчивым человеком (по фотографии в «Юности»). Может быть, меня подвели очки – этот извечный символ интеллигентности. Знаете, мне и сейчас кажется, что вы такой, просто стесняетесь скромности, как чего-то дурного (это сейчас не модно) и всячески пытаетесь самого себя обскакать, ну, ладно, хватит о вас. Я не ждала от вас дифирамбов, но прежде чем кидаться в «полевые цветочки», следовало хотя бы книгу прочесть внимательно. А если терпения не хватило на всю книгу (в чем я сомневаюсь), то хотя бы повесть прочесть повнимательней. Что сделали вы? Вошли в роль мэтра, – и тут вас понесло: что называется, закусили удила... Анатолий, поймите меня правильно: если бы вы раздолбали мою книгу, я бы не обиделась. Что поделаешь? Не нравится – и все! (Кстати, убить вы меня этим не убьете).

Но только из сегодняшнего письма я поняла, что вы чуть ли не испытывали мое терпение и ждали, начну ли я

ругаться в ответ или «заткнусь и буду молчать»? Как видите, не «заткнулась», даже не ответила ругательным письмом. Зачем? Вам не понравилась моя книга – это сугубо ваше личное дело. Неприятно, но ругаться не хотелось. Переждала, успокоилась (отсчитала до трех миллионов) и потом уже села отвечать. Возможно, и вам не мешало принять сначала ванну, поужинать, выспаться, проглотить несколько ложек брома, а потом уже посылать свое письмо. Ах, как вас возмутило мое высказывание о предстоящем семинаре? Благородно, черт возьми! А вы побудьте в нашей шкуре: сто лет обещают русский журнал, живем в болоте, друг друга видим по большим праздникам – где уж тут отличить настоящее от поддельного? Любого гастролера за человека принимаем, ясно?

Хотя чувствуем настоящее не хуже вас. Вам кажется, что фразу о том, что «варимся в собственном соку и даже не возмущаемся» я написала, не отдавая себе отчета? И придет же человеку в голову такое! Да разве такие фразы пишутся безотчетно?! Вы понимаете, о чем говорите? Кстати, семинар прошел лучше, чем мы ожидали, но в основном я, к сожалению, оказалась права. «Саранча прилетела, села, опять улетела» (цитирую вас). Между прочим, раздолбали нас приезжие прилично (а вот меня хвалили: за что и почему, – это не важно, да и вам это ни к чему. Ваше мнение ведь непоколебимо).

Рассказы вам свои я, конечно, не пошлю. Зачем? Ведь вы заранее уверены, что они вам не понравятся. Об одном я только прошу вас: перечитайте медленно (не в поезде) мою повесть. Слышите? Попробуйте это одолеть, забыв, что у вас на эту тему написан «куда лучше» роман, который я бы тоже прочитала с интересом. Но теперь вы его не пошлете! А следовало бы... Я немного успокоилась и думаю вот над чем: почему люди уважают друг друга только после определенной дозы ругани? Вы мне напоминаете мою соседку: ее любимая поговорка – «Не перевариваю, когда со мной вежливо разговаривают!»

Спасибо за календарик. Тронута. Не до слез, но все-таки тронута. И еще: почему вы решили, что я хорошая. Я вспыльчивая, тщеславная, вредная и плохо воспитанная,

несмотря на свои неполных (вот-вот стукнет!) 30 лет. Даже написать страшно – все еще чувствую себя девочкой. Вы как-то спрашивали, кем мне доводится Якир Я.И.? Это мой отец. Есть еще вопросы? В белой армии не состояла, наград не имею... А почему вы не зададите осточертевший мне вопрос, был ли командарм Якир моим родичем? Почему?

Слушайте, что-то я сегодня напоролась несусветное, даже голова разболелась. Вернусь опять к Чехову. Помните его рассказ «Пересолил»? Я ведь это к вам относится. Будьте здоровы. Желаю Вам всего наилучшего. Не злоупотребляйте «целлофановыми пакетами» и их содержимым в летнее время, это не самый легкий путь к самоубийству.

P.S. Учтите, я не высказала вам и доли того, что следовало бы сказать: рука устала, да и голова сегодня плохо соображает.

***

Публикуемые письма, написанные всего за несколько лет до того, как Анатолий Кузнецов, оказавшись в Лондоне, стал невозвращенцем, в значительной мере отражают то, что творилось в душе писателя незадолго до того, как он принял решение расстаться с родиной. В них ощутима его творческая и бытовая неустроенность, недовольство положением в литературе, особенно цензурными ущемлениями при продвижении в печать романа «Бабий Яр». Косвенно они проливают свет и на Светлану Якир, чьи писания так расположили Анатолия Кузнецова к ней, что в его письмах к молодой писательнице из Кишинева, с которой он даже не был знаком лично, так много искренних, почти исповедальных признаний. Что касается ее не в меру сердитого письма, адресованного «продолжателю легенды», то в нем, думаю, обостренно проявился ее недуг, наряду с задетым чувством собственного достоинства молодой писательницы, которая в ту пору, к сожалению, уже тяжело болела, сама еще не зная, как тяжела ее болезнь.

Судьба этих двух авторов-шестидесятников, к великому сожалению, сложилась так, что литературный

путь обоих рано оборвался. Светлана Якир ушла из жизни в возрасте 35 лет, Анатолий Кузнецов – в 49 лет.

Александр Баршай

Дело жизни Рудольфа Баршая

Приложение Семейные хроники

маленьком, не помеченном даже на карте, швейцарском городке Рамлинсбург вот уже почти 30 лет живет легендарный дирижер и альтист, создатель не менее легендарного Московского камерного оркестра Рудольф Борисович Баршай. Недавно судьба и дальние родственные связи свели меня со знаменитым Маэстро.

1.

...Из Цюриха едем в сторону Базеля. Проезжаем небольшой город Листаль – центр кантона Базель-Ланд – живописный, как все живописно в Швейцарии – домики с красочерепичными крышами на склонах зеленых гор, синие вагончики железной дороги, непонятно как проложенной среди альпийских гор. После третьего светофора сворачиваем, как и объяснил нам сын Рудольфа Борисовича Владимир, направо. Еще немало петляем по шоссе, пока, наконец, замечаем скромный дорожный указатель: «Ramllinsburg». Слава Богу – доехали! Теперь надо еще найти нужную улицу и нужный дом. Но как их отыскать, если улицы круто взбираются по холмам, а дома – каждый в особинку – забрались еще выше и скрылись за яркой зеленью деревьев и цветов?! Крутимся, плуаем по городку, наконец, находим улицу Hombergstrasse, а вот искомого дома обнаружить никак не удастся. Приходится звонить по телефону хозяевам и уточнять. «Так вы же стоите под нашим домом! – отвечает Лена, жена Рудольфа Борисовича. – Вернитесь чуть назад, за собакой, которая мимо вас прошла, а я выйду вас встречать». Возвращаемся назад, за собакой, которой уже и след простыл, но видим на

взгорке у светлого дома женщину в ярких брюках. Она приветствует нас и решительно приглашает следовать за ней наверх, к дому. Это и есть Елена Баршай-Раскова, талантливая органистка и клавесинистка, работавшая с Рудольфом Баршаем еще в его Московском камерном оркестре и уехавшая из СССР вслед за мужем в 1979 году.

Поднимаемся на второй этаж просторного и – сразу видно – добротного дома и попадаем в широченную, залитую светом гостиную с огромным концертным роялем посередине. Одна стена залы – стеклянная, она выходит на зеленый склон горы, на уходящие вдаль и вниз холмы, яркие черепичные крыши, утопающие в зелени и цветах.

– Рудик, гости приехали, они уже здесь, встречай их! – торжественно объявляет Елена, и, оторвавшись от телевизора, где идет старый советский фильм «Пираты XX века», с диванчика медленно встает невысокий пожилой человек, в кепке, надвинутой на лоб, в простой клетчатой рубашке и легких брюках с подтяжками.

– Здравствуйте, здравствуйте! С приездом! Рад вас видеть, – говорит, улыбаясь, Рудольф Баршай и добавляет, чуть смущенно, – извините, не мог вас встретить сам, недавно ногу сломал, вот вновь учусь ходить...

Усаживаюсь рядом с ним на диванчике и показываю свою газетную статью «Баршай, Габай, Мартинсон». В ней рассказывается о нашей близкой и дальней родне, живущей в разных странах мира, говорится, естественно, и о Рудольфе Баршае, о его сыновьях – японском – Саше-Такэши и «таиландском» – Володе-Вальтере. Статья эта обошла Интернет, печаталась во многих газетах. Но странно, что ее не видел Рудольф Борисович. Он с некоторым волнением глядит на статью, на снимки, помещенные в ней, и пускается в matrimониальные воспоминания, которые, как ни крути, тесно связаны с музыкальными.

Взглянув на фотографию Сергея Мартинсона, своего бывшего тестя, РБ замечает:

– Я был свидетелем того, как где бы он ни появлялся – в парке, на улице, в магазине – его тут же окружала стайка девушек, которые просили автографы – он же был

невероятно популярен. Вообще, необыкновенный был человек...

И тут же – прыжок через три поколения, к правнуку Сергея Мартинсона:

– А вы не видели внука моего, Бени, сына Володи? Он на днях приезжал к нам сюда. Какой парень! Красавец! Уже выше Володи. Он ведь спортсмен, чемпион Калифорнии по плаванию среди юношей! И потом он – футбольная звезда. Его даже приняли в какой-то особый университет и освободили от платы за учебу, лишь бы он за их команду играл, не уходил! Какой приятный, умный – толковый парень!..

И вновь перемена интонации. От явно горделивой, восторженной – к ироничной, шутливой:

– Володя недавно вновь женился – на девушке из Лаоса – Пэт, вы ее видели. Он пошел по стопам своего отца. Я ведь тоже женился на японке в свое время. И у меня есть сын – Саша, по-японски – Такеши. Какой мальчик! Он врач очень высокой квалификации, уролог. Делает операции чрезвычайно сложные. У него у самого уже двое детей.

– А Саша носит фамилию матери, он не Баршай?

– Да, матери. Я пытался дать ему свою фамилию. Обращался в японское правительство, мне посол Японии в СССР – мы дружили с ним – посоветовал лучших адвокатов, это стоило огромных денег, но ничего не помогло. Японское правительство мне ответило, что поскольку сын родился в Японии, то должен оставаться японцем, должен носить фамилию матери и не имеет права эту фамилию менять, кроме того, он должен отслужить в японской армии. Так что ничего не вышло, к сожалению.

– Жена рожала его в Японии?

– Да. А её не пускали ко мне, в Советский Союз, но уже не японцы, а наши, так сказать, советские. Она была на девятом месяце. И уже собралась лететь, вроде разрешили. Она хотела по туристской визе приехать. И послала мне телеграмму, мол, лечу, как туристка. А я подумал: «Ну, дурочка, зачем же ты пишешь это, они же здесь все читают!». Все-таки, в назначенный день собрался,

отменил репетицию и поехал в аэропорт – встречать ее. Самолет-то из Японии благополучно прилетел, а моей Тэруки в нем не было. И только на следующий день утром получаю телеграмму от нее: «Не пустили в самолет. Спроси, почему так жестоко?!». Через пару недель она родила. Мальчика. И лишь через год с лишним ей с сыном разрешили приехать в Москву.

Но и после всего этого безобразия, какое издевательство было над ней там, в Советском союзе, когда мы жили с ней в Москве! Это целая эпопея! Ей не давали жизни. За ней следили. Куда бы я ни ехал на гастроли, ей – как иностранке – не разрешали ехать со мной. Или, скажем, хочу снять дачу. Перед этим я должен в милиции взять разрешение на жену. Прихожу, чин говорит: «Минуточку!», выходит в другую комнату, там карты висят всякие, схемы. Он возвращается и объявляет: «Нет, туда нельзя иностранцам!». «А куда можно, вы скажите?». «Нет, этого я вам сказать не могу, вы выберите место, приходите к нам, мы скажем – можно или нельзя». Ну, форменное издевательство! А какая слежка была за ней! Однажды я с оркестром своим, камерным поехал в Ленинград на концерт. И она со мной, естественно. Ну, остановились мы в гостинице ленинградской, все хорошо, принимают нас прекрасно. Утром занимаюсь с оркестром, вдруг она прибегает на репетицию, вся в слезах, рыдает. «Что такое, что случилось, Тэруко, почему ты плачешь?». «Меня выгнали из гостиницы. Сказали, что здесь нельзя иностранцам жить. «Уходите! Уходите немедленно!» Просто выгнали и все. Не дали даже собраться». Я прервал репетицию, поехал в гостиницу, не стал ничего выяснять, переехали в другую – гостиницу «Октябрьскую», что у Московского вокзала. И таких вещей было сколько угодно...

В связи с этим вспоминаю эпопею со Святославом Рихтером. Рихтер показал себя таким замечательным другом в этой истории. Его в первый раз пригласили в Японию играть. А это был такой момент, когда мы очень сблизились, сдружились с ним, поскольку у него в это время случился какой-то кризис в отношениях с Гербертом фон

Караяном. И после этого Рихтер в каком-то интервью сделал заявление, что теперь он играет только с двумя дирижерами – Бриттеном и Баршаем. Только с ними. И когда его японцы пригласили, он сказал: «Хорошо, я буду сольные концерты играть, а симфонические – только если поедет Баршай». Он уже понимал, что меня не пускают никуда. Ох, какая тут история началась, какая история! Я, значит, прихожу к Фурцевой, министру культуры. Она отсылает меня к своему заместителю – он, мол, этими делами занимается – внешними сношениями. Прихожу к нему, а он мне так тихонько: «Невозможно! Это невозможно!». Я говорю: «Как же так, она же японка, и ей нельзя со мной в Японию ехать? Ее не пустят в Японию?». Он говорит: «Пустить-то ее туда пустят, она поедет с вами, а вот обратно в Советский Союз ее уже вряд ли впустят, ей придется остаться там, и вы ничего сделать не сможете, и мы вам не сможем ничем помочь...». Откровенно так.

Словом, ничего у нас с Рихтером не получилось в тот раз. Из-за жены-японки я стал неблагонадежным гражданином для советской власти.

Р. Баршай и С. Рихтер

Да, кто бы мог выдержать откровенное издевательство власти над человеческим достоинством, над элементарными и естественными потребностями человека.

И Тэруки не смогла свыкнуться с той сумасшедшей жизнью, пусть даже и рядом с любимым человеком, отцом ее ребенка. В 1974 году вместе с шестилетним Сашей-Такеши она вернулась в Японию и больше уже никогда не была в СССР.

Не смог выдержать этого безумия и Рудольф Баршай. Через три года и он вынужден был покинуть свою родину. И это тоже была целая эпопея. Снова в его жизни возникла романтическая история, и вновь это сильно не понравилось властям. И она, как могла (а могла она крепко), отравляла существование выдающегося музыканта и молодой, талантливой органистки и клавесинистки Елены Расковой. Именно Лена стала героиней последнего романа Рудольфа Баршай. Именно с ней он хотел уехать на Запад, устав от издевающихся над ним бюрократов. Но не тут-то было! Рассказывает Рудольф Борисович:

– Я получил приглашение из Израиля и подал заявление на отъезд. А Лену не пускают со мной ни в какую. Мы и так, и эдак – ей категорически запрещают выезд, хотя мы с ней живем вместе уже больше года, мы – муж и жена фактически, хотя и без бумаги с печатью. Но вот для лицемерной власти кому-то это была главная зацепка. Не потому, конечно, что они так радели о нравственности, а потому, что печать для них – удобнейший инструмент иезуитских пыток.

У меня был большой приятель, прекрасный философ Борис Грушин, к сожалению, ныне покойный. И вот когда меня не пускали, он предложил созвать совещание, провести такой «мозговой штурм» по поводу моей ситуации. Собрались у него дома люди, заинтересованные в том, чтобы мне помочь, толковые, умные люди, его друзья, в том числе писатель Александр Зиновьев, к тому времени уже получивший разрешение на выезд из СССР. И вот совет решил, что я до отъезда не должен расписываться с Леной ни в коем случае, а ехать один, ибо еще свежа была история Валерия Панова (Шульмана), замечательного танцовщика Кировского театра. Ведь его два года мучили, в тюрьму сажали, за то, что он хотел уехать в Израиль. И не пускали его, представляя дело так, будто жена его не

может ехать с ним из-за того, что ее больная мать не дает ей разрешение на выезд. Запугали ее, надавили, как это обычно делалось. Поэтому наш совет постановил, что я должен ехать один, и уже оттуда бороться за выезд Лены. Иначе неизвестно, что произойдет, можно еще десять лет здесь просидеть.

Примерно в то же время пришел я к Фурцевой, министру культуры. И говорю: «Вы же меня сами гоните из страны. Я не хотел и не хочу уезжать из России. Но что мне делать? Играть современную музыку, которая во всем мире давно считается классикой, вы мне не дадите. Сколько сил и нервов я потратил на то, чтобы получить разрешение исполнять Хиндемита, Стравинского! Вы периодически запрещаете мне выступать на Западе. Вы разве не помните, как было, когда меня пригласили в Лондон дирижировать? Там, уже выпустили афиши, продавались билеты. И вдруг Госконцерт сообщает моему импресарио Хохаузеру: «Баршай болен, приехать не сможет». Тот прилетает в Москву и находит меня на репетиции в Большом зале консерватории. И, сразу же поняв ситуацию, побежал к вам сюда, в министерство культуры просить оформить мне визу. А ему здесь снова говорят: «Баршай болен». – «Как же, я его только что видел в Большом зале!» – «Нам лучше знать!». Так я и не поехал...».

Тем не менее, должен сказать, что Фурцева ко мне лично относилась очень хорошо. Я ей тогда же и сказал: «Все, я уже заявление подал на выезд, так теперь не выпускают Лену, мою невесту». А она: «Так что же вы мне с самого начала не рассказали, Рудольф Борисович, что вы хотите жениться. Я бы вам помогла. Я и сейчас вам буду помогать, сколько смогу». И действительно, помогала. Все же женщина. Понимала, знаете ли.

Короче говоря, мне пришлось уехать одному. И практически с первого дня моей жизни на Западе началась борьба за то, чтобы Лену выпустили из Советского Союза. Но кто мне помог по настоящему – это Голда Меир. Ох, какой это замечательный человек был! Невероятно! Однажды она пришла ко мне на концерт в Тель-Авиве и после окончания поднялась на сцену. Поздравить. Обняла

меня прямо на сцене. И говорит по-русски: «Господин Баршай, почему вы такой грустный?». Я говорю: «Мою жену не выпускают из СССР». «Ой, как же это?». А она уже слышала, что мы хлопотали, посылали всякие прошения, обращения, ничего не помогает. «Что вы делаете завтра в 12 часов?» – спрашивает. «Завтра у меня свободный день». «Приходите ко мне в офис, я буду вас ждать». Я пришел на завтра ровно в 12. Она говорит: «Садитесь, рассказывайте». Я рассказал. Голда подумала немного и говорит: «Так, а если я поговорю с Айзиком Стерном, и мы напишем письмо советскому правительству от имени самых выдающихся артистов мира?». Я сказал ей сразу: «Нет, артисты для них – не авторитет. Они не будут реагировать». «А кто – авторитет?». «Король или, по крайней мере, премьер-министр какой-нибудь страны». «Да?» И сразу же: «Вилли Брандт годится?». Я говорю: «Лучший адресат для этого дела трудно придумать!». Она берет телефон – тут же, прямо при мне набирает номер: «Алло, Вилли? Здравствуй, Вилли, дорогой, это я, Голда. Как у вас там дела?». По-немецки говорит с ним. «Вилли, вот здесь у нашего известного дирижера трудности – его жену не выпускают из СССР, надо что-то сделать». И потом слышу: «Что? О, Вилли, узнаю, узнаю тебя, мой Вилли! Хорошо, хорошо, я все ему передам...». А я как раз должен был на днях ехать в Штутгарт. Я там работал в оркестре Южногерманского радио – «Зюйддойче рундфунк». Голда говорит: «Он сказал – как только дирижер придет в Штутгарт – пусть сразу мне позвонит. Вот, дал два телефона – надо сразу же позвонить ему. И, наверное, он попросит, чтобы Вы приехали к нему в Бонн и подробно рассказали свою историю».

Так все и было. Мне тут же интендант Радио дал свою машину, и меня отвезли в Бонн, к канцлеру ФРГ Вилли Брандту. Я ему все рассказал. Он внимательно меня выслушал и сказал: «Я постараюсь сделать все возможное, чтобы Вам помочь. Буду говорить на самом высоком уровне». И потом я регулярно – через два-три дня получал от него письма, в которых он информировал меня о том, как продвигается дело. Ну, как говорится, ждем. А я в это

время курсировал между Тель-Авивом, где у меня были концерты, и Штутгартом. И вот однажды меня в гостинице ждет очередное письмо от Вилли Брандта. И с первых же строчек я чувствую какой-то неприятный холодок. И дальше я понимаю, в чем дело. Он пишет очень сухо: «Я предпринял все возможные шаги, как и обещал. И был заверен высшими руководителями СССР, что гражданка Раскова Елена может в любой момент покинуть Советский Союз, но она не хочет ехать из-за престарелой мамы». Вот так! Я тут же звоню в Москву и рассказываю Лене о содержании письма, о том, кто такой Вилли Брандт, и прямо спрашиваю ее, так ли это?». «Нет, конечно, – отвечает Лена, – это не так. Мама не возражает против моего отъезда, она очень положительно относится к нашему союзу. Вас обманывают, они просто не хотят выпускать меня!». Я тотчас же пошел к интенданту Радио, был такой доктор Бауш, замечательный человек, близкий друг Аденауэра. Я ему все рассказываю, показываю письмо В. Брандта. Он говорит? «Дас гибт эс нихт! Это неправда! Этого не может быть!». Я говорю: «Я только что с ней разговаривал по телефону». Он покачал головой: «Ай-яй-яй! Вы должны об этом написать Вилли Брандту. Немедленно!» «Хорошо. Я напишу все это, как я понимаю, по-русски, а потом переведу вам». Я написал так: «Глубокоуважаемый и дорогой Вилли Брандт! Я ни в коем случае не хочу Вам этого говорить, но, получив Ваше письмо, решил, что истина дороже, и поэтому говорю Вам, дорогой Вилли: Вас обманули. Я только что говорил по телефону с Еленой, она хочет ехать, мать ее не возражает, Раскову попросту не пускают власти». Вижу, доктор Бауш страшно возбужден, сердится, что-то кричит. Но письмо мое он все-таки передал. А что там было дальше, я точно не знаю. Позже мне рассказывали, что, по-видимому, Вилли Брандт позвонил по прямому телефону Брежневу – а это все-таки форс-мажор, ситуация не обычная – и сказал Леониду Ильичу все, что он думает по этому поводу. Короче говоря, вскоре поехал я на очередные выступления в Тель-Авив, а утром мне в гостиницу приходит телеграмма из Москвы,

от Елены: «Виза получена. Вылетаю такого-то в Вену». Все-таки мы победили, хотя на это ушло два года жизни!

Нехемия Леванон – он, по-моему, был заместителем министра иностранных дел Израиля и подчинялся непосредственно Голде Меир, такой милый человек, чудесно ко мне относился, – сказал мне: «Обязательно поезжайте в Вену встречать жену». Я, конечно, полетел, и там была такая встреча торжественная. Привез ее в Тель-Авив, и в Израиле был очень теплый прием. А когда вернулся в Штутгарт, меня ждало письмо от Вилли Брандта: «Уважаемый маэстро Баршай и уважаемая фрау Баршай! Рад приветствовать вас на земле свободной Германии, желаю вам счастливой жизни и творчества на нашей свободной земле!».

Справедливости ради, должен сказать, что борьба за выезд Елены велась и там, в Москве. Горячее участие в этом деле принял Дмитрий Дмитриевич Шостакович, который был моим учителем, кроме всего прочего. Как-то я был у него дома и рассказал ему эту историю. Он говорит жене: «Подумай, какое несчастье!» и, обращаясь ко мне: «Я запишусь на прием к Косыгину. «Пойду-пойду к Косыгину, пойду!»». А на следующий день мне звонит жена Шостаковича и говорит: «Какая беда случилась! На завтра Дмитрий Дмитриевич записан на прием к Косыгину. А сегодня утром он гулял по парку на даче в Жуковке, упал и сломал ногу. Сейчас лежит в больнице. Естественно, не сможет пойти к Косыгину».

Но что сделал этот удивительный человек!? Он позвонил оттуда, из больницы Хачатуряну и сказал ему: «Арам, я знаю, что ты лично знаком и даже дружишь с Андроповым. Так вот, у меня к тебе просьба. Ты как можно быстрее подъезжай ко мне в больницу, я написал тут одно письмо на имя Андропова, я уверен, что ты тоже согласишься подписаться под этим письмом». Потом мне Дмитрий Дмитриевич рассказал, что как только он Хачатуряну сообщил обо мне, тот сразу закричал: «Так это же великий дирижер!». «Ну, вот, тем более. Значит, ты точно подпишешься. В общем, вот тебе это письмо, подпиши сам и поезжай – дай подписать Хренникову. И

сразу же передай наше письмо в руки Андропову – не через секретаря, не по почте, а только лично в руки. Обещаешь мне?» Тот говорит: «Да-а!».

И потом так получилось, совпадение такое. Я должен был лететь в Армению, дирижировать ереванским симфоническим оркестром. Меня пригласил главный дирижер оркестра Вартанян – сын большого московского начальника из Комитета по делам искусств. Приезжаю я в Ереван, меня встречают по-царски, то есть, с кавказской широтой и гостеприимством. Устроили торжественный обед в ресторане на открытом воздухе, в парке, где-то за городом. С соседних столиков посыпались к нам бутылки с вином и коньяком. Слышим восторженный шепот: «Это Вартанян – ученик Караяна, и его гость – дирижер из Москвы». Публика, конечно, немного преувеличила – Вартанян не был учеником Герберта фон Караяна, просто побывал однажды на семинаре великого дирижера. Но не важно. Продирижировал я оркестром, уж не знаю, как дирижировал после таких возлияний. А утром в гостиницу на мое имя пришла телеграмма от Хачатуряна: «Ваша просьба удовлетворена!».

Но, увы, все наши мытарства продолжались: Лену все равно еще два года не выпускали, и мне пришлось уехать самому. Тем не менее, я не мог не восхищаться поступком Шостаковича, да и Хачатуряна тоже. Это были необыкновенные люди, подлинные интеллигенты и верные друзья-колеги!..

Я меняю тему и решаюсь задать маэстро-родственнику вопрос, который давно не давал мне покоя:

– Рудольф Борисович, скажите, пожалуйста, я слышал, что ваша мама была казачка еврейского исповедания из станицы Лабинской Краснодарского края, вы ведь там родились, на Кубани?

– Да, дед мой, мамин отец принял еврейство, он был из секты субботников. И поскольку он был атаманом Кубанского казачьего войска, главным генералом на Кубани, то склонил многих казаков принять еврейство. Его звали Давид Алексеев. Как мне рассказывали, он был набожный невероятно, строго соблюдал иудейские законы, кашрут. Не

дай Бог, увидит где-то молоко рядом с мясом, он мог разнести всю кухню. Да, многие кубанцы, вояки были иудейской веры. Вот в эту войну, во Вторую мировую. Мой дядя Володя воевал, мамин брат, казацким был офицером.

– А как звали Вашу маму, и как Борис Владимирович с ней познакомился?

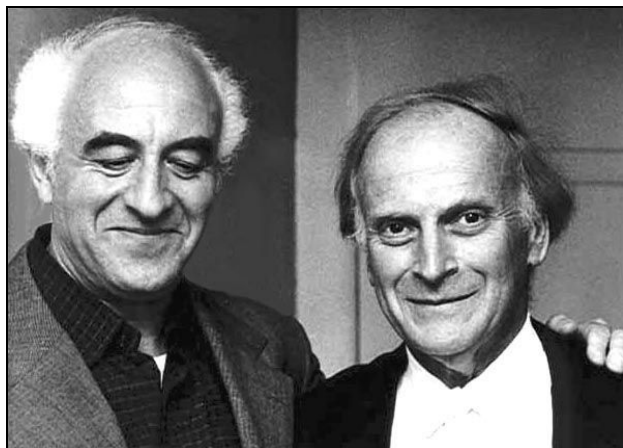
– *Маму звали Мария, Мария Давидовна Алексеева. Но потом, конечно, она стала Баршай, когда они поженились. Мой отец в те годы – еще НЭП не кончился – был торговым агентом – коммивояжером, он разъезжал по России и там, на Кубани встретился с Марией. Она была красавица, говорили, Мария – самая красивая казачка на Кубани, она могла свести с ума кого угодно. Вот и отца моего свела с ума. Они поженились и стали там жить в Лабинской в одном из двух домов, которые были у бабушки моей – вдовы атамана, она подарила его Марии. Но потом начались сталинские репрессии, и те, к примеру, у кого был собственный дом, вполне могли быть расстреляны либо прямой дорогой попасть в ГУЛаг. И нам пришлось бежать.*

Папа в ночь, когда узнал, что расстреляли мамино кузена, велел всем тотчас собираться. И я отчетливо помню себя четырехлетним мальчиком, на рассвете, часа в четыре утра, сидящим на телеге в бабушкином платке, на груди узлов и чемоданов. Мы ехали сначала до железной дороги в Армавир, а потом попали в Среднюю Азию, в Узбекистан. Так папа, почти по Солженицыну, спас семью – и бабушку, и маму, и меня. Потому что местные чекисты преследовали неблагонадежных только по своему округу, а дальше розыск прекращался. Узбеки были к нам дружественны. Папа был главным бухгалтером в хлопковом совхозе, его всюду уважали. Но как только он встречал какого-нибудь знакомого — мы немедленно переезжали в другое место, в другой город или кишлак. Кончилось тем, что мы сели на пароход и через Каспийское море переплыли в Баку... В общем, детство у меня было живописное...

2.

Еще о многом, разумеется, хотелось мне спросить Рудольфа Борисовича в тот день, но пора было и честь знать: дать отдохнуть хозяевам, да и нам нужно было

спешить обратно в Цюрих, где нас ждали билеты в оперный театр – «Opernhaus Zurich» – на оперу Верди «Луиза Миллер».

Р. Баршай и И. Менухин

Но, вернувшись домой, в Израиль, я позвонил Рудольфу Баршаю и задал ему еще несколько вопросов.

Александр Баршай: – Я вот забыл спросить Вас, Рудольф Борисович, Вы работаете сейчас над чем-то? Я видел у вас ноты, клавиры недописанные повсюду...

Рудольф Баршай: – Я все время работаю. Постоянно. В данный момент я завершаю работу над «Искусством фуги» Баха, делаю другую редакцию переложения для оркестра. У меня была первая редакция уже давно, но сейчас, я думаю, она будет гораздо совершеннее.

АБ: – «Искусство фуги» написано для фортепиано или для какого-то другого инструмента?

РБ: – Оно написано ни для какого инструмента. Там не указано, для какого инструмента или оркестра. Там даны четыре строки и все. А почему не указано? Да потому что Бах не успел закончить эту работу. Но это итог его жизни, всего его музыкального творчества. Бах работал над этим произведением 30 лет и умер, не завершив его. Там в нотных

знаках зашифровано его имя – Бах, его нотограмма. Это как бы подпись под всей его жизнью.

Р. Баршай и Д. Ойстрах

АБ: – Это можно рассматривать, как учебное или, может быть, теоретическое сочинение?

РБ: – Ни в коем случае не учебное, скорее теоретическое, а еще точнее – супертворческое произведение. Почему оно называется «Искусство фуги»? Потому что в нем Бах собрал всевозможные методы и формы создания фуги и даже такие свои новые приемы, которые еще никогда не использовались. Это вершина творческой лаборатории композитора, его музыкального гения. Произведение невероятной силы и невероятной глубины! Многие выдающиеся музыканты считали и считают «Искусство фуги» лучшим произведением Иоганна Себастьяна Баха.

АБ: – Значит, вы исполняли первую свою редакцию переложения для оркестра? А с кем Вы ее играли?

РБ: – Я играл «Искусство фуги» со своим оркестром, с Московским камерным. Пришлось учиться игре на инструментах той эпохи. И музыканты прекрасно овладели ими.

Должен Вам сказать, что Дмитрий Дмитриевич Шостакович с большой теплотой, с огромным интересом отнесся к моей работе. Он так поощрял меня на это дело, что просто удивительно.

АБ: – А когда вы задумали, когда начали работу над переложением «Искусства фуги» для оркестра?

РБ: – Сейчас вам скажу, когда. Это было в 50-е годы. Вы знаете, была такая легендарная русская пианистка Мария Юдина. Однажды я стою с группой моих друзей во дворе Московской консерватории, около памятника Чайковскому. Дверь открывается, выходит Юдина. А она ходила с палкой. Мария Вениаминовна оглядела всех внимательно и быстро направилась к нам, к нашей группе. Подошла ко мне, ткнула палкой меня в грудь и говорит: «Рудик! Вы знаете, что вы должны сделать? Это ваша обязанность, ваш долг, ваша миссия – инструментовать «Искусство фуги»! Повернулась и ушла.

Я пришел домой, открыл Баха и так увлекся этой фантастической, бездонной музыкой, что уже остановиться не мог и работаю над ней до сих пор!

Два человека помогли мне в моей работе над «Искусством фуги». Один из них – это Александр Локшин. Вы слышали, наверное, о нем. Это был гениальный композитор, в высшей степени образованный, очень тонкий и глубокий, замечательный человек. Надо вам дать почитать, что писала Юдина про него в письмах своих. Вот одно, я вам его процитирую:

«Теперь должна Вам сообщить нечто величественное, трагическое, радостное и до известной степени тайное. Слушайте: я написала письмецо – "профессионально-деловое" по одному вопросу в связи с Малером – Шуре Локшину, который его знает, как никто. В ответ он написал мне, что очень просит меня повидаться с ним. Я согласилась. Вчера он сыграл мне свой Реквием, который он писал много лет, вернее "подступал к нему" и

бросал и, наконец, "одним духом" написал его два с половиной года тому назад. На полный текст такового, полнее Моцарта. Что я сказала ему, когда он кончил играть? – "Шура, я всегда знала, что вы гений".

Да, это так и это сильнее многих, из-за кого я "ломаю копья" и равно (теперь) только Шостаковичу (не последнему...) и Стравинскому. Сыграно это сочинение быть не может ни у нас, ни не у нас, что понятно... Это – как Бах, Моцарт, Малер, и эти двое. Он совершенно спокоен, зная, что это так и что оно не будет исполнено. Шостакович теперь просто боготворит его».

Так вот, я приходил к Локшину, показывал ему куски работы, он смотрел, что-то критиковал – «так не пойдет, это надо переделать», – что-то принимал. Я уходил – переделывал, шел дальше, дня через два вновь приносил ему, он говорил: «О, это интересно, это, то, что надо!», и так работал. Это было очень хорошее подспорье.

А второй человек, который очень поддержал меня в этой работе, был Дмитрий Дмитриевич Шостакович. Это было уже ближе к завершению ее. Я тоже приносил ему отдельные фуги, он долго вглядывался в них, а потом говорил: «Так хорошо. Знайте, у Вас будет много критиков. Прошу Вас, никогда никого не слушайте, ничего не переделывайте, идите своим путем. У Вас будет много советчиков, но Вы доверяйте своему внутреннему чувству, все у Вас получается нормально»...

АБ: – А сколько времени вы работали над первой редакцией «Искусства фуги» и когда вы сыграли ее впервые?

РБ: – Я работал над ней двадцать лет. Впервые мы исполнили ее с моим оркестром в 70-е годы в Большом зале Московской консерватории. Шостакович был на премьере, пришел ко мне после концерта, долго тряс руку, а потом сказал: «Я уверен, что вы даже не понимаете, что вы сделали!». Так он сказал. Я был счастлив, конечно, что вы! Получить такую оценку от Шостаковича!..

АБ: – А Локшин тоже слышал это исполнение «Искусства фуги»?

РБ: – Да, он тоже слышал, и ему очень понравилось. Но он слышал не только это. Он успел услышать и свои собственные произведения в моем исполнении. Вот тот же гениальный «Реквием», о котором писала Юдина. Я сыграл «Реквием» в Париже и послал ему запись. Мы исполнили и его Одиннадцатую симфонию, которую он сочинил позже и посвятил мне. Она написана на стихи португальского поэта Луиса де Камонса. Он прислал мне ноты, все тексты, и мы сыграли ее именно в Португалии, с Лиссабонским симфоническим оркестром. А потом я послал ему эту запись в Москву.

На Западе изумительную музыку Локшина играют и ценят. А вот на родине исполняют редко и мало. В 2002 году, спустя 40 лет после создания «Реквиема», этот шедевр впервые прозвучал в Москве, в Большом зале консерватории. На вечере, посвященном памяти жертв ГУЛАГа я сыграл трагическую жемчужину Александра Локшина с Российским академическим симфоническим оркестром имени П. Чайковского. Считаю это исполнение одним из самых важных событий моей музыкальной биографии.

Между прочим, Локшин невольно дал толчок другой моей большой работе – делу, которому я тоже отдал 20 лет жизни. Как-то Александр Лазаревич пригласил меня к себе и поставил пластинку с Десятой симфонией Густава Малера. Впечатление было огромным. Последнюю, неоконченную симфонию великого венца реконструировал по сохранившимся эскизам известный английский музыковед и композитор Деррик Кук.

А мысль сделать собственную версию окончания малеровского шедевра подал мне Шостакович. Когда я принес ему завершение последней фуги из «Искусства фуги», он мне сказал: «Есть еще одно сочинение, которое ждет, чтобы его завершили. Десятая Малера».

И первое, что я сделал, уехав за границу, – стал искать манускрипт Десятой симфонии. Он обнаружился в Копенгагене у одного датского композитора, ученика Альбана Берга. Я на коленях умолял дать ее на несколько часов! Он отказывался: бесценная вещь, свадебный подарок

его жены. Потом он пришел на концерт, где я исполнял Девятую симфонию Малера. На мое счастье, ему очень понравилось, и он согласился дать мне партитуру на одну ночь. Я поехал на радио, там сделали копию. Хотя мне не все нравится в редакции Деррика Кука, надо отдать ему должное: он проделал колоссальную работу, расшифровав записи Малера, иногда почти не читаемые. 18 лет я обдумывал свой вариант завершения, следуя заветам Шостаковича – сочинять музыку в голове, а не за роялем и не за столом. И только когда партитура стала ясна, я приступил к записи и потратил на это еще два года. Она опубликована в венском издательстве “Universal”. Да, это была большая работа, ведь ни одна часть симфонии не была закончена, из четырех частей, лишь одна инструментована.

И вот так получилось, что крупнейший в мире специалист по Малеру, известный английский музыковед Джонатан Карр, пришел на ее премьеру во Франкфурте, и после концерта подошел ко мне и сказал: «Наконец-то мы имеем Десятую Малера!». Мы потом настолько подружились с Джонатаном, что он прислал мне в дар свою биографию Малера. Это было в 2001 году, зимой, я играл с молодежным оркестром “Junge Deutsche Philharmonie”. Этот оркестр, по моему мнению, – лучший в Германии. Потрясающий коллектив молодых музыкантов – студентов и недавних выпускников немецких консерваторий. Их туда принимают по конкурсу, и проходят лучшие из лучших. Феноменальный оркестр! Запись нашего концерта во Франкфурте пошла на пластинки и диски. А до этого я сыграл Десятую Малера в Ленинграде, то есть, в Петербурге с филармоническим оркестром.

АБ: – Я знаю, что Вы входили в первый состав легендарного квартета имени Бородина. Может быть, поэтому Вы так любите делать переложения квартетной музыки в оркестровую?

РБ: – Да, я много занимался квартетами, особенно написанными Шостаковичем. Я обработал для оркестра его Первый, Третий, Четвертый, Восьмой и Десятый квартеты, а также два квартета Бетховена, Первый квартет Чайковского, Второй – Бородина и квартет Равеля.

Тем не менее, из всего мною сделанного хотел бы выделить две наиболее крупные работы, на которые ушло последние полвека. Я могу вам сказать, что если я сделал что-то существенное, важное в своей жизни, то это Десятая симфония Малера и «Искусство фуги» Баха...

Александр Баршай

Иерусалим-Цюрих-Рамлинсбург

Май-август 2010 г.

Приложение

Семейные хроники

Александр Баршай

Баршай, Габай, Мартинсон...

1.

«Ох, и раскидала же судьба нашего брата по белу свету!»...

Слева направо: Владимир (Вальтер) Баршай (сын РБ), Владимир Баршай (мой сын), Рудольф Баршай, его жена Елена Баршай-Раскова, Ал. Баршай (автор), Марина Баршай (моя жена). Фото сделано 16 мая 2010 года

Фразу это дотоле для меня вполне отстраненную и абстрактную, я с некоторых пор воспринимаю уже как абсолютно конкретную и точно приложимую к моей фамилии.

Судите, впрочем, сами. Начнем не с А, а с Я, с Японии, с самой, пожалуй, далекой от нас страны. Итак, в Стране восходящего солнца живут сегодня, по меньшей мере, два человека, носящие фамилию Баршай. Один из них – мой двоюродный брат Олег Баршай, бывший минчанин, сын моего покойного дяди – Семена Ефимовича Баршай, бывшего фронтовика-артиллериста, бывшего заведующего кафедрой геодезии и картографии Белорусского лесотехнического института. Олег – самый младший из трех детей дяди Сени, сын, можно сказать, его старости, самый любимый и, видимо, самый способный. Еще, будучи студентом Политехнического института, он самостоятельно выучил сначала польский, а затем и английский языки, занимался переводами художественной и технической литературы, одно время был руководителем Минского городского джазового клуба, считался хорошим знатоком современного джаза. Затем его всепоглощающей любовью стала Япония, японская культура, история и язык, и Олег, опять же исключительно индивидуально, освоил этот не самый простой язык на Земле. Освоил настолько, что его стали посылать в Японию в качестве переводчика различных белорусских делегаций. Чаще всего он ездил с детьми Чернобыля, которых Япония приглашала на отдых и лечение. Так Олег, что называется, лицом к лицу познакомился со страной своей мечты и еще больше полюбил ее. А лет десять назад, найдя работу в одной из японских фирм, стал жителем Токио.

Второго японского Баршай зовут Саша, а по-японски Такаши. Мама у него японка, а отец – Рудольф Баршай, выдающийся альтист и дирижер, создатель легендарного Московского камерного оркестра, живущий сейчас в Швейцарии и продолжающий дирижировать самыми лучшими симфоническими оркестрами мира. Так, в конце сентября он дал три концерта в Милане, а 18 октября Рудольф Баршай с огромным успехом выступил в столице России с «Виртуозами Москвы» – своего рода наследниками славы баршаевского Московского камерного оркестра. Когда-то, в середине 60-х этот коллектив гастролировал в Японии, и там Рудольф познакомился с молодой

симпатичной японкой Теруко, слависткой по специальности. Знакомство вскоре переросло в любовь, и они поженились. Плодом этой любви и стал мальчик по имени Саша. Увы, советская действительность тех лет, да и разница в менталитете не очень-то способствовали успешному браку знаменитого московского дирижера и молодой японки. Их союз через несколько лет распался, и Теруко с маленьким сынишкой Сашей Баршаем вернулась в Японию. Там он вырос, получил медицинское образование, стал хирургом, женился на японке и теперь уже сам является отцом двоих детей.

Обо всем этом мне рассказал Владимир Баршай – сын Рудольфа от предыдущего брака, вот уже двадцать лет живущий в... Бангкоке, столице Таиланда. Мы познакомились с ним совсем недавно благодаря всемирной сети Интернета, с помощью которой Володя искал своих родственников в Израиле. Мы с ним действительно родственники, хотя и дальние: его дедушка Борис Владимирович Баршай – отец Рудольфа – был племянником моего деда Хаима Биньяминовича Баршая. Таким образом, Владимир, в свою очередь, приходится мне четвероюродным племянником. Но дело не в этом, а в том, что между нами сразу же установились добрые, искренние отношения, которые не всегда складываются и между более близкими родственниками.

Судьба самого Володи тоже достаточно интересна и необычна. Мало того, что он сын всемирно известного музыканта, по материнской линии он – внук не менее выдающегося человека – актера Сергея Мартинсона. Он был талантливым учеником и соратником Всеволода Мейерхольда и создал на сцене и в кино немало ярких, острогротесковых образов. Его дочь – художница Анна Сергеевна Мартинсон, была женой Рудольфа Баршая, и Володя – их сын, родившийся в Москве в 1955 году. Как вспоминает Владимир, «в квартире номер 25 на улице Грановского, дом 5, было столько комнат, сколько не каждый третьеклассник может подсчитать, но одна ванная, одна кухня, один телефон и два (слава тебе, Господи!) туалета. Не от того было у нас так много комнат, что у

советской власти был переизбыток жилплощади, а оттого, что в квартире 25 жило семь семейств и два «подсемейства», что в общей сложности составляло двадцать пять человек. Мы же имели комнату в 16 квадратных метров на четверых (мои родители, бабушка и я), где папа играл на альте, мама рисовала эскизы (она работала художником по костюмам на Мосфильме), бабушка занималась бизнесом (антиквариатом из комиссионных магазинов), а я рос на остатке жилой площади...

Сергей Мартинсон

Как позже говорила мне наша соседка, видный искусствовед и первый председатель фонда Тарковского Паола Дмитриевна Волкова, эта дикая, в бытовом смысле слова, ситуация и развела моих родителей. Она с восторгом и восхищением рассказывала мне о том, какие они были до моего рождения: «Это была чудесная пара, как бы созданная

друг для друга. Они не только подходили по душевному облику, но и физически дополняли его».

После развода родителей, Володя воспитывался в основном бабушкой со стороны матери Екатериной Ильиничной Мартинсон (Ильиной) и дедушкой Борисом Владимировичем Баршаем. Его мама вышла замуж за известного кинорежиссера и очень хорошего, скромного человека Генриха Сауловича Габая, снявшего такие фильмы, как «Зеленый фургон», «Лебедев против Лебедева» с Рецептором в главной роли, «Именем революции», «49 дней» и другие. Долгое время чиновники в Госкино считали фамилию Габай украинской и позволяли режиссеру относительно спокойно работать. Но когда поняли, что их «обманули», Генриха стали прижимать и давить так, что он вынужден был подать документы на выезд в Израиль. И тогда все его фильмы сняли с проката, на имя наложили табу, а самого мастера напрочь лишили какой-либо творческой работы. К этому времени Володя уже закончил школу и в 1972 году вместе с новой семьей мамы, у которой к тому времени были уже две дочери-близнецы, уехал из Советского Союза. Больше года он прожил в Израиле, успел даже окончить первый курс Еврейского университета в Иерусалиме.

Потом была жизнь в Европе и Америке, куда он попал в 1975 году, поиск своего места в новой жизни на Новом свете. Об этом периоде своей жизни Володя не без юмора вспоминает так: «Дальше моя деятельность была связана с любимым занятием иммигрантов – поисками путей разбогатеть. Приезжая за границу, мы все предполагаем, что нас тут ждут и, приехав из страны, где ничего нельзя, нам все тут будет можно... На самом же деле, оказалось, что тут все всем можно, и те, кто приехал раньше, сделали уже все то, что мы себе намечали, а нам осталось самое трудное, за что не хочется браться... Вот именно туда я и попал, где все было так трудно, где не за что не хотелось браться... Как говорят в Америке, – «The rest is history» («остальное – история»)).

И все же деловая жилка, которая, по словам Володи, передалась ему от деда Бориса, помогла ему выплыть в

бурном море американской жизни, встать на ноги. Он занялся ювелирным делом, причем, настолько успешно, что смог создать небольшое ювелирное производство в Лос-Анджелесе. Там он женился, и у него родилась дочь Селина. Однажды Володя (в Америке он стал Вальтером) поехал в Таиланд закупать камни для ювелирных изделий. Страна и ее люди так пленили не лишённую романтизма душу Баршай, что он решил остаться в Бангкоке. Это было в 1985 году. К тому времени он уже успел развестись со своей первой женой, а вскоре влюбился в молодую местную красавицу и женился на тайландке. От этого брака у Володи двое сыновей – Бенджамин, 16-ти лет и Мартин, 14-ти.

То обстоятельство, что сам Владимир родился 6 июня – в день рождения Пушкина, по его словам, не оказывает на него сильного влияния, хотя всегда крайне подбадривает. Ни в коей мере не пытаюсь состязаться с Александром Сергеевичем, Володя, тем не менее, тоже время от времени облакает свои чувства и мысли в стихотворную форму. Это, впрочем, совсем не удивительно. Имея по периметру жизни столь высокохудожественную родню, человек просто не может быть чуждым музам. В 1999 году Владимир Баршай собрал свои стихи в единую книжку, которую назвал «Трещина в небе», и выпустил ее в Москве. Книжку с большим вкусом оформила мама Володи Анна Мартинсон, поместившая на обложке одну из своих замечательных работ – «Портрет сына». (Кстати, замечу в скобках, что одна из работ Анны Мартинсон – «Портрет игуменьи Тамары (внучки императора Александра III)», писанная маслом в Иерусалиме, хранится в Израиле, в коллекции Гефсиманского монастыря). В стихах Володи Баршай есть и боль, и смятение, и душевный разлад, и безграничная радость бытия, и грусть, и нежность, и любовь. В 1974 году, впервые после двухлетней разлуки он встречается с отцом в Риме. И рождаются такие вот юношеские стихи под названием «Римское свидание»:

Два долгих года – это срок,
По-моему, не очень длинный,
Мне кажется, я это смог –
Не стать скотиной.

А, оперившись, повзрослел,
Порой мне трудно было.
Два года, срок тот пролетел,
Но верь, что сердце не забыло.
Да, не забыло, не забыть,
Все в памяти свежо и просто,
Адажио продолжает плыть,
Как с дирижерского помоста.
Вот тихий Гайдн при свечах,
Симфонии прощальной звуки,
А свечи гаснут, и во тьме –
Твои летающие руки.
Что это? Сон?! А, может, нет!
Как будто был я здесь, иль снится?
В окне безбожен солнца свет,
Я с горечью разжал ресницы.

2.

А теперь из далекой Японии и экзотического Таиланда перенесемся через океаны в не менее далекую Америку, которая кровными узами связана с моими Баршаями, да и со мной тоже. Во-первых, в Бостоне учится в университете дочь Олега Баршая Женя, в Нью-Йорке обитает мама Володи Анна Мартинсон, а в Калифорнии – его дочь от первого брака Селина Баршай. В Нью-Йорке же обосновались с семьями два моих двоюродных брата – Миша, приехавший в Америку из Гомеля, где он работал инженером-конструктором на «Гомсельмаше», и Валерий, эмигрировавший еще в конце 70-х годов из Киева. Кроме того, в Бруклине живет моя племянница, дочь двоюродной сестры Эммы из Киева, которая уже в Америке умерла от последствий аварии на Чернобыльской атомной электростанции. Еще двое племянников, чьи родители живут в Израиле, местом жительства избрали Канаду. А сколько дальних и не знакомых мне Баршаев живут на Американском континенте, трудно даже подсчитать! Только по интернетовским данным их там более ста.

Нас в Америке могло быть намного больше, если бы в свое время мой дедушка Хаим остался в США, куда он, будучи столяром-краснодеревщиком, дважды приезжал на

заработки в начале и в 20-е годы прошлого века. Но каждый раз дед возвращался в родное местечко Свислочи в Белоруссии, объясняя это тем, что в Америке плохо относятся к рабочим и евреям. Как к ним относятся в советской России, он вскоре хорошо почувствовал на собственной шкуре. Часть заработанных в Америке денег дед решил припрятать на черный день под стрехой крыши. Это заметил его сосед-белорус и немедленно донес на дедушку в сельсовет. Власти тут же изъяли спрятанные деньги, а деда поместили в кутузку, где три дня и три ночи мытьем и катаньем требовали от бедного Хаима, чтобы он отказался от денег, нажитых у капиталистов, и передал их в распоряжение родной советской власти. Дедушка долго упирался, но потом сдался, ибо дома ждали его девять детей, которых надо было кормить... Теперь же в Белоруссии осталась лишь единственная внучка деда Хаима, моя двоюродная сестра Лариса. Ее младший сын – Леня Левин – талантливый математик и программист – живет и работает в Гааге, в Голландии (совсем недавно у него родилась дочь – Анна София, с чем я его и поздравляю), а дочь Ларисы – Елена Левина живет с семьей в Израиле.

Если уж мы заговорили об Эрец-Исраэль, то на карте страны немало городов и поселений, где можно найти людей по фамилии Баршай или их родственников. Это Иерусалим и Тель-Авив, Хайфа и Ашкелон, Холон и Кирьят-Гат, Ашдод и Беэр-Шева, Гуш-Эцион и Нешер, Ришон ле-Цион и Йокнаам, и Бог знает, где еще обретается наш брат Баршай.

Пару лет назад здесь, в Израиле, в городе Кирьят-Гат я познакомился еще с одной нашей дальней родственницей – Беллой Баршай-Ароновой. В годы войны, она вместе с матерью и младшим братом Мишей чудом выбралась из гетто, долго скиталась в лесах, потом попала к партизанам, добилась того, чтобы в партизаны взяли маму и брата, и все трое Баршаев храбро сражалась с немцами, много раз были на грани гибели, но выжили, дождались прихода Красной армии. Все трое были награждены медалями «Партизан Белоруссии». О жизни и судьбе Беллы и Миши Баршаев я написал большой очерк «Военно-партизанский роман»,

опубликованный в трех майских номерах «Вестей» за прошлый год (в приложении «Ветеран и воин»).

Я уверен, что все Баршай – из одного и того же корня и в той или иной степени являются родственниками, ибо фамилия наша – это «рашей тивот», аббревиатура имени нашего общего пращура – Бен рава Шмуэля-Йосефа. Кроме того, все мы выходцы из Белоруссии, куда, по преданию, наши прадеды пришли из Германии. Ну, а то, что мы сегодня разбрелись по всему миру, это, скорее, хорошо, чем плохо. Главное, чтобы мы не забывали своих корней, чтобы знали, откуда вышли и куда идем.

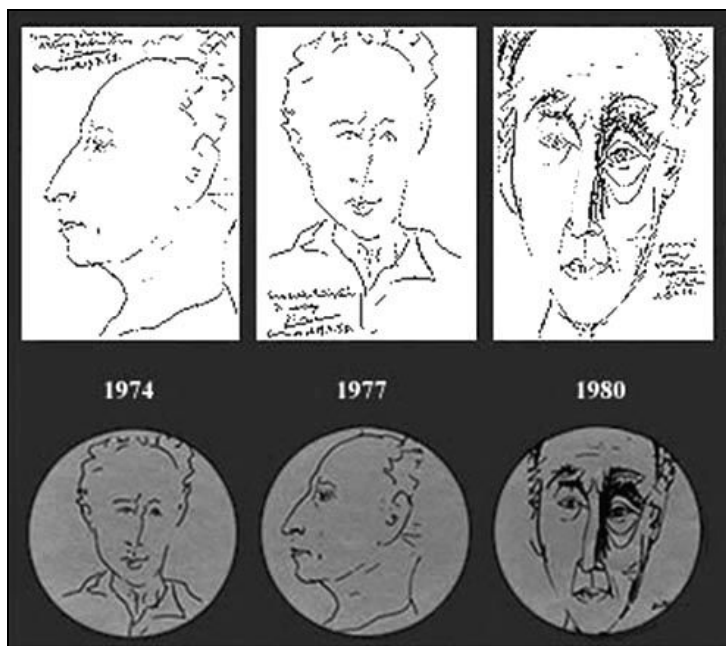
Люсьен Фикс

Гастроли Артура Рубинштейна в советской России

Артуру Рубинштейну, одному из величайших пианистов-виртуозов XX столетия, прожившему долгую и красочную жизнь, кавалеру самых высоких наград стран мира и почётных степеней ряда ведущих университетов, может позавидовать любой. Где только не бывал с гастролями прославленный пианист. Он объездил всю планету, его принимали короли и королевы, принцы и принцессы, он встречался и дружил с выдающимися музыкантами его времени, композиторы писали ему свои произведения, в том числе Стравинский, Вилла-Лобос, Мануэль де Фалья и другие. Артур Рубинштейн выступал с ведущими оркестрами мира и великими дирижерами от Кусевицкого до Тосканини. Он зарабатывал уйму денег, но тратил все на роскошные приемы, лучшие рестораны, дорогие гаванские сигары, самую модную одежду, на азартные игры и на блистательных дам, пока не женился в возрасте 42 лет. Известная итальянская сопрано Габриэла Бесанзони и другие навязывались ему в компаньоны на время многодневных переездов через океан или поджидали его в самых неожиданных местах, будь-то Буэнос-Айрес, Рио-де-Жанейро, Лиссабон, Венеция, Париж или Нью-Йорк. Дружеские и творческие узы связывали его со многими знаменитостями века – с писателями Бернардом Шоу и Гербертом Уэллсом, с Альбертом Эйнштейном и Чарли Чаплином, с композиторами Клодом Дебюсси и Морисом Равелем, с художниками Марком Шагалом и Пабло

Пикассо, который нарисовал двадцать четыре портрета великого пианиста.

Артур Рубинштейн. Рисунки Пабло Пикассо.
медали гравированы с подписью Маэстро

В своих мемуарах – «My young years» (Дни моей молодости) и «My many years» (Моя долгая жизнь) Рубинштейн ярко описывает свою полную приключений жизнь и тот трагический момент, когда во время последнего выступления в 1976 году в Лондоне в возрасте 89 лет он вдруг обнаружил, что совершенно не видит клавиш. Проблемы со зрением у Рубинштейна обнаружили за несколько лет до этого во время выступления в Сиэтле, но он не обратил на это особого внимания и продолжал выступать. Только после завершения концертной деятельности стало известно, что пианист несколько лет играл, практически не видя клавиатуры. Слепота вынудила Рубинштейна оставить публичные выступления, без которых он не представлял себе жизни. Артур Рубинштейн

был одним из редких музыкантов, который не только завоевал восхищение публики своим исполнительским мастерством, но также любовь миллионов людей.

Мне думается, что читателям Альманаха «Заметки по еврейской истории» было бы интересно познакомиться с фрагментом биографии Рубинштейна, в котором описывается впечатление, если не шок, который произвела на него поездка в советскую Россию в 1930 годах.

«Представитель Министерства культуры СССР посетил меня в Париже и предложил дать серию концертов в России, – вспоминает Артур Рубинштейн. – На мой вопрос о гонораре, он расплылся в благожелательной улыбке и сказал: «Мы заплатим вам по тысяче рублей за концерт и берем на себя все расходы, связанные с переездом в купе первого класса, оплату гостиниц и всё остальное для вас и вашей жены. Вы сможете использовать рубли для покупки необходимых вещей, и мы дадим вам экспортную лицензию».

Рубинштейну понравилось идея пожить месяц в России не тратя своих денег. Поездом он и его жена добрались до Варшавы, где пересели в поезд, следовавший в Россию. Вскоре супруги Рубинштейн увидели резкую

разницу между Западным миром и коммунистической Россией. На польской стороне границы таможенники в чистеньких униформах быстро и аккуратно просмотрели их чемоданы. В привокзальном ресторане было много вкусных блюд польского кулинарного искусства. Посетители ресторана были увлечены беседой, и можно было слышать громкий смех, как повсюду в Польше. Как только они пересекли российскую границу в поезд вошли немытые в нестиранных униформах милиционеры и грубо выхватили из рук супругов Рубинштейн их паспорта. Таможенники около часа перетряхивали их чемоданы. Когда наконец эта процедура была закончена и им разрешили зайти в буфет, картина была совершенно иной. Буфетчица в грязном переднике поставила перед ними два стакана бледной желтого цвета жидкости, называемой чаем. Никакой еды в буфете не оказалось. Другие посетители буфета, сидевшие рядом, оглядывались по сторонам с каким-то чувством страха. Это было прелюдией к началу визита польского пианиста в советскую Россию.

В Москве их встретил бородатый мужчина в кожаной куртке и после вежливого приветствия по-русски, который Рубинштейн и его жена знали хорошо, сказал: «Мне поручили вас сопровождать, – и с саркастической улыбкой добавил, – я буду с вами всё время». Это

прозвучало больше как угроза, чем предложение оказывать содействие.

Сопровождающий отвез их в гостиницу «Националь», в которой Артур Рубинштейн останавливался во время предыдущих визитов до революции. Прежде элегантная гостиница выглядела обветшалой и заброшенной. В ванне не было стопора, а кран в умывальнике прохудился сверху и струя холодной воды стреляла прямо в лицо.

Ситуация с едой была трагикомической. Один день посетителям ресторана предлагали хлеб без масла, а на следующий день масло без хлеба. Обслуживающий персонал был к посетителям совершенно равнодушен, а навязанный супругам Рубинштейн сопровождающий пытался убедить их в том, что жизнь в Советском Союзе была идеальной. Он посмеивался над их жалобами. В каждой произнесенной им фразе были слова «капиталисты» и «империалисты».

Первый концерт Рубинштейна состоялся в Большом зале Консерватории имени Чайковского. Пианист не может вспомнить всей программы, но припоминает, что играл «Петрушку» Стравинского и лучшие сочинения Шопена. Зал был забит до отказа и, как стало очевидно по аплодисментам, публике выступление очень понравилось, особенно Шопен в интерпретации Рубинштейна, и произведения Альбениса, с которыми она не была знакома. Исполнение «Петрушки», однако, было встречено жидкими аплодисментами. Сыгранные на бис «Наварра» и «Огненный танец» де Фальи вызвали бурную овацию. После концерта старый служитель консерватории, который работал там с царских времен, глубоко вздохнул и, как бы извиняясь, сказал: «Больше нет ни чая, ни лимона, ни пирожных. Нет тех прелестей, ради которых стоило жить». Это была единственная искренняя фраза, которую Рубинштейн услышал за всё время пребывания в России.

После концерта первым за сцену зашел Генрих Нейгауз, директор Московской консерватории, с которым Рубинштейн не виделся много лет. Они тепло обнялись, и Нейгауз с радостью принял приглашение поужинать с

супругами Рубинштейн в гостинице «Метрополь». Во время ужина они увидели польского атташе, который сказал, что на концерте были все сотрудники посольства и что посол хочет устроить прием в честь своих земляков, на который намерен пригласить министра иностранных дел СССР Литвинова.

Нейгауз открыл секрет, почему «Петрушка» была холодно воспринята аудиторией. «Видишь ли, Артур, публика знает произведение наизусть, но поскольку балет в России никогда не показывался, они думали, что это было просто попурри на русские народные мелодии. Но так как произведение было довольно длинное, они почувствовали к нему определенное презрение несмотря на то, что ты исполнил его блестяще». Рубинштейн пригласил Нейгауза на ланч на следующий день.

Утром раздался телефонный звонок и Рубинштейн услышал дрожащий голос Нейгауза. «Я провёл всю ночь в ГПУ. Они хотели знать, почему меня отвезли домой в машине атташе иностранного посольства. Извини меня, но я не смогу придти на ланч, не говоря уже о приёме в польском посольстве». На приёме в посольстве у Рубинштейна была возможность встретиться с новым поколением российских музыкантов, которые забрасывали его вопросами о музыкальной жизни за пределами России. «Всё, что они знали и слышали это о забастовках, революциях, жестоких избиениях полицией рабочих и о подобной ерунде», – вспоминает Рубинштейн. Литвинов тепло высказался об игре пианиста, что, естественно, произвело хорошее впечатление на их сопровождающего, который стал проявлять к чете Рубинштейн больше уважения.

Следующее вступление Рубинштейна состоялось в Петербурге, который к тому времени уже назывался Ленинград. «Я был рад снова увидеть бывшую российскую столицу с её великолепными дворцами и церквями, город, где когда-то проводились фортепьянные конкурсы имени Антона Рубинштейна», – вспоминает Артур Рубинштейн. Их отвезли в гостиницу «Европейская», некогда одну из лучших гостиниц Европы. Сейчас она была в полном запустении. Концертный зал мало изменился за

исключением названия. Бывшее Дворянское собрание теперь называлось филармонией. Публика в Ленинграде была намного приветливей, чем в Москве и, как вспоминает Рубинштейн, мало изменилась с царских времен. Люди были лучше одеты, у них были лучшие манеры и, как в былые времена, во время антракта Рубинштейну предложили чай и пирожные. На концерт пришел Сергей Прокофьев. Он был рад встретить и послушать старого друга и провел с супругами Рубинштейн весь следующий день. «В настоящее время интерес к музыке находится на самой низкой точке, – сказал композитор. – Власти дошли до того, что запрещают играть произведения Шопена по причине их «крайней сентиментальности». Они считают эти произведения чуждыми духу русского народа. Меня самого до сих пор считают представителем декадентской музыки Западного мира. К счастью, музыканты проявляют ко мне определенное уважение».

Второй концерт Рубинштейна состоялся через два дня. После этого были концерты в Одессе и Киеве. «Сопровождающий» отвез чету Рубинштейн на вокзал, где они увидели грустную картину: десятки людей – мужчин, женщин и детей, от которых исходил ужасный запах, лежали на грязном полу. По всему было видно, что они были там не один день. Когда супруги Рубинштейн сели на поезд, они увидели, что там не было купе. На их жалобы «сопровождающий» ответил, что спальные вагоны зарезервированы для «высоких официальных лиц», но услышав резкие протесты, пообещал найти для них купе на следующей остановке.

После концерта в Одессе, который, как вспоминает Рубинштейн, прошел успешно несмотря на старый дряхлый рояль, он пригласил директора консерватории на ужин в ресторан гостиницы, где они остановились. Эта гостиница, прежде блиставшая роскошью, обветшала как все другие. «Жаль, что наши студенты не смогли послушать вашу игру, – сказал директор консерватории. – У нас были билеты только для самых способных. Один из них, тринадцатилетний подросток, мечтает поиграть для вас. Не могли бы вы придти утром, чтобы познакомиться с нашими

студентами? Мы посчитали бы это для себя большой честью.

Поезд в Киев уходил через несколько часов, тем не менее Рубинштейн согласился. «Я всегда любил молодых талантливых студентов, для которых у меня есть много советов и идей», – вспоминает он.

После короткой беседы со студентами директор консерватории представил своего самого одарённого ученика. Невысокий рыжеволосый мальчик застенчиво пожал протянутую Рубинштейном руку и сразу направился к роялю. С первых же аккордов «Аппассионаты» знаменитый пианист почувствовал, что находится в присутствии Богом данного таланта. Он поцеловал робкого подростка в обе щеки и спросил его имя. Чтобы не забыть, Рубинштейн записал имя – Эмиль Гилельс – в свою записную книжку, так как непременно хотел рассказать о нём Генриху Нейгаузу.

Рубинштейн рассказывает о трогательной сцене на вокзале, куда Гилельс пришел прощаться с великим музыкантом. «Он был в лёгком пальтишке несмотря на страшный мороз. Из дыр в его перчатках высовывались покрасневшие пальцы. В руке он держал три розы, которые он робко протянул моей жене». Вернувшись в Москву, Рубинштейн рассказал о молодом пианисте Генриху Нейгаузу, на которого это произвело такое впечатление, что он немедленно пригласил талантливого музыканта в столицу и предоставил средства для его занятий в консерватории. В 1938 году Рубинштейн был членом жюри конкурса пианистов имени бельгийской королевы Елизаветы, на котором Эмилю Гилельсу единогласно была присуждена первая премия.

Рубинштейн вспоминает ещё об одном эпизоде. Как то на приёме в Нью-Йорке к нему подошел Святослав Рихтер и сказал: «Я был на вашем концерте в Одессе, когда вы исполняли «Петрушку». Тогда я изучал изобразительное искусство, но ваша игра настолько меня вдохновила, что я решил стать пианистом. В какой-то мере своей карьерой я обязан вам».

Через несколько часов «вонючий» поезд доставил супругов Рубинштейн в Киев. Местный «товарищ» отвез их в «Континенталь», некогда лучшую гостиницу города. Глядя на убожество гостиницы и всё окружающее её, жена Рубинштейна не могла поверить его рассказам о чудесном городе, где одно время жили такие знаменитости как Бальзак, Лист и другие.

Концерт Рубинштейна состоялся в том же зале, где двадцать лет назад он играл для элегантной городской элиты. Но даже эта убого одетая публика, от которой разило потом, проявила врождённую любовь к музыке и слушала выступление пианиста с вниманием и одобрением. На следующий день супруги Рубинштейн совершили прогулку, которая привела их к прекрасному Михайловскому собору. «Внешне собор не изменился, всё те же зелёные крыши и позолоченные купола, но внутреннее убранство было разграблено, – вспоминает Рубинштейн. – Куда подевались иконы Рублёва? Собор был превращен в музей атеизма».

Артур Рубинштейн был потрясен нехваткой всего необходимого, включая продовольствие, но имея удостоверение иностранца, он мог отовариться в специальных магазинах. Он зашел в один из таких магазинов, где его спросили, что он предпочитает – килограмм рыбы или килограмм икры. Он и его жена ели эту икру два дня, пока она не стала им поперёк горла. Бродя по улицам, Рубинштейн вдруг увидел магазин ликероводочных изделий. «Вот, где я могу потратить мои рубли», – подумал он. Водки в магазине не оказалось, но продавец предложил им кавказское вино. Увидев разочарование на лицах посетителей, он сказал: «Мы только что получили партию напитка, что-то вроде коньяка». На бутылке была польская наклейка. Супруги Рубинштейн чуть не потеряли дар речи – это был самый дорогой и самый лучший напиток в Польше. Знатные польские фамилии выдерживали бочки «Старки» в своих погребах десятилетиями. Бутылки, которые поступили в киевский магазин, были восьмидесятилетней давности и были доставлены прямо из погребов князя Сангушко. В Польше рюмка «Старки» продавалась за три доллара. Супруги

Рубинштейн купили столько, сколько могли унести. Реальная стоимость добра, которое они купили за бесценок, была больше, чем всё, что Рубинштейн заработал во время гастролей в России.

Следующий концерт был в Харькове (в то время столице Украины). Об этом концерте Рубинштейн пишет: «Здесь публика состояла из высшего эшелона коммунистов, людей, у которых были лишние деньги на билеты. Студенты музыкальных вузов и любители музыки, которые жили на мизерную зарплату, не могли позволить себе такой роскоши».

Москва была последним городом концертного турне Рубинштейна в советской России. «После концерта у нас была целая неделя свободного времени, которое мы посвятили театрам. Художественный театр Немировича-Данченко, который я помню с прошлых времен, почти не изменился и даже стал лучше. Станиславский умер, но его партнер расширил репертуар театра, включив в него оперные постановки. Здесь мы слушали в блестящем исполнении «Евгения Онегина» Чайковского и смотрели «Вишневый сад» Чехова в постановке самого автора.

В этой главе книги Рубинштейн вспоминает некоторые эпизоды посещения Москвы после Первой мировой войны. «После концерта за сцену зашел отец Владимира Горовица, который рассыпался в комплиментах о моём выступлении. Но главной целью его визита было узнать о местопребывании его сына и о его успехах». Рубинштейн рассказал ему всё, что знал, и Горовиц-старший остался очень доволен.

Другой визит произвел на Рубинштейна грустное впечатление. Александр Затаевич, который много лет в царский период заведовал в Варшаве мероприятиями культурного порядка, часто приходил в отель «Виктория» для обмена мнениями о последних концертах. Большой поклонник Рахманинова, он сделал Рубинштейну большой подарок – первую запись Первого и Второго концертов своего большого друга. После последнего концерта в Москве за сцену зашел жалкий старик. На нём была поношенная одежда, а из обуви, только галоши. Затаевич

рассказал Рубинштейну о своих мытарствах и о бедственном положении таких, как он.

Рубинштейн вспоминает трогательную картину, которая свидетельствовала о трагедии в прошлом состоятельных и могущественных людей. «В одном из театров нам достались билеты у прохода в последнем ряду. Две пожилые дамы с явно аристократическими лицами и манерами стояли рядом с нами, как и многие другие, которые, видимо, могли позволить себе купить только входные билеты. Неля и я встали и предложили им наши места. Сначала они отказались, но, в конце концов, согласились. Во время антракта одна из них дрожащей рукой вынула из потертой сумочки две большие галеты и протянула их нам. Мы полагали, что это был весь их ужин, – пишет Рубинштейн, – но взяли, чтобы её не обидеть».

Перед отбытием в Польшу супруги Рубинштейн решили как можно лучше отоварить оставшиеся рубли. В Москве было два вида магазинов – один для советских граждан, где всё продавалось за рубли, другой, так называемый *торгсин*, для иностранцев, где принимали только доллары. Много, что предлагалось в этих магазинах, было украдено коммунистами из дворцов и домов богатых людей. Там были даже блюда, столовые приборы и салфетки из Зимнего дворца. «Мы смотрели на эти богатства жадными глазами, – вспоминает Рубинштейн, – но, к сожалению, у нас не было долларов. В рублёвых магазинах было всякое барахло». Рубинштейн припоминает, что купил три банные щётки с ручками из слоновой кости, а его жена, скрепя сердце, несколько безделушек.

В книжном магазине книголюб Рубинштейн отвёл душу, очистив полки. Книги были в плохом состоянии, но, к счастью, текст их не пострадал. Для книг Рубинштейну понадобились чемоданы и они отправились в самый большой в прошлом универмаг «Мюр и Мирилиз». Им повезло, где-то в тёмном углу они нашли гору чемоданов из какого-то неизвестного материала и загрузили туда свою кладь. На улице один из чемоданов развалился, и драгоценные книги оказались на снегу.

Самые яркие воспоминания от гастрольной поездки Рубинштейна в советскую Россию оставили встречи с Сергеем Прокофьевым и Генрихом Нейгаузом и вечера, проведённые в театрах. К большому удовлетворению Рубинштейна официальное советское концертное агентство настоятельно просило его снова приехать на гастроли.

На этом глава заканчивается. Хотелось бы отметить, что в 1910-1912 годах Рубинштейн ездил с концертами по городам России. В 1930 годы, он дважды побывал в стране Советов. Третий визит в СССР состоялся в 1964 году, когда ему было 77 лет. Вторжение советских войск в Чехословакию в 1968 году произвело на Артура Рубинштейна удручающее впечатление. Больше он в СССР не приезжал.

***

Мне хотелось бы остановить внимание читателей «Заметок» на том факте, что, будучи агностиком, Артур Рубинштейн никогда не забывал о своей принадлежности к еврейскому народу. Он страстно любил Израиль, помогал государству крупными пожертвованиями и всячески поддерживал его. Вот, что он вспоминает о предложении выступить в Лондоне, как он на это отреагировал.

Однажды Сол Юрок (американский импресарио Рубинштейна) позвонил ему и передал предложение самого влиятельного английского импресарио Гарольда Холта дать три концерта в Альберт Холле. «Холт сказал мне, что ваше имя широко известно в Англии благодаря успешным выступлениям в Америке и большому спросу на ваши пластинки». Рубинштейн был рад этому предложению. Он срочно вылетел в Нью-Йорк (Рубинштейн с женой и четырьмя детьми в то время жили в Лос-Анджелесе), чтобы договориться о всех подробностях. Несколько дней он находился в состоянии эйфории в ожидании возвращения в Европу и встрече со старыми друзьями в Лондоне и Париже, который он намеревался посетить после гастролей в Лондоне. Но в это время стали поступать сообщения об ужасных событиях в Палестине. На протяжении долгого времени Рубинштейн слышал рассказы о несчастных бездомных евреях, которым чудом удалось пережить

Холокост и которые потеряли всякое желание оставаться в тех странах, которые это допустили. Было совершенно очевидно, почему они видели своё будущее и будущее своих детей в своём собственном отечестве на древней родине своих предков. Беженцы из Германии, Польши, России и Румынии добирались до Тель-Авива и Иерусалима разными путями, но здесь их ожидали новые преследования. Англичане, которым Лига Наций дала мандат на управление Палестиной и Трансиорданием после Первой мировой войны, продолжали оставаться там. Было создано новое королевство под названием Иордания, которое включало оба берега реки Иордан и старую часть Иерусалима. Остальная территория Палестины включала новые районы Иерусалима и быстрорастущие города Тель-Авив и Хайфу, куда устремились новоприезжие. Другие покупали землю у арабов, даже если это был только песок. Новое государство Иордания и другие арабы, опасаясь большого наплыва евреев, призывали британские власти пресечь иммиграцию. Пароходам с еврейскими беженцами на борту не позволяли причаливать к берегу и отправляли в лагеря на Кипре и даже обратно в Германию.

Тогда Артур Рубинштейн принял решение отказаться от гастролей в Лондоне. Юрок не был согласен с его решением, на что Рубинштейн дал такой ответ: «Ничто не может заставить меня играть в стране, которая героически отстаивала свою свободу во время Второй мировой войны, но которая не сочувствует моему народу».

Английский импресарио Гарольд Холт был разгневан решением Рубинштейна и высказал свое возмущение друзьям пианиста. Вскоре Рубинштейн получил письмо от леди Ридинг, вдовы вице-короля Индии сэра Руфуса Айзекса. Она выразила сожаление по поводу решения Рубинштейна и пригласила его в Лондон на встречу с влиятельными членами еврейской общины для обсуждения создавшейся ситуации. Сол Юрок в телеграмме из Лондона просил Рубинштейна приехать в английскую столицу и обещал уладить дело.

По приезду в Лондон Рубинштейн был приглашен к леди Ридинг домой, где его ожидало около двадцати

влиятельных членов еврейской общины. Хозяйка дома сказала, что понимает причины отказа пианиста выступить в Лондоне и предложила выход из положения. Она была председателем благотворительной организации, оказывающей помощь еврейским детям в британских колониях. «Было бы очень благородно с вашей стороны, – сказала леди Ридинг, – если бы вы пожертвовали сбором с одного из ваших концертов в фонд нашей организации».

Рубинштейн резко оборвал её: «Я пожертвую сбором со всех трех концертов на помощь несчастным жертвам вашей жестокой палестинской администрации, которая отправила их в Гамбург, где они содержатся за колючей проволокой в ожидании отправки в новое изгнание». На этом встреча была закончена. Английский и американский импресарио удивились упрямству Рубинштейна, а англичанин даже сказал, что это вызовет гнев его соотечественников, если они узнают на какие цели пойдут сборы с концертов. «Господа, – ответил Рубинштейн, – я готов сыграть все три концерта, но при условии, что на афишах будет написано «На помощь евреям, жертвам Гамбурга».

Оба импресарио с ужасом восприняли твердое решение Рубинштейна, но когда они увидели, как распродаются билеты, они не могли устоять, особенно когда узнали, что глава лондонского отделения банка Ротшильда возглавляет комитет по сбору средств на помощь еврейским беженцам, стремящимся в Палестину и что он берет на себя распределение сборов от концертов Рубинштейна.

Некоторые из друзей Рубинштейна критиковали его за принятое им решение. «Артур, ты должен понять, что Палестина принадлежит арабам», – говорили они. – «Вы совершенно правы, – парировал Рубинштейн. – Я даже слышал, что евреи называют её Землей обетованной и что Иерусалим даже был ими построен. Возможно меня неправильно информировали. Конечно, все знают, что Индия, Гибралтар, Мальта и Сингапур часть Англии». Рубинштейн считает, что критики его решения прекрасно поняли, что он хотел этим сказать.

Артур Рубинштейн был награждён многими наградами стран мира. 1 апреля 1976 года в Белом Доме состоялась специальная церемония, на которой президент Форд вручил ему самую высокую гражданскую награду Соединенных Штатов – Медаль Свободы.

***

Артур Рубинштейн умер 20 декабря 1982 года в Женеве в возрасте 95 лет. В его завещании говорилось, что он хочет быть похоронен в Израиле. Через год урна с его прахом была доставлена в Израиль и погребена в Иудейских горах под Иерусалимом.

Софья Шапошникова

Из книги «Гений в плену или в плену у гения»

(Из раздела «Избранные стихи»)
Предисловие Ванкарема Никифоровича
О новой книге Софьи Шапошниковой

уществование русскоязычной художественной литературы во многих странах, где живут эмигранты из бывшего Союза, давно уже стало явлением нормальным и обычным. Мы привыкли к тому, что наши книжные магазины постоянно предлагают многочисленные издания прозы и поэзии; произведения, созданные разными авторами в разных жанрах, можно найти и в Интернете.

В этом большом потоке зачастую сложно выделить что-то яркое, интересное, запоминающееся, отличающееся талантливым образным решением и индивидуальной авторской неповторимостью. Прежде всего это касается поэзии: стихи сегодня пишут очень многие.

Поэтому особенно приятно, когда встречаешься с новой книгой, где с первых же страниц поражает талантливая авторская индивидуальность. Так случилось, думается, у многих, кто прочитал книгу поэзии «Гений в плену, или в плену у гения» Софьи Шапошниковой – русской писательницы, живущей ныне в Израиле.

Именно так – «Гений в плену, или в плену у гения» – названо совершенно оригинальное произведение, которое открывает книгу. Эта необычная поэма посвящена жизни и творчеству великого композитора Людвиг ван Бетховена. Стихотворные тексты здесь чередуются с прозаическими, но все объединено общей ритмикой, эмоциональной энергетикой, единым чувственным порывом и настроением.

Поэтесса, воссоздавая эпизоды из жизни и творчества Мастера, как бы раскрывает причины появления замыслов и их воплощения в гениальных звуках музыки. И нас увлекает этот порыв, органичность этого единого, очень редкого в литературе смещения поэзии и прозы, которая тоже ритмична и образна. При чтении этой поэмы возникает удивительное ощущение: мы как будто слышим рожденные силой любви знакомые мелодии и музыкальные фразы из бетховенских сонат и симфоний.

«Сонаты слышу и вижу ясно
Горенье взгляда и руки, руки!..
Все в Нем и просто и прекрасно,
А в сердце чутком крик разлуки.
Мотаются по ветру кроны.
Любовь и возмущенье спорят.
Рояль измучился от горя,
Взлетают пальцы – струны стонут...»

Музыка... Она звучит и в самые счастливые, и в горестные минуты. Моцарт, Бетховен делают нашу жизнь богаче, ярче, порой помогают понять собственную душу, осмыслить свои желания и свое место в этом мире. Софья Шапошникова преподавала литературу. Об этом узнаешь с удивлением – неужели не музыку? Впрочем, это очень близко, главное – как повезло ее ученикам.

Лирические стихотворения этой книги условно объединены в тематические разделы. Каждое произведение – это прежде всего исповедь души, исповедь пережитая, взволнованная. Принципиально отказываясь от формально-звукового начала, автор выстраивает свою образность, исходя из чувственного, эмоционального восприятия окружающего мира и всего, о чем думает, с чем сталкивается в жизни, о чем постоянно и напряженно размышляет. «У себя ученица я все годы подряд», – программно заявляет поэтесса. Первая группа стихотворений посвящена любви, мужу-художнику («Я разлуки с тобой не хочу!»). Большая настоящая любовь рождает ощущение, что «день, как выигранный бой: нас и сегодня двое!». Огромность мира, в котором мы живем, его

радость и боль, его непостижимость, его запахи и краски, – все это ощутимо в поэзии Софьи Шапошниковой.

«Упасть на сено. Запахом зайтись,
Как плачем. И не сразу раздышаться –
И все мечты, наверное, свершатся,
И облаком укроет плечи высь.
Сухих травинок, каждого цветка
В отдельности руками не коснуться,
Обнять все разом, сладко задохнуться
И пульс земли услышать у виска».

Следующий раздел лирики поэтессы раскрывает перед читателями некоторые подробности ее жизни и судьбы: отец был арестован и убит в зловещем 1937-м, когда Софье исполнилось 10 лет. Тогда же она написала стихотворение «Где ты, папа?..»

«Небо смотрит хмуро
В мокрое окно,
На столе окурок
Не дымит давно.
Рама без портрета
Говорит о нем.
Песенкою спетой
Детство за окном...»

Потом угнали в лагерь и ее маму. «Так с детства ненависть росла», – звучит признание в одном из стихов. Чтобы «не подвести случайно близких», пришлось сжечь детский дневник. А жить приходилось постоянно так: «Один бок – к метели, другой бок – к огню». Поэтому до сих пор поэтессе «застилает взгляд всех душегубок дым – открытые века...».

Душевное успокоение пришло значительно позже, когда она с семьей переехала жить в Израиль, когда можно было радостно воскликнуть: «Здравствуй, моя страна! Я душой с тобой наконец». Несколько стихотворений посвящено переживаниям, которые испытали многие из нас

в эмиграции, когда надо было думать, как «в душе своей объединить два истока»: еврейскую боль и русское слово.

«Как я вижу себя изнутри?
Кто мы – русские или евреи?
Подскажи мне душа, говори,
Помоги возродиться скорее!..»

Но прошло время, и духовное возрождение пришло, и поэтесса уже с другой интонацией утверждает: «Мне трудно, значит, я живу. Тревожно – значит, не устала любить людей, цветы, траву...». Интересен раздел, где собраны стихотворения, посвященные сегодняшнему видению поэтессой многогранного окружающего мира. Удивительно, что многие образы и ассоциации напоминают видение, близкое к изобразительному искусству. Одно из стихотворений посвящено Ван Гогу. Этот «извечный сеятель и жнец» «жадно в пальцах кисть зажав клал мазки – все пробы, пробы...». Или: «Черная графика зимнего леса, в чем твоя тайна, скажи?». Она же неожиданно может увидеть в «царстве моря» прибрежные камни такими, как будто их «из пены скульптор ваял». Особенно восхищена поэтесса порой цветения в Израиле, которая «совсем иная, чем везде, где я жила...». Полностью разделяем мы и авторское поэтическое восприятие многогранной образности израильской осени: «В ней чисто женская душа, а поступь у нее мужская...».

Впечатляют в книге и стихи, затрагивающие сложные и во многом неразгаданные проблемы природы поэтического творчества. Характерно следующее откровенное авторское признание:

«Мне кажется, я вся переселилась
В стихи. Но сердце не остановилось.
Оно, больное, верно бы не билось,
Когда б не поэтическая власть...»

Софья Шапошникова рассказывает о своем «личном коде стихов», о том, что «все труднее утром рано слова ложатся на бумагу». Отдельные стихотворения посвящены

Пушкину, Баратынскому, Ахматовой, в них – дань любви и уважения к тем, кто учил и жить, и любить, и творить. И снова мы находим в стихах восхищение картинами мужа, его «целым миром пейзажей». И звучит собственное скромное признание, что она пишет «отнюдь не эпопею – тетрадку своего бытия». Завершают эту книгу поэзии небольшие портретные этюды, во многом эмоционально обобщенные, и стихи-раздумья, которые названы «Мои загадки». В них опять нас поражает необычная, яркая образность поэтессы и продолжение ее размышлений о жизни и природе творчества.

«Билась я всегда о те же скалы,
Но не гасла к сущему любовь.
И когда над скалами сверкали
Молнии, сама спешила к ним,
Чтоб укрыть собой – щитом живым...»

Софья Шапошникова – автор более двадцати книг прозы и семи сборников стихотворений, изданных в бывшем Союзе и в Израиле. Но ее последняя книга – «Гений в плену, или в плену у гения» – особенная, необычная. Уверен, что своей оригинальной стилистикой, образностью и эмоциональной проникновенностью в самые глубины души она понравится многим любителям настоящей поэзии.

Софья Шапошникова
Из книги «Гений в плену
или в плену у гения»
(Из раздела «Избранные стихи»)

Что есть любовь

Любовь не сон. Не страсти бред.
Любовь – страданье за другого
И рвение спасти от бед,
И неистрепанное слово.
Любовь есть неудобный мир,
Она мучительное счастье.

А для кого-то – праздник, пир
Пускай на месяц – ты в нём властен.
Но только жизнь пойдёт на спад,
Ты до конца познаешь цену:
Любовь – двоих особый лад,
Нерасторжимый и нетленный.

***

Не бери мою боль, не бери.
Этой боли не годы – века,
А в веках – бунтари-тихари
От погрома, пинка и плевка.
Что плевок! Был и нету следа.
Но душа никогда не заспит
Обновлённый коричневый спид:
В нём безмерная зреет беда.
Нет, гнезда я тебе не совью.
Посмотри, вот уже упыри
Топчут душу мою и твою.
Не бери мою боль, не бери.
Не бери.

Заклинание

Тревожно.
За тебя тревожно.
Ты осторожен?
Будь осторожным!
Мир так огромен,
Суров и сложен,
И час неровен...
Будь осторожен!
Боюсь до дрожи
Машинной рати,
Будь осторожен
Ты, Бога ради!
Будь осторожен:
Не простужайся,
Не ушибайся,
Не оступайся,

Не поскользайся!..
Но мне тревожно:
Ты, осторожный,
Не стал бы зайцем,
Не стал бизоном
С дублёной кожей
И плоскодонной
Лодчонкой тоже,
Не стал стеною
Пред чьей-то болью,
Одним собою
Обеспокоен,
Чтоб жизнь итожа,
Вдруг не открылось,
Что осторожность
Украла силу,
Украла душу,
Твой мир нарушен,
И ты заужен,
И ты засушен,
Тревожным словом
Моим стреножен.
Ты по-иному
Будь осторожен:
Не унижайся,
Не восхваляйся,
Не пресмыкайся,
Не отступайся!..

Ночью

Я при жизни слышала плач обо мне
Голоском не твоим – детским.
Ты твердил одну страшную фразу во сне,
Ты меня отпевал сердцем.
Голос сердца всегда и щемящ, и высок –
Детский, праведный голосок...
Ну, зачем же, Судьба, нам такая любовь
До бездонного смертного мига!
Мы с тобою земные, и мы из рабов:

Чувство истинное – вериги.
Я покашляла тихо, и ты приумолк,
Я волос твоих редких погладила шёлк.

***

Я тебе так мало, скупно говорила!
Вслушайся в молчанье – я же говорю:
Ты моё спасенье, ты любви мерило,
В тёмном лабиринте для тебя горю.
Нет и в старом сердце никогда покоя.
Крылья распахнуть бы, защитить от бед.
Мне не госпожою быть и не рабою –
Хоть простою свечкой, если нужен свет.

В десять лет (1937 год)

Под ногами галька. В оспинах ступни.
Мне себя не жалко в горестные дни.
Ноги ледяные, осень на дворе.
Где мои родные о такой поре?
Почему босая? Потому – назло.
Я себя бросаю в пенное стекло –
Леденит, щекочет, ломит до нутра.
Прохожу до ночи с самого утра.
В десять лет непросто замышлять борьбу.
Мне бы ножик вострый, крылья на горбу.
Света нет на свете. Солнце под замком.
Девочка в берете. Ни души кругом.

В июне сорок первого

Как упоённо дети спят!
Семейство тесное опят
Упругих и русоволосых –
Обыкновенный детский сад.
Спят на террасе в летний зной.
Трав усыпляющий настой,
Неповторимый дух сосновый.
Щекой к подушке, а рука
Ладошкой розовой открыта
Для тихой ласки ветерка.

...И небо мирное пока.
Все живы.
И уже – убиты...

Детский дневник

Он был опасен, мой дневник,
Как отраженье общих бедствий,
Как обобщённый детский крик,
Как обличающее детство.
Когда в тифу, в ночном жару
Пошла с тетрадкой обречённой,
Чтоб превратить её в золу,
Я лишь вздохнула облегчённо.
И смерть не будет мне страшна,
Не подведу случайно близких
И в потаённых чёрных списках
Их не возникнут имена.
Пол выгибался подо мной,
Уныло кланялись колени,
Быть может, это шар земной
Устал от жертвоприношений.
Мне жаль сейчас мою тетрадь,
Как фотографии былого,
Но если б надо выбрать снова,
Я снова предпочла б сгорать.

***

Одинаковы дороги,
Камень, темень без конца.
Тень убитого отца...
И везде, везде пороги.
Очень тесно. Слишком тесно.
Тень по воздуху неслась
И была со мной совместно
Ненавидящею власть...
Запах гари

Запах гари. Запах гари –
Я спешу закрыть окно.

...В сатанинском том пожаре
Нам погибнуть суждено:
Рая Гринберг всей семьёю,
Златокося Рахиль...
Это всё звалось войною,
Это отрочества быль.
Список класса помню ясно.
Собрался еврейский класс.
Все мы жили без опаски,
Тридцать пар еврейских глаз.
Семилетка за плечами:
Кто-то в техникум пойдёт.
Я – в восьмой. Решили сами,
Что мы знали наперёд!
Старших классов мне не кончить.
Им не выжить под врагом...
...Я вбежала в город гончей,
Обегала каждый дом...
«На Слободке закопали
Нас живыми... Эти рвы
Всё ходили ходунами –
Мы рвались на свет из тьмы...»
«Нас сожгли в люстдорфских складах
Всех живыми... много дней
Бушевал огонь... Не надо б
Говорить – живым больней...»
Запах гари... запах гари...
Не закрою я окна!
Ходит люд на тротуаре –
Я в Одессе сожжена.

Когда-нибудь

Когда-нибудь закончатся раздоры и войны,
И люди на людей поднимут взоры спокойно,
С приятием, без всяких подозрений, неверья,
И будут среди них простак и гений, наверно.
И будет город чист, широк и светел, как парки,
И девочка в когдатошнем берете пройдёт под
аркой,

Построенной в знаменованье мира навечно...
...Представила – и не темно, не сиро, и всё по-
человечьи.

***

Последний всплеск волны во мгле
Безлунной ночи.
Последний всплеск огня в золе,
Как многоточье.
Последний мозга острый всплеск –
Паденье в пропасть
Уже серебряных небес
Наивысшей пробы.

Судьба землян

Младенец окунулся в свет
Из тьмы привычной – тьмы утробной,
Такой уютной и удобной
В неведомую – из планет
Единственную – ставшей кровной.
Он перенёс сильнейший стресс.
Его душа, пока нема,я,
Поздней откроет: он воскрес
Для жизни на Земле. Чудес
Необычайность познавая,
Не вспомнит: времени – в обрез.
Трагедий нет. Трагедий нет!
Есть два конца судьбы единой.
Два стресса – с жизнью посредине –
Есть то, что Небо всем даёт.

Миры

Дорогой мой, не тужи: это – жизнь.
А за нею снова жизнь – жизнь Души.
А за миром – цепь миров, не оков.
Там и встретиться нам вновь, пусть без слов.
Мы по взгляду всё поймём: мы есть Мы.
Там прозрачный водоём, свет без тьмы.
Тёплый свет, желанный свет, нет разлук.

Что с того, что без примет, – рядом друг.
Не уходят в никуда. Не тужи.
Есть ещё одна среда – Мир Души.

***

Дни, как листья, опадали,
Мы себя в друзьях теряли.
Горек смутный путь.
Утоли моя печали,
Пусть в конце, а не в начале,
Пусть когда-нибудь.
Мне б ещё раз удивиться
Добрым людям, светлым лицам,
Всё – да не в укор.
И живой воды напиться.
И, пригнутой, распрямиться,
Высоко подняв, как птица,
Осмелевший взор.
Утоли моя печали,
Хоть с последними свечами
Над закрытыми очами.

***

Нет, нет конца!.. Скажи, иначе как бы
Я обитала в сизой той дали,
Где молнии, сходясь, как прежде сабли,
Уклончиво касаются земли?..
Есть нечто недоступное, есть тайна,
Как в омурах неведомой реки:
Живые души, собираясь стайно,
Мерцают тихо, словно огоньки:
Общаются... земляне, мы не знаем –
Иная форма жизни нам дана.
Но светоречь, свой лёт не прерывая,
Достигнет нас и будет прочтена.

Осень

В душе просторно, как в природе.
Всё, что случайно, отошло,

И, отдавая в мир тепло,
Душа не ищет, а находит.
И бескорыстие храня,
Она становится богаче,
Не ждёт капризную удачу,
А просто рада свету дня.

***

Чёрная графика зимнего леса:
Голые ветви. Стволы.
Ветер размашистый. Небо белёсо.
Дали сквозные белы.
Кажется, всё отпеванью покорно –
Чёрные ветви мертвы,
Хоть сотворяется снова под чёрным
Светлое чудо листвы.
Но до листвы, до зелёного плеска
Лес – колдовство для души.
Чёрная графика зимнего леса,
В чём твоя тайна, скажи?..

***

Упасть на сено. Запахом зайтись,
Как плачем. И не сразу раздышаться –
И все мечты, наверное, свершатся,
И облаком укроет плечи высь.
Сухих травинок, каждого цветка
В отдельности руками не коснуться,
Обнять всё разом, сладко задохнуться,
И пульс земли услышать у виска.

***

Я не могу любить сильнеей.
Я не могу дружить верней.
Не оставляю про запас
Тепла, которое для вас.
А новый день, а новый гость –
И вдруг зимою ягод горсть
От искры нового тепла,
Сама которой не ждала.

Молитва

Господи Боже, сделай милость,
Чтоб моя мельница не покосилась,
Не покосилась, не захирела,
Чтобы помол был чистым и белым,
Чтобы годился для пышного хлеба
Всем, кто алкает, кто сыт ещё не был.
Господи Боже, сделай милость,
Сделай, чтоб печь моя не обвалилась,
Не обвалилась и не остыла,
Не угодила в мою могилу,
Чтобы, когда меня больше не будет,
Долго служила неведомым людям,
Чтобы не зря эта печь возводилась...
Господи Боже, сделай милость!

Островок

В потоке общем – островок.
На нём сгрудились люди.
И эту сушу создал Бог,
Но он-то нас и судит.
А веришь в Бога или нет,
Ты сам себя карай
За неотдачу, непривет,
За то, что здесь не рай...

В дальний путь

Вся в брызгах моря, в пятнах пристань –
Под солнцем, в бликах облаков.
Там группа пёстрых стариков
Вокруг рояля с пианистом,
Бутылок разномастный ряд...
Какой-то странный маскарад.
Стоит у трапа морячок
Безликий, белоснежный с медью.
А мне на теплоход успеть бы!
Но я смотрю, как на крючок

Мальчишка ловит безуспешно.
Какое имя рыбки здешней?
Мгновенный проблеск серебра –
Поймал! А мне на теплоход пора.
Над морем реет отраженье
Всего, что пристань полоня,
Захватывает и меня,
И в голове моей круженье,
Не верится, что теплоход
Вообще когда-то отойдёт...

Ночная няня

Ей скоро сто. Согнулась пополам.
Как веточка суха. Уже зим двадцать
Всё в пиджачке.
– Не холодно ли вам?
– Мне барыня велела обливаться
Всегда водой студёной по утрам.
– Как – барыня?.. Когда же это было?
– Пятнадцать лет сровнялось мне тогда.
Она меня к овсянке приучила
Да к той воде, что не теплее льда.
Я с этих пор ни дня не пропустила,
И хворь не липнет – есть в водице сила.
Спешит под вечер, мелко семеня.
Спрошу её, куда в такую пору.
Таинственно ответит: – Ждут меня... –
Подумает: а быть ли разговору?
И скажет: – Нынче в няни не идут.
Им, молодым, так вроде бы зазорно.
А я... Как позовут, я тут как тут.
Судно да утку... Нет работы чёрной.
И руки подняла: – На что ж они?..
– Вы в ночь сегодня?
– Я ночная няня.
Больному ночи тяжелей, чем дни.
Как чистую пелёнку подложу,
Как около тихонько посижу,
Взобью подушку – всё полегше станет.

– И в сон не клонит?
Подняла глаза
Туманные, далёкие, как детство.
Я поняла, она давно уж за –
За гранью сна – и с вечным по соседству.
– Поберегли себя бы хоть сейчас, –
Пробормотала я, чуть оробело.
– Вот отдохну, когда наступит час.
Ночная няня – это божье дело.
И побежала. Юбка до земли
И пиджачок всё тот: не ветхий – вечный.
А позади дороги пролегли,
Как за десятком жизней человеческих...

Судный день

Раскапываю из развалин.
Рассматриваю, что вдали...
Мы многого не понимали,
А годы, годы мимо шли.
Казалось, молодость без края,
И нет у зрелости границ.
Всю нашу жизнь припоминая,
Я перед Небом пала ниц:
Верни!.. С сегодняшнею верой
И нежным трепетом души,
Отмерь ещё раз прежней мерой
И приговор свой подпиши.
Мы любим – мы едино дышим,
Как не любили никогда!..
Но небо, видно, нас не слышит,
Лишь тускло светится звезда.

Александр Пивинский
exegi monumentum aere
perennius

памятник себе ни рук ни торса
надёжный как рояль в кустах и стул
ван гога как простроченные морзе
радиоволны видно за версту

ты можешь приходить сюда с цветами
но жёлтые оставь для мастеров
мой дядя уважать себя заставил
скажи-ка дядя взяться за перо

не даром это в кайф а так от скуки
нельзя на зло редакторше судьбе
зачем аборигены съели кука
он тоже мог бы памятник себе

в каком-нибудь вестминстерском аббатстве
где по соседству байрон и шекспир
я памятник воздвиг из тунеядства
и сделал надпись дескать миру мир

земля крестьянам вишни садоводам
аборигенам кукиш нет войне
я памятник и при любой погоде
ты можешь просто вспомнить обо мне

***

живая природа силится
очнуться от зимней тоски
сбирая фрагменты осириса
в берёзовые тусски

пойдём-ка и мы потопчемся
поищем укромную дичь
где зяблик без имени-отчества
роскошен как пётр ильич

за пультом в нью-йоркском карнеги
похожем на свадебный торт
смотри как мелькающей арникой
в прогалинах солнце цветёт

как сладко по ветке сломанной
прохладная влага течёт
и почки дрожат миллионами
сердец нераскрытых ещё

детская площадка

вопреки расхожему мнению
боги не бессмертны
есть места где они прокапывают
громадные шахты
и опускают туда своих покойников

к счастью у нас пока всё спокойно
только стайка ангелов
время от времени
копошится в небесном песке
их лопаты и вёдра не так уж опасны

хотя и ангелы обладают каким-то
божественным знанием
благодаря которому
издали чуют свежие холмики
нашего брата крота

***

я не стал бы связывать понятие счастья
с расставанием-встречей с нелётной погодой
если б твой самолёт отрывая шасси
не ложился крылом на твердеющий воздух

если б спутники связи как мошки над лампой
не коверкали пауз электронным гуденьем
и слепые владельцы таможенных штампов
не пытались на ощупь отслеживать где мы

где нечаянно спрятана нежность на полках
между тонких страниц в направлении свана
я не стал бы смотреть в это небо без толку
если б ты не дышала во мне постоянно

кто придумал укладывать в гипс части тела
не любил сослагательного наклоненья
и устроил всё так чтобы ты летела
унося моё сердце с собой на коленях

***

*About suffering they were never wrong,
The Old Masters...*
(W.H. Auden)

выйти листиками пошуршать
в сладковато-задумчивом сквере
станиславский сказал бы не верю
будто держит в потёмках душа
осязание птицы и зверя

ощущенье норы и гнезда
многомерных слоёв летаргии
arbor vitae сказал бы вергилий
для тебя зеленело всегда
умирали обычно другие

но рассыпалась сна пелена
ты сегодня особенно смертен
инфернальным дыханием ветер
где на ветках слезится луна
неспроста иероглифы чертит

и от ужаса не убежать
краски брейгеля рвут капилляры
был секрет у художников старых
выйти листиками пошуршать

в предвкушенье чумы и пожара

и зазубренной бронзой ножа
сухожилия надрезать икару

крайний случай

росший в приюте
кукушонок-подкидыш
мечтал когда-нибудь

обзавестись собственным
тикающим домиком
с гирьками в форме шишек

или в крайнем случае
поясом шахида
с часовым механизмом

***

после взрывов
в глаза бросаются записи
блоггеров типа
у меня всё в порядке

понятно конечно
что это для родственников
друзей за границей возлюбленных
может быть должников

после взрывов
неожиданность адресата в порядке вещей
атеист обращается к богу
патриарх к взвинтившим цены таксистам

в порядке вещей избиение женщин
в хиджабах
ногами в живот в материнское чрево
где может скрываться будущий моджахед

и погибни хоть половина человечества
оставшаяся часть

с завидным упорством будет строчить
у меня всё в порядке

но не позавидуешь людям
у которых действительно всё
в порядке
после взрывов

как у таксистов

***

гиганты и белые карлики
иные по сути миры
мерцают над берегом арники
в слезах лягушачьей икры

и я головастик затерянный
среди вещества ничего
не знаю о тёмной материи
которой увы большинство

довлеет как думская фракция
как ночь и никак не пройдут
о бренности мысли дурацкие
нейронов побочный продукт

***

твёрдые формы
всё равно что роден
снизошедший до кубиков

всё равно что твёрдые обещания
в надгробьях алекса́ндро-невской лавры
где у ксении петербургской воруют землю

лучше им не давать имена
лучше быть эрмитажным котом
— я знал одного с изумительной кличкой —
гуинплен
лучше быть гуинпленом тебе
с красным ртом
от разорванных голубей

***

выкипает аквариум близится станция дно
и опять пассажиры спросонья дерутся с врачами
как в той песенке спетой и незачем больше в окно
разве что закутить мутноватое утро встречая
или просто сойти тут с ума дальше можно пешком
безразлично куда всё равно эти тайные знаки
устарели и мёртвым как сельдь на песке языком
не расспросишь у аборигенов дорожной изнанки
дальше можно горстями глотать сожаления муть
нерастроченной прытью давиться под сенью сосновой
быть не быть или йориком кривоколенным уснуть
баловавшим господ нецензурными фруктами слова
быть не битым да так что хоть цербером вой
от того что вгрызаются в мозг бескозырные черви
говорят настрадавшийся даймлер один под москвой
изобрёл вечный двигатель с опцией мироточенья
это нам не впервой как два пальца легко об асфальт
как спаять на коленях адронный коллайдер из лего
мы готовы в опорках спускаться с суворовских альп
только битую вечность зимой не допросишься снега
а когда после вечности что-нибудь в небе взойдёт
можно всходы лелеять и ждать полновесных колосьев
наблюдая как падает с древа познания плод
если ветку зацепит святыми рогами иосиф
но упрямому сердцу всё мало ему подавай
путеводный котёл возвращающий жизнь в одночасье
проездной на блуждающий в соснах желанья трамвай
и невесту такую чтоб пол под ногами качался

толкователи событий

оглохшие
от собственных громких высказываний
во всём они видят знак свыше

будто свыше
больше заняться нечем
кроме как устраивать для них
катастрофические авиашоу и цунами

не знаю что там свыше
но только сумасшедший владелец аквариума
стал бы швырять камнями
в своих глухонемых рыбок чтобы
подать им знак

и только сумасшедшая аквариумная рыбка
видит в любящих пальцах кормящего
сурдоперевод
книги апокалипсиса

***

месяц грустный как прилепин
лижет сумрак огородов
кошки-мышки тянут репу
у сонливого народа

это родина мой мальчик
в мире нет её синее
здесь герою из ламанчи
подходящей дульсиней

не сыскать но шанс обещан
обрести в конце недели
позитивный взгляд на вещи
сквозь бутылочную зелень

поживём и мы увидим
небо новое в орбитах
в перламутре лунных мидий
в крыльях мельниц недобитых

***

миражами сгущается зной
иллюзорной водой над асфальтом
внутривенное ноет конральто
неужели всё это со мной
и меня как медузу сомнут
злые волны и я позабуду
как прильнувшие женские губы
холодеют на пару минут

словно смертную чашу они
в параллельном кино лобызали
где бесплатный фокстрот на вокзале
доиграют и больше ни-ни
лишь колёса по стыкам тук-тук
или сердце ключом аритмии
перескажет как в детстве кормили
непомерного мерина с рук

чтобы с помощью жмени овса
из ноздрей обдувавший нас ужас
одолеть когда оводы кружат
и вгрызаются прямо в глаза
но не вышло мир страшен и груб
как ван гог с револьвером в июле
только женщины не обманули
ни любовью ни холодом губ

***

проигран в пух последний врубель
за белым столиком хирурга
с косой в руках зима на убыль
бредёт мостами петербурга

загримирована как автор
апрельских тезисов неволью
лепечешь продавщице драфта
налейте барышня мне смольной

вечерней охты и авроры
большой морской не надо гиннес
в барахты-бухты очень скоро
вернутся певчие пингвины

от зимней спячки пробудятся
в спиртах кунсткамеры уродцы
давайте радоваться братцы
хоть этим что нам остаётся

***

Разве мама любила такого

Владислав Ходасевич
кружится жизнь мотыльков невесомая
возле ночного крыльца
бросить бы горе-писательство всё моё
хватит высказываться

кур завести чтобы утром кудахтали
вместо девиц новостных
в тихом сельпо с мужичками поддатыми
спорить о свойствах блесны

знаю что трудно не думать как эти вот
ассы воздушной возни
и под подушкой несчастнейший элиот
кошками будет дразнить

всё-таки надо однажды попробовать
жить без журнальных рядов
где по копеечке кесарю богову
мзду в ожиданье годо

платят а впрочем не мне злую отповедь
сослепу туфлей давя
гусениц произносить не такого ведь
мама любила меня

кутала в плащ от закатного августа
здесь на веранде рябой
боже позволь мне остаться пожалуйста
в этой забытой тобой

не приукрашенной морем провинции
с речью вещей бытовых
с лицами женщин не грезивших принцами
с вечностью листьев травы

Даниэль Тамар

Тени прошлого

Несколько слов

е совсем банальна история написания этой книжки (а может быть, именно и совсем банальна). Ранее издав две книги, я был уверен, что больше писать не буду. Но разные странные образы будоражили мое воображение, какие-то пестрые картины, пейзажи и истории все время проплывали перед глазами, не давали спокойно жить и нормально спать.

Чтобы отвязаться от непрошенных гостей, я решил написать несколько коротких сюжетов, но так уж вышло, что один потянул другой.

Поскольку мне как автору как-то непривычна в книге одна лишь проза, я снабдил каждую новеллу стихотворным посвящением. Конечно, это было уж очень просто, но зачастую простота тоже бывает коварной и требует осторожности. А иной раз я хотел написать что-то без какой-либо задней мысли, и зачем мне какие-то заключения – пусть читатель делает их сам, если сочтет нужным.

Но и этот вариант показался мне несколько суховатым, и я решил «разбавить» его стихами, как и новеллы, тоже короткими – а мне очень близка форма сонета. Понятно, что способ расположения сонетов и новелл в книге выбран не вполне приемлемый, но я опасался, что, если я их расположу по отдельности, будет скучно читать двадцать пять сонетов подряд, а так каждый раз всего по одному стиху, не страшно. Никакой смысловой связи между сонетами и новеллами не существует. Мне их сочетание видится, как два проплывающих в свободном пространстве кольца, неразрывно соединенных, но каждое

само по себе. А свободное пространство – это наше прошлое, и плывущие в нем кольца, быть может, всего лишь его призрачные тени.

В смысле сюжета (завязка – развитие – кульминация – развязка) от старинного классического сонета ничего не осталось, только формальное построение – для меня и это немало. Но и от принятого классического содержания – любовная лирика, чувственные переживания, разочарования и восторг – тоже пришлось отказаться: не для меня.

Д.Т.

Я думаю, я только думаю, что настоящий рассказчик не должен задавать вопросы и отвечать на них, что-либо объяснять и комментировать, делать какие-либо заключения и выводы, не дай Бог, морализировать, поучать или проповедовать. Он должен только рассказывать. Примером ему может служить степной человек, который едет на своей гривастой лошадке и поет про все, что видит. А видит он очень немного.

Из высказываний рабби
Мойше Нахума Бен Лейзера Нахмана

Сонет 3

Отец-садист в руках сжимает кнут.
Сверкает рыцарь серою броней.
Вонзил еврей взгляд коршуна в Талмуд.
Блестит, как жемчуг, череп под луной.

Вершит Сын Божий свой последний суд.
В бреду шептал стихи поэт больной.
Стервятники паденья львицы ждут.
Бредет философ с тощею сумой.

В концлагере сирени куст расцвел.
И тянет плуг старик, как дохлый вол.
И ночь холодная на мертвый храм садится.

В местечке отгремел уже погром.
В молитве замер разорённый дом.
И с криком пронеслась ночная птица.

Новелла 3

Остановка на лесной дороге в зимних сумерках

*Сгустились сумерки в спокойствии лесном,
Снежинки-мотыльки скользят бесшумным пухом.
Безмолвие одно уловишь чутким ухом.
И замерла душа пред сладким, вечным сном.*

Старый тунгус остановил свою лошадку. Толстой, оленьего меха, рукавицей он смел снег с её подрагивающих ушей и длинной, достающей до глаз челки.

Лошадь посмотрела на него удивленно, даже с недоумением – чего останавливаться, до дома ещё километра четыре осталось, сумерки опустились, мягко, но уверенно идет снег. Уже тонкий свежий покров его лежит и без этого на еле заметной дороге, можно ли выбраться с почти полными санями древесных кругляков? А их ведь ещё колоть надо, дом-то топить нечем.

Тунгус огляделся, присел, снял валенки, перевязал портянки, обулся, поостыл чуть-чуть, снова перевязал тулуп. Огромные, темные, под снежным покрывалом ели, как бессменные часовые, охраняли эту лесную дорогу; сбоку на пригорке две высоченные кедровые сосны, знакомые близнецы, такие лакомые летом своими жирными орехами, такие чужие сейчас, застывшие в своей снежной дреме. Нет, не в снеге дело, не в лесных сумерках, не в таежном безмолвии.

Старый тунгус снова подходит к рыжей кобылке. Он гладит её, она прижимается своей теплой, чуть слюнявой мордой к небритой щеке, мягкие губы щекочут острый подбородок хозяина, по щекам тунгуса текут слезы. Здесь, в безмолвном густом лесу, в поздних чернеющих сумерках, рядом со своей уже единственной рыжей пособницей, он может поплакать, ибо ему есть о чем поплакать: «Что будем делать, Алена? – спрашивает он, – чего домой-то идти, никто не ждет дома. Нету Мани, Алена, нетути, схоронили мы Маню. Что же мы будем делать, Алена, без Мани?»

Так причитал старый тунгус, схоронивший жену свою, с которой прожил тридцать лет, а взял-то её, когда ей и семнадцати не минуло, и жил с ней, твердо решив, что много раньше её уйдет, ибо и был много старше. А без неё

жить и помыслить не мог и не знал, как жить, и, наверное, и кобылка их, рыжая Алена, не знала. Пустая, нетопленная изба его, на самом берегу Чуни, ждала их, да только страшно было старому тунгусу возвращаться туда, ибо все там Маней было наполнено – всё, только без Мани теперь. И дочка молодая его уже уехала в город большой, куда-то неведомо, где он и трех дней прожить бы не смог без этого нескончаемого леса, без порожистой Чуни, без малого его огородика, и не столько его, сколько Маниного, а уж без Мани и подавно.

Снег пошел совсем белым покрывалом, сумерки в ночь сгущались, старый тунгус все больше прижимался к лошадке своей; так и стояли они голова к голове, закрыв глаза, стояли, вслушиваясь в белое лесное безмолвие.

Кто знает – может быть, сладко замирали их души.

***

Не читал старый тунгус и даже подозревать не мог, что живет на свете такое чудное стихотворение Роберта Фроста «Остановка у леса зимним вечером».

Чей этот лес – я угадал
Тотчас, лишь только увидал
Над озером заросший склон,
Где снег на ветви оседал.

Мой конь, задержкой удивлен,
Как будто стряхивая сон,
Глядит – ни дыма, ни огня,
Тьма и метель со всех сторон.

В дорогу он зовет меня.
Торопит бубенцом звеня,
В ответ – лишь ветра шепоток
Да мягких хлопьев толкотня.

Лес чуден, темен и глубок.
Но должен я вернуться в срок.
И до ночлега путь далек,
И до ночлега путь далек.

Перевод Г. Кружкова.

Сонет 7

Поземка за окном гудит уныло,
Свеча гоняет тени по стропилам,
И лунный свет в избе размыт и скуп.

Старик с рукой худой поверх тулуца
Лежит и втягивает запах супа,
Но некому сварить горячий суп.

Старухи нет. Ушла его старуха.
Не вспомнит он, когда и где она лежит.
В глазах туман и шум неясный в ухе –
А где-то там кресты иль ряд забытых плит.

Жизнь истекает здесь, хотя тепло и сухо,
И язычок свечи желтеет и дрожит,
И наверху в трубе метель застонет глухо.
Кто в дальний путь ушел, давно в метели скрыт.

Новелла 7. Отправитель в рай

*Не торопись упасть пред набожным величьем,
Стара, как мир, игра, тверд, как утес, закон.
Душа наивная! Под ангельским обличьем
Смертельный хвост занес коварный скорпион.*

В начале пятидесятих годов прошлого века в мирном австрийском городе, столице Земли Каринтия – Клагенфурте случилось событие, более чем неприятное. Обнаружился серийный насильник-убийца.

В те времена пресса ещё не была столь мощной империей, как сегодня, но все же «Клагенфурт Фольксблатт» ещё до этого писала, правда, не на первой или второй странице, что в городе и окрестностях пропали пять или шесть молодых женщин или девушек за последние два года. Пропавших не нашли, подозревать в преступлении, если оно и произошло, было некого.

Все, как всегда, открылось внезапно и случайно. И вот как это было.

Марта Штроль, двадцатидвухлетняя студентка медицинской школы, проходила стажировку медсестер в местной больнице и познакомилась с Гюнтером Хаасом, тридцатилетним старшим санитаром, холостым, приятной наружности интеллигентом, преданным, но ненавязчивым лютеранином, в то же время умеющим и пошутить, и понять собеседника всерьез.

По крайней мере, так отзывались о нем коллеги и соседи. Знакомство это было поверхностное, никто никогда не видел их рядом, даже по работе пути их не пересекались. В тот роковой поздний вечер Марта тихонько брела после нелегкой вечерней смены по тихой безлюдной улице Клагенфурта, когда догнал её старенький «Фольксваген». Из автомобиля вышел старший санитар Гюнтер Хаас. «Фрейлейн Штроль!» – позвал он. Марта остановилась. Санитар подошел к ней, и вдруг резким движением набросил ей на лицо белый большой платок, смоченный теплой вонючей жидкостью, плотно прижал, обмотав вокруг, затем сильно обхватил её, зажав руки, не давая двигаться. Из-за резкого удушья она даже не вскрикнула – обморочное состояние, мгновенная потеря сил, а после полное беспамятство.

Очнулась Марта Штроль от ужасающей боли в верхней внутренней стороне левого бедра, закричала отчаянно, но крика не было слышно – одно прерывистое мычание, ибо рот её был обмотан плотной тряпкой, только в глазах отразился дикий ужас. Она нашла себя совершенно обнаженной на узкой кровати, руки над головой и ноги, разведенные до немыслимого расстояния, были крепко привязаны, пахло горелым мясом. На шею был одет мягкий, но плотный ошейник, от него тянулась цепочка, как позже выяснилось, прикованная к металлической раме кровати.

Над Мартой склонился старший санитар Гюнтер Хаас. Лицо его выражало одну доброжелательность, улыбка – оптимизм и желание помочь, только в серых зрачках заметила она желтые тигриные огненные пятнышки. «Эта боль ненадолго, – сказал он, прикладывая к ране прохладный успокаивающий компресс, – я приложил к тебе райский знак, видишь, это головка Ангела с надкрыльями, –

показал ей маленькую, ещё горячую металлическую печатку, – она приведет тебя к райским вратам, твоя нынешняя боль, твои некоторые ближайшие страдания и унижения, смешанные с острейшим, сумасшедшим наслаждением – ничто по сравнению с очень близким вечным блаженством. Я знаю это доподлинно, ибо я – отправитель в рай», – закончил он несколько торжественно и совершенно серьезно.

Позже он развязал её, снял кляп со рта, так что она смогла вздохнуть, но оставил раздетой, с ошейником и цепью.

«Тебе не стоит кричать, за это последует некоторое наказание, да и никто все равно не услышит», – сказал он.

Со временем лютая боль смягчилась, бедро жгло, но она чувствовала, что компресс наложен очень профессионально и действует исключительно эффективно.

Марта присела, оглянулась: она находилась в небольшой, довольно уютной подвальной комнатке. Сверху в неё вел круглый люк, от которого вниз спускалась узкая крутая лестница. Внутри стояла кровать с толстым матрасом, за ней в углу – крошечный туалет и душ с прозрачной занавеской, рядом – тумбочка, на ней вода в глиняной чашке и полная Библия, издания конца XIX века; далее, у самой лестницы, маленький стол, на нем горелка для чая, кофе или супа, кое-какая посуда и что-то из еды. Позже Марта убедилась, что цепочка позволяет ей добраться до туалета и душа, но никак не до этой кухоньки и уж давно не до лестницы.

«Что вам от меня нужно, почему я здесь, дайте мне одеться, почему я на цепи, как собака?» – слезы, отчаяние, боль, унижение трепали её, как в лихорадке.

«Когда я буду на работе, читай Библию сосредоточенно и углубленно. Читай и думай. Когда я буду приходить, я буду испытывать тебя болью, унижением и наслаждением. Все это приблизит тебя к раю».

Студентка-медсестра Марта Штроль провела в подвале старшего санитаря Гюнтера Хааса четыре самых страшных ночи и дня в её жизни и испытала не столько пытки, сколько самые жуткие унижения и самые

изошренные и бесстыдные сексуальные отношения, о которых не смогла бы помыслить в самых крайних своих фантазиях и черных снах.

На третий день своего пребывания у него она спросила: «Ты не боишься, что тебя поймают, тебя ведь накажут очень строго. Зачем тебе это, отпусти меня, клянусь, я буду молчать». Он присел к ней, смазал какой-то мазью её искусанные сосцы, полюбовался на райский знак, который выжиг на её бедре: «Тебя скоро перестанут искать, как давно уже перестали искать других, бывших здесь до тебя. Смотри, – он взял со стола небольшую часть карты города и предместий, – видишь эти крестики, их пока только шесть, это места, где лежат те, кто были здесь до тебя и кто ушли в рай. Они давно уже там, а я всё ещё работаю в местной больнице. И с тобой я должен завершить мою миссию, – он подумал, – а если что-то и случится, сумею исчезнуть. У меня есть деньги, и я найду достойное место в этом мире».

Невыносимое отчаяние грызло душу и тело Марты Штроль, и она даже не знала, когда ей хуже: в часы жуткого одиночества или неиссякаемых любовных утех и измывательств её палача и любовника. Она постоянно с маниакальной настойчивостью дергала и тянула цепочку, как это безуспешно делали, вероятно, и её несчастные предшественницы. И чудо случилось. К вечеру четвертого дня она заметила, что одно из звеньев цепи ослабло. Невероятными усилиями – растяжками и ударами о раму кровати она сломала его и поняла, что может спастись, если будет действовать продуманно и беспощадно. Люк снизу открыть было невозможно, потому что он был заперт на замок сверху. И она должна была ждать Гюнтера. Она нашла в ящике небольшой десертный нож – слабое, но единственное оружие, все остальное было либо неудобно, либо тяжело для неё.

Гюнтер на этот раз пришел поздно. Всегда, прежде чем начать спускаться, он заглядывал в полуоткрытый люк. И сейчас он увидел её лежащей и читающей Библию. Он одобрил это и, как всегда, стал спускаться голый. Люк остался открытым. Когда он уже был почти внизу, а

спускался он спиной к ней, она бросилась на него. Марта намеревалась ударить его ножом в лицо, но Гюнтер успел уклониться. Все же нож с большой силой прошел по его уху и щеке. Кровь залила лицо Хааса. Марта изо всех сил сумела ещё и толкнуть санитара – тот упал. Она бросилась наверх, успев схватить со стола карту с обозначениями могил жертв Гюнтера, выскочила и захлопнула люк. Но она не стала искать замок, чтобы замкнуть люк. Она искала выход из дома, почти в бессознательном состоянии все же нашла его. Накинув какой-то плащ Хааса на голое тело, с шейником на шее и почти метровой цепочкой, босая выскочила она в сырую, уже холодную октябрьскую ночь, пробежала через двор на грунтовую дорогу, и тут силы покинули её. Она поняла, что не сможет уйти и что ещё минута-другая – санитар, даже раненый, выскочит из люка – тогда ей не будет пощады. Она прошла всего метров двадцать и поняла, что идет по мостику. Ужасающее отчаяние охватило её, из последних сил она забралась под мостик, свернулась там калачиком и... потеряла сознание.

Она не знала, сколько пролежала так, но, когда очнулась, первое, что пришло ей в голову, была картинка из книжки, которую читала в юности, как мать Джима Гокинса из «Острова сокровищ» Стивенсона пряталась от пиратов под мостиком почти в бессознательном состоянии. Марте казалось, что она слышала, что кто-то ходил или бегал поблизости, а потом, уже спустя долгое время, она действительно слышала шум отъезжающего автомобиля.

Так, скрюченная, она пролежала под мостом до утра. Четверть часа выбиралась она оттуда, пытаясь оживить мертвые затекшие члены. С невероятным трудом, в замутненном сознании, добралась она до полиции, босая, в мужском плаще на голом теле, с шейником и цепью на шее.

Только когда полиция разырала все указанные на карте захоронения жертв старшего санитары Гюнтера Хааса, окончательно поверили рассказу Марты Штроль. Кстати, на некоторых ещё не совсем разложившихся трупах несчастных женщин обнаружили тот же райский знак, что и у Марты, и в том же месте. Марте Штроль понадобилось

много времени, чтобы оправиться физически и, главное, душевно. Спустя несколько лет она вышла замуж и уехала из Австрии. И все-таки дело это замаяли, даже и в печати, потому что старший санитар местной больницы Гюнтер Хаас успел удрать. В Австрии следы его не обнаружались, его брошенный «Фольксваген» нашли на стоянке местного аэропорта Аннабахль.

***

Самолет из Йоханнесбурга через два часа благополучно приземлился в небольшом намибийском аэропорту Кеетманшуп, и супруги Фюрих сразу же у самолета были встречены милостивой, крепко сложенной, улыбающейся молодой женщиной: «Фрау Фюрих, херр Фюрих! Доброе утро, я, Герта Циппе – ваш гид, шофер, проводник, организатор и устроитель, развлекатель и рассказчик и, надеюсь, преданный друг на ближайшие десять дней здесь, в Намибии, и потом в Южной Африке – в поездке по знаменитой южной дороге Гарден Рут от Кейптауна до Порт Элизабет. Как замечательно, что можно поговорить на родном языке, и не только сегодня».

Супруги Фюрих сразу же прониклись доверием к этой решительной, несколько резкой в движениях девушке, ибо от неё веяло не столько очарованием, сколько сильной положительной ободряющей энергией – удивительное чувство легкости и надежности в её обществе.

Через пару минут они подошли к почти новенькому восьмиместному минибусу. Там уже сидела молодая пара.

«Знакомьтесь, – сказала Герта, – молодожены из Люксембурга Эльза и Питер Люстиг, фрау и херр Фюрих из Берлина. Будьте терпимы и доброжелательны друг к другу на ближайшие десять дней, а может быть, кто знает, и больше.

Будем говорить, слава Богу, на немецком, хотя сегодня я уже затрудняюсь сказать, какой у меня язык родной: немецкий, английский или африкаанс».

Герта рассказала, что родилась и жила раньше здесь, а родители до сих пор живут в Виндхукке – ведь в Намибии проживает очень приличная немецкая община, не менее старая, чем английская или бурская. Сегодня она живет и в

основном работает в Южной Африке, проводит экскурсии на юге по Гарден Рут, но и в центре, и в Крюгер Парке тоже.

«Наш трехдневный визит в Намибии предусматривает сегодняшнюю поездку в город Людеритц на берегу океана (кстати, там можно полакомиться замечательными лангустами), завтра поездка на север в пустыню Намиб на знаменитые дюны, потом мы будем спускаться на юг, посетив пару мест добычи алмазов, и так до самой реки Оранжевая, до южноафриканской границы».

После более чем трехчасовой езды с осмотром некоторых примечательных мест и детальными комментариями подъехали к ничем не примечательному городку Аус. Герта обратилась к своим пассажирам: «У нас есть время, и я решила сделать незапланированный визит всего на один час в крошечную деревеньку, примыкающую к Аусу».

Она объяснила, что там, среди жителей из племени гереро, живет Белый Пастырь, популярный среди африканов, но ещё более известный среди черных овамбо и гереро. «Мы просто попросим его благословения в дорогу, – объяснила она, – этот удивительный, непритязательный протестантский священник живет в Намибии уже десятки лет. Когда-то местные черные женщины роями вились вокруг него с любовным трепетом и нежным почтением, ибо он знахарствовал тоже, но сегодня он очень стар, однако всегда говорил, что Господь сподобил его только на утешение и жалость к душам страдальным, которые, он убежден, будут достойны райского блаженства, а больше он ничего делать не умеет».

Жилье Белого Пастыря было типичной хижинкой народа гереро: круглое в основании и полусферическое наверху, из тонких жердочек, связанных узкими ремнями и покрытых травой и шкурами животных, и вся конструкция поддерживалась столбом, вкопанным внутри в центре. Белый Пастырь вышел им навстречу в сопровождении двух черных мужчин и одной молодежьей женщины, видимо, его приближенных. Это был старый загорелый европеец приятного вида, с внимательным взглядом, немного усталым и в то же время светящимся благожелательностью. Одет он

был в потертый сюртук на белой чистой рубашке и черные широкие штаны, прикрывающие легкие, удобные для ходьбы туфли, на голове был платок, который спускался вниз и повязан вокруг шеи, а сверху плоская черная шляпа с широкими полями. Но это не выглядело смешно или нелепо, а как раз очень естественно, даже обыденно, видимо, потому, что так ему было привычно в течение многих лет.

С Гертой Циппе он поздоровался очень сердечно, так как знал её давно.

Каждого, кого она подводила к нему, он благословлял тепло и неторопливо, и, глядя на него, можно было заметить желтые пляшущие огонечки в мареве его зрачков. Потом он извинился, что чувствует слабость, ибо болен уже несколько дней, и ушел в свою хижину. Его сопровождающие остались снаружи. Группа уже собиралась уходить, когда фрау Фюрих подошла к одному из сопровождавших пастора мужчин и попросила разрешения поговорить с пастырем наедине, только несколько считанных минут.

«Это очень нежелательно, госпожа, пастырь не вполне здоров, он устал, вы знаете, ему очень-очень немало лет».

«Я вас умоляю, мне это очень важно. Я готова пожертвовать вашей общине деньги и знаю, что для вас всех это будет чрезвычайно кстати. Прошу вас, только несколько минут».

«Хорошо, я спрошу его».

Когда фрау Фюрих вошла внутрь, пастырь полусидел-полулежал в низком плетеном кресле в дальнем от входа углу, но уже издали фрау Фюрих заметила его улыбку. Она подошла к нему совсем близко, молча внимательно посмотрела на него. Потом она сбросила свой легкий элегантный пиджачок, узкие модные брюки, приблизилась к пастору почти вплотную, чуть приподняла левую ногу, немного вывернув бедро, без всякого сомнения оттянула в сторону розовые с кружевами трусики.

«Смотри, – сказала она спокойно, почти сухо, – это твой знак, это же райский знак, смотри внимательно, а заодно и на все рядом».

Оба они застыли на мгновение, длившееся вечность. Если бы кто-нибудь вошел в хижину в этот момент, он без сомнения решил бы, что это сон или мираж: ещё далеко не увядшая женщина семидесяти лет в высокой изящной шляпке, золотистой полупрозрачной блузке на белом лифчике, элегантных туфельках с сиреневыми носочками, полуспущенными трусами в умопомрачительно-бесстыжей позе почти вплотную прислонилась к лицу сидящего внизу старого почтенного священника, который уже задыхался от ужаса, чьи губы шевелились, но не произносили ни слова.

Фрау Фюрих наклонилась ещё ближе, почти касаясь этим знаком его носа, сбросила с головы пастыря шапку и сорвала его платок. Длинный, глубокий, светлый от отсутствия загара шрам перерезал его лицо от уха по щеке до подбородка.

«А это мой знак, – сказала она так же спокойно, как и раньше, – тоже на всю жизнь». Пастырь, откинувшись глубоко в кресло, продолжал двигать губами, не произнося ни звука. Глаза его то закатывались, то возвращались на место.

Фрау Фюрих оделась и вышла из хижины. Герта и минибус уже ждали её.

Через два дня в газете «Лудеритц Таймс» было опубликовано короткое сообщение о смерти известного в этих местах протестантского священника из городка Аус, Белого Пастыря, на восемьдесят шестом году жизни.

Кстати, фрау Фюрих не забыла пожертвовать протестантской общине из Ауса тысячу южно-африканских рандов, что на ту пору составляло примерно семьсот долларов.

Сонет 9

Под звуки одинокого гобоя
В сиянье звездном кружатся две тени.
Под мерный рокот бурного прибора
Рождается богиня в лунной пене.

Сопрано чудное воинственной сирены
Сведет с ума лукавого героя.
Под трубный рев и от людского воя
В семь дней угроз падут глухие стены.

Кривлялся царь пред взбешенной женой,
Или она пред ним под звон тимпанов.
Шотландка рассчиталась головой
По недовольству озверевших кланов.

Здесь сон один, как робкое мерцанье,
Всё прочее – лишь прошлого преданья.

Новелла 9. Чёрные шхеры

*Бурные воды врезаются в черные шхеры,
Низко сгустились иссиня-пурпурные тучи.
Вал закипает на отмели облаком серым,
Лезвием тонким прорвался вдруг солнечный лучик.*

Утро 20 сентября 1911 года выдалось необычайно солнечным на острове Бордой, одном из Фарерских островов. Даже море у Черных Шхер было спокойным, и низкие волны нежно лизали острые, как лезвия ножей, зубцы скал. Пожилой рыбак Ольгер вышел из своего маленького домика, спрятавшегося за высокой, позеленевшей от покрывавших её мхов скалой, которая защищала его от яростного моря. Он направился к своему напарнику и помощнику, молодому рыбаку Снорри, жившему менее чем в миле отсюда. Это где-то около пяти миль от Клаксвика, самого большого поселка на острове.

Ольгер нашел Снорри на берегу. Тот занимался просушкой рыболовных сетей.

– Ну, что нового? – спросил Снорри.

– Сегодня будет много рыбы, я полагаю, – сказал Ольгер.

– Да, но и много будет ветра и волн.

– Не только треска, но и сельдь, и большой палтус, я полагаю.

– Я думаю, да.

– Я забросил свои сети в Китовой Бухте четыре дня назад. Стоит сходить туда сегодня и забрать их, полные рыбой, я полагаю.

– Мы не успеем до захода солнца, – ответил Снорри.

– Мы ходили в море много раз вместе, и ты, Снорри, хороший рыбак и моряк. А меня ты знаешь, я полагаю.

– Да, но мы ходили недалеко, а сегодня это очень приличный ход до Китовой Бухты.

– Мы пойдем на моей лодке, и я поставлю косою парус, чтобы лучше маневрировать в Китовой Бухте, я полагаю.

– Ты полагаешь и полагаешь, а я не полагаю и не располагаю. Море будет бурным ещё до захода солнца, и ты сам знаешь, это очень опасно.

– Я не могу ждать подходящей погоды. Я совсем обнищал, Снорри, – сказал Ольгер, – а торговцы рыбой будут в Клаксвике сегодня и завтра, а после только на следующей неделе, я полагаю.

– Мне тоже нелегко.

– Ты молод и ты один, а я содержу двух женщин. Они совсем обносились, и они нещадно грызут меня.

– Нет, Ольгер, у меня плохое предчувствие, я остаюсь, – сказал Снорри решительно.

– Я пойду один, – Ольгер сделал несколько шагов и вдруг остановился.

– Снорри, сделай мне добро?

– Что?

– Пойдем со мной, я объясню тебе немного позже.

Когда они подошли к домику Ольгера, обе женщины были на дворе. Жена возилась у открытого очага, а дочь чинила сеть.

Жена Ольгера Криструн была крупная блондинка с довольно миловидным лицом, которое ещё не успело состариться от тяжелой работы, с широкими бедрами и высокой грудью и, несмотря на её длинные руки и ноги, выглядела довольно приятно и даже чувственно.

Дочь Хельга была очень похожа на мать, может быть, была даже больше и выше, но опять же, несмотря на её размеры, нежность и свежесть юности на её лице делали её женственной и притягательной. В ней не было ничего от Ольгера, малорослого и тщедушного, хотя он был силен, ловок и вынослив.

Ольгер обратился к женщинам: «Я решил выйти в море сейчас, в Китовую Бухту, а Снорри останется с вами, я полагаю. Если я не вернусь до первого солнечного луча

завтра утром, он останется в моем доме навсегда, я полагаю. Вы видите, он молод и силен, ему всего двадцать семь лет, и он неутомим, я полагаю. Для тебя, Криструн, он будет хорошим мужем. Он хороший рыбак и ещё лучший мужчина, я полагаю, конечно же, лучше меня. А для тебя, Хельга, он будет и хорошим мужем, и хорошим отцом».

Затем Ольгер обратился к Снорри: «Моя жена Криструн ещё молода, ей всего тридцать шесть лет. Я старше её на девять лет и взял её в жены, когда ей было семнадцать. Через год она родила Хельгу, так что ты на девять лет младше Криструн и на девять лет старше Хельги. У Криструн нет ни единого шанса найти себе другого мужа, потому что на нашем острове слишком мало мужчин.

Я имею в виду свободных мужчин, и она очень бедна. И что ещё хуже, я не найду жениха для Хельги, даже в Торсхавене¹, по той же причине – у нас нет денег. С другой стороны, ты тоже очень беден, чтобы найти себе невесту, и это лучшее решение для тебя, для всех, я полагаю. Ты достаточно силен, чтобы справиться с двумя женщинами, даже такими большими и ненасытными, я полагаю, – Ольгер рассмеялся, – но это все действует до первого солнечного завтрашнего луча».

Никто в ответ не проронил ни слова.

Через четверть часа Ольгер на веслах вывел свою узкую лодку из маленькой бухты, и ещё минут десять они видели, как рыбачий челн с косым парусом уходил за Черные Шхеры, пока не исчез в открытом море.

Не так много слов было произнесено в этот день в хижине Ольгера. На обед Криструн подала горячую, густую тресковую похлебку и вареные овощи.

Через три часа после обеда море изменилось, большие валы стали накатывать ряд за рядом, и с минуты на минуту они росли и росли. Перед заходом солнца Снорри взобрался на высокую плоскую вершину зеленой скалы, которую называли «Скалистый стул», и долго обозревал море и шхеры. Поздним вечером море окончательно взъярилось, и его рев был сильнее пушечного грома.

---

¹ Главный город Фарерских островов.

Снорри лег на широкую лавку, на которой обычно спала Хельга, подстелив толстую мешковину и накрывшись своим темно-голубым рыбацким плащом. Он сразу же уснул. Женщины улеглись на кровать Ольгера и Криструн, и спать не могли.

Каждые полчаса Хельга поднимала голову и пыталась разглядеть молодого рыбака. Мать хлопала её своей широкой ладонью, и голова Хельги падала на низкую подушку. Но Хельга и сама заметила, что Криструн ворочается с боку на бок, и иногда казалось, что она пыталась встать и пойти к Снорри.

Женщины встали поздно. Снорри в доме не было. Они вышли во двор. Снорри сидел на Скалистом стуле, как мумия, в своем темном плаще, и весь промок, потому что морские брызги долетали даже до вершины.

Море стало ещё более бурным. Уже не видно было ни рядов высоких валов, ни обычных волн – это был один кипящий котел. Сотни потоков скатывались в разные стороны, закручивались в бесконечное число воронок и водоворотов, обрушивались десятками водопадов с серыми и желтыми барашками пены.

Черные Шхеры скрылись под водой полностью, и нельзя было даже подумать о поиске прохода между скалистыми островками.

Небо покрылось густыми, низкими, черно-пурпурно-голубыми клочьями облаков, которые проносились с сумасшедшей скоростью над бешеным морем.

Рыбак на Скалистом стуле и две женщины у зеленой скалы, окаменев, смотрели на море и на небо.

Внезапно изумительный тонкий солнечный луч, сверкнув, как кинжальное лезвие, пробил облака и вонзился в бушующую воду.

На острове Бордой наступило утро 21 сентября 1911 года.

Евсей Цейтлин

Шаги спящих

Из дневников этих лет

– у зачем, зачем вам нужны мои сны?
– настойчиво убеждает меня старческий голос.

Тут и я спрашиваю себя: зачем?

Отдельные листы, листочки, иногда – несколько слов на магазинном чеке, врачебном рецепте... Записи снов. Кое-что уже не помню и недоверчиво перечитываю по несколько раз.

Правда, когда-то думал: это будет огромный архив, а в нем – тысячи снов.

Почему я сначала мечтаю создать такой архив (около двадцати лет назад), а потом охлаждаю к этой идее?

Начинаю делать записи снов, думая о запутанной истории советского еврейства. Сколько бы сегодня мы ни пытались прочесть ее, многое так и останется загадкой. Может быть, хотя бы сны, – рассуждаю я наивно, – способны что-нибудь прояснить? И то, что люди раньше не могли говорить. И то, что уже забыли. И то, что до сих пор старательно прячут – даже от себя самих.

Оказалось, далеко не все сны увлекательны. Напротив, многие на редкость скучны.

А самое интересное для меня сейчас – «послевкусие сна». Оно возникает у человека, вспоминающего сновидение. Стремящегося во что бы то ни стало к разгадке.

Вороны

На снежном поле, сразу за своим домом (там, где хотели когда-то возводить очередную пятиэтажку, да так и

не начали), он увидел стаю ворон. Сначала со свойственным ему нудным педантизмом решил сосчитать их, но сбился. И был очень удивлен этим. Вороны кричали истошно, почти невыносимо.

Тут он проснулся.

Тем летним утром, делая за завтраком любимый свой бутерброд (хлеб, масло, творог, сверху – повидло), он услышал по радио: на Ближнем Востоке началась война.

Тогда он был начальником планового отдела треста, не зря почти всерьез называл себя «нужным евреем» (его, действительно, не трогали ни при каких реорганизациях), обо всем и всех судил не просто безоговорочно – с резким, для многих неприятным апломбом.

Была у него тогда и семья: жена, дочь (между прочим, родные дали ему по-своему редкое прозвище – коммунист; бывая в их доме, я не раз слышал такое обращение к отцу и мужу: «Коммунист, иди сюда!»)

Жена давно умерла, дочь зачем-то уехала на север. А сам он теперь старик: встречая незнакомых людей, вглядывается в их лица с непонятым испугом, который тут же пытается спрятать.

Многое в его жизни потерялось за ненадобностью, однако тот – в четверть века давности – сон хранится все еще в глубинах его существа и чем-то постоянно тревожит, как бы царапает память.

***

Рассказывая мне этот сон, сам В. соединяет его с ближневосточным конфликтом. Считает: это было предчувствие. И опять удивляется: почему? Ведь в Израиле никогда не был, никогда не имел там ни родных, ни друзей, да и страна эта вызывала у него только устойчивое раздражение.

Когда-то на собрании он коротко, но веско обличал сионизм. Причем, делал это без всякой подсказки начальства. А дома говорил близким – тем же своим скрипучим голосом:

– ...Воюют, удовлетворяют амбиции, а нас тут из-за них ненавидят.

Сколько искренней боли растворилось, навсегда перегорело в этих его словах.

Пробуждение

Свои сны она решает рассказать мне в кафе. До этого мы бродим по мокрым улочкам литовского курорта Друскининкай – поздней, с хриплыми ветрами осенью.

За сорок минут до закрытия входим в пустую кондитерскую.

Несу от стойки мороженое и кофе (от торта она отказывается – «диета»).

И вот сидим напротив друг друга. Замечаю вдруг, что нависшая тишина ничуть не тягостна с ней: часто, видно, помогает ей эта мягкая, скрадывающая все улыбка. Она раскалывает ложечкой белую горку. Без жеманства, по-детски наслаждается послевкусием сладких комочков.

Ну, конечно, обаятельной ее делает именно отсутствие лукавства. Днем еще призналась: сейчас только, перед отъездом в Америку, может быть откровенна с посторонним человеком. Пусть и раньше никому не лгала, но никому – никому! – «не хотела давать лишнюю информацию о себе».

Впрочем, она осознает закономерность в моем интересе к сновидениям евреев. Убеждаюсь в этом вскоре. Перебрав в цепкой своей памяти разные сны собственной тридцатипятилетней жизни, она отбрасывает их один за другим. Потом задумывается. И – неожиданно – все с той же улыбкой:

– Можно я расскажу... нет, не сон... одно свое пробуждение? Знаете, мне сейчас показалось: это утро повлияло на всю мою жизнь. Ко мне пришла тогда редкая ясность – такая бывает именно после сна! И, может быть, тогда я сумела решить самый большой вопрос своего существования. Вы улыбаетесь? Удивлены? Удивитесь сейчас еще больше: мне было всего семь лет!

Она молчит, проверяет:

– Ну да, я не ошибаюсь: шел шестьдесят пятый год. Лето, раннее утро. Я просыпаюсь сама – без звонка будильника. Наступили каникулы, мне не надо торопиться в

школу. Комната залита солнцем, и я вижу перед собой соседний дом, где уже открываются окна, слышу с улицы редкие, но все какие-то бодрые голоса. И сама – физически, телом – ощущаю легкость. Между прочим, потом я часто вспоминала это состояние, даже пыталась вернуть его – во время занятий йогой... А тогда подумала: какое счастье, что я живу в Советской стране! Вы улыбаетесь снова? Но, представьте, такими именно и были мои мысли. Однако тут же почувствовала: что-то мешает этой радости, моему – как в те годы любили выражаться – светлому завтрашнему дню. Сосредоточилась и – вспомнила: я еврейка! Где-то в подсознании, наверное, возникло решение: надо это преодолеть!

Не спрашиваю ее ни о чем. Вдруг замолчит привычно? Но, наверное, мы думаем с ней об одном – вся ее последующая жизнь и была преодолением.

Странные ее поступки выстраиваются сейчас для меня – один к другому: рано вышла замуж за еврея с русской фамилией и славянской внешностью, изучала зачем-то систему Станиславского, потом – йогоу...

Она смотрит на меня, чуть прищурившись:

– Это был марафон – бегство от детских страхов. И пустая цель: переделать свою природу. Но ничего, ничего... К себе я еще вернусь. Я ведь еще молода, правда?

Веселы в полумраке ее глаза, в которых все же трудно прочесть будущее.

Мотив погони

Жду повторяющихся снов. В них – нередко – пророчество. И – всегда – метафора чьей-то судьбы.

Типичный сюжет. И повторяется часто. Так часто, что я уже не записываю его полностью: только новые детали и повороты:

– ...С двадцати пяти до тридцати лет мне снилось все одно: за мной гонятся! И хотят не просто избить – уничтожить! Лица преследователей я легко узнаю и сейчас, если встречу где-нибудь. Они были всегда одни и те же. А я убегал! Спасался, правда, лишь в самый последний момент, когда, кажется, не было уже надежды.

Никому о тех снах не говорил. Но удивительно: то же самое – про меня! – снилось не раз моей приятельнице... Да, вы угадали: у нас была с ней недолгая любовь, которая без всякой драмы, я бы сказал, счастливо перешла в дружбу. Так вот, сначала и она мне ничего не рассказывала, но потом однажды призналась: «Я боюсь за тебя!»

...В том сне мы пришли с ней вечером в ресторан – маленький, с претензией на моду, плохо освещенный подвальчик. Сделали заказ, еще не успели принести, как моя еврейская физиономия привлекла внимание. И кто-то громко сказал: «Раньше их распинали, а теперь они путаются под ногами!»

Моя приятельница была находчивой. И тут схитрила – шуточками, кокетством сумела оттянуть время.

Потом мы убегали – переулками, прячась, в основном, в подъездах. У одного из преследователей был в руке нож.

Спаслись чудом – как всегда в моих снах.

Между прочим, подруга моя (она – украинка) раньше – когда мы только познакомились – говорила снисходительно, что евреи, мол, преувеличивают антисемитизм.

Потом мы с ней уже никогда не обсуждали эту тему. Мне неловко было – вроде, принижая себя этим. А она стеснялась, наверное, жалеть меня.

Почему появились наши сны-близнецы? Что они значили? Не знаю. В моей жизни в ту пору было все хорошо: рядом со мной – жена, сынишка и та подруга... Жили одной семьей. И, казалось, все были счастливы.

Одна строка

– ... Какая чепуха снится людям! Представьте: видел сегодня во сне только что полученное письмо, точнее даже – конверт. Еще не распечатанный. Он возник передо мной крупно, словно на экране... Да нет же: больше ничего там не было. Вчитался. Письмо из Самарканда, от знакомой, с которой и переписываемся-то редко. Но, представьте, я сразу узнал почерк – такие прыгающие, отдельно друг от друга стоящие, крупные буквы. И почему-то приписку она

сделала прямо на конверте – сверху, над самым адресом: «Любит ли Вас Дора?»

Он замолкает. А потом вдруг резко глотает ртом воздух.

Я ищу в карманах его потертого замшевого пиджака – среди ключей, монет, карамелек – коробочку с валидолом. И, как всегда, обходится.

Вот уже два месяца (весной 1986 года. – Е.Ц.) мы живем с ним вместе в Доме творчества писателей – в Голицыно, под Москвой. Признаюсь, его еврейскую фамилию, как и русский псевдоним, я впервые услышал только здесь. Совсем не стремясь к близкому знакомству, все же за это время узнал о нем немало: в тридцатые годы он писал «производственные повести», в сороковые-пятидесятые перешел на очерки о «героях пятилетки». Теперь – лет двадцать уже – молчит, на мемуары настраивается. Но, понятно, растрчивает пыл впустую – в суетливых разговорах с такими же стариками: то на прогулке, то в телевизионной комнате.

***

Некоторое время сижу с ним рядом, жду: не повторится ли приступ? Смотрю сбоку на его безволосый череп, на вылинявшие, смешно и одновременно трагически сжатые губы.

Невольно я тоже начинаю размышлять об этой ненужной строке на конверте. Да, так иногда поступают старики или дети, позабыв сообщить о чем-то важном в самом письме. Чепуха, конечно. Но вот схватило же у него сердце.

А Дора? Это его жена. «Единственное, – так он сам выразился, – светлое пятно в океане фальши». Она умерла шесть лет назад.

У озера

Идем вдоль озера. Она кормит лебедей хлебом.

– Как хорошо здесь! – И жадно втягивает воздух. – Как хорошо... – И летит в воду серый хлебный мякиш.

Я поотстал чуть. Она это чувствует и, пожалуй, себе самой неожиданно отвечает после очередного «как хорошо»:

– ...Но лучше всего перестать видеть сны.

Смотрю на нее вопросительно. Она уже остановилась. Раскладывает маленький складной стульчик, который на прогулках носит за собой всюду. Из-под капюшона зеленой, похожей на охотничью, куртки выбились пряди крашенных в какой-то неестественный – желтый – цвет волос. Она улыбается мне серыми маленькими глазками, покрытыми сетью красных прожилок, достает из большой, точно рюкзак, сумки пачку «примы», затягивается.

Она добра, даже сентиментальна, но уж очень трудна в общении: то излишне откровенна со всеми, то замыкается в себе – в ответ на вопросы хмуро бурчит что-то под нос.

Я знаю: была когда-то она журналисткой, выпустила даже книжку очерков. Замуж не вышла. Однако вышла рано на пенсию – по инвалидности.

Сны ее замучили после войны. Когда, вернувшись из эвакуации, совсем юной, стала собирать – в память о погибших родных – материалы о гетто и концлагерях Прибалтики.

***

Чем были эти сны необычны, а, может, как раз закономерны?

В них оживали те детали, которые не могли войти в ее очерки: тогда это называли «натуралистическими подробностями», противопоказанными советской журналистике.

Любопытно: нередко она видела себя во сне тоже спящей.

Несколько раз будто бы долго спала в одной из «малин» гетто – особом укрытии, куда попасть можно было только через печь. Набилось туда человек двадцать. От нехватки воздуха некоторые теряли сознание, впадали в бред. Потому друг за другом следили: зажигали время от времени свечи, освещая серые полумертвые лица. Счастьем

было заснуть, чтобы перестать ощущать обязательные потребности жизни.

И это счастье однажды выпало ей. Сон был долог. Проснулась она от крика грудного ребенка, которого держала на руках соседка. Но крик вскоре стих. Кто-то в темноте, не раздумывая, накрыл малыша подушкой. Жутко сказать, но против приговора никто не протестовал. В соседней с «малиной» комнате немцы вели обыск.

***

Это был только сон. Хотя подобное не так уж редко происходило в «малинах» – я слышал от узников гетто то же самое не раз и не два. Почему же история эта, повторяясь в сновидениях, именно ее довела до больницы? Может, все дело в творческой лаборатории литератора? Тщательно продуманные, озаренные воображением, но ненаписанные сюжеты подчас в буквальном смысле слова не дают автору жить...

Она встает. И мы снова идем медленно вдоль озера.

Угадывает мои мысли:

– Не волнуйтесь, дорогой, теперь я научилась справляться с этим. Главное – знать себя, свои возможные сны, их время. Самые страшные бывают обычно с четырех до шести утра. Самые тяжкие мысли тоже тогда приходят. Раньше я боялась тех часов, потом выучилась подкарауливать их – просыпаюсь заранее, будто будильник заведен... Зажгу свет, детектив читаю. Затем уж, утром, подремлю немного. Сны утром идут совсем другие: теплые, ровные. Не замечали?

Между прочим

Весной 1998-го – встреча (дома у Евгения П.) с молодой американкой. Психолог. Некоторое время записывала сны больных СПИДом.

– Есть ли в них что-то примечательное?

– Ничего.

И рассказывает несколько сюжетов:

– Юноша мчится по скоростной дороге. Вдруг – навстречу ему – вылетает автомобиль. Машина

стремительно приближается. В последний момент юноша успевает перейти на соседнюю – к счастью, пустую – полосу.

– Женщина ест яблоко. Неожиданно чувствует тонкую режущую пластинку: ее рот наполняется кровью. Внутри яблока – лезвие бритвы, которое с трудом удается выплюнуть.

Вспомнил сразу: я тоже записывал подобное.

Сны людей, оказавшихся на самом краю жизни.

Формула сна

«Долгая прогулка в вечность». Это название романа К. Воннегута, разумеется, не имеющего никакого отношения к снам.

Парижские сны

Наша маленькая гостиница в самом центре Парижа называется громко: Grand Hotel. По рекомендации друзей мы заказали здесь номер месяц назад – из Чикаго. И неожиданностей почти нет: в меру уютно, чисто. А больше нам ничего и не надо. Мы с женой возвращаемся сюда поздно вечером, переполненные Парижем. И все – спать, спать (после просмотра на подвешенном под потолком телевизоре сводки новостей ВВС).

Неожиданность одна. Впрочем, и о ней мы были предупреждены: еще Исаак Бабель подробно описал тонкие перегородки парижских гостиничных номеров. Слышно каждое слово соседей, едва ли не каждый шорох.

У нас за стенкой (прямо за нашими головами) живет семья словаков. Они приходят совсем поздно – когда мы уже засыпаем. И тут же начинают громко смеяться. Чему-то своему, нам неведомому.

Тем не менее даже под этот аккомпанемент я вижу сон. Просыпаюсь, тут же снова дремлю. И сон продолжается точно с того места, где прервался.

***

...Я стою в огромном зале, заполненном людьми. Как и все, держу в руках, подушку. По невидимой команде мы

одновременно начинаем снимать с подушек наволочки, а потом ссыпаем пух в центр зала. Куча растет, ее утрамбовывают руками.

Но перья все равно непослушно взлетают вверх...

***

Ночью я сразу узнаю лица некоторых стоящих в зале людей.

Мой непостаревший «двойник». Так я мысленно называю молодого мужчину, очень похожего на меня. Столкнулся с ним случайно, четверть века назад, в железнодорожном санатории – в павильоне для принятия ванн.

Молодой бурят, изучающий повадки голубей (мы жили вместе в общежитии московского пединститута: был я там на какой-то стажировке, он – защищал кандидатскую диссертацию).

Французские евреи, которых мы с женой увидели на второй день после приезда в квартале Марс. Они шли быстро и почему-то настороженно. Шли группами по три-четыре человека – словно поддерживая друг друга.

...Но кто давал команду ссыпать пух? Нежели Тот, кто установил – раз и навсегда – ритм и суть человеческого существования: дни наши похожи на сон; дела наши легки – точно пух. Как потом выдохнул Кофелет: «Все это тщета и ловля ветра».

Встреча

Мысли и образы, которые приходят во сне, имеют, конечно, свою логику. Какую?

Например, когда мне снится отец, я сразу же вспоминаю: его давно нет с нами. Но при этом никогда не помню, что он *уже* умер и сам же я его хоронил.

Кажется всегда: он только куда-то уехал надолго. И точно пропал без вести.

Отец появляется в моих снах тихо, почти незаметно. Спокойный, но не улыбкастый. Обычно он сидит чуть в стороне от всех – присматривается, слушает. Молчит.

В одном из снов – недавних – все иначе.

Я замечаю отца, когда он еще только входит в комнату. Иду навстречу. Мы бросаемся друг к другу, долго не разнимаем объятий, у обоих на глазах слезы, которые пытаемся скрыть.

Обычно отец не носит галстука (совсем редко, в «парадных случаях», надевает тот, что на резиночке, с уже завязанным узлом). Две верхние пуговицы на отцовской рубашке вечно расстегнуты. Почему-то я внимательно смотрю сейчас туда: на его загорелую, в морщинах, шею, на покрытую веснушками и рыже-седой порослью грудь. Но откуда эти большие разрезы? Грубо зашиты, еще не зажили – заклеены лейкопластырем.

Удивленно начинаю рассуждать про себя: такие разрезы появляются на теле в результате патологоанатомического вскрытия. Но ведь мы решили не делать этого! Так и похоронили его.

Непонятная логика сновидений упряма. Даже после мыслей о смерти отца не вижу его мертвым. Однако – впервые во сне – прихожу на его могилу.

Вот оно, кладбище. Прожженная солнцем возвышенность на окраине киргизского городка Джалал-Абад. Жесткая, колючая трава вокруг. Маленький тополек за тридцать лет разросся – сумел поглотить почти все пространство внутри металлической оградки.

Под тополем – скамейка. Только сидеть здесь теперь некому. Мы долго когда-то выбирали это место. Искали такой участок, чтобы весной редкие, но бурные дожди не залили могилу.

Тогда мы старались не думать о том, что отец, приехавший сюда из Сибири, в Средней Азии так и не прижился. Он бы, конечно, не хотел остаться здесь навсегда, на песчаном этом холме.

Откуда приходят ночные страхи

В эти годы я прочитал все, что можно было прочесть о сновидениях. От Фрейда и Юнга до Борхеса и Кастанеды, от Учителей востока до авторов различных сонников. Однажды, естественно, задал вопрос: что говорит о снах иудаизм?

Один из тех, с кем вместе ищу ответ, – Мойша Б.

Сколько лет я его знаю? Пожалуй, без малого четырнадцать.

Еще лет шесть до того он оставил в России все – в том числе себя прежнего, типичного московского интеллигента. В Америке Миша стал Мойшей – хасидом Любавичского Ребе. Работа программиста, небольшой, но хорошо обустроенный двухэтажный дом нисколько не мешают Мойше и его жене Либе жить так, как жили единовверцы по меньшей мере лет сто назад. В теплом мире хасидских преданий, в настойчивом, простодушном стремлении делать добро, в постоянном ожидании Мошиаха.

– Куда мы отправляемся ночью вслед за своими снами? – переспрашивает Мойша. – Наверное, очень далеко.

В книге «Кицур Шулхан Арух», где изложены кратко законы еврейского образа жизни, читаем: «...Во время сна наша святая душа покидает тело, оно оказывается во власти духовных сил скверны...»

– Вот почему, проснувшись, мы должны как можно быстрее омыть руки – именно на наших пальцах еще остаются следы умирания.

«Согласно Кабале, человек, который, не омыв рук после сна, прошел расстояние хотя бы в четыре локтя (около двух метров), подвергает свою душу смертельной опасности».

Вот откуда приходят ночные страхи.

Кто-то помнит

Если вдуматься, сны похожи на наши прошлые жизни.

Рассказ Л.Б.:

– ...В Австро-Венгрии, в старину, решили породниться две еврейские семьи, жившие в разных городах. Никогда раньше не виделись. Все устроили, как принято было, сваты (шадхены). Жених должен был приехать за неделю до свадьбы, но задержался – появился только за несколько часов до хупы. Невеста, понятно, волновалась, не отходила от окна. Наконец, увидела жениха

и – расплакалась: «Не пойду за него...» Войдя в дом, жених сразу все понял: «Мне надо срочно поговорить с невестой...» Поговорили. Через десять минут она была уже счастлива и готова идти под хупу. В чем тут дело? Жених был горбатым, точнее – он имел два горба. А что же он сказал невесте, почему она успокоилась и обрадовалась? «Когда на небе решалось, кто станет моей женой, я увидел: девочка, предназначенная мне, будет с горбом. Я знал уже, что тоже буду иметь горб, но вот по поводу своей будущей жены начал спорить и просить: пусть уж лучше у меня вырастет два горба...»

Что самое интересное в рассказе Л.? Жених (мудрец из известной еврейской семьи), конечно же, не хитрил, не пытался разжалобить невесту. Она сама вдруг припомнила, точно старый, давно виденный сон: так все и было.

Красная смородина

Как записываю чужие сны?

Спрашиваю о них невзначай, «кстати».

Не хочу выдумок и фантазий: к ним склоняет сам жанр снов.

Боюсь ненужного теоретизирования.

Понимаю также, что велик соблазн отредактировать свои сновидения.

– Во сне я уже много раз ездил на Запад. Только сегодня там случилось со мной загадочное. Иду звонить по междугороднему телефону-автомату, что стоит у входа в почтамт. И вот на меня нападают... Такое впечатление: меня знают, ждут. Что делаю я? С силой отталкиваю нападавшего, он падает и уже не встает. Я наклоняюсь, с ужасом вглядываюсь: неужели мертв?

Да! При падении неизвестный разбил себе голову, часть черепа даже отлетела в сторону... Никогда не думал, что у меня такой удар. Странно только: нигде не заметил крови. Приглядываюсь. Оказывается, голова была пластмассовой. Значит, понимаю, передо мной – не человек, а робот.

***

Он из Киева. «Семен... Сижу в одной организации», – скромно говорит мне. Седой, плотный, розовощекий. Одет в джинсовые шорты и белую майку.

В самом начале девяностых мы вместе стоим в очереди на рынке – за красной смородиной. Моя собака – черный пуделек Граф – вдруг начинает облизывать волосатые лодыжки Семена. Перекинувшись несколькими фразами, идем с базара. Душно. Вяло переговариваемся. Вдруг роняет: «А какой я сегодня сон видел...»

Может, красная смородина и напомнила ему кровь, которую Семен искал, но не смог обнаружить во сне?

Проказа

Все они обнажены.

Лежат рядом друг с другом – молодые мужчины и женщины.

Маленький остров, омываемый океаном.

Чудесный, желтоватый, совсем мягкий, как мука, песок.

Почему же они не обращают внимания на свою и чужую наготу?

Обычно так бывает в минуту смертельной опасности. Голос плоти, как правило, тогда замолкает.

***

– ...Да, каждый из нас думает только о небольших ранках, которые все время появляются на теле.

Почему-то я точно знаю название этой болезни – «проказа».

У каждого из нас в руках тюбик с мазью (кажется, точно такую я втираю, когда у меня нестерпимо болит рука).

Ранки иногда затягиваются. Но потом открываются снова, увеличиваются вдруг....

Любопытно: все мы почти не думаем о другой опасности. Ведь всем нам угрожает не только болезнь.

Маленький остров уменьшается стремительно, его поглощает океан. Так что смерть нам уготована в любом случае.

***

Этот сон трудно расшифровать? Только на первый взгляд.

В Торе (в частности, в главе «Тазрия») много говорится об особой болезни, которая в старину настигала человека за страшный, с точки зрения иудаизма, грех – злословие.

Уточню одно: проказа тогда ничего общего не имела с той болезнью, которую лечат сегодня в лепрозориях.

Предсказание

Мне одиннадцать лет. Большой сибирский город, в котором летом от жары становится мягким асфальт и который в газетах почему-то называют «городом-садом». Школа в старинном двухэтажном доме с резными наличниками. В нашем классе – двое евреев: Г.Ф. (умная, спокойная девочка с серыми глазами и длинными косичками) и я...

Разумеется, евреем дразнят только меня.

Я долго ни о чем не говорю родителям. Во-первых, почему-то стыдно. Во-вторых, ведь все – правда: я, действительно, еврей.

Наконец, решаюсь. Мама и папа советуются весь вечер. Назавтра они отправляются к моему классному руководителю. Причем, не в школу – домой. Я плетусь вслед за ними (видимо, для того, чтобы в случае надобности дать показания).

Учительница встречает нас с вялым радушием, но с полным пониманием:

– Это безобразие!

Добавляет, вздыхая:

– Что же я могу сделать? Ведь я тоже – еврейка...

Учительнице лет сорок. У нее – желтовато-застывшее лицо, муж – офицер, в нашей школе учатся две ее дочери (как-то незаметно и тихо). На еврейку классная руководительница совсем не похожа.

Я рассказываю все это только для того, чтобы передать атмосферу своего детства – так сказать, *предысторию* сна.

***

Именно в это время я вижу себя во сне, в котором, вроде бы, ничего не происходит. Передо мной – как бы движущаяся фотография... Там мне лет тридцать. Одет в красивый полушубок (сейчас бы сказал: дубленка, но тогда слова такого не знал). Говорю с кем-то по маленькому складному телефону. И еще – главное: откуда-то точно знаю, что нахожусь в Америке.

***

Сон тот я запомнил на всю жизнь, вспоминал его время от времени (то с удивлением, то с усмешкой), но никогда никому не рассказывал. Сейчас не удержался. Может, потому что сон сбылся?

Правда, в Америку я попал в сорок семь лет. Однако все остальное совпало. Даже дубленка, которую мне сразу после переезда подарила мама. Даже вот этот мобильник, по которому только что звонил дочке.

Мед

Сорок лет не могла она избавиться от этого сна. И вот мне рассказали недавно: умирая, отходя медленно в бессмятство, она стонала:

– Мед... сладко... пить...

Поначалу сон казался ей обычным. Одно из тысяч безответственных сновидений, которые в течение жизни являются любому из нас.

Сон этот всегда четко помнился – до мелких деталей, до слюны в горле: из большой, трехлитровой, банки кто-то медленно переливал мед по маленьким, буквально крохотным, баночкам.

Сон повторялся регулярно: пропав на месяцы, возвращался с теми же подробностями. Мед искрился сквозь стекло банки: еще не успев загустеть, был совсем жидкий – как хотелось его тут же пить, приставив край банки ко рту, а потом заесть свежим белым хлебом!

Несколько лет она была уверена: сон этот – последствие постоянной (в ленинградскую-то блокаду!) голодухи. Однако в сорок восьмом ей, как само собой разумеющееся, открыла цыганка: мед обычно снится к какой-то усладе. Цыганке она сначала поверила, но после, вспомнив день за днем блокаду, истерично – до слез – смеялась: усла-а-да!

Значение того сна она, как ей показалось, поняла в пятьдесят шестом, встретив в московской булочной, что на улице Горького, Фирку Каган. Та сумела в войну выползти из рва, куда закопали все их местечко.

– ...Рассказала Фира, как погибла сестреночка моя Ривка. Мы с ней двойняшки; перед расстрелом, значит, ей исполнилось девятнадцать. У нас у обеих была собачья тяга: выжить. Я в блокаду еду тащила – откуда могла, инстинкт говорил: где, у кого, когда. И ведь не попалась ни разу! А Ривка, перед смертью уже, скинув в общую кучу одежду, голая ползала на коленях – ловила руками сапоги полицаев... Не пожалели, конечно!

Тогда, если отсчитывать с середины пятидесятых, у нее была еще впереди половина жизни. «Сладкая», – уверенно говорила она мне.

По-моему, однако, она слишком прямолинейно толковала свой сон.

Она всегда любила поговорить, не давая никому вставить слово в свои монологи. Отбрасывая, словно шелуху, эти облепывшие ее слова, я снова пытаюсь уловить главное: восемь ее переездов из одного конца страны в другой; пестрая – теперь плохо различимая в лицо – чередка ее поклонников и мужей; наконец, опухоль, обнаруженная – конечно, слишком поздно – в Ташкенте.

Неужели все? Наверное, я просто что-то забыл.

***

Свой сон рассказала мне вскоре после нашего знакомства. И сразу упредила вопрос: «У меня никогда не было диабета».

Мне она приходилась дальней родственницей – такой дальней, что, пожалуй, не смогу сейчас объяснить степень нашего родства. Познакомился я с ней случайно,

года за два до ее смерти. Она уже вышла на пенсию, а прежде работала парикмахером в разных городах, городках, поселках. Сразу понравилось мне в ней то, что она ничего не боится: ни переездов, ни резкого, навсегда, расставания с людьми. Это не было первым, случайным, впечатлением. Потом не убоилась она даже раковой опухоли – добилась от врачей точного диагноза, поняла, что есть уже метастазы, спокойно перенесла тяжелую, ненужную операцию. С тем же спокойствием совершила и последнее – обменяла свою квартиру (с большей площади на меньшую, взяв доплату), продала почти всю мебель. Немалые эти деньги завещала одной супружеской паре – тихим людям, которых, уже больная, где-то нашла и которые стали за ней ухаживать, твердо пообещав приходить на могилу.

Ее одинокая, бесстрашная смерть была мне понятной. Но все же: чем была ее жизнь? Символом чего был – многие годы – ее такой простой сон?

Елена Матусевич

Два рассказа

Другая любовь

ы не можем согреться. Я утыкаюсь носом тебе в плечо, а ты мне в щеку, под глазом. Твое обычно неслышное дыхание, из-за прижатого носа, теперь сопровождается легким, смешным присвистом, а выдыхаемый воздух щекочет мне ресницы. Чувствуя, что мне еще холодно, ты вытягиваешься во всю длину под одеялом, и, повозившись, упираешься своим лбом в мой. Живое, мягкое тепло щедро переливается из твоего любящего тела в моё. Загадочная, незаслуженная нежность, чистая как цвет твоих всегда заботливых, преданных и вечно тревожащихся обо мне глаз, убаюкивает меня снами о великой любви двух странников во вселенной, большого и маленького. Большой умел и знал многое, но очень от этого страдал, а маленький не умел и не знал ничего, кроме того, что он любил большого. Маленький чувствовал, что большой страдал и старался любить его ещё сильнее. Но больше уже было невозможно, и маленький серьезно заболел от своей слишком большой любви. И чуть не умер, также тихо и ласково как жил. Потому что маленький не боялся любить до смерти. И тогда наступила очередь большого еще сильнее любить маленького.

Мы согрелись, ты давно спишь: моя няня, мой дружок, мой кот.

Джайпур

Рашиду, Виру и Радживу посвящается
Индия, Штат Раджистан

Нет, вы прочтите, прочтите, там все написано!

Рашид сует мне в руки замызганный блокнот. Я листаю наугад, из вежливости, исписанные разными почерками страницы. «Там и по-французски есть, посмотрите, увидите», – не унимается Рашид и тычет в блокнот пальцем как слепой: он не умеет читать. Он смотрит на меня, сияя от восторга, но без тени заискивания. Мне приходится сдаться, и я вглядываюсь в тетрадку, которая оказывается личной книгой отзывов Рашида. Нахожу и хвалебную запись французских туристов.

– Ну, что они написали, прочтите мне, вы же можете?

– Так ты не знаешь еще, что они тебе тут написали?

– Конечно, нет, как я могу знать? – радуется Рашид

– А вдруг не то что-нибудь, плохое?

Рашид решительно мотает головой:

– Ни за что! Все пишут только хорошее, потому что все всегда мной довольны. Вот увидите! Второй рикша согласно кивает. На Рашиде выношенная и не очень свежая темно-красная рубашка и коричневые шерстяные штаны. Из раскрытого ворота с оторванной пуговицей торчит молодая шея. Рашиду лет 25.

Он подхватил меня на автовокзале, где роются десятки таких же, как он, авторикш. К тому времени я уже привыкла к их зеленым маневренным крытым мопедикам, в которых, чтобы не вылететь на проезжую часть при резком, всегда резком, повороте, надо крепко вцепиться в сиденье. Поручней нет. От Дели до Джапура я ехала в комфортабельном рейсовом автобусе, где меня посадили, из соображений расовой солидарности, с крошечной немкой, балериной, решившей осваивать Индию автостопом. В своих скитаниях она заболела, похудела, и, в конце концов, потеряла где-то сознание. Сердобольные люди подняли ее, и очнулась она уже в купе поезда на Нью-Дели. После этого она уже несколько пришла в себя и решила продолжать

странствия на транспорте, который оказался чистым, удобным и практичным, чем ее глубоко разочаровал. Кроме того, автобус останавливался в зонах отдыха, где были приличные туалеты, кафе и рестораны, что окончательно вывело мою попутчицу из себя. Всю дорогу она сетовала на глобализацию и обуржуазивание индийской духовности, но когда пришло время лезть к Рашиду в авторикшу, напряглась и умолкла. Рашид уговаривал нас поехать в дешевый отель, чтобы сэкономить. На его уговоры моя немка ежилась, кусала губы, шептала мне в ухо по-немецки, и, вцепившись в свой гигантский рюкзак, переполнялась самыми темными подозрениями насчет Рашида, от которого она требовала немедленно высадить себя в отеле, обозначенном в гиде Мишле. Ее настроение передалось и мне, но последовать за ней мне помешали моя жалкая стипендия и страсть к экономии. Цена отеля в гиде Мишле была, для Индии, совершенно неразумной. Сбросив мою попутчицу, мы отправились посмотреть рашидовский дешевый отель. Он оказался вполне приемлемым, и все складывалось наилучшим образом, когда выяснилось, что мне туда, и вообще никуда, нельзя. В Индии при регистрации в отель у иностранцев требуют номер визы, а я оставила паспорт в Дели. Никакие уговоры не помогли, и на мое предложение дать взятку Рашид замахал на меня руками. Мы вернулись в рикшу и обсудили ситуацию. Глядя мне прямо в глаза, Рашид, стесняясь и ломая руки, объяснил, что никак не может приютить меня у себя т. к. «Мадам там будет неудобно». «Я сплю на полу и кроме меня, там еще мой брат и бабушка». Я была в отчаянии: тащиться из Дели четыре часа и быть вынужденной отправиться восвояси, так ничего и не увидев! Решили с горя поехать в Новый Дворец, чтобы я хоть что-то успела посмотреть.

В Новом Дворце Махараджи мне предложил свои услуги личный гид, и я отправилась на экскурсию. Гида звали Виру. Он был высокий, красивый, еще молодой мужчина с мягкими манерами и неисчерпаемыми познаниями. Он забрасывал меня цитатами из Вед и Упанишад, анекдотами из индийской истории, датами и философскими сентенциями. Под конец экскурсии он вдруг

остановился и спросил, почему у меня такое напряженное лицо. Узнав о причине, Виру вызвался мне помочь. Он непременно уговорит своего друга, местного магната и владельца сети гостиниц, пустить меня переночевать. Музей закрылся, рабочий день Виру кончился, и мы вышли на площадку перед дворцом-музеем, где стояла его машина. И тут случился скандал. Подскочил Рашид и стал, размахивая руками, кричать, что Виру украл у него клиентку, которую он дожидался тут все это время. Мне стало стыдно, я и не думала, что рикша останется меня тут два часа ждать. Виру попросил меня отойти и спокойно, доброжелательно, без тени раздражения, начал убеждать Рашида на хинди. Я предложила Рашиду заплатить за неустойку, но он с негодованием отказался, отвернулся и уехал. «Он обиделся», объяснил Виру. «Для него, возить вас — хлеб, а у меня своя машина и я подвезу вас просто так. Это ему очень обидно. Они страшно бедны, но у них своя гордость. Пойдемте». И мы покатали. Оказалось, что Виру был гидом по совместительству, три раза в неделю, а вообще он был мэром деревни в окрестностях Джайпура. Он ездил туда каждую неделю, но жил и спал в своем джайпурском офисе. Это обстоятельство и мешало ему самому предоставить мне ночлег. «Видите ли, я там сплю на узком офисном диване. В деревне у меня хороший дом, но жить я там не могу из-за жены. Нас поженили насильно, мне было 19, а ей 17. До и во время свадьбы я ее не видел, она была закрыта покрывалом. Когда же мы остались одни, выяснилось, что мы друг другу не нравимся, ну, то есть совсем. Я хорошо это помню: посмотрели друг на друга и поняли, что у нас никогда не срастется. Вы не подумайте, она вовсе не урод, но просто у нас несовместимость с первой минуты, у нее даже больше, чем у меня. Я ее раздражаю и, как только она меня видит, сразу начинает кричать и плакать. Со временем стало еще хуже, и я оставил ее в покое. Развод невозможен. В первые годы брака подряд родились три сына, о чем я очень жалею. Если мы разведемся, наши дети станут изгоями, им никто не отдаст в жены своих дочерей. Это длится уже двадцать лет, дети большие. Но я никогда не буду их ни в чем неволить. У меня искалечена жизнь».

Выяснилось, что от одиночества и отчаяния Виру прочитал и Библию, и она его очень напугала:

– Страшная книга. В ней непомерные требования к человеку. Выходит, у человека нет права на ошибку! С первого раза, всего одну жизнь прожить как надо? Если я решу, что это моя единственная жизнь, как мне жить? Иисус – сын Бога, а хочет, чтобы простые смертные следовали его примеру. И при этом их еще и будут судить! Это очень жестоко. Я не знаю, как христиане не лишаются рассудка.

– Лишаются.

За разговором мы подъехали к красивому белому зданию, настоящему дворцу, где жил богач, друг Виру. Виру объяснил мне, что в отличие от семейного, наследственного богатства, его друг был успешным бизнесменом, и все минуты у него были наперечет. Друг, полноватый мужчина чуть старше Виру, вышел к нам сам и пригласил войти. Он коллекционировал традиционную индийскую скульптуру, и все стены залы были уставлены статуями, ажурными мраморными вазами, чашами, кубками и колоннами гигантских размеров. Все это сияло золотом, яркими красками и белизной джайпурского мрамора. Пока я стояла, обомлев, посреди этой роскоши, Виру добивался мне разрешения на постой. Богач обзвонил свои отели, и выяснилось, что из-за фестиваля Вишну, нигде нет мест. Уезжать из Джайпура в тот же вечер, даже не увидев Старого Дворца Махараджи, было ужасно обидно. Узнав, откуда я прилетела, богач задумался и сказал, что попробует позвонить другу, у которого тоже есть свои отели. После переговоров по телефону, во время которых я и Виру угощались пряной сухой вермишелью и экзотическим для Индии кофе, богач объявил, что места есть и туда уже насчет меня позвонили. Довольные, мы быстро покатали по адресу.

В фойе отеля учтивый служащий подтвердил наш заказ и... спросил визу. Ни звонок друга богача, ни мои слезные просьбы не помогли. Закон о визе был частью антитеррористических мер правительства, и все номера виз должны были передаваться отелями для проверки в государственную службу безопасности. За нарушение

гостиница могла лишиться лицензии. Виру уже героически предлагал свой диван, когда мне пришла в голову мысль, достойная Остапа Бендера. «Слушай, поехали еще в какую-нибудь гостиницу, в любую». Виру пожал плечами, и мы опять покатали, пока он не увидел очередной надписи «отель». Это была гостиница сугубо для местных, но мне уже было все равно. Я помнила, что номер моей визы состоял из шести цифр. Вытащив из сумки листок бумаги, я написала на нем шесть цифр наугад и вложила сложенный вдвое листок в записную книжку. Когда у меня спросили номер визы, я деловито заглянула в записную книжку, раскрыла, как паспорт, вложенный туда двойной листок и продиктовала несуществующий номер. Главное было сохранять беззаботный вид. Служащий записал номер, и мне выдали ключи. Когда в госбезопасности проверят мой номер, я буду уже на другом конце планеты. И что это мне раньше в голову не пришло? Дисквалифицируюсь от хорошей жизни. Только сев в белую маленькую «Индиго» Виру, мы закричали «Ура!», и мой новый друг предложил мне персональную экскурсию по неофициальному Джайпуру, с тем условием, что я буду его гостем. «Я устрою вам праздник, и вы будете счастливы!» Первым делом надо было поужинать. От предложенного Виру дорогого ресторана, где трапезничали одни белые, и, в основном, американцы, я наотрез отказалась. Их рычаще-лающая речь диссонировала с теплым цикадным вечером и эйфорией после недавнего напряжения. «А куда же вы хотите?» «Отвезите меня туда, где обычно обедаете вы».

Мы с трудом нашли место за металлическим столиком в огромном зале, до отказа заполненном людьми. В глиняной закрытой миске, сохраняющей тепло, перед нами уже стояли индийские лепешки, чапати, наполнители к которым принес юный разносчик, на плечах которого висели, наподобие весов, огромные алюминиевые кастрюли с пряным горошком, протертым сыром паниром, красным картофельным пюре, ярко-желтой бобовой смесью, шелковым, приготовленным на кефире, шпинатом, и оранжевой цветной капустой. Кругом было шумно, во рту и в голове, особенно во лбу, от острых пряностей зажигались

бенгальские огни, разносчик подходил снова и снова, пока, по знаку Виру, не принес нам положенный индийский йогурт, утоляющий жжение и жажду. Потом мы поехали кататься, заехали на закрывающийся рынок и в ювелирный магазин. Виру везде знали.

Случайно мы въехали в свадебную процессию. Сразу две свадьбы. Женихи едут позади процессии, на белых лошадях, увешанных бубенчиками, попонами, кистями и лентами. Белые лошади тут на каждом торжестве, потому что, как и все атрибуты завезённые англичанами, символизируют богатство. За женихами пешком идет духовой оркестр. Гости женихов, все мужчины, пляшут на ходу с длинными фонариками в руках.

– А где же невесты?

– Впереди, под балдахином.

– Какая красивая свадьба!

– Да нет, что вы, это очень бедная свадьба, может быть, даже рикши. Поэтому две в одной, для экономии. Но и за эту будут расплачиваться до старости. Одна видимость, мишура, дешевка. Все взято напрокат.

– И лошади?

– Конечно. Вот увидишь, мы их встретим через час, когда их поведут обратно. Это, наверное, их последняя свадьба на сегодня.

Так и было. Через час мы увидели усталых лошадок без седоков. Их вели под уздцы в конюшню. Мы еще долго катались и говорили, говорили и катались. Виру объяснил, что автобусы в Старый Дворец отходят напротив моего отеля, и попрощался. Индусы прощаются легко. Не единожды живем.

– Мы встретились не случайно, значит, встретимся еще.

– А если случайно?

– Тогда я могу подумать, что больше тебя не увижу? Виру мотает головой. Нет, не может быть Бога, который бы придумал такую жестокую игру.

– Тебе легче. Прощай.

Интересно, есть в твоём языке слово «прощай»?

Раджив

Проснувшись утром в моем «номере», я обнаружила, что он был не комнатой, а просто кроватью, отгороженной от веранды и внутреннего двора плотной тканой занавеской. Не решаясь принять душ, сразу спускаюсь вниз. В лобби ни души, только служащий. Обитатели отеля, рабочий люд, давно на работе. Узнаю у служащего насчет автобуса в Старый Дворец.

– Если вы желаете посетить Старый Дворец, вам не стоит ехать на этом автобусе: дорого, долго и вас протащат по всем лавкам. Тем более, первый автобус только в 11 утра. Лучше я вас сам туда отвезу.

– А вы сколько хотите?

– Нисколько. Я там недалеко живу, мне все равно туда ехать. Вот только закончится моя смена, через полчаса.

В лобби полно англоязычных газет и я погружаюсь в «Новости Раджистана». Новости неутешительные. В деревенской больнице родители отказываются забрать новорожденную девочку, утверждая, что у них родился мальчик, типичная для Индии история; в другой деревне полиция устроила рейд и арестовала участников «детской свадьбы», в третьей крестьяне не могут справиться с набегами дикого племени. Племя живет под землей и подкапывается под крестьянские дома, воруя еду. Полиции не удается их поймать, так как женщины этого племени оповещают воров об опасности криками, имитирующими животных и птиц. На первой странице газета сетует, что при населении как в Китае, Индия не в состоянии набрать полноценную олимпийскую сборную. Кроме шахмат, крикета и хоккея на траве, население ни во что играть не желает. Отсутствует соревновательный дух. Половина потенциальных атлетов сомневается в спасительности спорта, половина вообще зависла в медитации. Обидно.

Полчаса давно прошли, а сменщик не является. Я сержусь, что пропустила автобус. «Поверьте мне, на автобусе вы все равно потеряли бы еще больше времени», уверяет меня служащий. Его зовут Раджив. Я не верю, злюсь, ерзаю. Сменщик, племянник шефа, вечно опаздывает.

Знает, что не выгонят. Раджив виновато на меня смотрит. Я вздыхаю, закатываю глаза, маюсь. Наконец, является костлявый сменщик, и мы выходим на яркое солнце. Я ищу глазами машину. Раджив неспешно надевает шлем. Шлем? Зачем шлем?

Это что же, вы меня в другой город на мопеде повезете? Он только смущенно улыбается, не совсем понимая, в чем, собственно, дело. Мопед легонький, совсем новый, тоже местный, марки индиго. Сиденье узенькое. Мопед качается. Ручка где? Ручки не вижу. За что держаться то? Господи, да как же на него сесть? Мотор давно ревет, Раджив в недоумении оборачивается. Эх, не оставаться же здесь! Поехали. Одну ручку я нащупала сбоку, вцепилась. Главное, не слететь когда даст газу. Неужели только одна ручка? Что они тут все, смертники, что ли? Раджив резко набирает скорость, об ограничениях здесь не слышали. Как он рванул! Летим, облетаем в последнюю долю секунды: неожиданно легшего посреди улицы верблюда, миниавтобус, буйвола, огромную дохлую свинью, бабушку, на таком же, как у нас, мопеде, в развивающейся сари, с мобильным телефоном на животе и с козой на спине. А мне уже все равно. Видели бы меня сейчас... Шлем? Какой шлем? В последний раз я вот так летела на мопеде, вцепившись в куртку одноклассника Миши Клинцевича, у него на даче, в Лисьем Носу. Мне было шестнадцать лет, и я ужасно боялась показаться трусихой. Напрасно боялась. Скорость моментально отключила мои тормоза, и мне тогда тоже стало все равно: кочка там, бурьян или мостик.

Стадо овец, рикши, такси, городские автобусы, караван, собаки, коровы, опять верблюды. А Раджив спокоен, спокойнее некуда. Столкновения здесь, при таком сумасшедшем доме, на удивление редки. Я вхожу во вкус, начинаю вертеть головой. Вдруг мой водитель тормозит, и мы останавливаемся на обочине.

– Извините, вы не могли бы выпустить из рук мою рубашку. Мне больно. Там сзади есть вторая ручка.

Оказывается, я судорожно вцепилась в его накрахмаленную белую рубашку и, соответственно, в волосы на груди. Мне смешно и неловко, а Раджив задумчив

и сдержан. Он показывает мне бывшую летнюю резиденцию жен махараджи – искусственный остров посреди теперь обмельчавшего озера.

Мы снова покатали. Открытие секрета второй ручки значительно меняет дело в лучшую сторону. На дороге начинают попадаться слоны. Объезжать их несколько жутковато, наши головы приходится ровно на уровень удара ступни, но моих трепыханий здесь никто не оценит. У слонов – разноцветные расписные уши и лбы, у каждого по-разному, это их опознавательные знаки, чтобы не перепутать. Мое предположение, что это, должно быть, татуировки, привело Раджива в ужас. Это просто краска, которую надо обновлять, чем постоянно и занята часть обслуги. Слонов попадает все больше, мы подъезжаем к дворцу. У подножия Старого Дворца слоны лежат в пруду. Они отдыхают после смены. Вытянув ноги в полном блаженстве, они поливают себя водой. У каждого слона в ногах сидит мальчик лет двенадцати. Мальчики делают слонам маникюр, обрабатывают ступни. Ближний к нам мальчик, закончив работу, всем телом обнял слоновью ногу. Слон слегка приподнимает ногу, и мальчик качается, заливаясь от смеха. Другой мальчик припал лицом к слоновьему лбу, обняв огромную голову руками. Слоновый рот приоткрыт, а хобот нежно водит мальчику по волосам. По лестнице взбирается толпа посетителей, на коленопреклоненного слона с визгом взваливают жидкожирную массу американских туристов, кричат зазывалы, гудят туристские автобусы, но слоны и их мальчики ничего не слышат, вокруг них повисла вековая тишина. Тихо прижимается щекой к морщинистой коже полуголый мальчик, тихо гладит его по голове усталый слон. Кажется, никому в жизни я еще так не завидовала.

От предложения подняться во дворец на слоне я отказываюсь. Боюсь высоты. Раджив оставляет мопед на парковке, и мы начинаем взбираться вверх. По дороге Раджив ведет экскурсию, рассказывает. Ажурные галереи переходов, зеркальный зал, все стены которого усыпаны стеклышками. Последний владелец Старого Дворца, Махараджа Савай Джай Сингх Второй решил покинуть

историческую царскую резиденцию и построить на пустом месте совершенно новый город почти в то же время, что и Петр Великий. Джайпур – первый в Индии город, построенный по единому, строго геометрическому плану и по замыслу одного человека – своего царственного основателя. До англичан Джайпур был престольной столицей Индии. Завоеватели перенесли ее в Дели. Все это и еще многое другое мне рассказывает Раджив, пока мы карабкаемся по скалистой древней резиденции властителей Раджистана, страны раджей. Слово раджа того же корня, что и латинское «гех» или французское «гои», король. «Маха», великий, того же корня что и английские или немецкие «might», «macht», или русские «мощь», «могучий», «мочь».

Во дворце всюду сидят задумчивые черные обезьяны. Из-за длинного носа и больших черных глаз, у них печальный вид. Их все любят и угощают, чем могут: в отличие от рыжих обезьян, знаменитых Кипплинговских бандерлогов, черные обезьяны миролюбивы и совсем не кусаются.

– Их предки жили во дворце с древности, у них на это место прав больше, чем у нас, говорит Раджив.

– Почему же эти такие милые, а рыжие такие злобные? – спрашиваю я.

– Они – символы добра и зла, созидания и разрушения. И обе эти силы священны, поэтому мы одинаково терпим присутствие и тех и других.

– Но рыжих ведь гораздо больше?

– И вам это кажется странным?

Подперев щеку рукой, сидят на окошках дворца-музея черные безобидные обезьянки. Я протягиваю руку. На нее ложится тонкая прохладная ладошка. Синевато-черные круглые глаза внимательно смотрят мне в лицо. Мне стыдно, что мне нечего ей дать. Раджив тихо вкладывает мне в другую руку арахис. Тонкие, с правильными овальными ногтями, пальцы обезьянки мягко принимают подарок.

– Откуда у вас?

– А я купил, когда мы поднимались. Тут продают для туристов.

Мы спускаемся к подножью дворцового холма, и Раджив указывает мне на мое место на мопеде.

– Позвольте, но если вы повезете меня обратно в город на автовокзал, это уж вам совсем не по пути. Я не могу и далее пользоваться вашей щедростью. Вы же с ночной смены. Вы, правда, живете где-то здесь?

– Конечно. Здесь наш фамильный дом, мои предки всегда тут жили.

– Это поэтому вы столько знаете о дворце?

– Это потому, что мои предки там жили.

– Ваши предки?

– Да. Я потомок местного раджи. Моя прабабушка была одной из жен махараджи и жила в гареме, где мы только что были. А у нас остался только наш фамильный дом. Вы, наверное, знаете Джавахарлала Неру? Он ликвидировал раджей. Мне еще повезло: жена нашла место учительницы. Здесь очень плохо с работой.

– Вас насильно поженили?

– Нет, зачем? Никто не может меня принудить. Я ее очень люблю.

Раджив меняет тему.

– Вы любите серебро? Я отвезу вас туда, где делают все те украшения, на которые потом ставятся клейма знаменитых фирм, Тиффани, например. Вот увидите, садитесь. Я только предупрежу жену.

– А камни у вас фальшивые, встречает меня на пороге подтянутый ювелир в белом халате и с увеличительным стеклом на лбу. Бум, с порога. Обидно.

– В России покупали? – продолжает хозяин. Там в шестидесятые и семидесятые в золото вправляли грубые фальшивки и продавали в государственных магазинах. Официальный обман в пользу государства. Они всякие бывают: фиолетовые, желтые, но особенно красные. Мы уже их столько видели на русских туристках. Да вот я вам настоящие цитрины покажу.

Пока я смотрю настоящие цитрины, топазы и рубины, мои несчастные сережки идут по рукам подмастерьев в качестве наглядного пособия юным ювелирам. До сих пор жалею, что не сообразила там тогда

заменить мои фальшивки на настоящие. Совсем было бы недорого. Может быть, в следующий раз.

Снова привокзальная площадь. Раджив разворачивает свой мопед.

– Прощайте.

– Вы со мной провозились целый день после ночной смены. Я так не могу. Можно, я вам хоть сколько-нибудь заплачу, ну, хоть за бензин и ваш билет в музей?

– Нет.

– Может, хоть телефон оставите, адрес?

– Ничего не надо. Все уже случилось. Прощайте.

Раджив берет с места, белоснежная рубашка надулась парусом, и легкого мопеда простыл и след. Я не успеваю задуматься, когда слышу за спиной знакомый голос:

– Ну, что, не уехали, нашли, где переночевать?

Рашид смеется от удовольствия.

– А я вас тут все это время жду. Шутка!

Мне неловко за вчерашнее, но Рашид в прекрасном расположении духа.

– А сам город видели? Только вечером? Поехали, автобусы в Дели каждые полчаса.

Я рада, что удастся, наконец, заплатить Рашиду. Ведь тогда он вовсе без денег уехал, ничего не захотел взять. Болтая без умолка, он везет меня на рынок, в центр, по старому, розовому городу. Под конец, снова на привокзальной площади, он просит меня сделать ему запись в «книгу отзывов». Я оставляю запись на всех знакомых мне языках, и Рашид смотрит на меня с восторгом. В рикшу заглядывает его юный коллега, который был с ним и вчера.

– Ты представляешь, она американцев французскому учит! – гордо, как за самого себя, объявляет Рашид.

– А, да? Я тоже учу французский язык, с чистейшим французским прононсом восклицает второй рикша.

Он говорит по-французски свободно, правильно, без акцента, не задумываясь. Выучил во французском институте, единственном месте, где можно чему-то учиться бесплатно.

– Я туда хожу после работы, как могу часто. Когда не очень устал. Там чисто, есть фильмы, библиотека. И ни о чем не спрашивают. Франция страна свободы, там все равны. Так? Я постепенно сам учусь читать, я скоро буду читать!

– Он будет, он такой, уверяет меня Рашид. Он мой лучший друг, я мусульманин, а он индус, и он мой самый лучший друг.

– Я учусь читать по-французски, а на хинди не умею! Представляете? Думаю, если я научусь читать по-французски, то потом смогу и по-английски, там ведь буквы, мне показалось, те же? Ведь те же?

Я смотрю на него, на его счастливое открытое лицо, живые, искристые глаза, светлую доверчивую улыбку, и вспоминаю своих рано отяжелевших студентов, через одного страдающих депрессией, дислексией, рефлексией, анорексией, невротами, психозами, нарушением внимания, паническими атаками, аллергиями и целым роем всяческих синдромов, открытых наукой решительно на все случаи жизни. Мне бы такого студента как он! И ни взять с собой рикшу-вундеркинда, ни даже помочь я не смогу. Мне даже нечего ему подарить, мне совсем скоро уезжать из этой безумной страны, и я уже раздала все подарки. А он все задает мне вопросы, спрашивает, спрашивает, вытряхивает из меня, сколько успеет, бесплатных знаний. Про Наполеона, прошедшее время, Париж, систему образования, артикли, знаменитостей, еду. В рикше становится темнее. Неужели уже вечер? Нет, это моторикшу облепили со всех сторон, закрывая сквозной вход и свет, другие рикши. Темные лица свесились внутрь. Кто постарше – без зубов, со страшными болячками на коже, шрамом вместо глаза, худые, нездоровые лица, открытые, черные рты.

– Они прослышали, что с нами тут на равных разговаривает белая женщина, и поналезли. Дайте им что-нибудь, чтобы они ушли. Иначе не отстанут. Они мне сейчас крышу продают, говорит Рашид.

– Да что же я им дам, у меня уже нет ничего? Остались только мои визитки.

– О, вот и дайте им визитки, они счастливы будут, это прекрасный подарок для рикши – доказательство, что он знаком с европейцем, реклама, рекомендация. И потом, из ваших рук. Давайте скорее, не бойтесь.

Я вкладываю в протянутые ладони визитки с белым медведем, символом моего университета, в существование которого я сама уже плохо верю, ладони сжимаются и исчезают. На их месте появляются новые. Белый прямоугольник благоговейно подносится к губам руками, сложенными в традиционном жесте «намасте», рикши радостно кричат, показывая «подарок» белой дамы другим. Наконец визитки кончились. Я вылезаю из моторикши, Рашид и его друг победоносно оглядывают собравшихся.

– Теперь все будут знать, что мы не такие, как все, сказал Рашид. Я приклею вашу визитку к себе в книгу под вашим отзывом, и у меня отбоя не будет от клиентов. Может быть, когда-нибудь я даже смогу жениться.

Я отдала Рашиду оставшиеся у меня рупии, но он отказался взять сверх того, что полагалось за извоз.

– Мы бедные, но не нищие, так? Отними у человека гордость, так остальное он и сам не потеряет. Так? Купите себе лучше подарок, а мы теперь не пропадем!

Из окна автобуса я вижу привокзальную площадь, муравейник зеленокрыших рикш. Автобус трогается, я прижимаюсь к стеклу. В центре площади, подпрыгивая и широко размахивая руками, мне машут две юные смуглые фигурки. Прощай, Джайпур, розовый город. Может, все дело в цвете? Может, это он так влияет на людей?

Борис Курланд

Стеклянный дождь

Фима не торопясь шел по Невскому проспекту, стараясь держаться поближе к стенам домов. Холодный порывистый ветер с Балтики нес непрерывно морозящий дождь и бил не по-осеннему студеными струями в лицо, подобно душу с поломанным регулятором. Студент второго курса Политехнического института торопился на свое первое в жизни настоящее свидание. Времени еще было предостаточно, примерно через полчаса у входа в Московский вокзал он должен был встретиться с Майей Каплинской, миловидной девушкой, студенткой филологического факультета пединститута курсом младше.

Особых планов у Фимы не было: в такую погоду, называемую в народе «собачьей», особо не разгуляешься – ни тебе по парку пройтись, ни по набережной прошвырнуться, посмотреть на проплывающие пароходики, полюбоваться ночными фонарями. Поскольку Фима жил в общежитии, а Майя, насколько он понял, у дальней родственницы, то, скорее всего, придется направиться в кафе или пойти в кино. На этот случай у Фимы припасены были в заднем кармане брюк двадцать рублей, выделенные из полученной накануне стипендии, плюс десятка, присланная отцом из Бобруйска по случаю приближающихся октябрьских праздников.

Навстречу Фиме, размытая дождевыми струями, двигалась одинокая женская фигура. По мере ее приближения студент различил короткое пальто, раздуваемое ветром, бледную озябшую руку, придерживающую разорванный на куски бесполезный зонтик, поникший подобно одуванчику со сбитой головкой. Поравнявшись с Фимой, фигура нелепо засемила ногами,

стараясь удержать равновесие, зонтик выпрыгнул из рук хозяйки и радостно устремился в свободный полет. Фима не успел его поймать, в одно мгновение беглец исчез из виду, гонимый по мокрой мостовой ветром – хулиганом и мелким воришкой. Тяжелая сумка, выскользнув из ослабевшей руки, шлепнулась на тротуар прямо у ног женщины, неловко припавшей на одно колено.

Фима поспешил к женщине и протянул руку.

– Вам помочь? – с готовностью предложил он.

Женщина благодарно взглянула на неожиданного спасителя и ухватилась за протянутую руку. Лицо ее искривилось от боли, она охнула, не сдержавшись, закусил губу и неловко поднялась, опираясь на одну ногу и стараясь удержать равновесие.

– Я, кажется, подвернула ногу, – беспомощно пожаловалась она, – Простите, если я вас задерживаю, но мой дом рядышком, буквально в нескольких метрах... Боюсь, самой не дойти, не могли бы вы...

– Ничего, ничего, у меня есть время, – не совсем уверенно сказал Фима, подхватывая оказавшуюся действительно тяжелой сумку.

Женщина, опираясь на его плечо, похромала рядом. Она и вправду жила совсем близко, в старом доме с проходным парадным, выходящим во двор кинотеатра «Колизей».

– Спасибо за помощь, молодой человек, дальше я сама справлюсь.

– Я помогу вам подняться, сумка у вас тяжелая, – предложил Фима, – у меня в запасе минут пятнадцать еще есть, мы с другом должны встретиться, – непонятно почему пустился он в пространные объяснения.

Они медленно поднялись по лестнице на второй этаж. Женщина несколько раз останавливалась, тяжело дышала, постанывая, пока, наконец, не добрались до нужного этажа. Она открыла высокую дверь в квартиру, с трудом проковыляла по длинному сводчатому коридору с тускло горящей под высоким потолком лампочкой, всунула ключ в замочную скважину, отпирая еще одну дверь –

двустворчатую, тяжелого дерева, ведущую непосредственно в комнату.

– Вот мы и дома. Положите, пожалуйста, сумку на стол, вот тут у двери, спасибо вам большое, вы мне так помогли. Я бы вас угостила чаем, но раз вы торопитесь.

В мягком свете лампы под уютным абажуром, Фима разглядел хозяйку квартиры, женщину лет сорока, с простым обыкновенным лицом, тонкими бровями и прямым жестковатым ртом.

Комната была просторной, с высоким потолком, украшенной лепниной, где через плохо забеленные медальоны, проступала старинная роспись: пухлые младенцы с крыльями, буколические домики и садики, чистенькие пейзажи, тучные коровы, ягоды и фрукты. На одной стене висела репродукция известной картины Шишкина, под которой расположилась аккуратно застеленная кровать с высоко взбитой подушкой и спадающим на пол шелковым покрывалом. Шкафа в комнате не наблюдалось, но дальний угол был завешен шторой из плотной ткани. Главную достопримечательность комнаты составляла, несомненно, библиотека, со стеллажами, сделанными, вероятно, по заказу, поскольку они аккуратно вписывались в размеры стены в высоту до потолка и от двери до окна, завешенного занавеской во всю длину. На полках не было свободного места, обложки книг создавали гармоничную цветовую гамму неброских пастельных тонов.

– Вот это библиотека, – восхитился Фима. – Можно посмотреть?

Не дожидаясь разрешения, он подошел поближе и пробежал глазами по названиям книг, каждая из которых, несомненно, была недосягаемой для простого смертного, тем более, для студента. Такие книги невозможно было зайти и просто купить в книжном магазине, их можно было только «достать». Бунин, Есенин, Саша Черный, Блок, Брюсов, двухтомник неизвестного студенту Гейнца Н.Э. Часть книг была уже весьма почтенного возраста, что легко угадывалось по их потертым обложкам, некоторые скрывались под бумажными обертками, на которых от руки

были написаны названия. Отдельно расположились альбомы репродукций – Третьяковка, Эрмитаж, Рерих, каталог выставки Арманда.

Над толстым томом Дживелегова «Данте Алигьери» Фима заметил книжку, спрятавшуюся в глубине полки. Томик, напечатанный на пишущей машинке на тонкой «папиросной» бумаге, был аккуратно обернут в серую плотную упаковку. Фима открыл книгу на первой странице и замер. Фиолетовыми чернилами аккуратным почерком было выписано название: «*Б. Пастернак. Доктор Живаго*». Это была *та самая книга*, про которую все знали, но мало кто читал.

Фима, как загипнотизированный, уселся на стул и углубился в чтение. Очнулся он только, когда старые напольные часы пробили одиннадцать раз. Вот это засиделся, не заметил даже, как время пролетело!

– Извините, я не мог оторваться, мне давно хотелось прочитать, – он вдруг почувствовал непривычное для себя смущение, не знал, что еще сказать этой женщине, с легкой необидной усмешкой наблюдающей за ним.

Пока Фима читал, Клара успела переодеться в теплый темно-синий халат и мягкие домашние тапочки. Она подсушила и аккуратно собрала в тяжелый узел растрепавшиеся на ветру волосы, поставила на проигрыватель пластинку с записью классической музыки, под любимого Вивальди полистала новый номер толстого литературного журнала.

Клара Островинова привыкла жить одна в своей комнате коммунальной квартиры с двумя соседями. Все три комнаты расположились по одной стороне длинного коридора, в конце которого находились общий туалет и кухня. Комната Клары находилась между двумя соседскими. В самом конце коридора проживал капитан дальнего плавания Александр Игнатьевич Поляков, энергичный моряк с узкими усиками под орлиным носом, громким голосом и аккуратной прической, скрывающей наметившуюся лысину. Приезжал капитан редко, возвещал о своем прибытии громким стуком в двери соседей, праздными вопросами о здоровье и презентованием

небольших, всегда необычных подарков – статуэток в виде голов с длинными ушами и пухлыми губами, вырезанных из тяжелого черного дерева неизвестной породы, маленьких толстых весело смеющихся Будд, светящихся лунных камней, бутылок, заполненных цветными песками.

Главной целью визитов к соседям была не подарки, а показ очередной пассии, обычно молодой длинноногой девушки, которых Поляков обычно представлял одинаково: – познакомьтесь, моя Русалка. Многочисленные русалки проживали в квартире во время швартовки капитана, нарушая установившийся распорядок и тишину громкими разговорами, вызывающим смехом, курением в туалете. Жительницы моря разбрасывали нижнее белье в ванной, непременно засоряли раковину на кухне немытой посудой.

– Русалочка, твой Нептун покоряется чарам подводной красоты, – бывало грохотал Поляков по ночам в коридоре, шлепая босыми ногами по старому вытертому паркету из туалета к себе в комнату. Через несколько минут оттуда доносились громкие взвизгивания Русалки, басовитое бормотанье хозяина, а затем стук спинки кровати о стенку.

Кларе временные набеги Нептуна в родные пенаты не мешали, но совсем по-другому относилась к этому их третья соседка Мария Никитовна Стеклова, старушка неопределенного возраста, которая, если верить ее утверждениям, являлась дочкой одного из декабристов, хотя фамилии своего знаменитого родственника мадам не называла. Дочь декабриста отличалась многочисленными морщинами на лице, согнутыми подагрой пальцами с длинными ногтями, придающими рукам вид куриных лап, не менее искривленными ногами и отвратительно склочным характером. Поляков как-то в сердцах обозвал ее женой Кашея Бессмертного, с тех пор иначе, чем Баба-яга, не называл. Старуха, заслышав радостные возгласы Нептуна, осчастливившего в очередной раз отчий дом своим появлением, запиралась в своей комнате и не выходила оттуда, пока Поляков не отплывал вместе с Русалкой на неизвестный срок. Чем она питалась все это время, выходила ли справить нужду – оставалось загадкой.

– Оставайтесь ночевать, уже поздно, – предложила Клара, – у меня раскладушка имеется, специально держу для гостей.

Фима вышел в коридор, где наткнулся на старую сгорбленную женщину, почти прижавшуюся ухом вплотную к двери. Она явно прислушивалась к происходящему в комнате соседки. Завидев Фиму, старуха без тени смущения улыбнулась, продемонстрировав два передних зуба, похожих на зубцы кремлевской стены.

– Приятный молодой человек, хотя и нерусский, – отметила Баба-яга, довольно доброжелательно, оценивая студента пристальным взглядом. Крючковатым пальцем указала направление, – туалет в ту сторону.

Клара работала в букинистическом отделе большого книжного магазина на Старо-Невском проспекте, недалеко от Московского вокзала. Работа была интересной, требовала знаний, умения быстро разобраться в предлагаемых книгах, оценить их должным образом. Отделом стариной книги заведовал признанный эксперт и главный оценщик старых книг Зигмунд Исаакович, по прозвищу Фрейд, старичок с пергаментным лицом, похожим на пожелтевшие обложки книг, знавший в совершенстве пять языков, выученных еще в дореволюционной юности.

– Ценность книги противоположна стоимости женщины – чем книга старше, тем стоимость ее больше...

Эту фразу Фрейд любил повторять, многозначительно поглядывая на Клару, возящуюся с очередным фолиантом, покрытым слоем пыли, или заметив, что она разговаривает с покупателями мужского пола. Сам он был закоренелый холостяк, но за подопечную переживал, как за собственную дочь, особенно после ее неудачного романа с одним из коллекционеров, оказавшимся женатым. Жена последнего появилась в магазине, на глазах у покупателей устроила безобразный скандал ничего не подозревавшей Кларе. Скандалистка вопила, размахивала мокрым зонтиком, холодные брызги разлетелись по помещению, покрывая Кларино лицо отрезвляющим душем.

Фима заснул почти сразу. Почему-то перед сном ему вспомнилась покойная мать, сегодня ей могло бы

исполниться столько же лет, сколько хозяйке квартиры. Он хорошо запомнил день смерти мамы, пятое марта 1953 года, его пятый день рождения. Все вокруг плакали, он детским своим умом думал, что из-за мамы. В этом году исполнилось пятнадцать лет со дня маминой смерти, отец просил обязательно приехать на годовщину. Но началась подготовка к весенней сессии, зачеты, экзамены. Фима не смог приехать, а летом, вернувшись домой на каникулы, увидев постаревшего отца со сгорбленной от постоянного сидения за швейной машинкой спиной, неожиданно для себя расплакался, попросил у отца прощения.

– Мать по тебе скучает, у нее проси прощения.

Они стояли возле низкой простой могилы, затерявшейся среди памятников с крестами. Надмогильная плита потрескалась в нескольких местах, из трещин выглядывали одинокие ростки, надпись почти затерлась. Фима с тоской понял, что никогда уже не прижмется к материнской груди, не почувствует ласковую руку на волосах, не ощутит на лбу поцелуй с пожеланием спокойной ночи.

Утром, провожая Фиму до дверей по темноватому коридору, Клара протянула маленький газетный сверток.

– Бутерброд на дорогу, – она решительно впихнула пакет в карман Фимино пальто.

Тем же вечером Фима нерешительно позвонил два раза в знакомую дверь.

– Книгу пришел дочитать, если можно, конечно...

Клара молча впустила его в квартиру.

Она не пошла на работу, с утра позвонила Фрейду и пожаловалась на боль в ноге. На самом деле нога почти не болела, просто захотелось побыть дома. На работе и без нее справятся, основная продажа обычно происходит в отделах детской книги, учебной литературы и прозы. Стихи покупают меньше, еще реже издания малоизвестных писателей, которые пылятся на складе. Книга в России не просто товар, это ценность, за хорошими книгами стоит очередь, особенно за переводными изданиями, книги перепродаются, книгами меняются, покупают в подарок, а

чтобы подписаться на собрание сочинений, иногда люди простаивают целую ночь в очередях.

За хорошую книгу платили двойную, а иногда и тройную и более цену. Вокруг магазина крутились спекулянты, перехватывающие людей, сдающих книги на комиссию, редкие и антикварные книги передавались на руки заказчикам за определенную предоплату, нелегальные книги, отпечатанные на плохой бумаге или ввезенные в Россию через иностранные посольства дипломатической почтой, выдавались доверенным лицам на ночь под залог, который не возвращался.

Благодаря дефицитным книгам налаживались связи, с помощью которых можно было устроить любое дело.

– Вы, наверное, голодный, сейчас я быстренько приготовлю поесть.

Клара придала лицу выражение озабоченности. На самом деле она была уверена, что Фима вернется, по закладке в книге быстро определила, сколько недочитанных страниц осталось до конца. По ее представлению, не мог шустрый студент бросить недочитанным запретного Пастернака, который случайно попал ему в руки. Провозившись на кухне пару часов, женщина нажарила десяток котлет, сотворила пюре из рыночной картошки, открыла банку соленых огурцов и переложила их в тарелку. Немного поколебавшись, достала бутылку вина, подаренного Нептуном в один из приездов. Баба-яга пришла на запах, молча посверлила пронзительными глазами Кларину спину и покачала головой.

– Студенты, им только дай пожрать и переспать.

Фима целый день колебался, решая, удобно ли вернуться к случайной знакомой. По своей натуре он не был разбитным нагловатым парнем, а скорее, походил на отца, старавшегося говорить поменьше, не вмешиваться в политику, держаться подальше от начальства. В школе Фима не стремился в лидеры, учителям подарки не носил, девчонок избегал. Единственной страстью были книги, вначале детские, потом юношеские, позже он читал все без возрастных ограничений, даже так называемые «запрещенные» детям до шестнадцати лет. Условное

деление на категории привело к тому, что в тринадцать лет Фима перечитал взрослые и запретные книги, но особых выводов из них не сделал.

– Пожалуйста к столу, – Клара тронула Фиму, углубленного в чтение, за плечо.

За столом вначале разговаривали мало. Клара подкладывала гостю еду, сама почти ничего не ела. Фима выпил предложенный ему бокал вина, даже не глянув на иностранную этикетку на бутылке. Постепенно неловкость исчезла, разговорились о книгах, книжных новостях и Клариной работе.

– Мне надо было родиться до революции, – Фима откинулся на спинку стула, показывал всем своим видом, что наелся «до отвала». – Я с детства мечтал стать владельцем книжной лавки, заказывать книги, ездить по книжным развалам, выбирать редкости для домашней библиотеки, у вас вот такая подборка, – он расслабленно зевнул.

Ему было хорошо: он сладко тонул в домашней уютной обстановке, сытный вкусный ужин, приятная беседа с умной доброжелательной женщиной, так глубоко разбирающейся в книгах. В общежитии удовлетворился бы бутербродом с сыром в лучшем случае, стаканом теплого чая (почему-то в общежитии бывает только теплый, а не горячий чай!), банальными разговорами с соседями по комнате.

– Кофе будем пить, растворимый, – предложила Клара, испугавшись, что Фима встанет и уйдет, а ей – стыдно сказать! – очень хотелось, чтобы он остался еще хоть ненадолго.

Фиме не хотелось уходить, но, с другой стороны, он не хотел выглядеть нахальным. Клара отблагодарила его за то, что он ей вчера помог, прочитанный Пастернак не произвел особого впечатления, могли бы и напечатать, давно известно, что запретный плод.

Глаза студента медленно закрылись.

Мама появилась из темноты, погладила по голове, обняла и поцеловала.

– Как я соскучилась по тебе, малыш, – прошептала она, прижимая голову к груди, – мне так не хватает тебя, так хочется поиграть с тобой в прятки, бросать надувной мяч, помнишь, мы пошли в приезжий цирк, я тебе купила игрушку, маленького плюшевого мишку, ты помнишь? Ты помнишь...

Мама подвела мальчика к кровати, помогла раздеться, натянуть пижаму и лечь в постель.

– Мама, расскажи сказку, только с хорошим концом, пожалуйста...

Фима проснулся под утро, разбуженный давлением внизу живота. Не открывая глаза, встал с раскладушки и вышел в коридор, придерживаясь рукой за стену. Он прошел несколько шагов и чуть не упал, наткнувшись на старуху. Баба-яга стояла на пороге своей комнаты, бледный свет за ее спиной слабо освещал старушечью фигуру.

– Не теряя времени, рыцарь поскакал на своей любимой, – шепотом сообщила она важную новость, протянув еле видимую в темноте руку, добавила, – туалет с другой стороны.

На обратном пути в коридоре не было ни души, Фима, стараясь не шуметь, вошел в комнату и направился к раскладушке.

– Иди ко мне, Фима, – позвала Клара из глубины комнаты.

Женщина раскрыла ему дверь в новую жизнь, и он вошел в нее.

Месяца через два Фиму вызвала к себе комендант общежития, малоприятная женщина с низким басовитым голосом и бородавкой на волосатом лице.

– Мне сообщили, что ты в общежитии не ночуешь, отсюда два вывода: или ты работаешь по ночам, или нашел себе тепленькое местечко. Поскольку ваша нация работать не любит, значит, присосался к кормушке.

Фима поднялся в свою комнату, вытащил из-под кровати сбитый из фанеры чемодан, открыл крышку. Внутри лежали две рубашки, сшитые отцом, коробка из-под скороходовской обуви, в которой хранилось несколько

писем от отца, перевязанная ниткой тоненькая пачка семейных фотографий.

На остановке автобуса никого не было. Фима оглянулся на унылое, серое здание общежития, похожее на казарму, вытащил из чемодана обувную коробку, сунул фанерный ящик под скамейку и ушел, не дожидаясь автобуса.

Совместная жизнь налаживалась постепенно, так мелкие ручейки, текущие каждый своим руслом, постепенно сближаются, пока не сливаются в один общий поток. По утрам расходились, каждый в своем направлении, после обеда или к вечеру возвращались домой, потрапезничав залезали в постель, в которой проводили остаток вечера, читая книги, глядя телевизор или просто занимаясь любовью. Клара купила абонементы на концерты в консерваторию, приобрела билеты на премьеры в драматические театры, в Мариинский, на эстрадные концерты. При встрече со знакомыми обычно представляла Фиму племянником, дальним родственником или сыном друзей. Решившись, привела Фиму в магазин познакомить с Фрейдом. Старый антиквар посмотрел на молодого, черноволосого юношу с буйной шевелюрой, одобрительно кивнул головой и сказал Кларе на непонятном языке:

– Обы гизунт, мейдалы.

Баба-яга, судя по всему, восприняла нового жильца без особого удивления. Как всегда неожиданно появившийся Нептун наткнулся на Фиму в кухне, где новый жилец заваривал чай с лимоном.

– А я себе думаю-гадаю, почему это крышка от унитаза поднята, не иначе Баба-яга завела кавалера, – рассмеялся капитан дальнего плавания, страшно довольный собственной шуткой. – Заходи ко мне в каюту, поговорим, заодно выпьем чего-нибудь получше, чем цейлонский суррогат.

Комната Полякова представляла собой нечто среднее между музеем и комиссионным магазином. Рядом с кроватью, увенчанной настоящим альковом, возвышался огромный шкаф, до отказа забитый меховыми шубами, модными импортными джинсами, разнообразными блузами,

кофтами, упаковками колготок. Из нижних ящиков торчали голенища кожаных сапог разных размеров. Посреди комнаты стояла мраморная фигура обнаженной женщины, на стенах висели картины неизвестных художников, деревянные резные маски, африканские копья, шаманские бубны, шкуры неизвестных животных, в изобилии приобретаемые советскими моряками для перепродажи фарцовщикам.

Капитан разлил коричневую пахучую жидкость из бутылки, обернутой мешковиной, в две маленькие рюмочки.

– Пока моя Русалочка не пришла, мы с тобой выпьем нечто особенное, эликсир племен Вуду из Западной Африки, настойка колдунов ихних на крови диких животных, возвращает молодость, а главное, – он многозначительно подмигнул, – добавляет мужскую силу. Как залезешь, до утра не остановишься.

Нептун залпом выпил жидкость, глубоко вдохнул воздух, долго не выпускал его из легких. Фима с опаской принялся в настойке, выпил маленькими глотками терпкую жидкость и запил водой.

– Клара, она святая женщина, – выдохнул воздух капитан, – никогда не жалуется, не поднимает голос, все держит в себе. Во время блокады вся родные померли, девчонкой отмаялась по сиротским домам. Была какая-то дальняя-предальная родственница, тетка семиюродная, да вроде бы недавно отдала концы. Ты ее не обижай, она тебе душу отдаст, а то, что ты молодой, так это с годами пройдет, да и сейчас не имеет никакого значения.

Послышались три звонка.

– А вот и Русалочка, – капитан с трудом поднялся со стула, – ты не уходи, сейчас вернусь.

Он действительно вернулся буквально через минуту в сопровождении молоденькой блондинки в коротеньком пальтишке с меховой опушкой и невероятных сапожках выше колен, похожих на мушкетерские ботфорты.

– Даша, – представилась девушка, – возможно, ваша будущая соседка.

– Не будем, не будем, звездочка ты моя морская, сейчас говорить об этом, не стоит так далеко загадывать...

Вот летом, тьфу, чтоб не сглазить, ворочусь благополучно, тогда и поговорим, – недовольно пробурчал Нептун, помогая Даше снять пальтишко. – Ты не стой без толку, лучше примерь новые сапожки, специально для тебя вёз, ни у кого таких не будет... Вон в коробке на кровати.

Даша натянула сапоги, влезла на стул, живо покрутилась перед высоким – в рост – зеркалом, висящим на стене с незапамятных времен. Русалка поднимала и опускала по очереди длинные ноги в сетчатых черных чулочках, словно танцевала неприличный и недопустимый западный танец канкан. При этом кокетливо посматривала на Фиму, проверяя его реакцию на откровенную демонстрацию аппетитных девичьих бедер, которые коротенькая юбочка даже не пыталась скрыть.

– Спасибо, товарищ капитан, – девушка шутливо козырнула, приложив к белокурым кудряшкам ладошку с яркими алыми ноготками. – Да за такой подарок мы вам покажем, где раки зимуют.

Недели через две капитан ушел в очередное плавание, в квартире вновь наступила тишина. Зимняя слякоть сменилась теплыми днями, и, благополучно сдав летнюю сессию, Фима отправился на долгожданные летние каникулы к отцу, которого давно бы следовало навестить.

Клара собрала Фиму в дорогу, купила импортный чемодан, уложила в него рубашку с короткими рукавами, запасное белье, сверху несколько новых книг. Отдельно положила подарок для отца – большую коробку конфет, завернутую в хрустящую целлофановую бумагу.

В ночь перед отъездом женщина прижалась к Фиме всем телом, стала ласкать его, обнимать, не дала уснуть ни на минуту.

– Я буду скучать по тебе, Фимочка, очень, я так привыкла к тебе, не могу без тебя, любимый, хороший, обещаю думать про меня, – жарко и бесстыдно целовала его лицо, плечи, грудь, все тело, отбросив сдерживающие ранее тормоза условностей.

Отец отложил коробку с конфетами в сторону, тяжело вздохнул.

– Ты выглядишь лучше, чем в прошлый приезд, поправился, раздался в плечах, рубашка на тебе глаженная. Мне сказали, что ты не живешь в общежитии, я звонил туда. Фима, где ты теперь живешь, что у тебя изменилось? Ты мог бы мне сказать, я же тебе не чужой.

Фима решил не скрывать правду, почти.

– Живу у одной женщины, у нее в квартире пустует комната, а муж больной, я помогаю ухаживать за ним, за это они выделили мне место для жилья. Все лучше, чем в общежитии.

Отец заученным автоматическим движением поправил огрызок карандаша, вечно торчащий за ухом.

– Хочу познакомить тебя с дочкой наших близких знакомых Эллочкой Мошкович, ты, наверное, ее помнишь, вы вместе ходили в детский садик. Она теперь совсем взрослая, студентка театрального училища в Москве, красавица, говорят, очень способная. Вместе каникулы проведете.

– Я не могу, – торопливо ответил Фима, глядя на огрызок карандаша, – мне надо через неделю вернуться в Ленинград. Обещал хозяйке побыть с ее мужем, она сама ложится в больницу на обследование.

Через неделю Фима вернулся в квартиру на Невском, жизнь потекла своим обыденным руслем, чередуя времена года, неяркие события, болезни, радости.

Подошло время работы над дипломом, затем его защита. Фрейд, отчески опекавший свою любимицу Клару и ее молоденького племянника, подсуетился, тряхнул старыми связями, благодаря которым Фиму после окончания института направили на работу в НИИ тут же в Ленинграде. Начал младшим научным сотрудником, постепенно продвинулся по служебной лестнице, с блеском защитил кандидатскую диссертацию, стал старшим научным сотрудником. С годами обзавелся небольшим животиком, очками, лысиной, начал похаживать по докторам. Внешняя разница в почти двадцать лет между ним и Klarой незаметно стерлась, они даже стали походить друг на друга походкой, манерой разговора, отношением к жизни и окружающим.

В один год умерли Фрейд и отец.

На похоронах Фрейда собрались коллекционеры, библиофилы, бывшие сотрудники, приятели, представители редакций, для которых покойный делал переводы статей, просто знакомые. Похороны прошли торжественно и сердечно, могилу буквально засыпали цветами и венками.

На похоронах отца не нашлось десяти мужчин, чтобы прочесть *кадиш* по покойному, пришло несколько незнакомых стариков, носилки с телом несли по очереди двое мужчин вместе с Фимой, который порядком приустал, кроме того, его явно беспокоила подагра. Могилу забросали землей, воткнули табличку и молча разошлись. Фима в одиночестве побрел к могиле матери, постоял возле нее, поправил покосившийся столб ограды с оборванной цепью и ушел.

Нептун вернулся домой как всегда неожиданно, но на этот раз без шума и подарков. Пришел один, без очередной русалки, что было более чем странно, заперся у себя в комнате, весь день не показывался. Вечером постучал в дверь к соседям.

– Списали меня на сушу, по возрасту списали, якорь им в глотку, – горестно сообщил он, печально качая головой, словно не веря собственным словам. – Сорок лет я на море, еще с малого возраста, начинал совсем салагой, юнгой, считай, весь мир обошел. И что мне теперь на берегу делать? Помирать? Мне без моря не жить...

Поляков с такой силой сжал в могучем кулаке стакан с недопитой водкой, что хрупкое стекло треснуло, между пальцами засочилась порозовевшая от порезов пахнущая спиртом жидкость. Но капитан, казалось, не почувствовал боли: глаза его покраснели, несколько слезинок скатилось по седым поникшим усам.

Недели через полторы Баба-яга, появившись на кухне, сообщила Фиме о том, что Нептун не выходит из своей комнаты уже несколько дней и не подает признаков жизни.

Фима дождался Клару, и они вместе отправились к соседу. На стук и зов никто не отзывался, посоветовавшись, решили взломать двери – мало ли, что с человеком

случилось, может, еще помочь успеют. Однако дверь, на удивление, оказалась незапертой.

Капитан неподвижно сидел в кресле с бледным безжизненным лицом. Он был при полном параде: синяя праздничная форма сияла золотыми нашивками, погонами, медалями на груди, на голове красовалась фуражка с гербом российского флота на голове. В руках Нептун держал утыканную иголками тряпичную куклу, изображающую морячка в тельняшке с нарисованными на полотняном лице черными усами.

– Кукла Вуду, в нее втыкают иголки, когда хотят повлиять на третье лицо, и таким образом заставить его покоряться воле хозяина куклы, – это Баба-яга, незаметно войдя в комнату, прокомментировала увиденное. – Капитан сам вызвал свою смерть.

Старуха повернулась к растерявшемуся Фиме.

– Ты здесь единственный мужчина, подумай, что надо делать, – она неожиданно повысила голос, придав ему властный, гипнотизирующий оттенок, – и главное помни: нам новых соседей не надо.

– Но что можно сделать? – Фима в панике оглянулся на Клару, как и он, недоуменно глядящую на соседку. – Разве можно скрыть тело Нептуна? Куда мы его спрячем? Кроме того, он скоро начнет разлагаться...

Он втянул широкими ноздрями затхлый воздух капитанской комнаты, но признаков трупного запаха не обнаружилось.

– Насчет этого не беспокойся, перед тобой пустое тело, у капитана забрали душу, а здесь осталась только оболочка, – снисходительно заметила Баба-яга.

Фимино терпение кончилось, и без того напряженные, нервы его сдали.

– Все годы мы тебя не видели, не слышали, ваше благородие, серой тихой мышкой по коридору шмыгала. Откуда вдруг такая самоуверенность – ты все знаешь, во всем разбираешься, во все влезаешь! И вообще, сколько тебе лет, ты совсем не меняешься, я здесь живу больше двадцати лет, и еще ни разу не видел тебя больной! А может быть, мы живем в одной квартире с ведьмой? Или ты вправду жена

Кашея Бессмертного, сама бессмертная? Кто ты такая, в конце концов!?

– Молчи, холоп, а то бит будешь, – непонятно кому пригрозила Баба-яга. – Кто я – то не твоего ума дело. Меньше знаешь – здоровее будешь, понял?

Старуха вынула куклу из рук капитана и уверенным движением вырвала иголку, воткнув в тряпичную грудь.

Нептун издал странный звук, похожий на крик чайки, дернулся телом, задвигал ногами и открыл глаза.

– С возвращением, капитан, на грешную сушу, как ты говоришь, – зубцы московского кремля блеснули в странной ухмылке, – помни доброту мою.

Неделю спустя в квартире появилась Даша, расплывшая женщина с небрежно покрашенными волосами, в которой обитатели коммуналки с трудом узнали некогда стройную русалку с длинными ногами и тонкой осиной талией. Однако глаза её были по-прежнему молоды и яркие, а пухлые губы полны обещаний и неги. Пошептавшись с Кларой, они вызвали оценщика из комиссионного магазина, низенького лысого мужчину, похожего на известного киноактера Леонтьева.

– Половину вещей можете выбросить, давно уже вышли из моды, кроме того, почти все проедено молью, – констатировал Леонтьев. – Статуи и маски могу забрать, медали тоже, хозяин-то кто?

Даша махнула рукой в сторону Нептуна, недвижимо лежавшего на кровати.

– Опять напился, непутевый, без него решим..

Оценщик понимающе кивнул головой и удалился, оставив тощую пачку денег.

Клара помогла Даше упаковать вещи капитана в чемодан, облепленный многочисленными наклейками с эмблемами разных городов мира. Вдвоем вычистили комнату от лишнего хлама, собрали в пластиковые мешки поеденную молью одежду, оставив для виду в шкафу несколько рубашек, неношенные брюки, пальто и пару обуви. Под покровом темноты Фима сделал несколько ходок к разным мусорным ящикам, там выбросил мешки с хламом.

На прощание женщины обнялись.

– Комнату берегите, я буду иногда навещать, – Даша протянула ключи с брелком в виде спасательного круга и неожиданно всхлипнула. – Много русалок у Сашеньки было, сами знаете, но в последние годы, как сходил с парохода, так напрямик ко мне домой, как говорится, бросил якорь в тихой гавани. Вот и выходит, что я его последний причал, со мной ему век свой доживать...

Фима помог довести ослабевшего Нептуна до заказанного такси, попрощался с Дашей и вернулся в квартиру.

– Нам надо поговорить, – Клара устало вытерла пот со лба и уселась в свое любимое кресло-качалку, которое Фима купил ей на день рождения несколько лет назад.

– Может, отложим на завтра, а то ты устала, на тебе лица нет.

Клара отрицательно качнула головой.

– Нет, дорогой, ты дослушай внимательно до конца, не перебивай. Я уже давно раздумываю о том, что будет с тобой, если со мной что-нибудь случится. Ты можешь остаться без квартиры, вот что я поняла. Да, у тебя есть прописка, но ты не являешься владельцем квартиры. В сегодняшние сумасшедшие времена связи уже не имеют такого значения, как раньше, сегодня главное – деньги. Для того чтобы достать редкую книгу или подписаться на любимого писателя, больше не надо стоять в очереди, в любом киоске можно купить все, что угодно, магазины забиты макулатурой на любой вкус. Вчера в подземке мне предложили купить «Майн Камф», представляешь? Никакой морали, никакой совести...

Фима посмотрел на Кларино уставшее лицо, покрытое морщинами, руки с набухшими венами, волосы, побеленные уже густой сединой. Сколько лет они уже вместе, двадцать пять, тридцать? Ни разу не поссорились, не повысили голос друг на друга. Всегда вместе – зимой на концерты, выставки, фестивали, летом за город, на съемную дачу в Зеленогорске или по путевке в дом отдыха в Юрмале, однажды даже отправились в круиз по Черному морю. Как говорится – счастье в том, не как живешь, а с кем живешь.

Клара смотрела на Фиму, повзрослевшего за годы совместной жизни, погрузневшего, с большими залысынами, заметным животиком, болями в суставах, храпевшего по ночам, рассеянного и, в то же время, никогда не забывавшего купить цветы в день рождения, на восьмое марта и день знакомства. Все эти годы она боялась, что он увлечется более молодой женщиной, оставит ее, иногда тайком ревновала, но никогда не показывала своей ревности. Жизнь прожита, и то, чего она так боялась в глубине души, не произошло.

Через неделю они расписались в районном ЗАГСе. Клара вот уже несколько лет как вышла на пенсию, но старые связи помогли максимально упростить и ускорить брачные формальности. Свидетелей привели прямо с улицы, двое молоденьких студентиков с удивлением смотрели на пожилую пару, решившую пожениться на старости лет, не иначе, умом тронулись. Ну не любовь же у них, на самом деле, любовь – она ведь удел молодых, правда?

Под Новый год Клара внезапно почувствовала себя плохо, пришлось срочно везти ее в больницу. После обследования поставили страшный и безнадежный диагноз – рак печени, обширные метастазы. Фима взял отпуск, с утра пораньше приезжал в больницу нагруженный продуктами, шприцами, купленными у спекулянтов, импортными лекарствами, добытыми по блату на аптечном складе. С каждым днем кожа Клары желтела, подобно созревающему под солнцем апельсину, зрачки также стали желтыми, временами она теряла сознание. Фима молча сидел у кровати, гладил Клару по руке, разговаривал с врачами и медсестрами, помогал менять постельное белье и «выносить утку».

Однажды утром, когда он пришел в больницу, кровать оказалась пустой.

– Умерла ночью ваша жена, – молоденькая медсестра натянула на кровать чистые простыни, нетерпеливым движением сбросила многочисленные лекарства с тумбочки в корзину для мусора.

Все последующие дни прошли в бегах, оформлении документов, оповещении знакомых. Невозможно было

добиться разрешения на захоронение на старом кладбище – Клара просила подхоронить ее к покойной матери и брату, умершим в блокаду, во всех инстанциях отказывали, не мотивируя, ничего не объясняя.

В дело вмешалась Баба-яга, которая внимательно прислушивалась к бесконечным переговорам Фимы по телефону.

– Деньги правят балом, господа, – многозначительно заявила старуха, прокручивая телефонный диск. Услышав голос абонента, произнесла странную фразу молодым голосом: – Говорит графиня Бестужева, пришлите ко мне служивого, немедленно.

Минут через пять в квартиру зашел худощавый мужчина, одетый в костюм лакея, поклонился, взял справки и документы, так же молча удалился.

После похорон Фима вернулся в пустую комнату, сел в любимое кресло Клары и заплакал. С того самого утра, когда медсестра сообщила о смерти жены, у него не было на это времени, надо было бегать, просить, унижаться, пихать деньги в чужие карманы и ящики канцелярских столов. Плакал он долго, пока не почувствовал у себя на плече прикосновение почти невесомой руки. Графиня Бестужева стояла рядом, одетая в длинное вечернее платье, она казалась выше ростом, морщины на ее лице волшебным образом разгладились, в глазах появился молодой загадочный блеск.

– Ты сможешь говорить со своей Klarой, когда захочешь, – соседка протянула Фиме матовый стеклянный шар, – только не тревожь ее по пустякам.

Графиня плавно удалилась, оставив за собой аромат незнакомых и явно дорогих духов.

Фима недоверчиво покрутил шар в руках и положил на стол. Поколебавшись, выключил свет и вновь уселся в кресло. В темноте одиночество показалось ему еще более тоскливым.

Шар внезапно вспыхнул ярким светом, одновременно проворачиваясь вокруг себя и выбрасывая гамму цветных лучей из центра стеклянной сферы. Лучи разбежались широким веером по комнате, создавая

феерическую картину оптической иллюзии. Постепенно из слепящего мерцания обрисовалась неясная, размытая по контурам человеческая фигура.

– Здравствуй, Фима, – послышался женский голос, – наконец-то мы с тобой встретились. Хотя конечно, не так, как хотелось бы.

Фима всмотрелся в очертание фигуры.

– Клара, это ты? – неуверенно спросил он.

– Ты меня, конечно, не узнаешь, ведь прошло столько лет... Но, как говорится, никогда не поздно.

Фигура пересекла комнату и повисла в воздухе напротив Фимы, напуганного до полусмерти.

– Кто вы, я вас не звал, уходите, пожалуйста, обратно, я хочу поговорить со своей женой.

– Меня зовут Майя, может быть, ты вспомнишь...

– Я не знаю никакой Майи, оставьте меня в покое.

– Я тебе напомню, я – Майя Каплинская, мы должны были встретиться на Московском вокзале. У нас было назначено свидание, но ты не пришел.

Фима вспомнил, возможно, впервые за много лет.

– Теперь вспомнил, – раздраженным тоном ответил он, – но я все равно не понимаю, почему ты здесь?

– Я простояла у вокзала почти час, ожидая тебя на холодном ветру, в коротенькой юбке, тоненьких туфельках на каблуке, которые немедленно протекли. В руках у меня был подарок для тебя, машинописная копия «Доктора Живаго», моя тетя работала машинисткой, тайком сделала через копирку два лишних экземпляра, второй она отдала знакомой, которая работала в книжном магазине. Поняв, что ты не придешь, я побрела домой, мне было настолько холодно, что я не могла даже думать. Возле меня остановился автомобиль, парень за рулем предложил подвезти меня домой. Это был мой будущий муж, прекрасный человек, блестящий физик. В тридцать лет он получил докторскую степень и должность заведующего кафедрой в МГУ. Весной я вышла за него замуж, переехала в Москву, где закончила институт. Каждое лето мы с мужем уезжали в отпуск – в Грузию ходили пешком через горы к турецкой границе, плавали на байдарках по Байкалу, на

Дальнем Востоке рыбачили на траулерах, жгли костры в Карпатах, знакомились с новыми людьми, пели под гитару на перевалах, вместе побывали в Болгарии, Германии. У нас родилось трое детей – две девочки и мальчик, старшая дочка вышла замуж, родила двух внучек, каждые праздники мы собираемся за семейным столом, или едем на дачу за город, иногда с друзьями, у нас много друзей...

Майя плавно облетела вокруг Фимы прозрачным привидением, на мгновение он почувствовал легкий ветерок, шелковым платком скользнувший по лицу.

– Я прожила счастливую жизнь с любимым человеком, но все эти годы меня мучила мысль как маленький червячок, грызущий изнутри яблоко, постепенно созревающее на дереве жизни: почему ты тогда не пришел? Этот вопрос постоянно будоражил мою душу, обида, воткнутая тонкой занозой в сердце, не давала мне покоя.

Фима ошеломленно смотрел на призрачную фигуру, парящую в воздухе.

– Майя, прости меня, если можешь, – ему захотелось увидеть ее поближе, но он боялся, что может произойти нечто неожиданное. – Так уж получилось, по дороге на свидание мне пришлось оказать помощь одной женщине. Жизнь, словно дождь и ветер, закрутила меня.. это был знак судьбы.. То есть, именно эта женщина оказалась моей судьбой. Извини....

– Мне надо уходить, – призрачная фигура окончательно растворилась в затухающих лучах. – Я в реанимационном отделении после автомобильной аварии, врачи возвращают меня в реальный мир, обратно к семье, к жизни... Надеюсь, что ты тоже был счастлив... счастлив...

Шар погас.

Старый одинокий мужчина просидел всю ночь в кресле, не открывая глаза. Он не спал, мысли и воспоминания напоздали подобно льдинам во время весеннего ледохода, отпихивая и топя друг друга, вновь всплывая на поверхность, ломаясь и уносясь по течению, чтобы исчезнуть навсегда.

Утренний свет забрезжил, пробиваясь через плотную штору на окне.

Фима решительно поднялся с кресла, размахнулся и с силой бросил шар в стенку.

Тысячи осколков разлетелись по комнате стеклянным дождем, превратившись в никому не нужный мусор.

Хаим Соколин

И сотворил Бог нефть...

(Роман в двух частях с возможностью продолжения, если на то будет воля Божья)

(продолжение. Начало в № 7(8))

Часть вторая. Макс

1

Макс Адлер взглянул на светящийся циферблат. Часы показывали полночь. Он лежал с закрытыми глазами уже больше часа, ворочался с боку на бок, но сон не приходил. В голове против воли прокручивались события прошедшего дня, обрывки случайных разговоров, потом вдруг возникали какие-то странные, непонятные видения, и воображение уносило его в надуманный мир ночных фантазий. Это было то сумеречное время суток, когда человек уже не бодрствует, но еще не спит. От сознания того, что ночные часы бегут неумолимо и что на сон остается все меньше времени, попытки заснуть становились особенно мучительными. Он снова и снова отдавал напрасные приказы кому-то, сидевшему внутри него и отказывавшемуся повиноваться – «спать, спать, перестать думать!». Но этот «кто-то» будто издевался над ним и продолжал свое черное дело. Наконец, изнуренный борьбой с самим собой, он заснул неглубоким тревожным сном... Наступил первый майский вторник 199... года, судьбоносный день в его жизни.

Бессонница началась у Макса внезапно, около двух лет назад. Раньше он не знал, что это такое. Он всегда ложился в половине одиннадцатого, минут двадцать читал перед сном, потом выключал свет, поворачивался на правый бок и через три-четыре минуты засыпал. Сон его был

спокойным и крепким, без сновидений или ночных пробуждений, и заканчивался в шесть утра. Будильник ему не требовался. Сколько он себя помнил, это время, минута в минуту, было запрограммировано в нем каким-то непостижимым образом. Макс открывал глаза, переворачивался на спину и лежал минуты две неподвижно. Затем резко откидывал одеяло, вставал и начинал утреннюю рутину, доведенную до автоматизма. Она включала обязательную получасовую гимнастику, холодный душ и легкий завтрак, состоявший из грейпфрута, кофе с молоком и поджаренных в тостере двух ломтиков белого хлеба с твердым сыром. В семь двадцать, гладко выбритый и безупречно одетый, он спускался в гараж под домом, садился в серебристую «ауди» и отправлялся на работу.

Жил Макс на окраине Кирлингерского леса, в маленьком живописном городке Вейдлинг, расположенном среди холмов и виноградников северного предместья Вены. Сначала он выезжал в сторону Дуная по узкой извилистой Демгассе, которая через шестьсот метров переходила в более широкую и прямую Брандмейерштрассе, а затем поворачивал на юг вдоль реки по магистральной Хейлингенштрассе. Он доезжал до Северного моста, пересекал по нему Дунай и попадал в левобережный район Флорисдорф. Этот отрезок пути занимал обычно двадцать минут. Еще десять минут уходило, чтобы доехать по Бруннерштрассе до просторного компаунда нефтяной компании «Эрдойль Гезельшафт», где Макс работал старшим специалистом в отделе зарубежной разведки. Он отвечал за операции компании в Юго-Восточной Азии и Австралии. В его обязанности входила оценка нефтяного потенциала этих регионов, составление разведочных проектов и контроль за их выполнением. Такая работа требовала досконального знания не только геологии и технологии разведки, но также нефтяного рынка, инфраструктуры и политической обстановки в странах, где проводились поиски. Макс хорошо разбирался в сложном переплетении столь многообразных факторов, от которых зависел успех нефтяного бизнеса. То, чем он занимался, было, по его убеждению, лучшим из всех возможных

сочетаний в профессии разведчика. С одной стороны, он не мыслил свою жизнь вне геологии, которую считал одной из трех самых увлекательных научных областей, наряду с астрономией и биологией. С другой стороны, возможность бывать в разных странах отвечала его страсти к путешествиям. «Достоин одобрения тот, кто соединяет полезное с приятным» – эти слова Горация он сделал своим девизом.

Но главным, конечно, было то, что его проекты и рекомендации приводили к открытию новых месторождений. Обязательные ежегодные оценки результатов работы, хранившиеся в его личном файле в отделе кадров, отражали эти успехи и были составлены в самых лестных выражениях. Поэтому у Макса была безупречная профессиональная репутация. А поскольку все знали, что он не претендует на какие-либо административные должности, то отношения с коллегами были дружеские и корректные. Впрочем, если требовалось, Макс умел быть жестким и непреклонным. И это тоже все знали.

***

По существу, работа занимала главное место в жизни Макса Адлера. В то же время его нельзя было назвать трудоголиком, которого ничто другое не интересует. Раз в месяц он обязательно бывал в оперном театре, не пропускал интересные выставки и концерты. А зимний отпуск проводил обычно в Альпах, на горных лыжах. Такая счастливая гармония между работой, отдыхом и теми занятиями, которые доставляли ему удовольствие и даже радость, сложилась как-то сама собой, без особых усилий с его стороны. С годами она определила и общий стиль жизни Макса.

Возвратившись с работы, он переодевался в спортивный костюм и совершал часовую пробежку по аллеям и тропинкам Кирлингерского леса, образующего северную, наименее людную часть обширного Венского лесного массива. Потом принимал душ, ужинал в небольшом ресторанчике недалеко от дома, а оставшееся до

сна время либо читал, либо смотрел телевизор, предпочитая научные программы или «Нэшнл джиографик».

Из того, что читателю уже известно о нашем герое, нетрудно догадаться, что жил он один. С женой Макс развелся пять лет назад. Детей у них не было. Не было у него и близких родственников. В Израиле и Канаде жила какая-то дальняя родня, но связь с ними давно оборвалась. После развода стали постепенно ослабевать, а затем и вовсе прекратились приятельские отношения с несколькими супружескими парами, входившими в их общий с женой круг знакомых... Когда-то давно, более двадцати лет назад, была у Макса девушка по имени Джулия. Они идеально подходили друг другу и физически, и духовно, и интеллектуально. Джулия, талантливая балерина, была моложе Макса на десять лет, и им казалось, что это единственное различие между ними. Но они забыли о другом различии – семья Джулии была очень богата, принадлежала к элите общества. Брак дочери с Максом не входил в планы ее родителей, и их заставили расстаться. Джулия вышла замуж за кого-то из своего круга, и Макс вычеркнул ее из своей жизни. Но не из памяти. Этот урок социального неравенства он запомнил навсегда...

Такой образ жизни, возникший исключительно в силу сложившихся обстоятельств, вовсе не говорит о нелюдимости Макса или склонности к одиночеству. Он любил и ценил содержательное человеческое общение, но считал, что подлинные друзья появляются лишь в молодые годы, а в зрелом возрасте поздно наверстывать упущенное. Так уж получилось, что судьба не свела его тогда со сверстниками, близкими по духу и интересам. Молодость Макса совпала со сложным историческим временем, да и проходила она в условиях, не способствовавших возникновению прочных дружеских связей. Однако он не видел здесь особой проблемы и не испытывал от этого какого-либо дискомфорта, ибо принадлежал к тому типу людей, которых называют самодостаточными. Интересная работа, увлекательная книга, хороший концерт, горные лыжи, путешествия – все это целиком заполняло его жизнь. Он не считал, что слушать музыку, кататься на лыжах или

путешествовать нужно обязательно в обществе знакомых. Наоборот, наибольшее удовольствие он получал, делая это один.

После развода Макс не тяготился одиночеством, а, напротив, обнаружил в нем неоспоримые удобства и преимущества. Впрочем, он был далек от того, чтобы лишать себя насущных физиологических потребностей. Дважды в неделю, в среду и пятницу, он брал с собой в машину свежую тщательно выглаженную рубашку и смену нижнего белья. В эти дни он не ночевал дома, а наносил визит фрау Эльзе, моложавой пышнотелой вдове, знавшей толк в любви. Макс дорожил их добрыми стабильными отношениями, а она считала его внимательным и заботливым другом, каким он и был на самом деле. Их обоим устраивала эта прочная привязанность без каких-либо взаимных обязательств. В дни этих визитов приходила женщина, которая убирала его дом, покупала продукты и относила белье в прачечную.

Однако мы немного отвлеклись и забыли, что в начале рассказа речь шла вовсе не о среде и пятнице, а о некоем конкретном вторнике в мае 199... года, который, казалось, ничем не отличался от всех прочих рабочих дней недели. Как обычно, Макс проснулся в шесть утра, несмотря на то что заснул поздно. Он полежал пару минут на спине, затем откинул одеяло, сел на кровати, свесил ноги и нащупал шлепанцы. Он уже готовился было встать и приступить к утренней рутине, как вдруг ощутил какую-то непривычную и еще не вполне осознанную пустоту. Что-то было в это утро не таким, как всегда. Макс окончательно стряхнул с себя остатки сна и только тогда вспомнил, чем именно было вызвано такое ощущение. С этого дня его жизнь резко и бесповоротно изменилась. Ему больше не надо было, как это происходило на протяжении последних двух десятилетий, выезжать в семь двадцать на Демгассе, в семь сорок пересекать Дунай по Северному мосту и без десяти восемь парковать свою «ауди» около офиса компании. С сегодняшнего дня он был уволен. В возрасте пятидесяти пяти лет он стал безработным. А поскольку «Эрдойль Гезельшафт» была единственной нефтяной

компанией в Австрии, то поиски новой работы теперь могли быть связаны только с иностранными фирмами. Для этого нужно было рассылать письма и документы, ездить на интервью. Но Макс чувствовал себя настолько опустошенным, что был не в состоянии заниматься такими делами. Кроме того, он понимал, что в его возрасте найти работу будет нелегко. Последние годы он работал с огромным физическим напряжением, зачастую по шестнадцать часов в сутки. Поэтому его единственным желанием было отдохнуть, обрести прежнюю форму и на какое-то время отключиться от всяких служебных забот.

Увольнение не было для Макса полной неожиданностью. Он знал о неизбежности этого события и готовился к нему на протяжении почти трех лет, вскоре после того, как в компании появился Дейв Пауэлл, новый вице-президент по зарубежной разведке. Как человек разумный и уравновешенный, он был уверен, что встретит этот день с философским спокойствием и достоинством, без ненужных эмоций и надрыва. Однако он даже представить себе не мог, каким трудным и опустошающим будет первое утро его новой жизни. Не первый месяц, не первая неделя и даже не первый день, а почему-то именно утро, которое вообще не играло никакой роли в его планах и размышлениях. В сущности, что такое утро? Всего лишь момент пробуждения, краткий отрезок времени между сном и долгим активным днем, какие-то шестьдесят минут, когда человек вообще ни о чем значительном не думает, а действует машинально по давно заведенному распорядку – идет в туалет, умывается, чистит зубы, бреется, делает гимнастику, принимает душ, завтракает. Мысли, а с ними и проблемы приходят потом, когда он погружается в суету дня, сталкивается с необходимостью что-то обдумывать, принимать какие-то решения, действовать. И вот это первое утро его жизни безработного наступило... Макс сидел на кровати, свесив ноги, поставив их на шлепанцы, и никак не мог решить, что же делать дальше. Такой странный вопрос перед ним никогда еще не возникал. Он был совершенно не готов к нему. Что-то вдруг рухнуло и ушло безвозвратно. И это была даже не сама работа, к которой его мысли будут

еще не раз возвращаться, а всего лишь ежедневная утренняя рутина, которую он прежде вообще не замечал...

Макс не знал, сколько времени просидел на кровати в состоянии какого-то постыдного оцепенения – десять, двадцать, тридцать минут? Наконец, он заставил себя встать и проделать все те утренние процедуры, которые раньше выполнялись им с автоматизмом робота и поэтому не задерживались в памяти. Он никогда до этого не задумывался даже об их последовательности. Но сейчас он вдруг засомневался, что следует делать в первую очередь – чистить зубы или бриться? После некоторого раздумья он все-таки сначала почистил зубы. Затем не спеша проделал всю утреннюю рутину, завершившуюся завтраком, вымыл посуду и оделся. Это заняло у него немислимо долгое время – более двух часов. Закончив дела, он спустился в гараж, сел в машину и выехал на Демгассе. Он доехал до Хейлингенштрассе и остановился на обочине. Постояв минут пять, двинулся дальше, но на ближайшем перекрестке развернулся и поехал обратно. Справедливости ради надо сказать, что, уже садясь в машину, Макс поймал себя на мысли, что делает что-то не то, затевает какой-то самообман, какую-то детскую игру с самим собой. Но противиться такому необъяснимому желанию не стал. Ему было любопытно увидеть как бы со стороны, чем все это закончится.

Итак, он вернулся, поставил машину в гараж и поднялся в дом. Снял костюм, развязал галстук и облачился в серый стеганный халат. Наивная попытка вырваться из цепкого капкана жизни безработного закончилась нелепым конфузом. Больше он такие глупости делать не будет. То, что произошло в это утро, было отражением внезапного замешательства и утраты чувства реальности, которые совершенно выбили Макса из привычной жизненной колеи.

Около часа потребовалось ему, чтобы привести мысли в порядок и начать обдумывать что-то, отдаленно напоминающее план или программу действий на ближайшие месяцы. Без особых сомнений и колебаний он решил, что прежде всего отправится в долгое путешествие. Во-первых, Макс нуждался в смене обстановки, а во-вторых, он давно

мечтал о такой поездке. Путешествия были одним из его главных увлечений. Он побывал во многих странах, но заветным желанием оставалось добраться до экзотических рифовых атоллов Тихого океана с такими таинственными и завораживающими названиями, как Кваджалейн, Раротонга, Капингамаранги. И вот теперь самое время сделать это. Еще в школьные годы Макс придумал для себя увлекательную игру. Брал контурную карту мира и стряхивал чернила с перьевой ручки на акватории океанов. На бумаге появлялись кляксы самых разных размеров и очертаний. Он обводил их и воображал, что это неведомые острова. Затем придумывал им названия, наносил в глубине заливов и бухт портовые города и рыбацкие деревушки, связывал их дорогами. Иногда из островов возникали целые архипелаги. Тогда он возводил их в ранг государств, соединял порты между собой и с окружающими континентами пунктирными линиями, воображая их судоходными трассами, и начинал путешествовать. Так появился у него на всю жизнь интерес к географии, а потом и к геологии.

...Вдруг, будто в виде компенсации за постыдное оцепенение, охватившее его утром, Макс захотелось делать все быстро, энергично, не откладывая на завтра. Он подошел к книжному шкафу и начал снимать с полок книги и туристические проспекты, касавшиеся Тихого океана. Часть этой литературы была сложена двумя высокими стопками наверху шкафа, и пришлось принести лестницу, чтобы достать ее. Разобрав книги, он увидел около стены черный цилиндрический футляр. Макс снял его, вытер пыль, извлек находившийся внутри рулон ватмана и присвистнул от неожиданности. На ватмане было вычерчено генеалогическое древо двух семей, Адлеров и Ландау, которое когда-то давно составили его родители, а затем сам Макс дополнил недостававшими данными. Эта изображенная графически семейная хроника пролежала на шкафу так долго, что Макс совершенно забыл о ней. Была какая-то таинственная предопределенность в том, что он обнаружил ее в столь не простой для себя день, будто многочисленные предки решили именно сейчас напомнить ему о себе и сообщить некий важный семейный секрет.

Макс развернул рулон на столе, придавил углы книгами и стал с интересом рассматривать свою родословную. Теперь он воспринимал ее не так, как тогда, около тридцати лет назад, когда увидел впервые. От того первого знакомства с генеалогическим древом остались лишь смутные воспоминания о множестве имен, которые смешались у него в голове и которые он даже не пытался расположить по степени родства и соотнести с самим собой. Многочисленные Альфреды, Юлиусы, Теодоры, Розы, Клары, Эммы... Те из них, кто составлял одну ветвь древа, не знали о существовании другой ветви, ибо принадлежали к двум разным семейным кланам, соединившимся в некое виртуальное целое лишь благодаря браку Леопольда Адлера и Берты Ландау. И сейчас единственным оставшимся в мире реальным воплощением этого брака, а следовательно, и всего древа, был он, Макс Адлер, сын Лео и Берты. Как выглядели все эти люди, чем увлекались, какими талантами обладали, от чего страдали и чем гордились? Макс этого никогда не узнает. А ведь частицы их индивидуальности, перемешавшись причудливым образом и совершив немислимый генетический твист, перешли к нему и сделали его таким, каков он есть.

***

Макс с любопытством разглядывал сложные родственные связи, обозначенные замысловатым пересечением линий, стрелок и прямоугольников. Слова и цифры внутри них были единственным зримым напоминанием о давно ушедших предках, сведенной до предельного минимума информацией: имя, фамилия, год рождения – тире – год смерти. Вспомнились удивительно точные строки забытого поэта:

Неважно, кто какого чина,
Рожденья год – тире – кончина.
Приходит так конец Игре –
Жизнь умещается в тире...
(перевод автора)

Макс вдруг перестал обращать внимание на имена, которые мало что говорили ему, а сосредоточился на датах,

разделенных короткими черточками. Они поразили его. Неожиданно он обнаружил, что все его многочисленные прадедушки, прабабушки, дедушки, бабушки, дяди и тети с обеих сторон, которые умерли естественной смертью, оставили этот мир в весьма преклонном возрасте – за девяносто, а кое-кто перешагнул и столетний рубеж. Исключением были те, кто сгорел в огне Холокоста. Их возраст был самый разный – от пяти лет и до глубокой старости. Датами их смерти Макс дополнил когда-то генеалогическое древо. Среди них были его дед, родители, старшие брат и сестра...

Максу вспомнились отрывочные эпизоды детства, будто выплывшие из тумана далекого прошлого. Вот какой-то семейный праздник, все собралось в большой гостиной. Ему четыре года, он стоит между коленями прадеда Бруно Ландау, которому уже сто лет. Прадед гладит его по головке и говорит какие-то ласковые слова. Вдруг он забывает нужное слово и просит внучку Берту напомнить его. «Забывчив ты стал, дедушка», – улыбается Берта. «Да, внучка, забывчив стал, – отвечает старик. – Потому и живу». Все смеются. Макс не понимает, что смешного сказал прадед. Иногда он забывал застегнуть ширинку, но над этим, наоборот, смеялся только маленький Макс, и никто больше.

Затем в памяти возникает сарай на опушке леса. Они с отцом входят внутрь. Там их ждет какой-то незнакомый человек. Отец опускается на корточки и прижимается лицом к лицу Макса. Щеки мальчика становятся мокрыми, и он недовольно вытирает их рукавом. Потом отец быстро выходит, а незнакомый человек берет Макса за руку и выводит через заднюю дверь. Там стоит конная коляска. Они долго едут куда-то. С этого дня Макс живет в другой семье. Потом он узнает, что человек в сарае был компаньоном отца. После войны он оплатил его учебу в университете. От него же Макс получил рулон ватмана, лежавший сейчас перед ним, и шкатулку, в которой хранились несколько фотографий, прощальное письмо отца и старинные карманные часы-брегет, принадлежавшие деду Оскару Адлеру.

Макс снова взглянул на даты, указанные в родословной, и подумал, что жить придется долго. Не этот ли секрет решили сообщить ему сегодня многочисленные Адлеры и Ландау, сведенные по прихоти судьбы на одном листе ватмана? Нельзя сказать, что известие о принадлежности к роду долгожителей удивило его. Скорее озаботило. Теперь надо было думать, как распорядиться этим неожиданным подарком. Подарком ли? Раньше он никогда об этом не задумывался, хотя и понимал, что генетика ему досталась неплохая. В свои пятьдесят пять он ни разу не обращался к врачам, если не считать удаления аппендицита лет тридцать назад и лечения ноги, поврежденной на горных лыжах. В зубоврачебном кресле сидел только однажды, когда потребовалось запломбировать два зуба. Макс не знал, что такое боли в сердце или печени, какие страдания доставляют мигрень или запоры. Ему были неведомы муки радикулита или затрудненного мочеиспускания. Такие слова, как диабет, геморрой, импотенция, депрессия, имели для него абстрактное значение. При росте сто восемьдесят он весил ровно восемьдесят килограммов.

Макса нельзя было назвать красивым мужчиной в том смысле, как это понимают женщины. Поэтому они редко обращали на него внимание при первой встрече. Не было у него и того внешнего налета интеллигентности, который отличает человека, родившегося в семье с давними культурными традициями. Высокий лоб не очень гармонировал с несколько грубоватым скуластым лицом, на котором выделялись маленькие, глубоко посаженные глаза и крупный нос. Редкие черные волосы были слегка тронуты сединой. Однако такая внешность не давала истинного представления о нем, что становилось очевидным после непродолжительного общения. Собеседники быстро меняли первое обманчивое впечатление, а женщины начинали видеть другую красоту – не внешнюю, а гораздо более привлекательную внутреннюю.

...Да, жить придется долго, снова подумал Макс. Лет сорок, а то и больше. Чем же заняться, чем заполнить эти годы впереди? Можно, конечно, отправиться в долгое

путешествие, даже на целый год. Его финансовое положение было достаточно прочным, что позволяло не думать о расходах. Ну а потом? Нельзя же все время путешествовать. Как это часто бывает, Макс отличался разносторонними интересами, но у него не было какого-либо хобби, которому можно посвятить свободное время. В молодости он пытался рисовать, но из этого ничего не вышло из-за отсутствия способностей. То же произошло и с желанием писать – оказалось, что сочинять не так-то просто. Не умел он и вырезать по дереву, разводить аквариумных рыбок, копаться в саду, хотя при доме, купленном двадцать лет назад, был приличный участок земли. За цветами и травой ухаживал садовник из фирмы ландшафтного дизайна. К любой так называемой общественной деятельности Макс испытывал хроническую аллергию еще с молодости. Одним словом, всепоглощающего хобби у него не было.

...Макс продолжал рассеянно скользить взглядом по листу ватмана, словно надеясь извлечь еще какую-нибудь информацию о предках. Впрочем, двигали им скорее инерция и вялое любопытство, нежели осознанный интерес или сентиментальность. Рядом с некоторыми именами были приведены данные о месте рождения и профессии. А если речь шла о лицах, породнившихся с семьей, то указывалось их происхождение. Например, около имени жены Теодора Ландау, дяди Макса по материнской линии, было написано: «Клара, дочь адвоката Соломона Вайса из Галиции». Это уточнение «из Галиции» показалось Максиму забавным и привлекло внимание. Если учесть, что поженились Теодор и Клара намного позже распада Австро-Венгрии, когда Галиция уже отошла к Польше, то был в этом уточнении некий наивный снобизм, присущий коренным жителям Вены.

Около имени деда Оскара Адлера тоже стояла какая-то надпись из четырех слов, но язык был не немецкий. Буквы вообще были не латинские. Макс снял с полки энциклопедию и открыл таблицу нелатинских алфавитов. Оказалось, что слова написаны каллиграфическими печатными знаками на иврите. Это озадачило его. Он вспомнил, что отец очень трогательно писал о бабушке

Оскаре. Макс достал из шкафа шкатулку с реликвиями, вынул из нее письмо и стал внимательно перечитывать. Первая страница была очень эмоциональная и касалась родителей, брата и сестры. Хотя со времени их трагической гибели прошло почти полвека, он снова почувствовал комок в горле. Дальше отец переходил к дедушке, и эта часть письма была похожа на какую-то информацию, смысл которой не вполне понятен. Отец писал, что дедушка очень состоятельный человек, но, к сожалению, в силу обстоятельств лишен возможности распоряжаться своим имуществом. Поэтому единственное, что он может оставить Максиму на память, – это золотой старинный брегет. Отец настойчиво просил хранить эту драгоценную вещь, никогда не передавать в чужие руки и не ремонтировать, так как современные мастера могут испортить уникальный механизм. Стрелки брегета были неподвижны, а головка заводного механизма не вращалась. Но как часы они и не представляли никакой ценности. Поэтому у Макса даже не возникала мысль о ремонте. Он просто хранил их в шкатулке как память о дедушке, погибшем в Холокосте. Письмо заканчивалось загадочными словами с каким-то явным подтекстом: «Это наш семейный талисман, который принесет тебе удачу и счастье. Твоя жизнь должна сложиться хорошо. Дедушка Оскар любит говорить, что лучшая месть – это хорошо жить». Когда Макс впервые много лет назад прочитал письмо, то подумал, что эти фразы отражали душевное состояние отца, надежду, что младший сын переживет Катастрофу и станет таким же преуспевающим человеком, как дед. В конце письма был постскрипtum, который казался никак не связанным с его содержанием: «Тебе будет полезно хотя бы немного изучить иврит». Впрочем, это выглядело просто как доброе пожелание.

Макс извлек «талисман» из шкатулки. Часы были увесистые, диаметром более шести и толщиной не менее полутора сантиметров. На циферблате стояло имя французского мастера Брегета. Золотую заднюю крышку украшала витиеватая резьба, на которой читался год изготовления – 1818. Макс начал машинально вглядываться

в завитушки резьбы и вдруг увидел искусно вписанные в них и незаметные при беглом осмотре ивритские буквы. Он подошел к ватману и сравнил их с надписью около имени деда. Оказалось, что буквы на часах составляли три последних слова из надписи на генеалогическом древе. Первого слова на них не было. «Любопытно, – подумал он, – надо будет узнать, что они означают». Заинтригованный, он тщательно перерисовал в записную книжку слова с ватмана, сверяясь с таблицей в энциклопедии. Знаки имели четкие прямоугольные очертания, и копировать их было несложно.

2

Компания «Эрдойль Гезельшафт» была создана в конце двадцатых годов для поисков нефти в районе между Веной и чешской границей. С самого начала она принадлежала нескольким учредителям, ни один из которых, впрочем, не имел контрольного пакета акций. Помимо них было много мелких пайщиков, владевших долями процента каждый. Управлял компанией Совет директоров, который избирался на общем собрании держателей акций и назначал президента и вице-президентов. В него входили, кроме влиятельных представителей финансовых и промышленных кругов, также наиболее крупные акционеры. Самый большой пакет долгое время не превышал десяти процентов. Компания выплачивала хорошие дивиденды, и поэтому никто не хотел продавать свою долю. Но в середине тридцатых годов владельцу десятипроцентного пакета удалось приобрести дополнительные акции, предложив за них выгодную цену, и увеличить свою долю до двадцати пяти процентов. После этого он стал так называемым контролирующим акционером компании и получил постоянный пост вице-председателя Совета директоров. Однако, будучи занят другими бизнесами, он никогда не присутствовал на заседаниях, поручив защиту своих интересов небольшой венской адвокатской фирме «Ленхард и компаньоны», глава которой представлял его в совете и которая, в свою очередь, была младшим партнером швейцарской фирмы «Манфред и Рорвиг».

В марте 1938 года, на следующий день после аншлюса, контролирующий акционер «Эрдойль» продал швейцарской фирме весь свой пакет. Впрочем, эта финансовая операция прошла почти незамеченной в компании и никак не отразилась на ее деятельности. Отто Ленхард по-прежнему продолжал занимать пост вице-председателя Совета директоров, но теперь он представлял адвокатскую фирму «Манфред и Рорвиг». После войны имя бывшего контролирующего акционера никто уже не помнил, даже ветераны компании.

В шестидесятых годах «Эрдойль» вышла на международную нефтяную арену, и ее оперативная активность резко возросла. Она приобрела концессии в нескольких странах третьего мира и успешно вела там разведочные работы. В ее структуре были созданы региональные отделы, курирующие поиски нефти в Африке, Южной Америке, Юго-Восточной Азии и в ряде других районов. Это привело к возникновению партнерских связей с международными корпорациями и национальными нефтяными компаниями.

Три года назад в «Эрдойль» произошло знаменательное событие. Впервые за всю ее историю на одну из руководящих должностей был приглашен иностранец. Им был англичанин Дейв Пауэлл, ставший вице-президентом по зарубежной разведке. Поговаривали, что это назначение имело прямое отношение к более чем тесным связям президента «Эрдойль» Гельмута Келлера с одной из крупнейших британских нефтяных корпораций. Во всяком случае, то, что Пауэлл – человек Келлера, было очевидным для всех. В компании отнеслись к его появлению без энтузиазма. Хотя Совет директоров и утвердил назначение по рекомендации президента, Пауэлл все же оставался темной лошадкой. Поэтому он нуждался в быстром и впечатляющем успехе, чтобы продемонстрировать свое соответствие должности и упрочить профессиональную репутацию. В этом же был заинтересован и пригласивший его Келлер.

В прошлом Пауэлл несколько лет работал в Австралии. И он решил, что именно этот регион больше

всего подходит для такой цели. Он вызвал начальника отдела Юго-Восточной Азии и Австралии Зигфрида Кляйна и затребовал все имеющиеся оперативные геологические и геофизические материалы по региону. Ответственным за эти материалы был Макс Адлер. Так произошло его первое близкое знакомство с новым вице-президентом. Пауэлл приступил к их детальному изучению, изредка обращаясь к Максусу за дополнительными сведениями. Через два месяца было объявлено, что компания приобрела в Новой Гвинее морскую разведочную концессию в западной части залива Папуа около дельты реки Флай (по-английски «муха») и вскоре приступит к своему самому крупному зарубежному проекту. Стало известно, что Дейв Пауэлл сам проанализировал материалы по акватории залива и обнаружил гигантское геологическое поднятие, названное им Биг Флай («Большая муха»), – классический объект для нефтяной разведки. Обычно такие проекты разрабатывал Макс Адлер, а если они поступали от партнеров, то в обязательном порядке передавались ему для экспертного заключения. На этот раз он был отстранен от работы. Пауэлл не собирался делить успех с кем бы то ни было. Далеко не все в компании желали ему удачи. И с этого момента его стали за глаза называть папуасом.

Стоимость проекта была огромной. Но папуасу удалось убедить Келлера в его высокой перспективности и экономической рентабельности, а затем оба они без особого труда добились согласия Совета директоров на получение банковского кредита. События развивались стремительно. «Эрдойль» заключила контракт с фирмой морского бурения «Ошеан Дриллинг» в Лос-Анджелесе, и плавучая буровая установка «Сэми» (*сленговое сокращение английских слов semi-submersible drilling rig – полупогружная буровая установка на двух подводных катамаранах*) вышла в море, взяв курс на Новую Гвинею.

В разгар всей этой лихорадочной активности Зигфрид Кляйн зашел в комнату Адлера.

– Послушай, Макс, что ты думаешь об этой затее?

Адлер молча пожал плечами.

– Это же твой район, – продолжал настаивать Кляйн.
– Должен же ты иметь собственное мнение. Ты что, согласен с папуасом? Там действительно есть эта муха?

– Не знаю, – ответил Макс, – я не видел его интерпретацию. Многое зависит, как ты знаешь, от того, какие сейсмические скорости (*скорость распространения сейсмических волн в разных породах*) он использовал. Я передал ему все, что у меня было, и понятия не имею, как он обработал и экстраполировал данные по ближайшим скважинам на суше, в которых проводился сейсмокартаж (*экспериментальное определение сейсмических скоростей в скважине*).

– У тебя есть копии этих материалов?

– Конечно. Копии карт и другой графики у меня имеются, а остальные данные есть в компьютере.

– Вот что, Макс. Сколько времени тебе потребуется, чтобы проверить все это?

– Ты имеешь в виду расшифровку структуры под водами залива?

– Да, именно это я имею в виду.

– Ну, если работать плотно, то две недели, не меньше.

– Хорошо. Продолжим разговор через две недели. И еще вот что – о том, что ты этим занимаешься, никто знать не должен.

Ровно через две недели Макс позвонил Кляйну: «Приходи. Посмотришь, что получилось». Когда тот вошел, на большом рабочем столе уже лежали карты, профильные разрезы и таблицы сейсмических скоростей. Кляйн, не говоря ни слова, стал внимательно рассматривать их. Он был опытный геолог, настоящий профессионал и сразу все понял.

– Черт возьми, не зря у меня было предчувствие. Значит, все-таки ничего нет. Нет мухи – ни большой, ни малой. Веселенькая история. Что будем делать, Макс?

– Не знаю, Зигфрид. Они так раскрутили маховик, что даже приближаться опасно. Закончится все это плохо.

– Да, закончится плохо. «Сэми» уже подходит к островам Гилберта. Скважина будет стоять сорок

миллионов долларов, а весь проект – около ста. Пахнет грандиозным скандалом. Может, все-таки попытаться остановить эту затею?

– Видишь ли, если бы здесь была только профессиональная ошибка, то попытаться было бы можно. Но за всем этим стоят личные амбиции, и не только Пауэлла, но и Кляйна. Это важнее интересов компании. Сотрут в порошок.

– Да, пожалуй, ты прав. Лучше не связываться. Ну что ж, спрячь все это подальше. И будь что будет. Нас это не касается.

Через несколько дней, на рождественском вечере, который компания традиционно устраивала в итальянском ресторане, Кляйн, как обычно, выпил лишнего, и когда речь зашла о бурении в заливе Папуа, небрежно заметил: «Ни хрена там нет».

– Как нет? – не без удовольствия воскликнул начальник юридического отдела Карл Финк, один из наиболее явных недоброжелателей Пауэлла. – Там же, по словам этого британца, огромное поднятие.

– Нет никакого поднятия. Большая муха улетела, остался огромный мыльный пузырь. Вон Макс может подтвердить, – Кляйн кивнул в сторону стоявшего поодаль Адлера.

– А мы сейчас спросим, – Финк направился к Макс.

В этот момент Кляйн внезапно протрезвел и ухватил его за руку: «Оставь. Я просто пошутил». Но слово вылетело... В компании процветало доносительство. Не прошло и двух дней, как об этом стало известно Пауэлла.

После Нового года Кляйн зашел к Макс. Он был взволнован.

– Послушай, Макс. Папуас каким-то образом узнал о твоей карте. Я только что был у него. Он хочет видеть ее. Мне пришлось сказать, что она у тебя. Извини, дружище, но просто не было выхода.

– Что значит «каким-то образом узнал»? Ведь кроме нас двоих, о ней никто не знает. Я никому не говорил. Ты, что ли, ляпнул?

– Ну что ты! Ты же знаешь, это не в моих интересах. Да и какое это сейчас имеет значение? Главное, что он что-то знает. Я просто зашел предупредить.

– Слушай, Зигфрид, но ведь это было твое задание.

– Разумеется. Я не отрицаю. Но какой смысл говорить об этом Пауэллу? Ты уж как-нибудь постарайся выкрутиться. Одному это сделать проще, чем двоим. Скажи, что поиграл скоростями ради любопытства. Войди в мое положение – у меня же трое детей. Ну, удачи, – бросил Кляйн уже в дверях.

Минут через десять позвонила секретарь Пауэлла и попросила зайти к боссу. «Захватите карту и другие материалы по заливу Папуа», – сказала она.

– Заходите, Макс. Как дела? – приветствовал его Пауэлл. – Принесли что-то интересное? Ну что ж, давайте посмотрим. Макс разложил материалы на столе. По мере того, как папуас разглядывал их, его маленькое птичье лицо становилось пунцовым. Наконец он побагровел весь, от подбородка до лысины.

– Сейсмокаротаж какой скважины вы использовали? – резко спросил он.

– Скважины «Аворро» компании «Тексако».

– На каком основании? Вы что, не видите, что скважина «Дару», пробуренная «Бритиш Петролеум», расположена совсем рядом с нашей концессией, а «Аворро» – на расстоянии тридцати километров от нее?

– Географически это так. Но «Аворро» находится в той же геологической зоне, что и концессия, а «Дару» – в другой зоне, с другим составом пород и другими скоростями. Мне бы не хотелось это говорить, Дейв, но использование скважины «Дару» привело к появлению на вашей карте ложного, несуществующего поднятия.

– Вызывающее и самонадеянное заявление. Что дает вам право утверждать это?

Макс подошел к профильным сейсмическим разрезам и показал на них границы геологических зон. Они были настолько очевидны, что у Пауэлла не нашлось возражений.

– Когда вы построили карту? – спросил он.

- Недели две назад.
- С какой целью?
- Мне было просто интересно. Я ведь курирую этот район, – спокойно ответил Макс.
- Что значит «курирую»? Сейчас я его курирую. И я не просил вас заниматься этим. Вы что, хотели проверить меня? Ваша карта – безграмотная чушь.
- Макс бросил на Пауэлла насмешливый взгляд.
- Не паникуйте, Дэйв. Верните «Сэми» обратно, – сказал он твердо. – Ваша «Большая муха» – это большой блеф.
- Какая наглость! Кто, кроме Кляйна, видел карту?
- Никто.
- Идите. Материалы оставьте здесь.

***

После разговора с Пауэллом положение Макса в компании резко изменилось. Через несколько дней его перевели из большой светлой комнаты, которую он занимал уже много лет, в маленькую полутемную каморку в конце коридора. Коллеги перестали заходить к нему, а встречаясь в вестибюле или в столовой, ограничивались коротким приветствием, а то и просто едва заметным кивком. Зигфрид Кляйн в присутствии других старался не показывать прежние дружеские отношения, а наедине подбадривал ничего не значащими словами: «Держись, Макс, все образуется. Наберись терпения и не падай духом. Вот провалятся они в заливе Папуа и увидят, что ты был прав. Тогда все изменится». Оба они понимали, что тогда-то все и начнется...

Но хуже всего было то, что Макс вдруг перестал получать задания. После проекта, который был начат еще до разговора с Пауэллом и закончен через месяц после него, Кляйн больше не передавал ему материалы для анализа или экспертной оценки. Его не приглашали на технические совещания, его мнением никто не интересовался даже тогда, когда речь шла о регионах, по которым он был признанным специалистом. В откровенной форме ему давали понять, что он должен уйти из компании. В то же время просто уволить его в приказном порядке было невозможно, учитывая

безупречную прошлую работу, которая была документально подтверждена ежегодными оценками, хранившимися в его файле. Наконец Макс не выдержал и пришел к Кляйну.

– Зигфрид, в чем дело? Что происходит? Ты что, думаешь, я уйду добровольно? Не надейся. Только за последние пять лет у меня в активе три новых месторождения, которые приносят компании миллионы. И не забывай – это ты впутал меня в эту историю. Так что в случае чего окажемся на улице вместе.

Кляйн побледнел.

– Макс, дружище, поверь, я здесь ни при чем. Ничего не могу сделать. Всем этим дирижирует папуас. Попробую поговорить с ним, но ничего не обещаю.

На следующий день Кляйн зашел в каморку Макса.

– Ну вот, твое безделье закончилось. Есть срочная работа – оценить перспективы нефтеносности восточной части острова Калимантан и составить детальный план разведки. Срок – два месяца. И учти – ни дня больше. Через три месяца тендер на разведочную концессию.

– Ты шутишь, Зигфрид? Я знаю этот район. Для него и шести месяцев мало. И что значит – ни дня больше?

– Срок определил папуас. Он подчеркнул, что опоздание даже на один день будет считаться невыполнением проекта. Ты, конечно, можешь отказаться. Но срок следующего проекта будет еще менее реальным. А два отказа – повод для увольнения за профессиональное несоответствие. У тебя просто нет выбора. Так что берись за работу, и будем уповать на бога.

– Уповать на бога, которого нет... Ну что ж, давай проектное задание.

Макс начал в тот же день и работал по двенадцать, а иногда и по шестнадцать часов в сутки. Это был изнурительный марафон наперегонки с календарем. Через два месяца, день в день, детальный геологический анализ и план разведки были готовы. Презентация проходила при необычно многолюдной аудитории. Вся компания знала, что предстоит публичная расправа. Поэтому одни пришли из любопытства, другие – из-за профессионального интереса, а третьи, составлявшие специально отобранную группу, – с

целью разыграть заранее подготовленный сценарий и провалить проект. Но справиться с заданием им не удалось. Ни один из них не владел материалом так, как Макс. Поэтому он с легкостью отвечал на каверзные вопросы и парировал критические выступления. В результате его план разведки был принят полностью, без малейших изменений и замечаний. Вскоре после этого Макс узнал, что никакого тендера в этом районе не было, и «Эрдойль» не планировала проведение здесь разведочных работ. Жесткий срок, отведенный для проекта, имел только одну цель – сделать его невыполнимым.

В эти дни впервые в жизни у Макса начались проблемы со сном. Режим работы был намеренно выматывающим. Но, будучи человеком сильным и волевым, он твердо решил, что это не должно повлиять на его физическое и душевное состояние. Однако решить оказалось легче, чем сделать. Он ложился спать в половине одиннадцатого, как обычно. Но сон не приходил, несмотря на невероятную усталость. Вместо этого калейдоскопом пронеслись события прошедшего дня и в голову лезли, вопреки логике и здравому смыслу, какие-то дикие фантазии, всегда на одну и ту же тему – как он отомстит папуасу! Порой месть принимала изощренные формы... Вот он едет ночью по пустынной дороге и видит в кювете перевернутый автомобиль, а в нем раненый Пауэлл. Макс подходит к нему. Их взгляды встречаются. Он улыбается, снова садится в машину и уезжает... Или другая фантастическая картина. Макс становится президентом компании, и теперь судьба Пауэлла в его руках. Он дает ему проектное задание с нереальным сроком. Тот не справляется, и Макс с позором увольняет его... Иногда объектом мести становится Зигфрид Кляйн... Наконец, промучившись час, а то и два, он с трудом засыпает. Утром вспоминает ночные фантазии с содроганием и отвращением. На память приходят слова из письма отца: «Лучшая месть – это хорошо жить». Однажды под утро ему приснился настоящий папуас в набедренной повязке, с кольцом в носу, с которым он познакомился когда-то в Новой Гвинее. Он выходил на берег из залива Папуа и кричал: «Ты украл мою

нефть! Я расскажу об этом Совету директоров!» Папуас приблизился, и Макс узнал в нем Пауэлла. Он протянул ему свою карту, но Пауэлл завопил «безграмотная чушь» и помочился на нее. Макс бросился на него с кулаками... и в этот момент проснулся. Часы показывали без четверти шесть. Пора было вставать. Начиналось новое утро и новый тяжелый рабочий день...

После презентации проекта по Калимантану снова потянулись месяцы вынужденного безделья, а потом вдруг Макс получил еще одно проектное задание с таким же нереальным сроком. И опять блестящая презентация без единого дня опоздания. Такое напряжение не проходило бесследно – он осунулся, глаза ввалились, нервы начали пошаливать.

Тем временем провал в заливе Папуа становился все более очевидным. Поскольку в финансовом отношении это был не рядовой проект, причины неудачи рассматривались на заседании Совета директоров. Пауэлл и Келлер вынуждены были объяснять, как мог произойти такой скандальный просчет. И папуас нашел выход – причиной ошибочной интерпретации геологических материалов, по его словам, были заведомо неправильные значения сейсмических скоростей, полученные им от Макса Адлера. Он также намекнул, что сделано это было умышленно, в отместку за то, что Адлер не был привлечен к проекту. Возмущению членов Совета не было предела. Специально созданная комиссия начала проверку работы Макса за несколько последних лет. И здесь обнаружилось, что из личного файла в отделе кадров исчезли оценки его предыдущих проектов. Никто не мог объяснить, как это произошло...

Упорные и грубые попытки профессиональной дискредитации, в которых участвовало немало коллег, продолжались уже около трех лет. Но ни одного мало-мальски обоснованного повода для увольнения найти не удавалось. И вдруг необходимость такого повода отпала сама собой. Чтобы как-то компенсировать финансовые потери в заливе Папуа, компания была вынуждена сократить бюджет и уволить пять процентов сотрудников. Макс,

конечно, оказался первым в этом черном списке. Вторым был Зигфрид Кляйн, вина которого состояла в том, что он видел злополучную карту и не сообщил о ней. Когда проводится вынужденное сокращение персонала, никаких индивидуальных причин и объяснений для увольнения не требуется.

***

Незадолго до этого в США вышла книга, которая произвела сенсацию в обществе, и особенно в мире большого бизнеса. О ней говорили в СМИ, деловых клубах, компаниях, при частных встречах в кругу белых воротничков. Книга быстро стала бестселлером, а ее автор – национальным героем. Звали его Ли Якокка, а книга была его автобиографией. Макс прочитал ее на одном дыхании. В жизни и карьере этого человека были две вершины, два «Эвереста», как он их называл. Первая вершина – пост президента компании «Форд». Он начал работу в ней молодым инженером и через двадцать четыре года стал вторым человеком после самого Генри Форда, внука основателя автомобильной империи. За восемь лет на посту президента Якокка сделал компанию стабильной и процветающей. Однако в последние три года он стал подвергаться постоянным унижениям и издевательствам со стороны Форда. «В 1975 году он приступил к своему преднамеренному плану уничтожить меня, – говорит Якокка. – В параноидальном мозгу Генри возникло подозрение, что после его смерти я отстраню его сына Эдсела от руководства компанией и завладею ею. Он действовал целенаправленно из месяца в месяц. Моя жизнь превратилась в ад. Я стал пить больше, появилась дрожь в руках. Я чувствовал, что расплзаюсь по швам. Я стал записывать все, что происходило. Жена поддержала меня. Может быть, однажды ты захочешь написать книгу об этом, сказала она. И никто не поверит, что в уважаемой компании было возможно то, через что нам пришлось пройти».

В течение трех лет Форд делал все, чтобы заставить Якокку уйти добровольно. «Почему я не уходил? – на этот вопрос Якокка отвечает следующим образом. – Были две

причины. Во-первых, Форд не является единоличным владельцем компании. Основная часть акций принадлежит частным лицам. И я наивно полагал, что они не допустят увольнения человека, чьи впечатляющие достижения обеспечивают им высокие дивиденды. А во-вторых, я был столь же наивно убежден, что Совет директоров, в котором было много моих личных друзей, не разрешит Форду уволить меня. Я не сомневался, что хотя бы один из них встанет и скажет, что это позор. Якокка приносит компании два миллиарда ежегодно. Если он уйдет, я тоже уйду».

Надежды Ли Якокки не оправдались. Никто не выступил в его защиту. Совет директоров не посмел бросить вызов Генри Форду. В возрасте пятидесяти четырех лет, в день своего рождения, Якокка был уволен без объяснения причин. «Сброшен с Эвереста», как он пишет. Вторым «Эверестом» стал предложенный ему вскоре пост президента компании «Крайслер», которую он спас от банкротства и поставил на ноги. После этого успеха он стал фигурой национального масштаба, и его кандидатура даже выдвигалась в Белый дом.

Историю увольнения, свое душевное состояние и пережитый стресс Якокка описывает подробно и эмоционально, с чисто итальянским темпераментом. Особое место в его драматическом рассказе занимает первое утро жизни безработного, когда им вдруг овладело смутение, и он почувствовал себя потерянным, опустошенным, не знающим, что делать и чем заняться. Макса поразило сходство всего этого с тем, что происходило с ним самим. Как бы объясняя это сходство, Якокка замечает: «Когда ты уволен без причины после многих лет безупречной работы, не имеет значения, кто ты – президент компании или клерк. Психологически это одинаковая катастрофа для любого».

Наиболее болезненным было намеренное унижение, которому подверг его Форд. По условиям контракта, в случае увольнения президенту для поиска новой работы предоставляется полностью оборудованный временный служебный офис. Этим «офисом» оказалась маленькая обшарпанная комната на складе запчастей в нескольких милях от того здания, в котором еще вчера Якокка занимал

роскошный кабинет с ванной и специальным помещением для отдыха. На складе он пробыл менее часа и больше там не появлялся. Но унижения не забыл. Прочитав об этом, Макс вспомнил свою полутемную каморку в конце коридора... Другим поразительным сходством было то, что друзья и коллеги, продолжавшие работать в компании, сразу же прекратили общение с Якоккой. Никто из них даже не пришел на похороны его жены и не прислал соболезнование. «Это был самый большой шок в моей жизни», – пишет Якокка.

Так же как и бывший президент компании «Форд», Макс наивно полагал, что геолог, работа которого привела к открытию не одного нефтяного месторождения, не может быть уволен без причины. Документы об этих открытиях имелись в его личном файле. Решение нашли простое – они были изъяты. Наконец еще одно сходство заключалось в том, что Якокка не скрывает появившуюся у него навязчивую идею отомстить Генри Форду. «Во время бессонных ночей я непрерывно фантазировал, как ударю его в самое больное место. А такие места я знал... За унижение мерзким "офисом" на складе запчастей я был готов убить его физически». Эти строки напомнили Максу его собственные ночные фантазии. «Поразительно, – подумал он, – значит, везде и со всеми это происходит одинаково. Технология расправы в уважаемых организациях одна и та же – будь то Европа или Америка, нефтяная компания или автомобильная, идет ли речь о президенте или инженере. Но Якокке повезло – он взошел на свою вторую вершину и снова стал "хорошо жить". Это была лучшая месть Форду. А у меня впереди только горнолыжные вершины, что, в сущности, не так уж плохо...»

3

Самуэль Маркус, раввин Старой венской синагоги, что недалеко от Юденплац, рассматривал слова в записной книжке Макса.

– Первое слово не очень понятно. Возможно, это чье-то имя. Бергет или Боргет. Без огласовки прочитать трудно (в иврите нет гласных букв; иногда вместо них ставятся специальные знаки – огласовки; брегет пишется «брет»),

что может читаться бергет, боргет, брегет и т. п.). Вы знаете этого человека?

– Может быть, Брегет? – предположил Макс.

– Вполне вероятно. А три других слова читаются так: «фтах эт ха'михсе», что означает «открой крышку».

– Я вам очень благодарен, рабби.

Выйдя из синагоги, Макс мысленно повторил эти слова: «Брегет. Открой крышку». Он вспомнил, что на генеалогическом древе написана вся фраза, а на часах первое слово отсутствует. «Это логично, – подумал он. – Ведь часы и есть брегет. И специально указывать это незачем. А на древе необходимо объяснить, о какой крышке идет речь. Так вот что означал постскриптум об изучении иврита в письме отца...» Уже сидя в машине, он вдруг поймал себя на том, что непроизвольно напевает эти загадочные слова, как некий рефрен. И еще он заметил, что едет домой с особым нетерпением...

Крышка брегета была наглухо прикреплена к корпусу каким-то секретным внутренним зажимом. Макс пришлось повозиться, чтобы открыть ее. Часы оказались полые, без механизма. Чтобы его отсутствие не делало их подозрительно легкими, внутрь была вложена свинцовая пластинка. По существу, брегет был лишь футляром. Макс извлек из него плоский ключ сложной конфигурации с выбитой на нем цифрой «23» и записку на маленьком листке тонкой плотной бумаги, аккуратно сложенном в несколько раз. Текст записки гласил: «Это ключ от принадлежащего Оскару Адлеру сейф-бокса, который находится в офисе "Свисс Бэнк Корпорэйшн" по адресу: Швейцария, Женева, Рю де ла Сите. Номер сейфа 23. Номер счета в этом же банке Р4-644,481.2. В случае смерти Оскара Адлера право доступа к сейфу и счету получают его дети Леопольд, Эмма и Клара, а также их прямые потомки (дети, внуки и т. д.). Сейф абонирован и оплачен владельцем на 100 лет, начиная с 1938 года. Он открывается одновременно двумя ключами, один из которых приложен к данному письму, а второй находится в банке».

***

Роланд Шиллинг, генеральный директор женеvского филиала «Свисс Бэнк Корпорэйшн», внимательно читал документы Макса Адлера и передавал их один за другим юриконсульту Эдварду Верга, на столе которого лежала папка «Оскар Адлер. Счет P4-644,481.2, сейф-бокс 23». Документы включали свидетельство о рождении с данными об отце и матери, а также официальное уведомление специального правительственного бюро о гибели в лагере смерти Маутхаузен Оскара Адлера, его троих детей и пятерых внуков. В уведомлении было указано, что оно выдано в соответствии с запросом Макса Адлера, единственного ныне живущего члена семьи.

– Господин Адлер, – торжественно произнес генеральный директор, когда бумаги были просмотрены, – мы внимательно изучили представленные вами документы и пришли к выводу, что они соответствуют швейцарским законам и уставу нашей корпорации. Мы также пришли к выводу, что вы являетесь законным наследником покойного Оскара Адлера и имеете право доступа к его банковскому счету и сейф-боксу. Однако окончательное подтверждение этого права вы сможете получить только через неделю, после экспертизы документов в нашем главном офисе в Цюрихе. Мы сожалеем, что вынуждены отложить на это время завершение формальностей, и надееемся, что вы отнесетесь к этому с пониманием.

Через неделю Макс снова появился в кабинете генерального директора. Шиллинг встретил его широкой приветливой улыбкой, вышел из-за стола и пожал руку.

– Подтверждение из Цюриха получено, господин Адлер. Поздравляю. Сердечно поздравляю от имени нашей корпорации и от себя лично. Мы надееемся, что вы продолжите семейную традицию и останетесь нашим постоянным клиентом. Могу ли я спросить, господин Адлер, с чего вы хотели бы начать знакомство с вашими активами – с банковского счета или сейф-бокса?

– С банковского счета.

– Прекрасно. Я провожу вас в операционный отдел.

...На банковском счету оказалось 96 миллионов швейцарских франков. Макс подписал необходимые документы, заказал чековую книжку и кредитную карточку. С этого момента он стал владельцем счета и мог распоряжаться им по своему усмотрению.

После ланча в служебном ресторане банка, на который его пригласил Шиллинг, они спустились в бронированное хранилище, где находились сейф-боксы. Здесь Шиллинг представил Максу супервайзера хранилища и попрощался. Макс и супервайзер подошли к сейфу 23. Супервайзер вставил ключ в верхнюю замочную скважину и ушел. Макс вставил свой ключ в нижнюю скважину и повернул оба. Замок открылся легко и бесшумно, будто был смазан только вчера. Макс вынул из стенной ниши длинный металлический ящик, перенес его в закрытую кабинку и поставил на стол. Сейф был почти пуст, и лишь тонкий запечатанный конверт лежал на дне. Макс сел в удобное кресло, вскрыл конверт и вынул из него три сложенных пополам документа. Он развернул тот, что находился сверху. Это был договор, заключенный между Оскаром Адлером и адвокатской фирмой «Манфред и Рорвиг» в марте 1938 года. В нем говорилось, что господин Адлер передает фирме принадлежащие ему двадцать пять процентов акций компании «Эрдойль Гезельшафт» на следующих условиях.

1. Акции остаются собственностью господина Адлера и его наследников.

2. Фирма принимает акции на бессрочное хранение без права продажи всего пакета или любой его части.

3. В силу известных обстоятельств фирма согласна считаться формально юридическим владельцем акций, но де-факто – лишь номинальным.

4. Акции должны быть возвращены господину Адлеру или его наследникам по первому требованию независимо от срока, каким бы длительным он ни был.

5. В качестве вознаграждения за оказанные услуги фирма получает полностью дивиденды, которые будут выплачены компанией «Эрдойль Гезельшафт» за весь период хранения. Помимо этого, при возвращении акций их

юридическому владельцу фирма оставляет себе пять процентов в качестве дополнительного вознаграждения.

...Макс с трудом верил своим глазам. Ему вдруг стало казаться, что это не реальный документ, а лишь одна из его безумных ночных фантазий на тему мести папуасу. Ну конечно же, знакомое видение – он становится президентом компании, и судьба Пауэлла в его руках... Макс тряхнул головой, ущипнул себя и огляделся. Нет, он не спит, а сидит перед сейф-боксом в кабинке хранилища. Для верности он выглянул из нее и посмотрел на десятки других сейф-боксов в стенных ячейках. На сон не было похоже... Он перечитал договор снова, на этот раз – вслух, шепотом. Как бы не доверяя только глазам, он хотел удостовериться в его реальности еще и ушами. Но и глаза, и уши, и пальцы, которыми он недоверчиво ощупывал бумагу, говорили одно и то же: «Отныне ты, Макс Адлер, персона нон грата в компании "Эрдойль Гезельшафт", становишься ее контролирующим акционером и вице-председателем Совета директоров. Твои безумные ночные фантазии превратились в реальность».

«Не слишком ли круто для нормального человека, а не финансового супермена? – подумал Макс с несвойственным ему суеверием. – Такие сценарии можно увидеть в кино, а не в жизни». Неожиданно, без всякой связи с происходящим, вспомнилась рыжеволосая красавица Джулия. Он понял, что никогда не забывал о ней. Просто сейчас память о тех давних событиях получила по некоей загадочной и таинственной ассоциации новый импульс. Где она сейчас? Доходили слухи, что она живет не то в Канаде, не то в Америке. Не удивительно ли, что он вспомнил о ней в хранилище швейцарского банка? Почему он не оказался здесь тогда, двадцать пять лет назад? Все могло бы быть иначе...

Вдруг его мысли сделали еще один зигзаг и пошли в ином направлении. Как это все стало возможно? Макс имел в виду ту почти мистическую случайность, в результате которой он сейчас держит в руках этот фантастический документ. Ведь ватман с генеалогическим древом мог пролежать на шкафу еще тридцать лет, и столько же могли

оставаться незамеченными ивритские буквы на крышке брегета... Если бы не увольнение и вызванное им внезапное импульсивное желание отправиться в долгое путешествие, он никогда бы не полез за туристическими проспектами и не обнаружил рулон в черном футляре... А уволил его Пауэлл. Значит, благодаря ему он сидит сейчас здесь. Как в английской поговорке: «У каждого облака есть серебряная подкладка». Макс не верил ни в Бога, ни в знаки зодиака, ни в приметы. Он верил только в судьбу, в ее предначертанность. И подумал, что это было предопределено, а следовательно, неизбежно. Что – «это»? Вся цепь событий – и появление в компании Пауэлла, и его амбициозная затея с разведкой в заливе Папуа, и задание Кляйна проверить «Большую муху», и последовавшая за этим месть папуаса... Это не хаотическое нагромождение случайностей, не мистика. Это судьба. А судьба так же реальна, как воздух, пища и как сам человек, состоящий из плоти и крови. Если из цепи событий убрать хотя бы одно звено, то конструкция рухнет, судьба не состоится. Но в том-то и заключается главная тайна, что убрать звено невозможно. Это только кажется, что Пауэлл, Кляйн и он сам действовали по своей воле. Все было предопределено, и они не могли не делать то, что делали...

Эти размышления привели мысли и чувства Макса в состояние равновесия и гармонии. Он раскрыл следующий документ. Это была справка о банковских реквизитах и юридическом статусе фирмы «Манфред и Рорвиг». Там же был указан ее адрес – Женева, Рю де Мон-Блан. Последний, третий, документ касался банковского счета, владельцем которого он стал в это утро.

Макс нажал кнопку звонка, вызвал супервайзера и спросил, где можно сделать копии. Тот проводил его в соседнюю комнату. Макс скопировал документы и положил оригиналы в сейф-бокс. Затем вставил его обратно в нишу, закрыл двумя ключами, вернул верхний ключ супервайзеру и вышел в вестибюль. Там он вынул из кейса карту города и нашел Рю де Мон-Блан. Улица оказалась совсем близко от банка. Макс подумал, что за пятьдесят лет адрес фирмы мог

измениться. Поэтому он решил посмотреть на дом просто из любопытства.

Он перешел по мосту на правый берег Роны в том месте, где река вытекает из Женевского озера, и сразу же попал на нужную улицу. Найдя дом, он был приятно удивлен – над простой, но элегантной входной дверью, прямо на облицовочной плите было выгравировано «Манфред и Рорвиг». «Да, для тихой консервативной Швейцарии пятьдесят лет – это вообще не исторический срок, – подумал Макс. – По Европе прокатилась мировая война, а здесь все было и остается неизменным. Дед Оскар не мог выбрать лучшей страны для своей последней финансовой операции». Постояв несколько минут перед домом, он решил, что свой первый визит сюда должен нанести по всем правилам. А для этого нужно сначала позвонить по телефону и назначить время встречи. Он сделает это завтра.

***

Возвратившись в гостиницу, Макс раскрыл телефонный справочник и нашел фирму «Манфред и Рорвиг». Он опять был приятно удивлен: рядом с телефонами ее владельцев стояли имена – доктор Гуго Манфред и доктор Виктор Рорвиг. «Конечно, это не те люди, которые подписали договор с дедом, – подумал он. – Видимо, их сыновья, а скорее всего, внуки». Хотя это и не имело для него никакого значения, но снова повеяло неизменной швейцарской традицией, непоколебимой стабильностью.

Утром Макс позвонил Гуго Манфреду. Он услышал приятный вышколенный голос секретаря. Макс назвал свое имя и сказал, что хотел бы поговорить с доктором Манфредом. Его соединили.

– Здравствуйте, господин Адлер. Чем могу быть вам полезен?

– Я бы хотел встретиться с вами, доктор Манфред, по поводу акций «Эрдойль Гезельшафт», принадлежащих семье Адлер.

– Простите, господин Адлер. Я как-то сразу не связал ваше имя с семьей Адлер. Искренне рад разговаривать с вами. Где вы сейчас находитесь?

– В Женеве, недалеко от вас.

– Прекрасно. Мой компаньон Виктор Рорвиг и я будем счастливы видеть вас в любое время, которое вы сочтете удобным. Если вы хотите приехать сейчас, то дайте нам два часа для подготовки документов.

У Макса возникло ощущение, будто собеседник только и ждал его звонка все эти годы. Никаких лишних вопросов, ни тени удивления, ни намек на неожиданность или сюрприз. Искренняя готовность оказать услуги клиенту. Все это говорило о высшем уровне профессионализма. Они договорились встретиться завтра утром.

Документы оказались в идеальном порядке и были быстро переоформлены на имя Макса. Итак, отныне Макс Адлер стал законным правопреемником деда Оскара и вступил во владение самым большим пакетом акций «Эрдойль Гезельшафт». Он договорился, что один из владельцев фирмы сделает официальное заявление об этом в Вене и представит его в новом статусе Совету директоров и руководству компании.

4

Раввин Самуэль Маркус встретил Макса как старого знакомого.

– Рад видеть вас, господин Адлер. Надеюсь, моя скромная помощь была полезна.

– О да. Весьма полезна. Если позволите, я и в дальнейшем буду пользоваться вашими услугами и советами в делах, в которых не очень сведущ. А сейчас я бы хотел обсудить с вами ряд других вопросов. Во-первых, я хочу построить на новом еврейском кладбище в районе Симмеринг мемориал в память членов семей Адлер и Ландау, погибших в Маутхаузене. И буду признателен, если вы поможете с выбором места и порекомендуете хороших специалистов. Во-вторых, я хочу установить в вашей синагоге мемориальную доску с именами погибших. И в-третьих, я намерен сделать пожертвование синагоге.

– Очень похвальные планы, господин Адлер. Что касается мемориала, то кладбище находится в ведении похоронного братства «Хевра кадиша». Я свяжу вас с ними и уверен, что они отнесутся к вашему желанию с полным пониманием. В отношении мемориальной доски можете положиться на меня. И, разумеется, я вам искренне благодарен за намерение сделать пожертвование.

***

Совместное заседание Совета директоров и руководства «Эрдойль Гезельшафт» было назначено на десять часов утра в понедельник. По случайному совпадению, ровно два месяца назад Макс последний раз переступил порог компании. Утром того памятного дня ему пришлось перенести в машину личные вещи и сдать пропуск. «Всего два месяца, – подумал Макс, – а кажется, что мир перевернулся». Он неожиданно быстро привык к своему новому положению, а главное – пропала бессонница, восстановился ежедневный распорядок, и снова обязательной рутинной стали холодный душ, утренняя гимнастика, вечерняя часовая пробежка по лесным аллеям. Возобновились и визиты к фрау Эльзе. Он вошел в свою прежнюю физическую форму, что отразилось и на его внешности. Но все же иногда перед сном, когда мысли вдруг переставали подчиняться логике и чувству реальности, в сознание нет-нет да закрадывалось сомнение: «А правда ли все это? Не сон ли?» В такие минуты Макс включал ночную лампу, брал с тумбочки договор деда с «Манфред и Рорвиг», пробежал его глазами, успокаивался и быстро засыпал...

Когда Франц Ленхард, сын Отто Ленхарда и глава венской адвокатской фирмы «Ленхард и компаньоны», сообщил банкиру Клаусу Руппе, председателю Совета директоров, что их швейцарский партнер намерен сделать важное сообщение на внеочередном заседании совета, ему, естественно, был задан вопрос: «О чем пойдет речь?». Ленхард, следуя инструкции Манфреда, ответил, что это касается кое-каких технических изменений в юридическом статусе пакета акций, принадлежащих швейцарской фирме. Подробности он не знал.

...До заседания оставалось несколько дней. Макс позвонил своему автодилеру и попросил подготовить «мерседес» последней модели, которым он решил заменить «ауди». В четверг новый серебристый лимузин был доставлен к его дому. В тот же день он встретился с Гуго Манфредом, и они обсудили детали предстоящего заявления на Совете директоров. Было решено, что сначала Манфред сделает краткое информационное сообщение, во время которого Макс будет находиться в соседней комнате. И лишь после того как Манфред назовет его имя, Элизабет Боне, секретарь фирмы, пригласит Макса в зал. Он войдет и займет место, заранее приготовленное для него за большим овальным столом справа от председателя. Благодаря такому сценарию внимание публики не будет преждевременно отвлечено присутствием Макса и позволит ей без помех выслушать сообщение Манфреда.

Гуго Манфред позвонил в офис президента компании и попросил приготовить на понедельник два пропуска для сопровождающих его господина Адлера и госпожи Боне. Фамилия Адлер достаточно распространенная и поэтому секретарь Гельмута Келлера не связала ее с Максом.

***

В понедельник без двадцати десять два лимузина одновременно подъехали к офису «Эрдойль Гезельшафт» и остановились на специальном паркинге для руководства компании. Макс, Гуго и Элизабет поднялись на десятый этаж в так называемом «президентском» лифте и вошли в зал заседаний совета. Никто из сотрудников им не встретился. Гуго и Элизабет остались в зале, а Макс прошел в небольшую смежную комнату, служившую для отдыха и частных бесед.

Ровно в десять появились члены Совета и приглашенные. Каждый занял свое постоянное место. Манфред, сидевший как вице-председатель рядом с Клаусом Руппе, попросил оставить свободное кресло по другую руку от него. В кратком вступлении Руппе сказал, что просьба о внеочередном расширенном заседании Совета поступила от фирмы «Манфред и Рорвиг», которой принадлежит двадцать

пять процентов акций компании, и предоставил слово ее совладельцу.

– Господа, – обратился к собравшимся Манфред, – как вы знаете, наша фирма приобрела пакет акций «Эрдойль Гезельшафт» в 1938 году, что дало нам право занять пост вице-председателя Совета директоров. Все эти годы интересы фирмы в Совете представлял наш младший партнер «Ленхард и компаньоны». В действительности приобретение акций не было обычной финансовой операцией. Согласно договору между предыдущим владельцем пакета и «Манфред и Рорвиг», акции были переданы нам на хранение с условием вернуть их по первому требованию либо самого владельца, либо его наследников. Такой характер договора был обусловлен известными событиями в марте 1938 года. Я должен особо подчеркнуть, что юридическая сторона соглашения не противоречит ни швейцарским, ни австрийским, ни международным законам.

Манфред сделал паузу и вынул несколько листов из лежавшей перед ним кожаной папки. Напряжение в зале нарастало. Все понимали, что главное еще впереди, и с нетерпением ожидали его.

– Владелец акций и почти вся его семья погибли в Маутхаузене, – продолжал Манфред. – Но его внук, к счастью, жив и недавно связался с нашей фирмой. Он представил все необходимые документы, не оставляющие сомнений, что является законным наследником и правопреемником своего деда. Вот договор о возвращении ему акций, о которых идет речь, за вычетом пяти процентов, предусмотренных в виде гонорара «Манфред и Рорвиг», – Манфред взял со стола документ и показал его присутствующим. – Я уполномочен сообщить уважаемому собранию, что отныне, согласно уставу компании «Эрдойль Гезельшафт», пост вице-председателя Совета директоров переходит к юридическому лицу, которому принадлежит пятая часть ее активов, что обеспечивает ему статус контролирующего акционера. А теперь позвольте мне назвать имя. Многим из вас оно хорошо известно.

Манфред выдержал паузу и обратился к Элизабет Боне, сидевшей в кресле около двери в смежную комнату.

– Элизабет, пригласите, пожалуйста, господина Макса Адлера.

В первый момент в зале повисла тишина. Но через короткое мгновение она сменилась глухим нарастающим шумом. Послышались возгласы удивления и недоумения. Кое-кто, не веря своим ушам, переспрашивал имя у соседей. Когда Макс вошел, шум моментально прекратился. Он держался уверенно и с достоинством и прямо от двери решительно направился к свободному креслу справа от Клауса Руппе. Прежде чем сесть, Макс медленно обвел взглядом присутствующих, улыбнулся и отчетливо произнес: «Здравствуйте, господа. Рад видеть вас снова». Затем сел и после небольшой паузы продолжил:

– Я полагаю, доктор Манфред сообщил вам необходимую информацию. Хочу лишь добавить, что я намерен самым активным образом участвовать в делах компании. Главным направлением моей работы будет зарубежная разведка. В последнее время у нас не все благополучно в этой области. Поэтому я решил взять ее под свой контроль и разобраться в причинах неудач. Я убежден, что в венском офисе и в наших зарубежных филиалах работают прекрасные специалисты. И если мы сможем более эффективно использовать их знания и опыт, то добьемся успеха. А теперь я готов ответить на вопросы.

В зале снова воцарилась тишина. Все были поражены, с одной стороны, краткостью и резкостью выступления, а с другой – его деловым характером. Макс увидел краем глаза, как Дейв Пауэлл незаметно положил под язык таблетку. Наконец люди стали приходить в себя. Первым решился сломать лед начальник юридического отдела Карл Финк, который был в приятельских отношениях с Максом до его конфликта с папуасом.

– Господин Адлер, не знаю, как вас теперь называть... – он смущенно улыбнулся.

– Так же как и раньше, – ответил Макс.

– О'кей. Макс, прежде всего я искренне поздравляю тебя и не сомневаюсь, что твоя работа принесет компании

большую пользу. А во-вторых, не могу не спросить... – Финк замялся. – Почему мы не знали об этом раньше? Я имею в виду то, что тебе принадлежит этот прелестный пакет.

– Ты хочешь честный ответ или уклончивый? – Макс улыбнулся.

Такой чистосердечный вопрос разрядил обстановку. Многие заулыбались, кое-кто одобрительно рассмеялся.

– Хотелось бы честный. – Финк тоже улыбнулся.

– Если честно, то раньше я и сам об этом не знал, – сказал Макс с подкупающей откровенностью.

Все засмеялись. Слово взял Гельмут Келлер:

– Позвольте искренне поздравить вас, дорогой Макс, от своего имени и от имени руководства компании. Хочу воспользоваться случаем и лишний раз подчеркнуть, что я всегда был самого высокого мнения о ваших личных и профессиональных качествах. Я совершенно убежден в правильности вашего решения взять под контроль зарубежную разведку. Вы можете рассчитывать на мою полную поддержку и сотрудничество.

– Спасибо, Гельмут, – сухо сказал Макс (раньше он не называл президента по имени, но ситуация изменилась).

После Келлера еще несколько человек высказались в таком же духе. Последним выступил Клаус Руппе.

– Господин Адлер, – почтительно обратился он к Макс, – к сожалению, раньше я не был знаком с вами лично. Но мне приходилось неоднократно слышать, что вы прекрасный специалист. И я искренне рад, что такой профессионал, как вы, занял пост вице-председателя нашего Совета. Надеюсь на дружеское и плодотворное сотрудничество.

Макс и Руппе встали и обменялись рукопожатием. Раздались дружные аплодисменты. Как только заседание закончилось, вокруг Макса столпились те, кто не успел засвидетельствовать лояльность. Они пожимали ему руку и поздравляли, каждый в меру своей велеречивости. Был среди них и Дейв Пауэлл...

Офис Макса был оборудован на одиннадцатом этаже, над офисами президента и вице-президентов. К просторному кабинету примыкали комфортабельная комната отдыха и ванная. В приемной было готово рабочее место секретаря, но пока оно пустовало. Макс вызвал начальника отдела кадров Юргена Фолкмана, чтобы обсудить вопрос о кандидатуре.

– Есть два варианта, – сказал Фолкман, – или подобрать кого-нибудь в компании, или обратиться в агентство по трудоустройству.

– Второй вариант предпочтительнее, – решил Макс. – Займитесь этим, Юрген. И не откладывайте. Офис может работать без шефа, но не без секретаря. Интервью с кандидатами проведите сами. Мои условия просты – профессионализм, приятная внешность и неглупое лицо. Но оно не должно быть слишком обезображено интеллектом.

Фолкман понимающе улыбнулся.

– Возраст? – спросил он.

– Ах да, возраст. Ну, скажем, от тридцати до сорока.

– Хорошо, займись этим безотлагательно. А пока пришло кого-нибудь временно.

Было заметно, что Фолкман хочет что-то сказать, но не решается.

– У вас есть что-то еще? – спросил Макс

– Да, если позволите. Это касается вашего файла. Помните те пропавшие документы? Они нашлись.

– Вот как. Приятная новость, – Макс усмехнулся, – когда-нибудь вы мне расскажете об этом подробно...

– Могу сейчас, если хотите.

– Сейчас не надо. Можете идти.

***

Пауэлл и Келлер разговаривали уже около получаса, но Келлер продолжал делать вид, будто впервые слышит то, о чем говорит вице-президент.

– Не понимаю, куда вы клоните, Дейв? – спросил Келлер и удивленно посмотрел на Пауэлла.

– Я бы не ставил вопрос таким образом, Гельмут. Я никуда не клоню, а просто хочу, чтобы вы поняли – мы оба в

одной лодке. И если вы думаете, что Адлер отыграется только на мне, то заблуждаетесь.

– Не могли бы вы объяснить свою мысль более понятно? О какой лодке вы говорите? И за что Адлер должен на мне отыгрываться?

– Вот как. Надеюсь, вы не забыли, что мы поступили с ним, как бы это сказать помягче, ну, что ли, не вполне корректно. И мало найдется на свете людей, способных простить это.

– Почему вы все время говорите «мы»? Это были ваши личные отношения, и вам не следует впутывать меня в свои дела. Вы упорно твердили, что Адлер не отвечает профессиональным требованиям. В конце концов, он работал в отделе, который подчиняется вам. А мой принцип – не вмешиваться в отношения между подчиненными.

– Да, но я согласовывал с вами каждый шаг.

– Не помню. Если бы это было так, то противоречило бы указанному принципу. Следовательно, ваше утверждение не соответствует истине. Элементарная логика. Что же вы все-таки хотите, Дейв?

– Я хочу, чтобы мы вместе пошли к Адлеру и выяснили его намерения относительно нас. Неопределенность меня убивает. Если потребуется, я готов просить у него прощения. И хочу, чтобы вы сделали то же. Меня не устраивает роль единственного козла отпущения. Не забывайте, что нам под шестьдесят. И если мы окажемся на улице, то вряд ли найдем достойную работу. Но если даже и найдем, то потребуется референс от Совета директоров. А он теперь в руках Адлера. Двадцать процентов обеспечивают ему решающий голос. Все это буквально лишает меня сна.

– Не знаю, Дейв, не знаю. Мне искренне жаль вас. Я сплю спокойно. И следуя вашей логике, я не чувствую ни малейшей вины. – Келлер говорил неправду. На самом деле у него тоже появилась бессонница и он тоже был обеспокоен своим будущим, но решил во что бы то ни стало дистанцироваться от Пауэлла. – Поэтому не могу принять ваше неуместное, и я бы даже сказал, наивное предложение. Если хотите, идите к Адлеру один. Но предупреждаю: не

вздумайте говорить ему то, что вы сейчас здесь наптели. Прошу прощения за резкость. Только поставите себя в более трудное положение. Мой вам совет – не дергайтесь. Проявите знаменитую британскую выдержку. Так это, кажется, называется. – Келлер усмехнулся.

– Ну что ж, Гельмут. Тогда мне остается напомнить, что условием моего перехода в «Эрдойль» была продажа вам части принадлежавших мне акций «Кинг Эксплорэйшн» по цене ниже рыночной. И если вы загоните меня в угол, то я вынужден буду рассказать об этом Совету директоров. Мы с вами скованы одной цепью. Вы просто обязаны помочь мне.

– Вы с ума сошли, Дейв! Бессонница лишила вас рассудка. О каких акциях вы болтаете? Мой брокер постоянно покупает и продает ценные бумаги. Я ему полностью доверяю и не сомневаюсь, что он действует в моих интересах. В подробности я не вникаю. Вы что, решили шантажировать меня и сделать своим врагом? Подумайте как следует.

– Хорошо, я подумаю, – сказал Пауэлл и вышел из кабинета.

6

Макс с удивлением обнаружил, что многие хотят встретиться с ним и сообщить «важную информацию». Одни прямо говорили, что она касается происходившего вокруг него за последние три года. Другие ограничивались лишь общими словами, намекая на то, что их рассказ, возможно, заинтересует его. Он догадывался, о чем все они хотят говорить. Макс знал об этом достаточно, а детали его не интересовали. Поэтому он не спешил приглашать добровольных информаторов. Единственное, что было ему не вполне ясно, это их мотивы. Впрочем, у каждого они были, по-видимому, свои. Он понимал, что если позволит открыть этот ящик Пандоры, то работать будет трудно – если вообще возможно.

Еще в самые первые дни он вдруг с облегчением почувствовал, что у него нет ни малейшего желания сводить счеты, мстить, устраивать разборки. Сумеречные фантазии, вызванные бесследно прошедшей бессонницей, исчезли

вместе с ней. Прав был Конфуций: «Избежавший сражения выиграл его». Эта мудрость справедлива для любого конфликта, независимо от его природы и масштаба. В памяти снова и снова всплывали слова деда Оскара: «Лучшая месть – это хорошо жить». Понятие «жить» не ограничивалось, конечно, только материальной стороной. Оно охватывало человеческое существование в самом широком смысле – работа, возможность и право принятия решений, реализации своих профессиональных и моральных принципов. Ну и, разумеется, финансовая независимость. Все это у Макса теперь было. Так стоит ли унижать себя и других недостойным сведением счетов? Еще царь Соломон предупреждал: «Не спеши мстить, ибо мстительность обитает в груди глупцов».

Правда, один человек занимал особое место в этих размышлениях. И им был, конечно, Дейв Пауэлл. По всем профессиональным и нравственным критериям он заслуживал наказания. Не мести, но справедливого наказания. И это стало для Макса настоящей моральной проблемой. Что делать с папуасом? У Макса было достаточно власти и законных оснований, чтобы вышвырнуть его из компании. Никто не встал бы на его защиту, а многие были бы рады этому. За месяц, прошедший после заседания Совета директоров, Макс ни разу не встретился с ним. Но он хорошо представлял себе, что тот должен думать и чувствовать. Он, конечно, ждет разговора с Максом. И ждет расплаты. Это соответствует его собственным понятиям о том, как следует расправляться с негодными. Такое ожидание еще более мучительно, чем само увольнение. Возможно, даже у него началась бессонница и в сумеречное время он проклинает Макса. Интересно, проклинает ли он себя? До какой черты раскаяния и унижения он способен дойти, чтобы удержаться в компании? Макс не сомневался, что папуас готов просить прощения. В его возрасте нет шансов найти другую работу, равную нынешней. А на рядовую должность бывших вице-президентов не берут. Вероятно, Пауэлл считает, что вся эта затянувшаяся неопределенность лишь часть изощренной мести, которую задумал Макс. На самом деле никакого

специального плана у него не было. Он просто не знал, что делать, и поэтому откладывал разговор. В конце концов Макс решил, что разговор неизбежен, а результат его будет зависеть только от честности и искренности Пауэлла. Поэтому он не стал принимать решение заранее. Макс вызвал секретаря.

– Эрна, отметьте, пожалуйста, у себя вызов Дейва Пауэлла в следующий четверг, на конец дня. Сообщите ему об этом в четверг утром.

– Хорошо, господин Адлер.

Фолкман остановил свой выбор на Эрне после интервью с несколькими десятками претенденток на эту должность. Она обладала всеми нужными качествами – профессионализмом, исполнительностью, мягкими манерами, приятной внешностью. Ее особым достоинством было умение держать дистанцию и с посетителями, и с шефом. Эрна обозначила ее с первого дня и сделала это с большим тактом. Ростом немного ниже среднего, она выглядела на тридцать лет, хотя была несколько старше. Макс был доволен тем, как она выполняла свои обязанности, и сказал об этом Фолкману.

– Рад слышать это, Макс. Буду счастлив оказывать вам услуги и в дальнейшем.

Макс обратил внимание, с какой готовностью сотрудники компании берутся выполнять его просьбы и распоряжения и какой радостью озаряются их лица после его благодарности. Было в этом что-то неестественное, преувеличенное...

Через полчаса Эрна сообщила, что на линии Дейв Пауэлл. «Он просит соединить его с вами. Я, конечно, еще не говорила ему о вызове в четверг. Он сам позвонил», – сказала она. Макс снял трубку.

– Слушаю вас, Дейв.

– Макс, я хотел бы поговорить с вами. Не могли бы вы принять меня сегодня?

Макс почувствовал, что Пауэлл нервничает.

– Что-нибудь срочное?

– Для меня – да.

– Хорошо. Давайте за полчаса до конца работы. Вас устраивает?

– Да, конечно. Спасибо.

***

Пауэлл заметно изменился. Он похудел, левый глаз подергивался, взгляд стал какой-то потухший.

– Неважно выглядите, Дейв. Плохо себя чувствуете?

– Вид соответствует самочувствию. Макс, мне бы хотелось быть предельно честным и откровенным. Иначе нет смысла начинать разговор. Могу я рассчитывать на беседу в таком духе?

– Разумеется. Все зависит от вас. Я, так же как и вы, не намерен ходить вокруг да около.

– Хорошо. Мне трудно начать. Впрочем, мы оба знаем, что произошло. И, как ни странно, это облегчает задачу. Вы были несправедливо и незаслуженно уволены. Перед этим вы подвергались недостойным унижениям. Тяжело говорить об этом, но значительная часть вины лежит на мне.

– Что значит «значительная»? Вы хотите сказать, что кто-то еще разделяет ее с вами?

– Да. Келлер. Когда я сообщил ему о вашей злополучной карте, он сказал, что если нас ждет провал в заливе Папуа, то лучше, чтобы никто не знал о ней. Иначе выяснится, что мы получили предупреждение и проигнорировали его. Одно дело – просто неудача, от которой никто не застрахован. И совсем другое – неудача, которую можно было избежать. Особенно в данном случае, когда речь шла о десятках миллионов долларов.

– И вы решили убить того, кто принес плохую весть? Kill the messenger (*убей гонца – англ.*)

– Звучит слишком прямолинейно, но, к сожалению, это так. Не могу отрицать. Келлер был полностью осведомлен о тех шагах, которые предпринимались против вас, и санкционировал их. Больше того, он даже ужесточал их. Например, первоначальный срок проекта по Калимантану был три месяца, но он сократил его до двух. Не примите за лесть, Макс, но мы были поражены тем, как блестяще вы справились с практически невыполнимым

заданием. В глазах Келлера это сделало вас еще более опасным.

– А в ваших?

– Ну что ж. Я должен быть честным. В моих тоже. Несправедливо все валить на Келлера. Мое положение в компании было более уязвимым, чем его. Я был новый человек, к тому же иностранец. И разведка в заливе Папуа была моей идеей. Правда, Келлер ее поддержал и как бы стал соавтором проекта. Он тоже нуждался в быстром крупном успехе. Одним словом, наши личные интересы совпали. И тут появились вы, Макс, с этой ужасной картой. Я просто запаниковал, потерял голову и повел себя не поджентльменски, мягко говоря. Сказать, что я сожалею, – значит ничего не сказать. Я чувствую себя по уши в дерьме.

– Кто распорядился изъять документы из моего файла в отделе кадров? – перебил его Макс.

– Распорядился я, но предложение исходило от Келлера.

– Скажите, Дейв, каковы ваши личные отношения с ним? Когда он пригласил вас на должность вице-президента, многие в компании были удивлены. Что связывало вас с ним до этого?

Пауэлл напрягся. Левый глаз начал дергаться сильнее. Макс это заметил.

– Ничего особенного. Только общие деловые и профессиональные интересы. Я работал старшим менеджером в «Кинг Эксплорэйшн». Мы и «Эрдойль» были партнерами на нескольких блоках в Австралии и Индонезии. Тогда я и познакомился с Келлером. Ему понравился мой подход к разведочным проблемам, и он предложил мне пост вице-президента.

– Хорошо. Напоминаю, Дейв, мы договорились об абсолютной честности и искренности. Вы хотите сказать что-то еще?

– Да. Так вот, я по уши в дерьме. У вас, Макс, есть достаточные моральные и профессиональные основания уволить меня. Я даже не могу надеяться на «золотой парашют» (*«Золотой парашют» – оговоренная в личном контракте крупная денежная компенсация, выплачиваемая*

высшим руководителям компании в случае увольнения. Это обязательство теряет силу, если поводом для увольнения служит грубая профессиональная ошибка, причинившая большой ущерб компании, или серьёзное нарушение морально-этических норм). Но дело не только в деньгах. Мне пятьдесят восемь лет, и я просто не готов оказаться на улице – ни морально, ни физически. Понимаю ваши чувства ко мне и все же не могу не сделать попытку начать новую страницу в наших отношениях. У меня две просьбы. Первая – если можете, простите то зло, которое я причинил вам. Поверьте, я глубоко и искренне раскаиваюсь. И вторая – я бы хотел остаться в компании в каком-нибудь профессионально достойном статусе. Полагаю, что я неплохой геолог и смогу принести пользу.

– Дейв, вам знакомо имя Ли Якокка?

– Ли Якокка? Это, кажется, бывший президент компании «Форд», который потом перешел в «Крайслер». Вы о нем говорите?

– Да, тот самый. Вы читали его автобиографию?

– Нет, не попадалась.

– Прочитайте. Настоятельно рекомендую. А теперь о ваших просьбах. Давайте по порядку. Не в моих правилах бить лежачего. А вы, Дейв, сейчас именно в таком положении. Кроме того, вы сами себя наказали. Это избавляет меня от неприятной необходимости делать это еще раз. Что касается прощения, то договоримся так: я вас прощаю, но ничего не забываю. И можете мне поверить – я никогда не напому вам об этом, если вы сами не дадите повод. А насчет работы мое мнение таково. Хороший специалист – не всегда и не обязательно порядочный человек. И наоборот, порядочный человек не обязательно хороший специалист. Ваши человеческие качества мне ясны. И с этим ничего не поделаешь. Но у меня нет четкого представления о том, какой вы геолог. Допускаю, что ваша ошибка со скоростями в заливе Папуа лишь досадное недоразумение. «Эрдойль», как и любая другая компания, – это не конгрегация ангелов и не клуб джентльменов. Каждый ценится по тому вкладу, который вносит в главное дело – увеличение прибылей компании и дивидендов

акционеров. Поэтому решение вопроса о работе возможно лишь после того, как я смогу оценить ваши профессиональные качества. А для этого вы должны выполнить самостоятельный проект, включающий полный аналитический цикл – расшифровка геологической структуры концессии, оценка ее нефтяного потенциала, составление плана разведочных работ, определение степени их риска, экономический анализ. Вам будет дан достаточно реальный срок, после чего мы вернемся к вопросу о вашем статусе. На время проекта формально сохраняется ваша нынешняя должность. А сейчас возьмите двухнедельный отпуск и приведите себя в форму. Проектное задание получите по возвращении. Вот все, что я могу сказать по поводу ваших просьб. Вас устраивают эти условия?

– О да, Макс. Более чем устраивают. Спасибо.

– Хорошо. Разговор должен остаться между нами. Можете идти.

***

Через две недели Пауэлл снова появился в кабинете Макса. Он выглядел спокойным, посвежевшим, глаза оживились.

– Ну вот, теперь я вижу перед собой прежнего Дейва Пауэлла, – улыбнулся Макс.

– Спасибо, Макс. Не боюсь признаться – я сильно переменялся. Заглянул в себя, покопался в душе, многое обдумал и переосмыслил. Имел обстоятельную беседу со своим пастором. Я ведь принадлежу к англиканской церкви. И конечно, прочитал внимательно Ли Якокку.

«Поздновато вспомнил о Боге. Надо было побеседовать с пастором раньше...» – подумал Макс, но спросил о другом.

– А, прочитали? Ну и как?

– Очень поучительная и впечатляющая история. Ее должен знать каждый, кто распоряжается судьбами других. Меня особенно поразили его откровенные слова о том, что, оказавшись уволенным, он сразу же вспомнил всех тех, кого уволил сам, и мысленно отождествил себя с каждым из них.

– Да, помню эти слова. Не зря я рекомендовал вам книгу?

– Нет, не зря. Спасибо.

– Теперь о проекте. Вам приходилось работать в Альберте?

– Нет, не приходилось.

– Это хорошо. В таком случае у вас будет преимущество непредвзятого подхода к разведочной проблеме. А проблема очень сложная. Давайте посмотрим карту.

Они подошли к рабочему столу, на котором лежала детальная карта северной части провинции Альберта. Обширный район Стин Ривер на границе с Северо-Западными территориями был обведен красным фломастером.

– Вот этот район, Дейв. Площадь двенадцать тысяч квадратных километров. На протяжении последних пятнадцати лет разведка здесь проводилась в разное время более чем двадцатью компаниями. Пробурены около ста сорока скважин и открыты только два небольших месторождения. Сейчас разведка почти полностью прекращена. Но я убежден, что нефтяной потенциал района достаточно высокий и не ограничивается этими открытиями. Для успешной разведки необходима принципиально новая геологическая концепция. Вот почему я сказал о преимуществе непредвзятого подхода. Над вами не довлеют идеи и представления, которые лежали в основе прежних поисковых работ. Вы должны заново осмыслить и проанализировать все геологические и геофизические материалы, изучить керн (*образец породы, извлекаемый в процессе бурения из разведочных скважин*). Попытайтесь разработать собственную концепцию. Для этого нужно хорошее знание как правильных, так и ошибочных решений при разведке множества открытых ранее месторождений. Знаете, что отличает шахматных гроссмейстеров от рядовых игроков? Они опираются на знание бесчисленных прошлых игровых позиций. Для нас игровая позиция – это стратегия и тактика изучения разведочного блока. Через шесть месяцев правительство Альберты проводит тендер на разведочные концессии в этом районе. Поэтому я должен получить окончательные результаты ваших исследований не позже,

чем через пять месяцев. Основную часть работы будете выполнять в Канаде. Я дал указание нашему филиалу в Калгари оказать вам всяческое содействие. У вас есть вопросы, Дейв?

– Пока нет. Как будто бы все ясно.

– Хорошо. В таком случае – вот проектное задание. – Макс протянул Пауэллу несколько переплетенных страниц. – Да, кстати, когда вы последний раз работали с керном?

– Лет десять назад.

– Ну что ж, вам будет полезно освежить свои навыки. Для меня нет ничего более волнующего и информативного, чем образцы пород, поднятых с глубины нескольких тысяч метров. Они как бы позволяют заглянуть в чрево Земли. Керн – это главный и объективный свидетель того, что происходило там миллионы лет назад. И если вы зададите этому свидетелю правильные вопросы, то получите правильные ответы. Желаю успеха, Дейв.

– Спасибо, Макс.

7

Макс и Гуго Манфред пообедали в ресторане делового клуба. Они обсудили ряд юридических вопросов, и Гуго, у которого была еще одна встреча, ушел первым. Макс остался и заказал десерт. В этот момент к нему подошел незнакомый человек небольшого роста и неопределенного возраста, с круглой лысой головой и роговыми очками на крупном носу.

– Здравствуйте, господин Адлер. Приятного аппетита. Меня зовут Дитрих Хаузер, брокер. – Он положил на стол свою визитную карточку. – Мне бы хотелось поговорить с вами, если не возражаете.

Макс жестом указал на стул.

– Надеюсь, я не помешал. О вас сейчас много говорят в деловых кругах, господин Адлер. То, что произошло в «Эрдойль», вызвало большой интерес у всех – бизнесменов, финансистов, журналистов. Не буду скрывать, у меня вопрос чисто профессиональный. Судя по газетам, вам принадлежит двадцать процентов акций компании. Должен заметить – впечатляющий пакет. И я подумал, не хочет ли господин Адлер увеличить его и сделать еще более

впечатляющим. Вам интересно то, что я говорю? – Хаузер вопросительно посмотрел на Макса.

– Продолжайте.

– Спасибо. Так вот, я мог бы провести анализ рынка ценных бумаг и приобрести для вас дополнительный пакет. Смею уверить, у меня есть достаточный опыт работы с акциями нефтяных компаний. И мои клиенты всегда остаются в выигрыше. Не буду называть имена, но среди них есть и ваши коллеги из «Эрдойль». Для одного из них мне удалось приобрести на очень выгодных условиях пакет акций большой английской нефтяной компании. – Хаузер был говорлив, как всякий брокер.

При упоминании большой английской компании у Макса внезапно возникла смутная реминисценция. Даже не реминисценция, а некая необъяснимая интуитивная догадка, которая приходит казалось бы ниоткуда, из воздуха, но затем подкрепляется доказательствами и превращается в уверенность. Единственной зацепкой, своего рода сигналом, послужила прошлая работа Пауэлла в «Кинг Эксплорэйшн» и то смятение, которое вызвал у него вопрос о личных отношениях с Келлером до перехода в «Эрдойль». Но догадку надо было проверить, не вызвав подозрений собеседника.

– Английской компании? – переспросил Макс. – Насколько я знаю, сейчас не время покупать их акции. Стоимость слишком высока. Покупать надо было года три назад.

– Приятно иметь дело со специалистом, господин Адлер. Я сделал это именно тогда. И заметьте, моему клиенту они обошлись на восемнадцать процентов дешевле даже тогдашней низкой цены. Представляете, сколько он может заработать на них сейчас?

– Представляю. Да, это было хорошее время для покупки. Помню, тогда был особый спрос на акции «Кинг Эксплорэйшн». Уж не о них ли вы говорите, господин Хаузер?

На лице брокера отразилось явное изумление.

– Господин Адлер, вы проницательный человек. Имена клиентов и названия компаний – это

профессиональная тайна. Но раз уж вы сами догадались... Да, это был «Кинг». Не лучше ли закончить этот рискованный экскурс в прошлое, а то вы, чего доброго, назовете имя клиента. – Хаузер натянуто улыбнулся.

– Хотите услышать его?

– Ну, знаете ли... Это уж чересчур... Я вам ничего не говорил. – Хаузер вдруг не на шутку встревожился.

– Нет, конечно. Вы не говорили. Но оно написано у вас на лбу – Гельмут Келлер.

Брокер непроизвольно закрыл лоб ладонью. Макс рассмеялся.

– Это надо было делать раньше, господин Хаузер. Я успел прочитать. А сейчас выше вашей ладони появилось еще одно имя – того, кто продал акции Келлеру.

– Я вас умоляю. Ради бога, – взмолился брокер. – Это была строго конфиденциальная сделка. Вы меня погубите.

– Не беспокойтесь. Наш разговор такой же конфиденциальный, как и сделка между Келлером и Пауэллом.

Хаузер вскочил со стула.

– Рад был познакомиться, господин Адлер... В другой раз... Извините, сейчас спешу... – Он схватил со стола свою визитную карточку и почти выбежал из ресторана.

***

Макс вошел в приемную управляющего банком в точно назначенное время.

– Здравствуйте, господин Адлер, – улыбнулась секретарь. – Господин Руппе ждет вас.

– Рад видеть вас у себя, дорогой Макс, – Руппе вышел из-за стола и протянул руку. Давайте присядем за боковой столик.

Они устроились в удобных креслах и, перед деловым разговором, обменялись несколькими фразами о погоде и курсе акций.

– Дорогой Клаус, – начал Макс, – я бы хотел обсудить с вами деликатную проблему. Речь пойдет о Гельмуте Келлере. Мне стало известно, что три года назад,

когда он пригласил Пауэлла на должность вице-президента, между ними была заключена сделка. Пауэлл продал Келлеру часть своего пакета акций «Кинг Эксплорэйшн» по цене ниже рыночной. Я даже знаю, насколько ниже – на восемнадцать процентов. Другими словами, Келлер получил взятку, или, называя вещи своими именами, продал должность. У меня был обстоятельный разговор с Пауэллом, но эта сделка не была им упомянута. Я знаю о ней из другого источника. Такова проблема.

– Невероятно! – воскликнул Руппе. – Почти как в той нашумевшей истории с итальянской фармацевтической фирмой. Но там было чисто мафиозное дело. Насколько надежен ваш источник?

– Достаточно надежен. Но мы можем проверить информацию. Для этого я и пришел к вам. Я предлагаю пригласить Келлера и прямо заявить ему, что нам это известно. Посмотрим, какова будет реакция. Если он признается, то у нас останется только один выход – уволить его. В этом случае о «золотом парашюте» не может быть и речи. Единственная уступка, которую можно сделать, – не начинать уголовное расследование. Каково ваше мнение?

– Вы сами сказали, Макс, – если он признается. А если нет? Если он будет все отрицать, а у вас не найдется веских доказательств? Представляете, в каком положении мы окажемся. Прежде чем принимать решение, я хотел бы узнать, как вам удалось получить информацию.

Макс подробно рассказал о разговоре с брокером. Руппе поморщился.

– Извините, Макс, но это несерьезно. Нет ни одного финансового документа. Что вы предъявите Келлеру?

– Мне понятны ваши сомнения, Клаус. Но у меня есть внутренняя уверенность, что это так. Видите ли, вы можете судить о моем разговоре с брокером и о тех психологических нюансах, которыми он сопровождался, только по моему пересказу. А я был его непосредственным собеседником, видел его глаза, выражение лица, мимику, жесты. Все это трудно передать словами. Я убежден, что, назвав ему имена Келлера и Пауэлла, попал в точку. Его поведение убедило меня в этом на сто процентов. Поэтому я

готов рискнуть и сделать то, что предлагаю. Я, конечно, могу вызвать Келлера и сказать ему об этом сам. Но лучше это сделать вдвоем. Вы будете просто присутствовать и примете участие в разговоре только в том случае, если посчитаете нужным. Можете даже поддержать Келлера, если увидите, что обвинения против него необоснованны. У вас карт-бланш в этом отношении и никаких предварительных обязательств. Согласны на такой вариант?

В словах и интонациях Макса послышались присущие ему жесткость и непреклонность, которые уже стали известны в «Эрдойль» и которым было трудно противостоять. Руппе это почувствовал.

– Хорошо, – сказал он после некоторого раздумья, – на такой вариант я, пожалуй, соглашусь. Но в этой истории есть и другой участник. Что будем делать с Пауэллом?

– Да, роль Пауэлла тоже неприглядна. Но между ними есть разница. Пауэлл специалист, профессиональный нефтяной геолог. А Келлер – профессиональный президент. До «Эрдойль» он был генеральным директором бумажного синдиката. С его уходом компания ничего не потеряет. В отношении Пауэлла я принял другое решение. Ему дана возможность проявить свои профессиональные качества. Сейчас он в Канаде. Работает над довольно сложным разведочным проектом. Через месяц должен закончить. Если пройдет тест, то сможет остаться в компании на должности консультанта или советника.

– Знаете, Макс, не могу не сказать – с вашим приходом в «Эрдойль» появилась твердая рука. Это именно то, чего нам недоставало в последние годы. Общая атмосфера стала не очень здоровой. Интриги, подсиживания и доносительство пагубно отражаются на деловой активности и прибылях компании. Совет директоров – это связующее звено или скорее своего рода буфер между руководством и акционерами, а они очень болезненно реагируют на снижение дивидендов. И я, как председатель Совета, хорошо это чувствую. Поэтому в своих усилиях оздоровить обстановку и добиться увеличения прибылей вы можете рассчитывать на мою полную поддержку и содействие.

– Спасибо, Клаус. Рад слышать это. Итак, в отношении Келлера мы договорились.

8

Работа над проектом Стин Ривер близилась к завершению. После долгих лет администрирования на руководящих должностях Пауэлл снова ощущал вкус настоящего творческого исследования, когда сплав личного опыта, знаний и логики превращается в тонкий инструмент познания. Он позволяет расшифровать скрытую геологическую структуру и выявить те ее особенности, которые контролируют размещение нефтяных залежей на глубине нескольких тысяч метров. От всего этого он получал ни с чем не сравнимое профессиональное и моральное удовлетворение.

Приступая к проекту, Пауэлл испытывал беспокойство и даже тревогу. Слова Адлера о разработке принципиально новой разведочной концепции казались ему просто ловушкой. О какой новой концепции можно говорить в районе, в котором до этого более двадцати компаний испробовали, вероятно, все мыслимые геологические решения и варианты? Кто он такой, чтобы сделать то, что они не смогли или не считали нужным делать? Но постепенно, по мере анализа материалов, беспокойство сменилось сначала недоумением, а затем и уверенностью, что новая концепция вполне реальна. Основанием для этого послужило довольно неожиданное и странное обстоятельство. Оказалось, что все предыдущие многократные попытки обнаружения нефти базировались на различных вариантах одной и той же ошибочной геологической идеи. Эти варианты создавали иллюзию разных подходов, но в действительности в течение пятнадцати лет ничего не менялось.

Изучив керн, Пауэлл пришел к выводу, что главной геологической особенностью района были древние коралловые рифы, образовавшиеся более трехсот миллионов лет назад и залегающие на глубине трех тысяч метров. Именно они и были подобно губке насыщены нефтью. Ни одна из компаний, работавших здесь прежде, почему-то не обратила на это внимание. Впрочем, Пауэлл знал, что такой

психологический феномен не редкость в нефтеразведке. Каждая новая компания автоматически следует идеям и представлениям предшественников и повторяет их ошибки. Такое явление называется эффектом *rolled rut* (*накатанная колея, англ.*). Это продолжается до тех пор, пока кому-то не удастся увидеть проблему свежим взглядом, применить для ее решения, как говорят американцы, *open mind approach* – «незашоренный подход». История поисков нефти усеяна надгробными плитами геологов – авторов отрицательных прогнозов в регионах, где затем были обнаружены гигантские месторождения. Первым прославился на этом поприще Джон Арчболд, вице-президент крупнейшей американской компании «Стандард Ойл». В 1885 году, будучи уверенным, что нефть есть только на востоке США, он публично заявил: «Я выпью каждый галлон нефти, который будет добыт к западу от Миссисипи». С тех пор столь же самоуверенные и опрометчивые заявления делались неоднократно. Спустя сорок лет Гуго де Бокх, главный геолог Англо-Иранской нефтяной компании и авторитетный знаток региона Персидского залива, утверждал в официальном отчёте: «Особенности геологического строения Саудовской Аравии и Кувейта исключают наличие здесь залежей нефти». Это лишь два наиболее одиозных примера из многих подобных.

Определяя под микроскопом тип породы и нанося результаты на карту, Пауэлл с удовольствием наблюдал, как хаотическая на первый взгляд мозаика приобретает закономерные очертания и превращается в цепочку рифов, обрамляющих внутреннюю лагуну. Когда карта была закончена, она напоминала современные кольцевые рифовые атоллы Тихого океана. Глядя на нее, Пауэлл испытывал не только профессиональное удовлетворение, но и подлинное эстетическое наслаждение. Так возникла новая концепция и новое направление разведки – бурить скважины надо было на вершинах рифов.

***

Макс внимательно и с большим интересом рассматривал карты, развешанные Пауэллом на стенах кабинета. Он вдруг вспомнил о своем недавнем желании

отправиться на экзотические рифовые атоллы Тихого океана. «Поразительно, – подумал он, – как мечты могут порой обернуться неожиданной фантастической реальностью из иной геологической эпохи». Вот перед ним древний рифовый атолл Стин Ривер, удивительно напоминающий современный атолл Кваджалейн в группе Маршалловых островов. Такая же лагуна и такое же кольцо рифов, обрамляющих ее. Он насчитал около тридцати отдельных рифовых вершин, разных по площади и очертаниям. Даже размеры обоих атоллов одинаковы – длина около ста километров, ширина двадцать пять километров. Макс поймал себя на мысли, что вместо Тихого океана совершает путешествие в прошлое, на триста миллионов лет назад...

Пауэлл давал подробные объяснения и отвечал на вопросы. Наконец, они закончили обсуждение и Макс подвел итог. Он знал: ничто, даже деньги, не ценятся больше, чем признание и похвала.

– Поздравляю, Дейв, – прекрасная работа. Это именно то, что я имел в виду, предложив вам канадский проект. Принципиально новая разведочная концепция. Теперь у нас есть все основания участвовать в тендере. Проблема только в том, что не каждый риф содержит нефть. Вот если бы мы могли заранее разделить их... Но для этого нужен прямой метод, а он пока не существует.

– Интересный вопрос вы затронули, Макс, – сказал Пауэлл. – Я имею в виду прямой метод. В Канаде я услышал удивительную историю. Года три назад там появилась таинственная компания «Дабл Эй». Они работали на разведочном блоке недалеко от Стин Ривер. И первой же скважиной открыли крупное месторождение Камерон. Потом продали его японцам. Но самым поразительным было то, что они не проводили сейсмику, а сразу начали бурение. Многие в Альберте до сих пор убеждены, что «Дабл Эй» использовала какой-то прямой метод. Вы что-нибудь знаете об этом?

– Впервые слышу. А где они сейчас?

– Никто не знает. После продажи Камерона о них ничего не известно. Я смутно припоминаю, что нечто

подобное рассказывали и в Австралии. Но подробности не знаю. Все это немного напоминает легенду о «Летучем голландце», – усмехнулся Пауэлл. – Но в Канаде это не легенда. Месторождение Камерон существует.

– Что еще известно об этой «Дабл Эй»? Из какой они страны?

– Это тоже загадка. Одни говорят, что компания итальянская, другие – что это какая-то группа из Южной Африки. В общем, вопросов больше, чем ответов.

– Очень интересно. Не могли бы вы собрать всю информацию, включая по Австралии, и изложить ее в записке. У вас же сохранились австралийские связи. Используйте их. И не откладывайте.

– Хорошо. Сделаю все, что смогу.

– А теперь о вашем статусе. Я предлагаю вам должность советника по зарубежной разведке. Будете сотрудником технической группы Совета директоров и подчиняться непосредственно мне. Это обеспечит вам независимость от руководства компании. Зарплата, конечно, ниже, чем нынешняя, но машина и основные бенефиты сохраняются. Согласны?

– Да.

– Прекрасно. Ваша ближайшая задача – подготовка к канадскому тендеру.

Макс сделал паузу и неожиданно сменил тему:

– Есть еще один вопрос, из другой области. Что это за история с продажей вами три года назад акций «Кинг Эксплорэйшн» Келлеру?

Пауэлл бросил на Макса взгляд, полный удивления и тревоги.

– Макс, только что вы предложили мне должность советника. Это окончательно?

– Да, да. Не беспокойтесь. Вопрос не имеет отношения к предложению. Но я хотел бы услышать всю историю непосредственно от вас, чтобы устранить последние недомолвки между нами. Итак, вы продали ему свой пакет или часть пакета. Кто был инициатором сделки?

– Инициатива, разумеется, исходила от Келлера. Он дал мне ясно понять, что приглашение на должность вице-

президента «Эрдойль» зависит от моего согласия. После долгих сомнений и раздумий я пошел на это. Могу я спросить, Макс, – от кого вы узнали об этом? Ведь не от Келлера?

– Источник не имеет значения. Но это, конечно, не Келлер. На сколько цена была ниже рыночной?

– На восемнадцать процентов.

– Вы понимаете, что дали взятку?

– Понимаю.

– Считаете ли вы, что вас принудили к этому?

– В некоторой мере это так, хотя окончательное решение было, конечно, мое. Я бы мог просто остаться в «Кинг Эксплорэйшн». Но тогда мне казалось, что должность вице-президента «Эрдойль» – это новый важный шаг в карьере. В «Кинге» такой перспективы у меня не было. Короче, обычные амбиции и тщеславие...

– Ну что ж, одному из вас придется уйти. Вы сделали хорошую работу в Канаде и доказали, что можете быть полезны компании. Как я уже говорил вам однажды, «Эрдойль» – это не клуб джентльменов, а машина, которая делает деньги для акционеров. Поэтому вы останетесь, а Келлер уйдет.

Сказав это, Макс вспомнил китайскую мудрость: «Врага можно уничтожить, но лучше превратить в друга». Будет ли такой друг искренним – это отдельный вопрос. Но искренних друзей вообще мало, да и спрос на них невелик. Неожиданно в голову пришел каламбур, который как бы подвел итог этим размышлениям, – из двух зол выбирай то, на которое меньше зол. Как ни странно, на Пауэлла он теперь был зол меньше, чем на Келлера. Возможно потому, что Пауэлл раскаялся и принял позу покорности. Даже в мире животных схватка прекращается, когда один из противников принимает такую позу. Впрочем, в мире людей его обычно добивают... И чем более справедливым и гуманным провозглашает себя общество, тем более убежденно оно следует этой суровой традиции, которая отличает его от волчьей стаи. Но на заре человечества, когда люди еще не превратились в *Homo sapiens* и не были облагорожены цивилизацией, они, вероятно, вели себя

подобно своим меньшим братьям. Иначе они бы не выжили... Вопреки неписанным правилам, Макс считал такое поведение не только более цивилизованным, но и более разумным. Он решил оставить Пауэлла не потому, что тот раскаялся, а потому, что увидел в нем хорошего геолога. Выбросить его из компании было бы все равно, что выбросить деньги. А избавиться от Келлера было равносильно сохранению денег. В конце концов, нефть находят не президенты, а специалисты. Хороший президент отличается от плохого тем, что не мешает им...

***

Макс и Клаус Руппе ожидали прихода Келлера. Эрна уже позвонила ему и пригласила зайти через полчаса. Он должен был появиться с минуты на минуту.

– Итак, Клаус, я прямо спрошу его об этой сделке с акциями. А потом вы сами решите – следует ли вам вступать в разговор. Договорились?

– Да, договорились. – Голос и выражение лица Руппе показывали, что чувствует он себя не очень уверенно.

– Кстати, в прошлый раз вы подняли вопрос о Пауэлле. Могу сообщить, что он сделал очень хорошую работу в Канаде. Разработал принципиально новую разведочную концепцию. Я предложил ему должность советника по зарубежной разведке.

– Хорошо. Принимаю к сведению.

Келлер вошел с дежурной приветливой улыбкой на лице.

– Здравствуйте, господа. Должен сказать, приглашение несколько неожиданное. Я как раз собирался на важную встречу в Ассоциацию промышленников.

– Сожалею, Гельмут. Но у нас к вам небольшой вопрос. Надеюсь, это не займет много времени, и вы еще успеете на встречу. Вопрос касается покупки вами около трех лет назад пакета акций «Кинг Эксплорэйшн».

– Что именно вас интересует? – На лице Келлера не дрогнул ни один мускул.

– Нас интересуют два обстоятельства. Во-первых, были ли акции приобретены на бирже или непосредственно

у определенного акционера? Во-вторых, если они были куплены не на бирже, то отличалась ли цена от рыночной?

– Видите ли, господа, такими операциями занимается мой брокер, и я не очень вникаю в его действия. А кроме того, и это самое главное, моя финансовая деятельность – дело сугубо личное. Я не понимаю, почему должен отвечать на такие вопросы. – Келлер говорил спокойно и держался уверенно.

– В данном случае эта финансовая операция выходит за рамки вашего частного бизнеса. Вы купили у Пауэлла акции по цене на восемнадцать процентов ниже рыночной. Иными словами, вы продали ему должность вице-президента, – голос Макса был жестким. – У вас есть две возможности – либо уйти добровольно, либо расследованием займется уголовная полиция. Добровольный уход предотвратит огласку. При полицейском расследовании избежать ее будет невозможно. Решение за вами. Ответ можете дать прямо сейчас или завтра.

Наступило долгое молчание.

– Гельмут, неужели это правда? – не выдержал Руппе.

– Сегодня, господа, я вручу вам заявление об отставке, – невозмутимо ответил Келлер и вышел из кабинета.

9

Владелец компании «Дабл Эй» Шмуэль и адвокат Рон Берман обсуждали ситуацию, сложившуюся на блоке Уинтон. После гибели Алекса и Андрея разведочные работы на нем были остановлены, а три скважины, давшие нефть, законсервированы. По условиям контракта с правительством штата Квинсленд разведка должна была быть завершена еще полгода назад. Нарушение сроков предусматривало штрафные санкции, вплоть до лишения прав на концессию и объявления повторного тендера. Но на заседании конфликтной комиссии Берману удалось доказать, что временное прекращение работ связано с оговоренными в контракте форс-мажорными обстоятельствами, и «Дабл Эй» получила отсрочку еще на полгода.

– Нам нужен опытный геолог. Где его взять? – сказал Шмуэль.

– Может быть, поискать в Израиле? Здесь же есть несколько нефтяных компаний и геологический институт, – предложил Рон.

– Ты серьезно? Эти компании уже сорок лет безрезультатно ищут нефть на миниатюрной территории. Они даже не знают, с какого конца подойти к проблеме. Нет, эти люди нам не подходят. Нужен геолог, не уступающий по профессиональному уровню Алексу. И самое важное, учитывая незащищенность нашего метода, это не должен быть человек с улицы. Поэтому мы не можем искать его по объявлению в газетах. Главное условие – личное знакомство и безусловное доверие с нашей стороны. Все упирается в то, что у меня нет никаких связей в мире нефтеразведки. Как с этим у тебя, Рон? Не приходилось ли иметь дело с нефтяниками?

– Дело иметь не приходилось. Но я смутно припоминаю, что у жены есть родственник в Австрии. Она как-то говорила, что он нефтяник. Правда, не знаю его конкретную специальность. Связь между ними давно прервалась. Вот такая скудная информация. Может быть, попробовать разыскать его?

– Да, информации не много. Но, в любом случае, мы ничего не теряем. Займись этим, Рон.

***

Через несколько дней в доме Макса раздался телефонный звонок.

– Добрый вечер. Это дом господина Адлера? – услышал он незнакомый женский голос.

– Да, это дом Адлера.

– Могу я говорить с Максом?

– Я слушаю вас.

– Это Макс? Здравствуй, Макс. Ты сейчас очень удивишься. Это Эстер Ландау-Берман, Эсти. Я звоню из Израиля. Ты помнишь меня?

– Эсти? Дочь дяди Альфреда? Это ты?

– Да, я. Конечно, я. Очень рада, что не забыл. Столько лет не слышали друг о друге... Как ты, Макс? Как Паула?

– Я в порядке, спасибо. А с Паулой мы давно расстались.

– Извини. Я не знала... Макс, ты, конечно, понимаешь, что я разыскала тебя не без повода.

– Догадываюсь.

– А повод такой. Мой муж, Рон Берман, юридический консультант в области бизнеса и ведет дела одной нефтяной фирмы. Он попросил меня связаться с тобой. Я помню, что ты нефтяник, но забыла, чем именно занимаешься. Напомни, пожалуйста.

– Я геолог. Занимаюсь разведкой нефти.

– Прекрасно. Рон хотел бы поговорить с тобой, если не возражаешь.

– Конечно, не возражаю. Буду рад.

Эстер передала трубку Рону.

– Здравствуйте, господин Адлер. Это Рон Берман. Эсти рассказала обо мне в общих чертах. Дело в том, что наша фирма заинтересована в сотрудничестве с опытным нефтяным геологом. И главное условие – доверительный характер профессиональных и деловых отношений. Поскольку вы и Эсти родственники, я подумал, что это могло бы обеспечить соблюдение такого условия.

– Спасибо, господин Берман. Нельзя ли уточнить, о каком сотрудничестве идет речь?

– Что-то близкое к консультированию разведочного проекта.

– Боюсь, не смогу быть вам полезен. Я не занимаюсь частными консультациями. Но могу порекомендовать хорошего специалиста. Как называется ваша фирма?

– Фирма не очень известная. Вы вряд ли слышали о ней. Называется «Дабл Эй».

Максу потребовалась продолжительная пауза, чтобы не выдать волнения, охватившего его при этих словах. Рон подумал, что связь прервалась.

– Вы на линии, господин Адлер?

– Да, да, я на линии. Представьте, господин Берман, я слышал кое-что о вашей фирме. Вы ведь работали в Канаде и, кажется, открыли там месторождение Камерон. Не так ли?

Теперь настала очередь Рона удивиться.

– Да, это были мы. Вы хорошо информированы, господин Адлер.

– Зовите меня Макс. Могу я называть вас Рон?

– Да, конечно, Макс. Возможно, я ошибаюсь, но мне показалось, что название фирмы изменило ваше отношение к моему предложению. Не так ли?

– Вы не ошибаетесь, Рон. Пока ничего не могу сказать о консультировании проекта, но хотел бы встретиться с вами.

– Прекрасно, Макс. Где вам удобнее – в Израиле или Вене?

– В Вене было бы удобнее.

– Хорошо. В ближайшие дни мы с Эсти будем у вас.

***

Шмуэль внимательно выслушал рассказ Рона о разговоре с Максом.

– Пока преждевременно говорить о чем-то определенном, – заключил он. – Мы знаем только, что он нефтяной геолог и что он родственник Эсти. Как ты понимаешь, этого недостаточно. Кстати, какое у них родство?

– Макс троюродный брат Эсти.

– Понятно. Это еще ни о чем не говорит. Тебе предстоит выяснить, во-первых, каков его профессиональный уровень. Не знаю, сможешь ли ты это сделать, не будучи сам геологом. И все же постарайся составить хотя бы общее представление. Он не назвал свою должность в компании?

– Нет, не назвал. А спрашивать было неудобно.

– Да, конечно. И второе – нужно оценить его человеческие качества, то, что американцы называют *integrity* (*честность, верность моральным ценностям – англ*). Вопрос в том, насколько мы можем ему доверять. Ну и, разумеется, ты не должен раскрывать техническую

сущность метода. Только самые общие сведения. Нельзя предвидеть, как и в каком направлении пойдет ваш разговор. То, что он знает о Камероне, – и хорошо, и плохо. Хорошо потому, что не будет воспринимать метод как некую фантазию, аферу. А плохо потому, что может оказаться из породы охотников за чужими секретами, с которыми мы уже имели дело. В общем, Рон, задача у тебя непростая. Желаю успеха.

10

Макс встретил Эсти и Рона в аэропорту Швехат и отвез в гостиницу «Бристоль» в центре Вены. Они поднялись в номер и только здесь более внимательно разглядели друг друга. Макс и Эсти не виделись лет тридцать, если не больше. Тогда она была пятнадцатилетним подростком, а он только что окончил университет. Теперь Эсти стала интересной элегантной дамой, с хорошо сохранившейся фигурой и живым выразительным лицом. Она старалась держаться непринужденно, по-родственному. Но из-за такого долгого перерыва не нашлось ни общих тем для разговора, ни для семейных воспоминаний. Макс задал стандартный вопрос о детях. Эсти ответила с преувеличенным энтузиазмом и подробностями. Затем Макс, отвечая на такой же вопрос, сказал, что живет один, детей у него нет. На этом семейная тема была исчерпана. Чтобы заполнить паузу, Макс и Рон обменялись замечаниями о положении в мировом нефтяном бизнесе, но вскоре увлеклись, и разговор пошел более оживленно. Хотя это была всего лишь вежливая беседа, чтобы как-то заполнить обязательные для такой встречи двадцать-тридцать минут, они внимательно присматривались друг к другу. Оба понимали, что их ожидают серьезные переговоры, последствия которых пока трудно предсказать. Судя по всему, их первые взаимные впечатления были благоприятными. Эсти сразу же уловила это и предложила мужчинам перейти на «ты».

– Вы же родственники, хотя и дальние. И, мне кажется, без труда найдете общий язык. Почему бы вам не перейти на «ты». Так будет проще говорить о делах, – сказала она с милой улыбкой.

Макс и Рон не возражали. Они наполнили бокалы мозельским вином.

– Твое здоровье, Рон.

– Твое здоровье, Макс.

Встреча в офисе Макса была назначена на следующее утро.

***

Эрна встретила Рона приветливой улыбкой и провела в кабинет. Войдя, он остановился в дверях и с любопытством, смешанным с удивлением, окинул взглядом помещение. Даже не сразу обратил внимание на Макса, поднявшегося из-за стола ему навстречу. Наконец он закончил этот беглый осмотр и пожал протянутую руку.

– Доброе утро, Макс. Ты, должно быть, большая шишка в «Эрдойль». Какова твоя должность?

– Вице-председатель Совета директоров. Курирую зарубежную разведку.

– Вот как! А я-то хотел соблазнить тебя консультацией проекта, – усмехнулся Рон. – И все-таки ты проявил явный интерес к моему предложению. Почему?

– Давай уточним. Я проявил интерес не к проекту, а к методу. Ведь вы работаете прямым методом, не так ли? Ты хотя и не нефтяник, но, думаю, знаешь, что означают для геолога слова «прямой метод». Это как фата-моргана, мираж в пустыне. Было много попыток создать его, но все они окончились неудачей. Сегодня почти никто не верит, что он возможен в принципе. Если хочешь, в нефтеразведке это своего рода вечный двигатель... И вдруг мой сотрудник, работавший на севере Альберты, сообщает, что некая таинственная компания «Дабл Эй» обнаружила прямым методом в том же районе месторождение Камерон. И что потом следы этой компании ведут в Австралию. Никто не знает, какова ее национальная принадлежность. По слухам, она то ли итальянская, то ли южноафриканская. В общем, сплошная загадка. И вот проходят всего две недели, звонит Эсти, и я слышу от тебя по телефону это необычное для нефтяной компании загадочное название «Дабл Эй». Теперь ты понимаешь, чем вызван мой интерес?

– Более или менее. Это, конечно, кое-что объясняет. Но наш интерес по-прежнему сводится только к консультации разведочного проекта, и ни к чему больше. Так получилось, что мы остались без геолога. Из-за этого пришлось остановить работы на уже открытом месторождении, и есть опасность, что мы потеряем права на концессию, если не возобновим разведку в ближайшие месяцы.

– Где находится концессия?

– В Австралии.

– Понятно. Послушай, Рон, у тебя не должно сложиться впечатление, будто я пытаюсь давить на тебя и узнать больше, чем ты хочешь или можешь сказать. Мы оба понимаем, что такое прямой метод и какова должна быть степень защиты такого изобретения и ноу-хау. И все же я предлагаю обсудить возможность взаимовыгодного сотрудничества. Ну, например, вы могли бы, не раскрывая сути метода, выполнить работы на нашей концессии, а я мог бы сделать то, что вам нужно, в Австралии. Тебя устраивает такой бартер?

– Что ты имеешь в виду, говоря о работах на вашей концессии? И где она находится?

– Концессия Стин Ривер находится в Альберте, недалеко от Камерона. Мы выявили цепочку рифов, но они, видимо, не все нефтеносные. Могли бы вы вашим методом определить, какие из них содержат нефть, а какие нет?

– Я не геолог и не знаю, что такое рифы, – Рон улыбнулся, – но, наверное, можно просто говорить о нефтеносных и пустых участках. Да, метод позволяет распознавать те и другие с абсолютной точностью.

– Невероятно! – воскликнул Макс. – И вы могли бы это сделать для нас?

– Безусловно. Для этого нам требуются только образцы. Мы проведем анализ, и вы получите то, что вам нужно.

– О каких образцах идет речь?

– Образцы почвы с глубины два метра.

– Нет проблем. Они у вас будут.

– Теперь о работе для нас. Хочу еще раз подчеркнуть, что ее должен выполнять геолог, которому мы можем верить, – не только в профессиональном отношении, но и в плане личного доверия. Такое условие связано с упомянутой тобой особой степенью защиты изобретения. Иными словами, этим геологом должен быть ты сам, а не кто-то другой по твоей рекомендации. Готов ли ты заняться этим делом?

– Это довольно сложно, учитывая мой статус. Но я что-нибудь придумаю. Могу гарантировать, что информация в полном объеме будет только у меня. Любой другой участник работы, а это может быть кроме меня только один человек, не получит доступа ко всем материалам и представления о проекте в целом.

– Все это требует серьезного обдумывания и обсуждения, – сказал Рон. – В любом случае доступа к аппаратуре и ноу-хау не будет даже у тебя. Ты сможешь пользоваться только итоговой картой с результатами анализа образцов и материалами бурения. Но даже эти материалы может видеть абсолютно надежный человек, которому мы будем полностью доверять. Извини, но таково условие владельца компании.

– Звучит очень таинственно и даже пугающе. Вероятно, у вас имеются веские основания для таких жестких ограничений. Ни с чем подобным я раньше не сталкивался. Поэтому прежде чем принять решение, я должен понять, во что мне предстоит ввязаться. Послушай, Рон, не мог бы ты все-таки кое-что рассказать обо всей этой истории. Не о методе, а о том, что произошло. Я чувствую здесь какую-то тайну. Ну, например, почему вы остались без геолога?

– Хорошо, я расскажу. Но только в самых общих чертах. И абсолютно конфиденциально.

– Разумеется, – заверил Макс.

После продолжительной паузы Рон начал свой рассказ. Он говорил очень скупно, тщательно выбирая слова. Макс видел, что он избегает малейшего намека на физическую природу метода, всего, что могло бы пролить свет на назначение аппаратуры и измеряемый параметр.

Когда он закончил, наступило долгое молчание. Наконец Макс нарушил его.

– Очень необычная история. Настоящий триллер. Я бы хотел задать несколько вопросов.

– Задавай. Отвечу, если смогу, – сказал Рон.

– Итак, все ваши проблемы начались с катастрофы самолета. Что это был за рейс? И кому принадлежал самолет?

– Это был небольшой самолет «джет командер», который мы зафрахтовали у компании «Внутренние австралийские авиалинии».

– И что, других пассажиров на нем не было?

– Нет. Только четверо наших сотрудников. Два изобретателя метода, один из них геолог, и два охранника.

– Причины катастрофы установлены?

– Да, взрыв на борту.

– Вот как. Значит, не технические неполадки и не ошибка пилота. У вас есть какие-то версии?

– Не версии, а уверенность. Мы знаем, кто это сделал.

– И?

Возникла долгая пауза.

– Они наказаны, – наконец сказал Рон.

– Каким образом?

– Адекватно, – ответил Рон после еще более долгой паузы.

– Понятно. И последний вопрос. Кто это был? Я имею в виду – конкуренты, охотники за изобретением или какие-то наемные убийцы?

– Тебе лучше этого не знать, Макс. Ты получил достаточно информации, чтобы, по твоим словам, понять, во что тебе предстоит ввязаться. Прежде чем что-либо решать, можешь все обдумать и взвесить. Я не спешу и ни на чем не настаиваю.

– Да, конечно. Подумать никогда не мешает. Все это настолько отличается от привычных интриг и разборок в мире нефтяного бизнеса, что здесь есть над чем поразмыслить. Давай продолжим разговор завтра, если не возражаешь.

– Хорошо. До завтра.

Как только Рон ушел, Макс позвонил Пауэллу.

– Дейв, как у вас дела с запиской о «Дабл Эй»?

– Она почти готова. Я получил кое-какую дополнительную информацию из Австралии.

– Зайдите ко мне. И захватите все, что у вас есть.

Через несколько минут Пауэлл появился в кабинете.

– Ну, что вам удалось выяснить? – спросил Макс.

– Два года назад они работали на блоке Уинтон, в штате Квинсленд. Пробурили три разведочные скважины, все нефтяные. Так же, как и в Альберте, до бурения не проводили сейсмику. Потом вдруг законсервировали скважины и прекратили работы. Правда, у них случилась неприятность – в авиакатастрофе погибли два ведущих сотрудника. Мне даже прислали факс с газетной заметкой об этом. Вот она, – Пауэлл вынул из папки текст.

Макс прочитал: «Авиационная катастрофа... Взорвался в воздухе... Уцелевший ноутбук... За двадцать минут до взрыва напечатан текст... В серой зоне миллиардных прибылей... Алекс понимал, что, работая методом прямого обнаружения, они рано или поздно вползут в эту зону с ее смертельными схватками... Большой бизнес никогда не отступает...». Внезапно у него возникла какая-то смутная реминисценция. Ему вдруг вспомнилась встреча с брокером Дитрихом Хаузером и та необъяснимая интуитивная догадка о сделке между Келлером и Пауэллом, которая, казалось бы, появилась ниоткуда, просто из воздуха, и которая потом полностью подтвердилась. Нечто наподобие этого пришло ему в голову и сейчас.

– Дейв, вы говорите, блок Уинтон? А кто работал на соседнем блоке? – спросил Макс.

– Не знаю.

– От кого вы получили всю эту информацию?

– От моего приятеля. Он начальник земельного отдела в Управлении минеральных ресурсов штата Квинсленд.

– Так, – Макс взглянул на часы, – сейчас в Квинсленде шесть тридцать вечера. Рабочий день закончился. Но, может быть, нам повезет и ваш приятель

немного задержался. Позвоните ему прямо отсюда. Если не застанете – звоните домой. Вопрос один – кто был соседом «Дабл Эй»?

Пауэлл подошел к телефону и набрал номер.

– Хелло, Стив. Это Дейв Пауэлл. Поймал тебя в дверях? Мне повезло. Не буду долго задерживать. Один короткий вопрос – кто работал или работает на блоке, соседнем с Уинтон? «Альбион Энерджи»? Спасибо, Стив.

– Я слышал – «Альбион». Спасибо, Дейв, – сказал Макс. – Оставьте все материалы у меня.

После ухода Пауэлла Макс позвонил Конраду Кернеру, начальнику отдела технической информации.

– Конрад, мне срочно нужна информация по компании «Альбион Энерджи». Тема – производственные аварии, катастрофы, несчастные случаи за последние два года, повлекшие гибель персонала. Найдите эти данные в Интернете и сразу же перешлите на мой компьютер.

Информация на компьютере Макса появилась через пятнадцать минут.

...Пожар на нефтяной скважине в Нигерии. Погибли двое рабочих.

...Перевернулся трейлер с трубами в Индонезии. Погиб водитель.

...Взрыв на нефтехранилище в Перу. Погибли двенадцать человек.

...Авария вертолета в Северном море. Погибли восемь человек, включая президента компании Энтони Крейга и двух вице-президентов Ларри Эванса и Гарри Бриссона.

Макс посмотрел на дату. Между взрывом самолета над Австралией и аварией вертолета над Северным морем прошел ровно год. Вспомнились слова Рона Бермана: «Наказаны адекватно». Почему-то в памяти вдруг всплыли газетные сообщения о сенсационной операции «Энтеббе» и отстреле арабских террористов по всей Европе после гибели израильских спортсменов в Мюнхене. Сходный почерк, подумал он.

Итак, скупой рассказ Рона обрел недостающие детали. Таинственная история ожила и наполнилась плотью

и кровью. Да, и кровью. Она присутствует в этом «наполнении» не как лексическая фигура, а как трагическая реальность, подумал Макс. Теперь остается решить главный вопрос – нужно ли ему ввязываться в эти дела? Стоит ли прямой метод тех смертельных схваток, о которых писал за двадцать минут до гибели неизвестный ему Алекс? Память услужливо подбросила закон Мэрфи: «У любого великого изобретения есть недостаток – технический или моральный – равный или превышающий по своему значению само изобретение». Прямой метод уже унес больше десятка жизней. И эта цифра вряд ли окончательная. Не превысит ли такой «недостаток» значение самого изобретения?

В мире нефтяного бизнеса существуют и процветают многие жесткие и жестокие формы борьбы, цель которой – полное устранение конкурента. Хотя формально дело никогда не доходит до физического устранения, но в действительности люди, потерявшие работу и надежду, нередко уходят не только из бизнеса, но и из жизни. Наиболее агрессивным и безжалостным видом схваток между компаниями является тейквер (*takeover* – *англ.*) или захват конкурента. В некоторых странах такие действия запрещены антимонопольным законодательством. Однако финансовый выигрыш зачастую перевешивает риск уголовного преследования. К тому же отработаны изощренные способы обойти закон. Делается это путем внезапной массивной скупки акций намеченной жертвы с целью получения контрольного пакета. Такая скупка называется *corporate raid* – налет на корпорацию. После этого жертва поглощается и переваривается новым хозяином в прямом смысле слова. Ее предприятия, нефтяные месторождения, рыночная инфраструктура, финансовые активы становятся его собственностью, а большая часть работников выбрасывается на улицу. Оставляется лишь сокращенный обслуживающий персонал производственных объектов. Процесс почти физиологический и напоминает пожирание сильным хищником слабого с захватом ареала его обитания. От такой тактики до взрыва самолета – один шаг... Одним из наиболее известных и агрессивных «налетчиков» был

тexasский нефтяник, геолог по образованию, Томас «Буни» Пикенс, владелец крупнейшей в США независимой нефтяной компании «Меса Петролеум» со штатом всего около трёхсот человек. Несмотря на это, Пикенс скупал более крупные компании, расчленил их и продавал по частям, делая на этом огромные деньги и оставляя без работы тысячи людей. В семидесятых-восьмидесятых годах его налёты приводили в трепет даже такие корпорации, которые превосходили «Меса» по размеру более чем в двадцать раз. В 1987 году он опубликовал автобиографический бестселлер «Буни», в котором откровенно и увлекательно рассказал о своём разбое на больших нефтяных дорогах.

Бывает также внутренний тейковер, когда какой-либо член Совета директоров скупает акции через подставных лиц с целью стать контролирующим акционером и захватить власть в компании. Макс вспомнил, что подобный случай рассказан Арманом Хаммером в автобиографической книге «Свидетель истории». Некто Дэвид Мэрдок, член Совета директоров компании «Оксидентал», владевший пятью процентами акций, попытался таким способом сбросить самого Хаммера и завладеть компанией. Хаммер отбил нападение. Мэрдок был вынужден продать ему свои акции и уйти из «Оксидентал».

Интересно, подумал Макс, а не пыталась ли «Альбион Энерджи» добраться до прямого метода иными путями? Неужели сразу такой крайний способ, как физическая ликвидация? Рассказать об этом может только Рон. Но он вряд ли сделает это. И все же завтра надо будет попытаться получить от него дополнительную информацию. Но это завтра... А сейчас нужно разобраться с главным вопросом – ввязываться или не ввязываться? Макс знал, что испытанный способ решения любой сложной проблемы – это подход к ней с разных направлений. Одно направление лежит на поверхности – оценка риска и для себя лично, и для «Эрдойль». За методом уже тянется кровавый след, и не учитывать его было бы непростительно. Другое направление тоже достаточно очевидно – оценка потенциального выигрыша, финансового и технологического. Есть еще и

третье направление, требующее некоторого воображения, – поставить вопрос таким образом: много ли найдется нефтяных компаний, которые отвергли бы предложение «Дабл Эй» о взаимовыгодном сотрудничестве? После недолгого размышления Макс пришел к выводу, что любая компания посчитала бы это предложение, при всех его «за» и «против», счастливым лотерейным билетом, мощным рывком в конкурентной борьбе. Ему этот билет выпал случайно, благодаря Эсти. Случайно ли? Он вспомнил, что совсем недавно проблема случайности и предначертанности уже будоражила его мысли. В связи с чем это было? Ну, конечно же, – он сидел в хранилище швейцарского банка и пытался понять, как это все могло произойти? Что это было – хаотическое нагромождение случайностей или судьба? И вот перед ним снова стоит этот сакраментальный философский вопрос. Тогда, в Женеве, он твердо решил, что, несмотря на кажущуюся цепь случайностей, которая привела к судьбоносному повороту в его жизни, все было предопределено и неизбежно. Не так ли обстоит дело и сейчас? Предложение Рона – это не случайный лотерейный билет. Это еще одно звено в цепи предначертанных событий, которые контролируют его жизнь. Последние сомнения отпали. Максусу стало ясно, что он не должен отказываться от сотрудничества с «Дабл Эй».

***

Утром, ровно в девять, Макс и Рон встретились снова и продолжили разговор. Теперь Макс знал намного больше, чем вчера, о том, что произошло в Австралии. И решил, что нет смысла скрывать полученную информацию. Он полагал, что это побудит Рона быть более открытым и откровенным.

– Ну как, Макс, ты принял решение?

– Да. Я готов к сотрудничеству на ваших условиях. И поскольку оно предусматривает полное взаимное доверие и обмен информацией – в допустимых пределах, разумеется, – то я должен кое-что сообщить тебе.

И Макс рассказал о результатах собственного расследования. Рон слушал молча, не прерывая и не

комментируя. Когда Макс закончил, он встал и прошелся по кабинету, обдумывая услышанное.

– Видишь ли, Макс, каждый имеет право искать по собственным каналам дополнительную информацию о потенциальном партнере по бизнесу. Это общепринятая практика. И вчерашнее расследование говорит о серьезном подходе с твоей стороны. Но оно завело тебя слишком далеко, в область фантастических предположений и спекуляций. Из всего, что ты рассказал, могу подтвердить лишь два факта. Первый – мы действительно работали на блоке Уинтон. И второй – виновные в гибели наших людей наказаны. Это я сказал тебе вчера. А кто они такие и кто за ними стоял – это только твои догадки. Мало ли сколько самолетов и вертолетов разбились через полгода, год или полтора года после того трагического события в Австралии. Извини, но я не могу обсуждать с тобой этот вопрос.

– Хорошо. Забудем об этом. Я лишь хотел, чтобы между нами не было недомолвок. Теперь ты знаешь, что я провел расследование и пришел к некой версии. Если она не соответствует действительности, тем лучше. Но скрывать это я не считал нужным.

– Понимаю. Ну что ж, по главному вопросу мы договорились. Ты поможешь нам закончить разведку в Австралии, а мы сделаем для тебя работу в Канаде. Теперь мне надо вернуться в Израиль и сообщить об этом боссу. После этого составим детальный план. Обсудим его при следующей встрече. Я улетаю сегодня вечером. Эсти решила остаться на неделю. Если сможешь, удели ей немного внимания.

– Постараюсь. Когда твой рейс?

– В двадцать пятнадцать.

– Я подброшу тебя в аэропорт.

– Спасибо.

(окончание следует)

Владимир Порудоминский

Правила проигранной игры

Карты в повести «Смерть Ивана Ильича»

*...Мертвая насмешливо взглянула на него,
прищуривая одним глазом...*

А.С. Пушкин. «Пиковая дама»

1.

«...игде карты не вошли в такое употребление, как у нас: в русской жизни карты одна из непреложных и неизбежных стихий», – свидетельствовал П.А. Вяземский. Он полагал: «Можно бы написать любопытную книгу под заглавием: "Физиология колоды карт"»¹.

О «физиологии» карточной игры молодой Толстой, этих строк Вяземского не читавший, размышляет уже в первой своей литературной попытке, неоконченном рассказе «История вчерашнего дня». Он пишет о необходимом в обществе занятии, таком, чтобы и голова, и руки были заняты, при этом равно можно было бы говорить или молчать. «Такое занятие у нас и придумано – карты».

Карты заменили столь важное средство общения, как разговор: «Не от недостатка ума нет разговора, а от эгоизма. Всякий хочет говорить о себе или о том, что его занимает... Я не говорю о тех разговорах, которые говорятя оттого, что неприлично было бы не говорить, как неприлично было бы быть без галстука».

---

¹ Вяземский П.А. Старая записная книжка. М., 2000. С. 42-43. Далее все цитаты из П.А. Вяземского – там же.

«Во время игры можно и поговорить тоже и потешить самолюбие, сказать красненькое словцо, не быв обязанным продолжать на тот же лад, как в том обществе, где только разговор», – читаем далее. (У Вяземского: «Карточная игра имеет у нас свой род остроумия и веселости, свой юмор с различными поговорками и прибаутками».) Человек, не способный блеснуть в разговоре во время игры также не смотрится скучным: «Когда же в карты играют, <...> можно молчать не предосудительно».

В «Истории вчерашнего дня» уже ощутимы особенности толстовского повествования, которые позже получают укоренившееся название – «диалектика души». Описание игры в карты выявляет сложность, многослойность поведения человека, который подчас одновременно делает одно, говорит другое, думает и чувствует третье, но при этом и одно, и другое, и третье слиты в единое целое, где все – на своем уровне – сопряжено и обусловлено. Герой (рассказ от первого лица) играет в карты с женщиной, которая ему нравится, он любит ее, может быть, любит, они беседуют о чем-то незначительном, но при этом ведут «другой неслышимый разговор», передающий «таинственные отношения, выражающиеся незаметной улыбкой и глазами, и которых объяснить нельзя». Ему притом еще кажется, что у него руки нечисты, его мучает «прыщик на щеке именно с ее стороны».

Эпизод – игра в карты с женщиной, которой сказать о своих чувствах нельзя, но чувства при этом сами предаются в понятном только двоим «неслышимом разговоре», – повторится, написанный с высочайшим художественным мастерством, полвека спустя в «Хаджи-Мурате». Играют в карты у князя Воронцова: за ломберным столом оказываются ротный командир Полторацкий и красавица-княгиня Марья Васильевна, которая сидит рядом, «касясь его ног кринолином и заглядывая ему в карты».

В «Истории вчерашнего дня» Толстой намеревался воспроизвести один день жизни «со всеми впечатлениями и

мыслями» (24 марта 1851 года)². Партнершей Толстого за картами в описанный им день была жена его троюродного брата Луиза Ивановна Волконская. Полагают (С.А. Толстая в этом убеждена), что она стала прототипом «маленькой княгини» Лизе Болконской, жены князя Андрея. В «Истории вчерашнего дня» дама, беседуя за картами с героем и при этом ведя с ним «другой разговор», чертит что-то мелком на зеленом сукне. Эта подробность тоже повторится и в жизни (объяснение Льва Николаевича и Софьи Андреевны), и в литературе (объяснение Левина и Кити).

В раннем незавершенном рассказе, как в семечке, «воспоминания о будущем»: «Война и мир» – «Анна Каренина» – «Хаджи-Мурат».

2.

26 марта 1851 года, тогда же, когда пробует воспроизвести на бумаге внешние и внутренние события одного-единственного дня, в частности платоническую любовь героя («я ее люблю, но не потому, чтобы она могла принадлежать мужчине») и столь же «платоническую» карточную игру, Толстой заносит в дневник: «Мне очень захотелось играть. Боюсь, что не удержусь»(46, 56).

За ломберным столом с партнерами мужского пола Лев Николаевич предпочитает иные игры – те, что именуются азартными: банк, штосс, «палки» (модная игра в годы толстовской молодости).

В.И. Даль в «Толковом словаре» обозначает азартные игры как *случайные, роковые*. Если играют честно, в азартных играх ничего предсказать, тем более рассчитать нельзя: исход зависит от удачно выпавшей карты. Здесь нет искусства партнеров: человек играет со случаем. Рассматривая карточную игру как модель жизни, Ю.М. Лотман пишет: «Азартная игра – модель борьбы человека с Неизвестными Факторами». Тут же – о

---

² Толстой Л.Н. Полн.собр.соч. В 90 т. М-Л., 1928-1959. Т. 46. С. 55. Далее все ссылки на произведения Л.Н. Толстого даются по этому изданию прямо в тексте: первая цифра обозначает том, следующие – страницу. Цитаты из художественных произведений приводятся без ссылок.

«психологической потребности взрывов непредсказуемости»: «И если, с одной стороны, попытки угадать тайны непредсказуемости питались стремлением упорядочить неупорядоченное, то, с другой стороны, атмосфера города и страны, в которых «дух неволи» переплетался со «строгим видом», порождала жажду непредсказуемого, неправильного и случайного»³.

При этом даже самые отчаянные игроки, постоянно убеждаясь в непредсказуемости случая, дорожа этой убежденностью, пытаются найти *систему* преодоления случайного. Толстой с его математическими способностями и – в молодые годы – с неодолимым пристрастием создавать своды правил на все случаи жизни, не составляет исключения. В его записях, среди иных, посвященных тому же предмету, находим, например, подробно разработанные «Правила для игры в Москве до 1-го Января» (1851 года). В дневнике он помечает: «Все занимался вычислениями для игры в штосс, из которых верных правил нет, но следующие вероятны...» – далее опять-таки следуют подробные правила. Или: «Целый день играл в банк сам с собою. Правила вывел следующие...»(46, 51, 55)

Расчеты, прикидки, предварительные заготовки не помогают ни выигрывать, ни вовремя выходить из игры. Проигрыши Толстого удручающи: «Проиграл сверх того, что было в кармане...»; «Проиграл остальные деньги и проиграл то, чего заплатить не мог...»; «Мне мало было проиграть всё, что у меня было, я проиграл еще на слово...» (46, 83; 47, 20-21, 35) Он проигрывает коня, всю сумму, полученную от продажи в безвыходном положении большого яснополянского дома, в котором родился: «Два дня и две ночи играл в штосс. Результат понятный – проигрыш всего яснополянского дома... Желал бы забыть про свое существование...» (47,35) Но он продолжает играть.

«Три дурные страсти: игра, сладострастие и тщеславие», – записывает он о себе (46, 93). С тщеславием и

---

³ Лотман Ю.М. Карточная игра. – В кн.: Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. СПб, 1994. С. 141, 143.

сладострастием будет бороться всю жизнь, но в молодости ставит на первое место – *игру*.

На исходе 1850 года, будучи в трудном материальном положении, Толстой отправляется из Ясной Поляны в Москву «с тремя целями – 1) играть, 2) жениться, 3) получить место». Свое решение объясняет совершившимся в нем «большим переворотом»: он «перестал делать испанские замки и планы, для исполнения которых недостаточно никаких сил человеческих», «не презирает больше форм, принятых другими людьми» (46, 52, 38) («битые дорожки», как назовет он впоследствии). Померещившийся Толстому «большой переворот» не мог совершиться на деле, поскольку противоречит основным чертам его личности. Но играть он продолжает.

Размышляя о «физиологии» карт, он приходит к выводу, что люди, которые больше проигрывают, чем выигрывают, «не имеют страсти к выигрышу, но получают новую страсть к самой игре – к ощущениям» (46, 93).

Об ощущениях в азартной игре читаем у того же Вяземского: «Подобная игра, род битвы на жизнь и смерть, имеет свое волнение, свою драму, свою поэзию». И здесь же признание известного игрока: «После удовольствия выигрывать нет большего удовольствия, как проигрывать».

Страх проигрыша, житейские тяготы и душевные страдания, им приносимые, сопрягаются в натуре Толстого с размахом, смелостью, отчаянностью, – это влечет его к волнениям и драмам, которые дарит игра. Он производит сложные расчеты в поисках выигрыша, а брат, Сергей Николаевич, предупреждает его: «С твоим презрением к деньгам ты, пожалуй, там проиграешь что-нибудь значительное»⁴. В толстовском дневнике 1851 года обнаруживаем замечательную запись: «...и деньги люблю истреблять» (46,238).

Это удовольствие *истреблять* деньги вычитываем в «Двух гусарах». Старший Турбин, неожиданно оказавшийся владельцем тысячи трехсот рублей (других денег у него не имелось), тотчас бросает всю пачку «на гитару» старого

---

⁴ Переписка Л.Н. Толстого с сестрой и братьями. М., 1990. С. 43.

цыгана, требуя лишь, чтобы его с песнями проводили до городской заставы...

3.

В отличие от азартных – *роковых* – так называемые коммерческие игры требуют знания порой весьма сложных правил, умения строить игру. Случай, конечно, и здесь, как всюду в жизни, дает о себе знать, но игра ведется не со случаем – с партнером: нужно разгадывать его замыслы, переиграть не везением, а искусством. В Словаре Даля коммерческие игры толкуются как *ровные, расчетные*.

В «Двух гусарах» расчетную, коммерческую игру ведет Турбин-младший. Он обыгрывает предложившую ему ночлег простодушную помещицу, когда-то возлюбленную его отца.

Рассказ – о противостоянии времен, поколений. Натуры отца и сына Турбиных – двух гусаров – рознятся во всем. В мироощущении. В отношении к людям и отношения с людьми. В любви (безоглядная любовная авантюра отца – и пакостное, трусливое ухаживанье сына).

Карточная игра отцовского века – подлинно борьба на жизнь и смерть (как определил князь Вяземский): немереные тысячи на зеленом сукне, проигрыш всего, буйный самоуправный «отыгрыш» (насилием) у шулера, нечистыми приемами обобрававшего юного офицера, с которым подружился старший Турбин. Обдумывая образ гусара-отца, Лев Николаевич держит в памяти рассказы о своем двоюродном дяде Федоре Толстом-Американце, легендарном дуэлянте и игроке (в полицейском списке московских картежных игроков – под № 1), к которому относится с нескрываемой влюбленностью. Младший Турбин играет «по маленькой», выигрыш у растерянной партнерши востребует до «полтинки» и приходит под влиянием выигрыша в игривое расположение духа. По сути, он играет тоже «нечисто»: нарочито запутывает правила, его несметливой хозяйке неизвестные и заведомо непонятные.

«Два века ссорить не хочу...» – писал Пушкин. Толстой умышленно и резко ссорит два века. Век отца («времена Милорадовичей, Давыдовых, Пушкиных»),

который выразительно и точно определен в единственном (но на целую страницу!) вводном абзаце и коммерческий, расчетный (по Далю, такая игра еще и – *купеческая*) век сына. «Он был слишком пылкий человек... – говорит младший Турбин об отце. – Впрочем, все дело времени. В наш век он, может быть, вышел бы и очень дельный человек».

Дело *времени*... В «Двух гусарах» Толстой показывает, как время, век, вырабатывает («делает») человека по своим типовым меркам. Стала хрестоматийной сцена «роковой» игры Николая Ростова с Долоховым, но там же, в «Войне и мире», обретут жизнь (через десять лет после «Двух гусаров») дельные, всегда предусмотрительные Борис Друбецкой и Берг: в век роковых игр они сдержанно, расчетливо передвигают на доске шахматные фигуры. И все же для Толстого это время Турбина-старшего. «Есть характер того времени (как и характер каждой эпохи)... И этот характер я старался сколько умел выразить», – объясняет Толстой в статье «Несколько слов по поводу книги «Война и мир».

Лев Николаевич пережил век азартной игры, как в себе пережил с годами азарт к игре, но и в век игр коммерческих, если оказывался за ломберным столом, загорался прежней страстью. Об этом примечательно у Максима Горького: «Как странно, что он любит играть в карты. Играет серьезно, горячась. И руки у него становятся такие нервные, когда он берет карты, точно он живых птиц держит в пальцах, а не мертвые куски картона»⁵.

4.

Повесть «Смерть Ивана Ильича» начинается с того, что собравшиеся в присутственном месте сослуживцы и к тому же карточные партнеры главного героя узнают из газеты о его кончине. Один из них, стоявший ближе других к покойному, товарищ его еще по Училищу правоведения, некто Петр Иванович полагает необходимым исполнить «очень скучные обязанности приличия» и отправляется на

---

⁵ М. Горький. Лев Толстой. – В кн.: Л.Н. Толстой в воспоминаниях современников. В 2-х т. Т. 2. М., 1978. С. 476.

панихиду и к вдове с визитом соболезнования. Его томит мысль, что «скучные обязанности» помешают ему привычно и приятно провести вечер за зеленым столом.

В доме усопшего Петр Иванович, названный в рассказе только по имени, встречает еще одного сослуживца, названного только по фамилии (и то, и другое неслучайно, конечно) – Шварца. Выбор фамилии тоже, конечно, не случаен: Шварц – *черный*. Цвет живет в сознании большинства людей, как правило, с отрицательным знаком (генетически это восходит к первобытному страху темноты). Черный – цвет карточных мастей, черные карты в гадании часто предвещают недоброе. Но *черный*, оборачиваясь существительным, еще и нечистый, черт, с его темными искушениями и соблазнами. Толстой всегда обдуманно отбирает необходимую подробность и, найдя, не скупится напоминать о ней. Шварцу сопутствует эпитет «игривый»: *игривый* характер, *игривый* взгляд, *игривая* фигура, *играет* обеими руками за спиной своим цилиндром. «Игривый», по Далю, резвый, пылкий, скорый и разнообразный в движениях тела и ума, также и – *охочий играть* (всё определения, заметим, подобающие и *черному* – существительному – искусителю, *лукавому*).

Возле покойника Шварц соблюдает свойственную ему изящную торжественность, не оставляя однако и обычной игривости. Он подмигивает Петру Ивановичу, и тот вдруг усматривает в ситуации нежданную «особенную соль»: «Глупо распорядился Иван Ильич; то ли дело мы с вами». Шварц увлекает Петра Ивановича от ненужных мыслей о жизни и смерти в то обычное и приятное, где «мы с вами»: он желал бы, понимает Петр Иванович, сговориться, где *повинтить* нынче. Вид мертвеца, «упрек или напоминание живым» в выражении его лица неприятны Петру Ивановичу, но взгляд на игривую фигуру Шварца «освежает» его: «Петр Иванович понял, что он, Шварц, стоит выше этого и не поддается удручающим впечатлениям. Один вид его говорил: инцидент панихиды Ивана Ильича никак не может служить достаточным поводом для признания порядка заседания нарушенным, то

есть, что ничто не может помешать нынче же вечером шелкануть, распечатывая ее, колодой карт, в то время как лакей будет расставлять четыре необожженных свечи; вообще нет основания предполагать, чтобы инцидент этот мог помешать нам провести приятно и сегодняшний вечер».

Вдова Ивана Ильича желает побеседовать с Петром Ивановичем, и ему становится ясно, что уйти с панихиды не удастся. Подмигивание Шварца красноречивее слов: «Вот те и винт! Уж не взыщите, другого партнера возьмем. Нешто впятером, когда отделаетесь», – сказал его игривый взгляд».

Вдова, «расширявшаяся от плеч книзу», пробуждает в памяти образ карточной дамы, в ее черном платье и черной кружевной мантильи, скорей всего, пиковой. Петр Иванович и вдова ведут predetermined правилами игры для подобных случаев разговор, который, как и карточные робберы, перемежается денежными подсчетами (обсуждаются цены за место на кладбище, возможность получить в связи со смертью мужа денег от казны). Слушая рассказ вдовы о предсмертных страданиях Ивана Ильича («Ах, что я вынесла!»), Петр Иванович на мгновение упускает игру из рук – примеряет услышанное на себе: ему становится страшно. Но вспоминает лицо Шварца и тотчас возвращается к игре: с интересом расспрашивает подробности, «как будто смерть была такое приключение, которое свойственно только Ивану Ильичу»...

Хотя и с некоторым опозданием, Петр Иванович отправляется все же *повинтить* и удачно успевает вступить в игру.

5.

Сын Толстого, Сергей Львович, вспоминает разговор с отцом: «Однажды он сказал мне: «Каренон – у Гомера – голова. Из этого слова у меня вышла фамилия Каренин». Не потому ли он дал такую фамилию мужу Анны, что Каренин – головной человек, что в нем рассудок преобладает над сердцем, то есть чувством?»⁶

Фамилия Ивана Ильича – *Головин*.

---

⁶ Литературное наследство. Т. 37-38. М., 1939. С. 569.

И.И. Головин, в отличие от А.А. Каренина, человек весело-добродушный и общительный, но, так же, как у Каренина, вся его жизнь, без остатка, обусловлена совокупностью определенных правил и приемов, которым он неукоснительно следует. «Самая простая и обыкновенная жизнь» Ивана Ильича потому и «самая ужасная», что это – не настоящая жизнь, предполагающая свободу мысли и развитое нравственное чувство, а подчинение себя своду составленных кем-то правил и приемов. Но именно так, как занятие, обусловленное правилами и приемами, принято определять понятие игры. (Не поленимся еще раз заглянуть в Словарь к Далю: *игра* – «забава, установленная по правилам»).

Жизнь как игра (игра еще и лицедейство) обнаруживает себя в смене масок, непременно сопутствующей каждому перемещению героя по службе. Всякое место предлагает тому, кто его занимает, опять-таки предусмотренное самоощущение и, соответственно, поведение, которые Иван Ильич без труда, с непосредственностью чувства и убеждения «натягивает» на себя вместе с новым, впору сшитым мундиром.

Не просто заученное – впитанное с правилами игры, непринужденное, как бы естественное приноровление к обстоятельствам столь же непринужденно сопрягается с приноровлением обстоятельств к задаче сделать жизнь «легкой, приятной и приличной». Иван Ильич постоянно ограничивает мир вокруг, устраняя из него все, что вмешивается в ход игры, нарушает ее правила, мешает исполнению задачи. Когда вскоре после женитьбы он замечает, что семья «не содействует всегда приятностям и приличию жизни», он «ограждает себя от этих нарушений», «выгораживает свой независимый мир». Этот «независимый» мир оказывается в конечном счете поделен на две равные части, сходные и продолжающие одна другую, как две половинки игровой карты: мир игры служебной и мир карточной игры.

На службе дело у Ивана Ильича идет не просто «легко, приятно и прилично», но того более – *виртуозно* (Толстой несколько раз подряд выбирает это нечастое у него

слово, обозначающее высокое *качество игры*). Он возвращается домой «с чувством виртуоза, отчетливо отделавшего свою партию, одну из первых скрипок в оркестре» (опять вводится элемент игры), чтобы с таким же приятным чувством сыграть карточную партию, которые Иван Ильич тоже умеет «отделывать» виртуозно. За зеленым столом он быстро соображает, играет очень тонко и, как правило, остается в выигрыше. С первых шагов на служебном поприще Иван Ильич так же тонко и сообразительно научился отделять «служебное» от «человеческого». «Человеческое», каким представляется оно Ивану Ильичу, всего полнее чувствуется им в перипетиях карточной игры, поэтому радость хорошо удавшейся игры, радость выигрыша (маленького: «большой – неприятно») оказывается для него самой полной, самой настоящей радостью («Радости служебные были радости самолюбия; радости общественные были радости тщеславия; но настоящие радости Ивана Ильича были радости игры в винт»).

Иван Ильич пристрастился к картам на пятом году службы. Сначала мы читаем, что он играет в вист, потом, что – в винт. Это не авторская прихоть, тем более не описка: Толстой точно следует хронологии карточной игры в России. В семидесятых годах XIX века прежде широко распространенный вист начал быстро уступать место винту, игре на основе виста, но более энергичной, с более сложными правилами. Винт – русское изобретение, поначалу он даже именовался «сибирским вистом»; в конце семидесятых он повсеместно почти полностью вытеснил вист. Служебная деятельность Ивана Ильича приходится на 1859-1882 годы. Винт появляется в повести соответственно на рубеже восьмидесятых годов.

6.

Карты в колоде практически ничего не значат до тех пор, пока неизвестны правила игры. Только игра «устанавливает порядок». Более того: «она сама есть порядок». Порядок этот непреложен: «малейшее отклонение

от него мешает игре, ...лишает ее собственной ценности»⁷. Лишь в игре по объявленным правилам картонные листки с изображением фигур или очков обретают цену. При определенных условиях шестерка дороже короля, нужная карта в комбинации важнее большей, став козырной карта обретает иной вес и иные возможности.

Повесть Толстого, едва приступаешь к чтению, несколько удивляет упоминанием, некоторым даже нагромождением имен, носители которых никак не охарактеризованы ни внешне, ни внутренне. Просто: Иван Егорович Шебек, Федор Васильевич, Петр Иванович (последние двое без фамилии), Тут же, следом: Алексеев, Винников, Штабель (без имени и отчества). Всё это сослуживцы и карточные партнеры Ивана Ильича и, вместе с ним, карты одной колоды, которые (которыми) с началом повести начинают игру. Нам совершенно незачем знать их индивидуальные особенности: на примере «обыкновенной жизни» Ивана Ильича мы поймем, что таковые значения не имеют, – особенности каждого возникают в процессе игры, в зависимости от характера участия в ней. Игра создает человека, поскольку человек подчиняется ее правилам.

Про отца Ивана Ильича, видного чиновника, в повести сказано: «ненужный член разных ненужных учреждений». Но для людей, проживающих жизнь Ивана Ильича, для Петров Ивановичей, Иванов Егоровичей, для Винниковых, Штабелей, Алексеевых ощущение собственной нужности, то или иное самосознание, самоощущение возможны только в ролях партнеров или контрапартнеров, собравшихся для игры в стенах, созданных по игровым правилам учреждений, или, если по-другому взглянуть, в предназначенной для каждого роли той или иной карты в колоде, распечатанной для игры.

Умирая, Иван Ильич вспомнит некогда зазубренный силлогизм из учебника логики: Кай – человек, люди смертны, потому Кай смертен, – силлогизм, всю жизнь казавшийся правилом, непреложностью, – и восстанет

---

⁷ Хейзинга Й. Homo Ludens. Статьи по истории культуры. М., 1997. С. 21, 29.

против него. Нет, он не – отвлеченный Кай, он – Иван Ильич с собственными чувствами и мыслями, радостями, горестями, воспоминаниями!.. Трагизм здесь не только в естественном нежелании человека умирать, но еще более как раз в том, что прожитая жизнь с нажитым виртуозным умением отделять «служебное» от «человеческого», заменять всё «сырое, жизненное» основанными на расчете правилами игры превратила Ивана Ильича в отвлеченность, в Кая силлогизма, в игральную карту, и такими же отвлеченностями, Каями, картонками с назначенным правилами игры значением были его партнеры и контрпартнеры, Петры Ивановичи, Иваны Егоровичи, Винниковы, Штабели...

Игра начинается первым сделанным ходом, который предлагает возможность наметить тактику, рассчитывать варианты. Таким первым ходом в повести становится известие о смерти Ивана Ильича. Теперь на его место может быть назначен Алексеев, на место же Алексеева – Винников или Штабель. «Так что, услышав о смерти Ивана Ильича, первая мысль каждого из господ, собравшихся в кабинете была о том, какое значение может иметь эта смерть на перемещения или повышения самих членов или их знакомых». Каждый из партнеров тотчас прикидывает свой план игры. Федор Васильевич предполагает пересесть на должность Штабеля или Винникова (что дает ему выигрыш в восемьсот рублей прибавки), Петр Иванович желал бы на одно из освобождающихся мест перевести шурина из Калуги.

Партия, начатая смертью Ивана Ильича, останется за пределами повести, которая смертью его заканчивается. «Расклад карт», открывающий повесть, заблаговременно осведомляет нас, что прожитая жизнь героя повести лишь одна из сыгранных партий, что «инцидент» его смерти не может помешать оставшимся пока в живых играть дальше (может быть, точнее – участвовать в продолжающейся игре), о чем им – живым – всем своим видом, самым своим появлением в повести напоминает *игривый* черный Шварц.

7.

Иван Ильич умеет вести умную игру, но и контрпартнеры кое-чего стоят, и ошибаться (иногда), конечно, случается, и карты выпадают не всегда как хотелось бы.

В сложной партии, где ставкой место председателя (чего-то) в университетском городе (географические названия в повести, притом, что Иван Ильич, получая новую должность, пять раз переезжает с места на место, также отсутствуют: география здесь тоже – отвлеченность) противником Ивана Ильича оказывается некто Гоппе – ни имени и отчества, ни должности, ни каких-либо отличительных черт. Да оно и не нужно: просто – «Гоппе», единожды упомянутый, некто или нечто, хитрый ход карты, взявший ставку, которую, казалось поначалу, возьмет Иван Ильич (или которая возьмется Иваном Ильичом): «Гоппе забежал как-то вперед и получил это место». Иван Ильич едва ли не впервые в своей игре делает существенные промахи, теряет самообладание, ссорится с Гоппе, с ближайшим начальством, партнеры перестают его поддерживать, он проигрывает еще роббер: «в следующем назначении его опять обошли».

Иван Ильич решает сменить партнеров, начать новую игру за новым столом, – стать картой в другой колоде. Он отправляется в Петербург за новым назначением. «Он уже не держался никакого министерства, направления или рода деятельности. Ему нужно только было место, место с пятью тысячами, по администрации, по банкам, по железным дорогам, по учреждениям императрицы Марии, даже таможни...» (Помним, в «Анне Карениной» с намерением взять подобную ставку – получить некое отвлеченное «теплое взяточное место» члена от комиссии соединенного агентства кредитно-взаимного баланса южно-железных дорог и банковских учреждений – стать «ненужным членом ненужных учреждений» – едет в Петербург Стива Облонский).

Но уже в поезде отчаявшийся было Иван Ильич вдруг получает козырную карту (или: узнает, что его масть стала козырной). К нему в первый класс подсаживается

некто (некто) «Ф.С. Ильин, знакомый» и сообщает про ожидаемый переворот в министерстве: на место Петра Ивановича назначают Ивана Семеновича. (Замечательный персонаж – поди найди еще такой в литературе! – этот «Ф.С. Ильин, знакомый», поименованный будто в списке действующих лиц, или в служебном списке, или, того более, на этикетке! Как «Гоппе», карта, брошенная на зеленое сукно для того лишь, чтобы обозначить проигрыш Ивана Ильича, так «Ф.С. Ильин, знакомый», выкладывается картой, возвестившей его выигрыш. Может быть, неслучайно: Иван *Ильич* – Ф.С. *Ильин* – знак одной масти?) «Предполагаемый переворот, кроме своего значения для России, имел особенное значение для Ивана Ильича тем, что он, выдвигая новое лицо, Петра Петровича и, очевидно, его друга Захара Ивановича, был в высшей степени благоприятен для Ивана Ильича. Захар Иванович был товарищ и друг Ивану Ильичу» (четко определенная комбинация). Уже через неделю Иван Ильич телеграфирует жене: «Захар место Миллера при первом докладе получаю назначение».

Иван Ильич тотчас начинает игру по правилам, предписанным новым положением. Он переезжает «из провинции» (сказано в тексте) в Москву (Москва в окончательной редакции не названа, но несколько раз упоминается в черновиках) и отдается устройству квартиры, соответствующей игре согласно этим правилам: «Запнувшаяся жизнь приобретает настоящий, свойственный ей характер веселой приятности и приличия».

Чтобы человеку, живущему «самой простой и обыкновенной жизнью» Ивана Ильича открылась вся неистинность проживаемой жизни («самая ужасная»), необходим совсем иной переворот, нежели назначение Ивана Семеновича на место Петра Ивановича. Вознесенный на значительную высоту служебной лестницы, Иван Ильич разом оказывается на две степени (*ступени*) выше своих товарищей. Но избежав падения на лестнице служебной, он срывается с обыкновенной лесенки, на которую взобрался, чтобы показать обойщику, как повесить гардину в новой квартире. Событие незначительное, воспринятое поначалу

не более как забавный кунштшюк (рассказывая о нем домашним, Иван Иванович представляет – *разыгрывает* – сценку в лицах), оборачивается роковым. Но выигрыш не оборачивается проигрышем. Он оборачивается прозрением.

8.

Болезнь не желает подчиняться принятым правилам, разрушает игру. На службе, в суде, когда Иван Ильич с привычкой виртуоза ведет дело, вдруг появляется боль и начинает «*свое* сосущее дело». И когда садятся *повинтить* и на руках хорошие карты, когда игра складывается удачно, и ясно уже, что противник без взяток – *большой шлем*, в игру вдруг вмешивается боль, начинает *винтить*, – радость угасает. Партнер (Михаил Михайлович) подвигает к нему поближе взятки, чтобы не утруждал себя, Иван Ильич сердится («Что же он думает, что я так слаб, что не могу протянуть далеко руку?»), ошибается и проигрывает *шлем*. Игривый Шварц особенно раздражает Ивана Ильича, потому что напоминает ему его самого, прежнего, напоминает, что игра продолжается, будет продолжаться. Иван Ильич не любит игру впятером, когда по очереди надо пропускать партию («уж очень больно выходить» – не пропустим это: *больно* – не играть), не любит оказываться лишним; с развитием болезни его все чаще угнетает мысль, «что к нему приглядываются, как к человеку, имеющему скоро опростать место» – на службе, за карточным столом, то есть в жизни.

Самое страшное разрушение, производимое болезнью, в том, что он все резче отличает игру от жизни, все острее – *болезненное* – замечает повсюду игру, по правилам которой выстроена система принятой им жизни, все яснее сознает, что жизнь по этой системе – не подлинная, ложная жизнь. Понятие *ложь* как синоним жизни-игры, чем ближе к концу, тем энергичнее возникает в тексте.

Игру, ложь он с ужасающей очевидностью угадывает в каждом жесте, в каждой фразе колдующих над ним врачей, в их напускной игривости и напускной учености, в плетении словес там, где ждет от них ясного ответа на единственный и главный вопрос – о жизни и смерти. Как в зеркале видит

он в докторях себя самого, разыгрывающего свою роль, видит маски, какие он сам натягивал на себя в зависимости от роли, которую случалось играть (чиновника особых поручений, следователя, прокурора), в зависимости от дела, которое выпадало разбирать; докторские умопостроения – «взвешивание вероятностей» – та же игра ума, то же взвешивание вероятностей, которое заполняло его жизнь, служебную, карточную.

Болезнь побуждает его обдумывать свою жизнь не так, как привык – рассчитывая вероятности наперед (Петр Иванович вместо Ивана Семеновича, Захар вместо Миллера), но устремляясь мыслью в обратном направлении, все дальше (глубже), шаг за шагом ощупывая памятью прошлое, отделяя истинное от ложного, от игры («Начиналось всегда с ближайшего по времени и сводилось к самому отдаленному, к детству, и на нем останавливалось»). И все несомненное, что некоторое истинное – это запах кожаного с полосками мячика, шуршание шелка материнского платья, осязание сафьяновой кожи отцовского портфеля, особенный вкус французского чернослива, который ел ребенком, ну, еще какой-то смешной бунт в Училище правоведения, какая-то юношеская влюбленность... – всё то, что потом отброшено, как «сырое и жизненное», заменено игровыми правилами легкой, приятной и приличной жизни: «И что дальше, то мертвее. Точно равномерно я шел под гору, воображая, что иду на гору».

Оборудование квартиры, призванной как бы материально воплотить – опять же в согласии с принятыми правилами игры – завоеванную в таком «обратном» движении вершину (в квартире было «все то, что все известного рода люди делают, чтобы быть похожими на всех людей известного рода»), становится началом конца Ивана Ильича, или, может быть, возвращением к началу (как взглянуть), рубежом, откуда, мучительно прозревая, он начнет подлинное восхождение.

«Ложь, ложь эта, совершаемая над ним накануне его смерти, ложь, долженствующая низвести этот страшный торжественный акт смерти до уровня всех их визитов,

гардин, осетрины к обеду», делает самую смерть живее омертвелого существования, освобожденного от всего «жизненного».

Семейство, оставляя умирающего Ивана Ильича, отправляется в театр – гастролирует знаменитая Сара Бернар. Театр – совершенная условность, условность по определению (Толстой ее остро ощущает – об этом еще в «Войне и мире»). Театр определяется понятием «игра», взятым не как замена сущности, а как сама сущность. Текст, повествующий о том, как супруга, дочь, жених дочери, сын-гимназист перед отъездом в театр, заходят к умирающему Ивану Ильичу, смотрятся, как театральная сцена. Помечен внешний вид действующих лиц, костюмы. Реплики призваны скрыть истинные чувства и потому с особенной очевидностью их обнажают. Иван Ильич думает о смерти, домашние хотят не замечать этого и, лицедействуя, рассуждают о лицедействе: «Начался разговор об изяществе и реальности ее игры – тот самый разговор, который всегда бывает один и тот же». Остающимся в живых хочется поскорее в театр, но приходится соблюдать правила игры. Жизнь, превращенная в театр, в игру, не останавливается: абонированная ложа, посещение спектакля, заезжая знаменитость и разговоры о ней такая же часть игрового действия, как визиты, гардины, осетрина к обеду, прощание с умирающим...

Когда близкие покидают комнату, Ивану Ильичу кажется, что с ними ушла ложь. Он просит прислать к нему Герасима.

9.

Первый эпитет, сопутствующий появлению Герасима в тексте, – «легкий»: он входит в повесть *легкими шагами*. И после, появляясь, ступает непременно *легко*. Что ни делает Герасим, он делает всё быстро, ловко, мягко, действуя своими сильными руками «так же, как он *легко* ступал». Он распространяет вокруг себя *приятный* запах дегтя от сапог и свежести зимнего воздуха. Назначенный исполнять при умирающем самую грязную работу, он исполняет ее с необыкновенным достоинством, с *приличием*, не в принятом, а в изначальном смысле слова (*сообразно*).

Процесс умирания, который как нечто не предусмотренное правилами игры, низведен окружающими «на степень случайной неприятности, отчасти неприличия», для буфетного мужика достойное, венчающее дело жизни. Ивану Ильичу неприятно, что Герасим убирает за ним нечистоты, но для Герасима это обыкновенная, серьезная обязанность в ряду других серьезных обязанностей жизни. «Все умирать будем. Отчего же не потрудиться?» – отвечает он на извинения Ивана Ильича, «выражая этим то, что он не тяготится своим трудом именно потому, что несет его для умирающего человека и надеется, что и для него кто-нибудь в свое время понесет тот же труд». «Низкая» и неприятная бытовая обязанность оборачивается явлением достойным, всеобщим, бытийным. Не правила игры, а начала истинной жизни определяют ход мысли и поведение Герасима. И с каждым шагом к смерти, понемногу, наощупь, пробиваясь из условного существования к подлинному, Иван Ильич начинает понимать – может быть, даже больше чувствовать, ощущать, – что не кто иной как буфетный мужик Герасим и живет подлинно *легкой, приятной и приличной* жизнью.

Боль у Ивана Ильича стихает, когда Герасим высоко поднимает и кладет к себе на плечи его ноги. Это не только своеобразное воспроизведение мифа об Антее, обретающего утраченные силы, когда прикасается к Земле. Это еще и странный, почти зримый образ игральной карты: две сложенные воедино полуфигуры с головами в разные стороны. Но если в картах, которыми всю жизнь играл Иван Ильич, полуфигура на противоположной части листа без труда и равноценно заменялась любой другой (Иван Семенович вместо Петра Ивановича, Захар вместо Миллера, теперь же и вовсе Алексеев вместо самого Ивана Ильича, а вместо Алексеева или Винников, или Штабель), то эта карта для игры не годится. Герасим все делает ловко, по народному определению – *играючи*, но он занят жизнью, а не игрой.

В противоположность *игривому, черному* Шварцу, Герасим – *веселый, ясный*. Сопутствующие эпитеты: *чистый, свежий*. Единственная настоящая радость для карты из «колоды Шварца» – радость игры. Герасим *сияет*

радостью жизни. Отрывая ноги от привычного паркета и положив их на плечи Герасима, Иван Ильич начинает отличать жизнь от игры истину от лжи, начинает искать и ценить жизненное, человеческое, которое так долго исключал из своих отношений с самим собой и с миром вокруг. Перед смертью в душе Ивана Ильича пробуждается любовь. Последние его мысли – о любви. И последние слова – тоже⁸. На краю смерти Герасим в душе его побеждает Шварца (или: в борьбе за душу его побеждает?). «Вместо смерти был свет»...⁹

10.

Повесть кончается смертью Ивана Ильича. Но знаем ее продолжение. Оно – в начале повести. Можно еще раз прочитать текст уже как жизнь (смерть) Петра Ивановича, Ивана Егоровича, Ф.С. Ильина.

В трактате «О жизни», где находим своего рода философское обоснование и развитие повести, Толстой пишет, что духовное рождение – уяснение нравственной истины, любви как смысла жизни – освобождает человека от страха смерти и от самой смерти. Трактат поначалу озаглавлен «О жизни и смерти», но по мере работы над ним, все более осознавая жизнь не только как навсегда данное, ныне принятое отношение к миру, но и как установление нового отношения к миру благодаря возможности всё большего подчинения животной личности разуму и всё большего проявления любви, Толстой оставляет в названии лишь – «О жизни».

---

⁸ Свообразная «каренинская» ассоциация. Перед смертью, в минуту высокого душевного напряжения, Иван Ильич хочет сказать жене: «прости», но ошибается и, не в силах поправиться, говорит: «*пропусти*». Помним: во время объяснения с Анной, волнуясь, Каренин никак не может выговорить: «перестрадал» и произносит в конце концов: «*пелестрадал*».

⁹ Вскоре после завершения «Смерти Ивана Ильича» Толстой обдумывает замысел легенды «Разрушение ада и восстановление его». Персонажами ее выступают дьяволы самого различного облика, которые, искушая людей, «заведуют» всеми отраслями человеческой деятельности и способами времяпровождения.

Повесть о жизни героя, из которой с вовлечением в условия игры всё более уходила жизнь («одна точка светлая там назад, в начале жизни, а потом всё чернее и чернее») и в которую с болезнью, с выходом из игры всё более проникало прозрение («вместо смерти был свет»), повесть, где с последним вздохом героя в душе его ясно отзывается: «Кончена смерть. Ее нет больше», – Толстой озаглавливает «Смерть Ивана Ильича».

В раздумьях Толстого постоянно повторяется мысль о вечности жизни: смерть, нами проживаемая, есть пробуждение от жизни, пробуждение в жизнь.

Возле гроба буфетный мужик Герасим, «всегда веселый, ясный», ступая легкими шагами, посыпает что-то по полу, чтобы устранить запах смерти.

Искуситель Шварц, игриво подмигивая, приглашает живых забыть о смерти, продолжать игру. Сослуживцы и партнеры, шелканув, распечатывают колоду, сдают, берут взятки, выигрывают и проигрывают, пересаживаются с места на место, рассчитываются, меняют партнеров, кажется, предполагая, что затеянная игра продолжится вечно.

У Пушкина в набросках к замыслу о Фаусте:

– Молчи! Ты глуп и молоденек.

Уж не тебе меня ловить.

Ведь мы играем не для денег,

А только б вечность проводить!..

Мог ли Пушкин не чувствовать глубокой многозначности слова?..

Вечность не *проводишь*.

Не *проведешь*.

Нет, не *проведешь*...

Евгения Ласкина

Третья книга Даниэля Тамара

Поскольку журнал «Семь искусств» готовит к публикации (по частям) третью книгу Даниэля Тамара «Тени прошлого...», я решила предварить ее с согласия автора своеобразным введением.

Читателю, знакомому с первыми двумя объемистыми книгами Даниэля Тамара («Избранные размышления по дороге к морю» и «Незаконченный сонет»), наверняка будет любопытно познакомиться с его новой книгой.

Несмотря на заверения автора в том, что писать больше не будет, он таки сел писать снова. Решение не писать исходило не из того, что автор иссяк (в творческом

плане он неиссякаем), а чисто по прозаической причине: заниматься судьбой книги после ее выхода в свет он не хочет и не может – для этого тоже нужен талант, но другой, которым он не обладает.

Однако будоражившие, по словам Даниэля, странные образы, пестрые картины, пейзажи, истории постоянно проплывали перед его глазами и не давали спокойно жить. Чтобы отвязаться от всего этого, он сел и написал третью книгу под названием «Тени прошлого. Двадцать четыре коротких и не очень новеллы. Двадцать пять сонетов».

После первых двух книг Даниэль Тamar, начавший писать в довольно зрелом возрасте, все еще продолжал в кругу друзей скромно замечать, что не считает себя писателем. Но уж третья книга, хочется верить, убедила его (читатель и так убежден) в наличии у него писательского таланта. Кто это говорил, что «писатель тот, кто не может не писать»? А Даниэль Тamar, кроме того, что не может не писать, еще обладает неординарным мышлением, богатейшим воображением, умением находить фабулу и виртуозно производить композиционные построения текстов, облекать их в добротные словесные одежды, поэтические и повествовательные. И еще: у него есть, что сказать людям, ибо его эрудиции, энциклопедическим знаниям во многих сферах – в истории, искусстве, литературе, религии и проч. и проч. – можно только позавидовать. Так что сомнения: «писатель – не писатель?» начисто отпадают.

Отрадно также, что Даниэль Тamar в каждой последующей книге блещет новыми гранями таланта. На этот раз он показал себя мастером коротких новелл, сюжеты для которых родились в его голове. Лишь три новеллы навеяны уже существующими произведениями, например, итальянскими хрониками XVI века или хрониками времен гетмана Богдана, либо стихотворением Роберта Фроста. В таких случаях он сообщает об этом читателю. Все же остальное – плод его фантазии.

Действия в придуманных историях автор переносит в разные страны и эпохи, по большей части в минувшие – не

зря же называется книга «Тени прошлого». Да и сам автор поясняет в конце книги, что будущее «зыбко, туманно, непредсказуемо...изменчиво». Ему «с прошлым легче доживать жизнь...». Но где бы и когда бы ни разворачивались события и действия, автор показывает нам, что человеческая суть – это нечто постоянное. Вероломство, предательство, жадность, жестокость, сластолюбие, равно как и положительные свойства человеческой природы, остаются во все времена и на всех континентах неизменными.

В коротких новеллах Даниэль Тамар отчасти напоминает мне художника-рисовальщика, который сел рисовать банальную вещь, скажем, чайник или зеленую ветку, и так тщательно прописывает эти обыденные предметы, что их изображение хочется потрогать. И Даниэль, тоже, беря порой за основу нечто повседневное, делает его живым, осязаемым, с той лишь разницей, что не прописывает в деталях, а пользуется смелыми и верными штрихами.

Например, в новелле «Остановка на лесной дороге в зимних сумерках» есть такой абзац: «Старый тунгус снова подходит к рыжей кобылке. Он гладит ее, она прижимается своей теплой, чуть слюнявой мордой к небритой щеке, мягкие губы щекочут острый подбородок хозяина, по щекам тунгуса текут слезы. Здесь, в безмолвном густом лесу, в поздних чернеющих сумерках, рядом со своей уже единственной рыжей пособницей, он может поплакать, ибо ему есть о чем поплакать: "Что будем делать, Алена? – спрашивает он, – чего домой-то идти, никто не ждет дома. Нету Мани, Алена, нетути, схоронили мы Маню. Что же мы будем делать, Алена, без Мани?"» И такая безысходность в этой сценке, такое пронзительно-щмяющее чувство одиночества предстают в воображении читателя, будто он сам там находится, все видит, слышит и переживает. Новелла навеяна замечательным стихотворением Роберта Фроста «Остановка у леса зимним вечером».

В других новеллах действуют сэры, лорды, герцоги, тираны, рабы, простые люди – евреи и неевреи. В них бушуют страсти, льется кровь, есть в них коварство, любовь,

измены, хитросплетения судеб... Некоторые новеллы достигают высокой степени совершенства и приближаются к маленьким шедеврам. Их отличают парадоксальность, крутая фантазия, лиричность, глубина подтекста... К образцам высокой прозы можно отнести новеллы «Черные Шхеры», «Пути Господни», «Из хроники времен гетмана Богдана», «Странники», «Западня», «Раб», «Переправа», «Отправитель в рай», «Зеленые», «Засада у Аякучо».

Новая грань авторского таланта в книге «Тени прошлого» проявляется и в поэзии. Есть у Тамара шесть сонетов (3-й, 4-й, 6-й, 9-й, 21-й и 24-й), не имеющих общего содержания. Например, в 3-м, 21-м и 24-м сонетах каждая строка катрена или терцета представляет законченное предложение. Четырнадцать строк – это четырнадцать отдельных картин, не связанных с предыдущими и последующими картинами. А все вместе дают широкую панораму жизни или исторических событий. А в 4-м, 6-м и 9-м сонетах каждая тема-картина заключена в двух строчках. Автор говорит, что изобрел такую форму сам.

Вот пример однострочных картин:

Сонет 3

Отец-садист в руках сжимает кнут.
Сверкает рыцарь серою броней.
Вонзил еврей взгляд коршуна в Талмуд.
Блестит, как жемчуг, череп под луной.

Вершит Сын Божий свой последний суд.
В бреду шептал стихи поэт больной.
Стервятники паденья львицы ждут.
Бредет философ с тощею сумой.

В концлагере сирени куст расцвел.
И тянет плуг старик, как дохлый вол.
И ночь холодная на мертвый храм садится.

В местечке отгремел уже погром.
В молитве замер разорённый дом.

И с криком пронеслась ночная птица.

Интересны и такие сонеты, как 8, 16, 19, 23, а первый и последний сонеты являются ключевыми и таят в себе глубокий философский смысл.

Теперь о другом. Кто-то, возможно, скажет, что поэзия Даниэля Тамара несколько тяжеловесна. Попытаюсь высказать по этому поводу свои соображения. Даниэль намеренно пишет именно так. В своей первой книге, например, в стихотворении «Цветок», он показал образец легкого и изящного слога. Просто речь тогда шла о редком пурпурном ирисе. Это была настоящая лирика. Но автор со всей откровенностью признается на первой странице новой книги: что вообще лирика и, в частности, «любовная лирика, чувственные переживания, разочарования и восторг» – не для него. Зная автора, как человека несколько замкнутого, не могу представить, чтобы он распахивал свою душу для всего света. Лирика – это своеобразный душевный стриптиз, а Даниэль не желает обнажаться. «Кому это интересно!» – восклицает он в личной беседе. Поэтому он и пишет так, как пишет, ибо речь идет об истории, Библии, мифах и других серьезных вещах.

...Следует отметить, что Даниэль Тамар верен себе: он по-прежнему стремится поиграть с читателем, заставить перечитывать дважды и более новеллы и сонеты, шевелить мозгами, чтобы понять, кто есть кто, какой потаенный смысл скрывает та или иная фраза. А иногда, чтобы знать, о чем идет речь, читателю не достает знаний, неизвестны жизненные истории великих людей, не прочитаны те книги, на героев которых ссылается автор. Например, в выше приведенном сонете есть строка: «В бреду шептал стихи больной поэт». Это о ком речь? Не об Осипе ли Мандельштаме? Или через строку: «Бредет философ с тощею сумой». Я не смогла припомнить такого философа и спросила у автора. Оказывается, нищих философов, бродивших по свету, было несколько, и среди них украинский Сковорода и древнегреческий Диоген. Главное здесь, что эти судьбы были, были...

На первый взгляд, двухсотстраничная книжка Даниэля Тамара кажется простенькой, но эта простота, ох, как обманчива. Как и прежние книги, новая – не является

легким чтивом, она требует работы ума. К этому Даниэль сознательно стремится, и это ему удается. Так что можно поздравить автора и читателя (любителя интеллектуального чтения) с появлением новой книги.

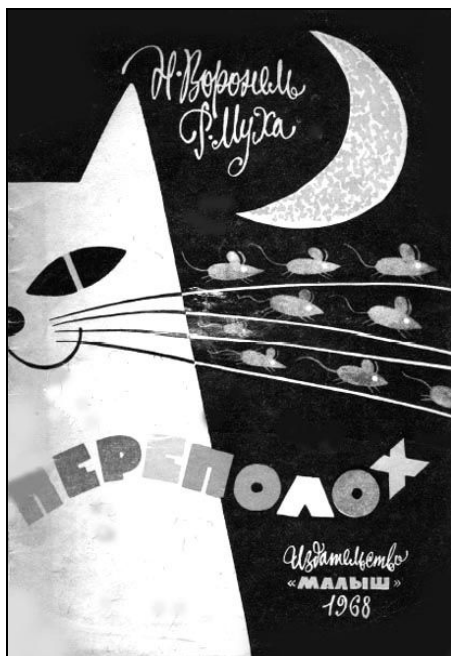

Нина Воронель

Из цепких лап забвения

астернак завещал нам не заводить архива и не трястись над рукописями. Я ему поверила – и напрасно: многое из созданного пропало без вести.

Недавно я рылась в старых бумагах в поисках какой-то записи и неожиданно наткнулась на маленькую затрепанную книжонку небывалой красоты. Называлась она «Переполох» Нины Воронель и Ренаты Мухи, и сверкала, невзирая на желтоватую газетную бумагу, на которой была напечатана. Под заглавием извивалась многоцветная

подпись: художник В. Чижиков, а на задней обложке значилось: 1968 год, тираж – 200 000 экземпляров. Я не ошиблась в нулях, именно двести тысяч! Насчет обложки я преувеличила – никакой обложки не было, просто первая страница, и та под воздействием лет отделилась от остальных и растрескалась по углам.

1968 год – о Господи – более сорока лет назад! И прошлое хлынуло на меня водопадом, все то, что произошло до выхода этой прелестной, рассыпающейся в руках книжечки, даже не книжечки, а брошюрки.

С Ренатой, в просторечии Реночкой, я познакомилась в памятную ночь 9 мая 1945 года, хоть могла это сделать гораздо раньше, так как ее родная тетка Сара снимала койку в нашей полуразрушенной войной харьковской квартире, состоявшей из двух смежных комнат и безоконного коридора, превращенного в кухню. Сара непрерывно морочила мне голову своей восхитительной племянницей Реной, с которой я обязательно должна была познакомиться, чтобы полюбить ее на всю жизнь.

А я упиралась. Меня пробирала дрожь при одной мысли об очередной Сариной племяннице. Другую племянницу, Люду, я знала слишком хорошо и страстно ненавидела за то, что она воровала у меня фасолевый суп. Фасолевый суп был центральной точкой моего детского дня – сразу после школы я старательно варила его на примусе, а потом с нетерпением ждала, когда мама придет с работы, чтобы мы вместе его съели. Рецепт супа был восхитительно прост – в кастрюлю свежесваренной фасоли я забрасывала мелко нарезанную и прожаренную в двух ложках подсолнечного масла луковицу, а потом, предвкушая, долго томила на медленном огне. В самый разгар моего томления являлась несчастная бритоголовая Люда – она только-только переболела тифом. Сара упростила маму впускать бедную Люду в нашу квартиру на два часа, так как ей некуда было деться во время обеденного перерыва.

Ей некуда было деться во время обеденного перерыва и нечего было есть на обед – она была худая до прозрачности, но и я была не лучше. Она входила, садилась на кровать Сары, и между нами начиналась ежедневная

борьба – Люда терпеливо ждала возможности отъесть изрядную долю моего заветного супа, а я упорно старалась этого не допустить: в уборную не выходила и на зов подружек под окном не отвечала.

Из привитой мне с рождения вежливости я не могла прямо обвинить Люду в воровстве, но взгляд мой ясно говорил, что я о ней думала, она же с упорством отчаяния придумывала разные предлоги выслать меня из дому хоть на несколько минут. Борьба наша шла с переменным успехом, а неприязнь к Сариным племянницам жила во мне прочно и постоянно.

Но в ту неповторимую ночь Победы, когда все жители нашего миллионного города с воплями восторга выбежали на улицы, не полностью веря, что ужасная война кончилась, я встретила Реночку и полюбила на всю жизнь, как и предсказывала тетя Сара.

Война закончилась, и Сара с Людой исчезли из моей жизни, как и фасолевый суп, а Реночка осталась. Она с мамой и бабушкой жила недалеко от меня в одной комнате коммунальной квартиры, и мы регулярно встречались под сенью старых каштанов городского парка.

Что нас сблизило в то время, когда наши души еще не сформировались и характеры не сложились? Тогда я об этом, конечно, не думала – нас просто тянуло друг к другу. Но теперь мне кажется, что мы с увлечением взаимно развивали в себе то уникальное чувство юмора, которое лежит в основе и Реночкиного, и моего столь несхожего на первый взгляд литературного творчества.

Мы всегда упоенно шутили на все темы – и на веселые, и на грустные, и на трагические. Шутка, ирония, самоирония и печальный смешок всегда присутствовали в наших разговорах, часто напоминающих словесные поединки – кто кого перешутит, кто кого переострит.

Иногда Реночка приводила с собой на буксире свою школьную подружку по прозвищу Шмера. Шмера была крупная, носатая, рано созревшая девица с абсолютным слухом и божественной красоты голосом. Впоследствии она стала выдающейся певицей Инной Шмеркиной, но тогда мы этого не предполагали.

Волоча за собой массивную Шмеру, щуплая нимфетка Реночка врывалась ко мне и уже от порога кричала:

«Нелка, открой рояль!»

Никакого рояля у меня не было, однако странным курьезом торчало среди колченогой, подобранной на свалке мебели слегка обшарпанное, но вполне пригодное пианино фабрики «Красный Октябрь». Мародеры, полностью разграбившие нашу квартиру за время немецкой оккупации, не сумели унести с собой это пианино, купленное до войны моей мамой, уверенной, что интеллигентный ребенок должен играть на фортепьянах. Они оставили пианино на лестничной площадке, только слегка ободрав его лакированные бока при вытаскивании из дверей на лестницу.

Я послушно открывала лакированную крышку, и Шмера начинала играть и петь. Но Реночка на этом не успокаивалась:

«Принеси полотенце и положи на клавиатуру!» – командовала она.

Я застирала клавиатуру полотенцем, но Шмера продолжала играть вслепую и петь так же прекрасно, как и до того.

«Ты видишь, как она играет сквозь полотенце!» – восхищалась Реночка, словно это она сама так прекрасно пела, аккомпанируя себе сквозь полотенце. Эту редкую способность восхищаться чужими талантами она пронесла через всю свою жизнь, и может быть, в этом состоял ее главный талант.

А жизнь ее не баловала – вскоре после смерти бабушки безвременно умерла ее молодая красивая мама, Шура Шехтман, и Реночка осталась одна, как перст, – ведь никто из нас в глаза не видел ее таинственного отца, Григория Муху. Реночку удочерила (она говорила – «уматерила») веселая туристская группа, непонятно почему окрестившая себя «Поптуриздат», хотя она никогда ничего не издавала, а только дружно упражнялась в сочинении издевательских песенок на известные мелодии. Одна из песенок про байдарочный поход на суденышке «Канкан-Тюльпан» звучала так:

«Всем известно, что у Кати
нос и рот, как на плакате,
Всем известно, как она мила.
Всем известна также Рена,
Что всегда для Кати смена,
Всем известно, как Рената зла!
Береги Канкан! Береги Тюльпан!
Берегися сам, трам-пам-пам-пам!»

Не Бог вещь такая поэзия, но в ней уже пробивается всепоглощающая Реночкина самоирония – никогда никто, кроме нее самой, не мог бы сказать, что Рената зла и что от нее надо беречь непотопляемый Канкан. Самоирония была ее фирменным знаком: она всегда рассказывала о себе со

смехом, даже в самые трагические минуты. А уж в комические или просто драматические минуты она просто не знала удержу. Вот один из ее любимых рассказов:

«Лежим мы с Фимой на одесском пляже, я для загара спустила бретельки лифчика, и вдруг подходит милиционер: с вас штраф три рубля! Фима прямо возмутился. Указывая на мой бюст, он заорал: За что три рубля? Да там и на рубль нету!».

У меня с «Поптуриздатом» были небольшие эстетические разногласия – я ратовала за качество стихов, а они – за их актуальность и смехачество. Реночка не твердо знала, кто из нас прав – они жили с ней в одном городе, они ее уматерили, они водили ее в походы и называли своей «сироткой», а я укоренилась в столице нашей родины и проникла в заповедную пещеру Алладина, заведя дружбу с Корнеем Чуковским, Павлом Антокольским и другими корифеями.

Реночка стала часто приезжать ко мне в Москву, и мы весело мотались по комиссионным магазинам и по литературным тусовкам. Поначалу она ходила со мной по редакторским кабинетам просто так, немного из любопытства, немного из желания проверить силу своего обаяния на столичных штучках.

Хоть продать ей тогда еще было нечего, с обаянием все оказалось в порядке. Однажды она так очаровала заведующего отделом драмы журнала «Иностранная литература», что он, пожирая Реночку восхищенными глазами, сходу заказал нам перевод пьесы Эдварда Олби «Американский идеал».

Реночка уехала в Харьков и об этом заказе забыла, а я стала с упоением переводить пьесу. Закончив этот Сизифов труд, я с торжеством приволокла перевод в «Иностранную литературу», но заказчик никак не мог вспомнить, когда и зачем он этот заказ сделал, потому что Олби успел за это время сильно напроказить в глазах Советской власти.

«Ну подумайте, кто позволит мне сегодня напечатать Олби?» – вопрошал он изумленно: увы, вне Реночкиного мистического поля он никак не мог вспомнить

обстоятельств нашего недавнего посещения. Но я не жалею о потраченном времени – в процессе перевода я постигла технику драматургии и написала с тех пор двадцать пьес.

Не добившись успеха в мире официального признания, Реночка потребовала повести ее в мир признания неофициального, в каком-то смысле тогда более престижного. Центром этого неофициального мира было затоптанное сотнями ног и заклеенное этикетками выпитых бутылок жилище Юлика Даниэля.

С тех пор, как его покинула Ларка – так мы звали его жену Ларису Богораз – и уехала с сыном Санькой в новосибирский Академгородок, Юлик стал жить многолюдно и на износ, каждый вечер наклеивая на стены квартиры все новые и новые этикетки.

В очередной Реночкин приезд я повела ее к Юлику, о дивных тусовках в доме которого распространяли легенды

харьковские поэты, приехавшие в Москву проветриться и погулять. Был ранний вечер. Я толкнула никогда не запиравшуюся дверь, и мы вошли в непривычно тихую квартиру, показавшуюся безлюдной. Однако в дальней комнате мы нашли Юлика, отсыпавшегося после ночного гулянья. Разочарованная Реночка начала громко жаловаться: «Где же лучшее в мире гостевание? Мне обещали гостевание, а тут никого нет!». Чтобы утешить ее, Юлик благородно оторвал от подушки похмельную голову, и предложил вместо гостевания прочесть нам вслух свой рассказ «Случай в городе Н.» о секретаре райкома, по ночам перевоплощавшегося в кота.

Выслушав его, Реночка, польщенная тем, что сам знаменитый Даниэль удостоил ее чтением вслух, восторженно объявила: «Вы есть мастер последней фразы», и предложила Юлику взамен выслушать плоды ее, Реночкиного, творчества.

К тому времени у Реночки только-только открылся редкий талант создания неожиданных блистательных строк, не имеющих конца. Она с юности была гением мгновенных экспромтов. Так однажды, отделяясь от группы соучеников, с наслаждением злословивших обо всех, кто ушел раньше, она потребовала, чтобы они «закрыли за ней рот». Она так и сказала: «Закройте за мной рот!». Нечто в этом роде она начала писать в виде незавершенных двустихий и четверстихий, вроде:

«Однажды на пляже случилась пропажа
У краба украли жабры,
А краб заподозрил желтую жабу
И подал на жабу жалобу...»

или:

«У лошади было четыре калоши,
Две правых – дырявых, две левых хороших...»

Она зачитала несколько таких жемчужин Юлику и замерла в ожидании приговора, – по Харькову ходили упорные слухи, что Юлик и есть высший суд. Юлик был

парень не промах, он картинно помолчал, создавая напряжение, и произнес голосом дельфийского оракула: «Вы есть мастер первой фразы. А где вторая?»

Реночке пришлось признаться, что о второй фразе она понятия не имеет, никакой второй фразы у нее в запасе нет. На что Юлик посоветовал ей обратиться к Нелке, то есть ко мне: «Нелка, – сказал он, – и не с таким справлялась».

Эта идея показалась нам замечательной, – я подхватила Реночкины осколки на лету, и, не претендуя на ее дар искрометных экспромтов, за несколько месяцев довела некоторые до афористичного конца. Например, стихотворение о калошах я завершила так:

«У лошади было четыре калоши,
Две правых – дырявых, две левых хороших.
И левые две неустанно гордились,
Что правые две никуда не годились,
И правым твердили со всей прямоюй:
Не вам бы хвалиться своей правотою!»

Доведя совместный продукт до кондиции, допускающей его публикацию, я начала поиски издателя. Пока я бегала с нашим детищем по московским редакциям, ветреная Реночка изменила мне с харьковским поэтом Вадимом Левиным. Она и ему предложила завершить стишок о калошах, который он не только завершил, но и напечатал в своей книжке «Глупая лошадь», не сославшись на Реночкино соавторство.

Но я ей эту измену простила и умудрилась протиснуть в издательство «Малыш» тоненькую книжечку наших стишков под названием «Переполох».

Набор крылатых персонажей на последней странице был впечатляющий: авторы – Муха и Воронель, художник – Чижиков, редактор – Пчелкина, технический редактор Соколова. Еще более впечатляющими были иллюстрации пернатого Чижикова – даже прискорбная газетная бумага, на которой они были напечатаны не могла пригасить их ослепительный блеск.

С тех пор прошло сорок два года, и теперь я случайно нашла эту книжечку среди старых бумаг. Неужели это единственный экземпляр? Я обзвонила своих друзей и родных – ни у кого этой книжечки не было. Вот тебе и тираж 200 000!

Я решила найти иллюстратора Чижикова, заглянула в Интернет и ахнула – за эти 42 года наш скромный соавтор превратился в одного из знаменитейших художников России, имя которого знали все, – он стал не только ведущим карикатуристом «Крокодила» и «Мурзилки», но и создателем прославленного Олимпийского Мишки.

Я достала номер его московского телефона и позвонила ему – он обрадовался, сказал, что искал меня, но не нашел, а вот книжечки нашей у него нет, куда-то запропастилась. Я предложила немедленно ее отсканировать и отправить ему электронной почтой, но наткнулась на неожиданное препятствие – знаменитый Виктор Чижиков боится Интернета, как мать Чехова боялась электричества.

Положив трубку, я осознала, что владею единственным экземпляром нашей прелестной книжонки. Ужасным, пожелтевшим, рассыпающимся в руках единственным экземпляром!

Меня вдруг осенило: это ничуть не удивительно, что наша книжечка исчезла. Ведь в 1972 году я попросила советские власти выпустить меня в Израиль. Сегодня трудно себе представить, что это значило в 1972 году – тогда казалось, что страшнее кошки в зверя нет. Мое имя вычеркнули из всех списков, оглавлений и предисловий. Единственной, кому позволили это имя произносить, была газета «Известия» – для заполнения перечня грешников в ругательных статьях. В результате нашу книжечку потихоньку спустили в унитазы, благо была она издана на газетной бумаге.

И я остро почувствовала, как передо мной разверзается пропасть забвения.

Я представила себе, как после моей смерти мои ивритоязычные внуки выбрасывают в мусорный ящик весь скопившийся у меня многокилограммовый бумажный хлам, и вместе со всеми ценными, бесценными и никому не

нужными страничками наша с Реночкой книжечка исчезает в вытяжной трубе вечности.

Мне стало обидно до слез – не столько за немытую Свинку и за Кошку по имени Мышка, и даже не столько за себя, за Реночку и за знаменитого Виктора Чижикова, сколько за нарисованную им несравненную дюжину желтых жаб. Именно этими жабами я завершила Реночкино стихотворение про краба:

Однажды на пляже случилась пропажа
У краба украли жабры,
А краб заподозрил желтую жабу
И подал на жабу жалобу.
Все знали, что жаба что-то жевала,
Все знали, что жаба – жадина,
Но жаба однако же утверждала,
Что жабры вообще не украдены.
Когда же был суд, привела эта жаба

Целую дюжину жаб, и доказали они, что у краба
И отроду не было жабр.

И я решила сохранить нашу общую книжку любой
ценой. Ну хотя бы написать о ней маленькую статейку –
чтобы хоть память осталась. Как поется в украинской песне:
«Чтоб та слава не пропала...».

Нина Никипелова

Поэт Рената Муха: минимализм без редукции

– Дрозд, почему твои песни такие короткие?

– Потому что у меня их много.

Из записных книжек А.П. Чехова

дин из наших друзей называл Ренату Мушкой. Для других – она Реночка или просто Муха, а еще раньше Сиротка. В каждом варианте уменьшительно-ласкательный суффикс был необходим. Когда пришла пора стихов, возможно, это свойство имени отразилось на жанровой природе ее лирики. Попробуйте сказать: лирика поэта Мухи или лирика Мухи. Сказать можно, но получится смешно. Почему-то смешно и неточно, неточно и грустно, грустно и горько: стихи есть, а Мухи нет.

Сам автор называл свои сочинения стихами. Так и написано в одном из сборников: стихи для бывших детей и будущих взрослых. Они слагались так, что ничего не приходилось сокращать, в них изначально не было ничего лишнего. Их минимально малый объем вмещал человека, человечество, «взъерошенное зверье», века и материки. В них поэту Мухе блистательно удавалось соединять разговорную убедительность с неудержимой фантазией, и горизонт читательских ожиданий оказывался безразмерным.

С первых шагов она усвоила великий закон художественного текста, согласно которому в нем равноправно с реальными живут условные, вымышленные образы и явления. Первая строчка первого опубликованного стихотворения «Бывают в жизни чудеса...» стала лейтмотивом и «охранной грамотой» поэта. Этим ожиданием чуда пронизан весь поэтический мир ее стихов.

Имея большую практику устного исполнения фольклорных произведений на международных конкурсах, – дипломы и призы за это искусство тому подтверждением – она перенесла в свои стихи их лаконизм, аллегорию, юмор и стала неуязвима для оппонентов и критиков.

По Борнео и Ямайке
Ходит слон в трусах и майке,
Ходит в маминой панаме,
Только это – между нами.

Когда ее настойчиво поправляют, что слоны там не живут, отвечала: а этот, в трусах, живет. Сама придумает и удивляется:

Слон летит на парашюте.
Он взаправду или шутит?

Волшебство этих строк в приобщении к тайне, секрету: «это – между нами», к разгадке: «взаправду или шутит». Отмахнуться невозможно – читатель или слушатель включен в диалог.

Говорят, что человека, собственно, описать нельзя, но можно написать, как он на тебя подействовал. На меня Реночка всегда действовала прекрасно – и в юности, и в молодые годы, и потом. Была великолепной собеседницей по умению слушать, а слушать ее всегда было наслаждением. Никогда не жаловалась, не злословила, никого не осуждала, не сплетничала. Была стойкой в своих немалых бедах, доброй, щедрой, любила делать подарки. Удивлялась и радовалась своим стихам. Последнее посвящение последней книги обращено к «Соавторам моей жизни – моим детям, моему мужу, моим друзьям».

А еще говорят, чтобы понять поэта, надо побывать на родине поэта. Муха родилась в Одессе, папа Григорий Муха родом из Сорочинец, тех самых, где неподалеку, близ Диканьки, особенные вечера. Жила, росла, училась, мечтала, влюблялась в Харькове. После аспирантуры защитила диссертацию по английской филологии. Преподавала в университете, вела уроки английского на телевидении,

давала частные уроки маленьким детям. Переехала с мужем в Израиль, стала профессором университета и почетным гражданином города Беэр-Шевы. И все эти годы где-то рядом, вокруг и «немножечко сбоку» кружились невидимые стихи, как эта песенка испуганного Слоненка:

Мы с мамой в Африке живем,
А в джунглях жизнь не шутка.
Там страшно ночью, страшно днем,
А в промежутках жутко.

Данную Африку не следует искать на карте – Африки разные бывают: советским детям, самым счастливым в мире, это известно.

Визитной карточкой Реночки для меня представляется этот портретный набросок:

Шла по улице Коза
И пускала пыль в глаза.

Как очевидна первая строка и как многозначна, неисчерпаема, не переводима вторая, даже на язык мультика! Произошло чудо: обыкновенная Коза шла по улице. «Но пыль в глаза» – это она о себе думает? Соседки у калитки ей вслед говорят? Или автор одобряет своего лирического героя – Козу и доверяет ей некоторые автобиографические штрихи к портрету. Нечаянно, вскользь разбросаны эти черточки, и остается только догадываться, что происходит на самом деле.

Говорила Роцца Чаше:
Ты одеваешься кричаще.
Отвечала Чаша Роцце:
Придет Зима – оденусь проще.

Экспрессия увлеченной речи в стихах Реночки содержит тайную тревогу, лукавством и искренностью отвлекает от истинного трагизма.

«По-моему, уже не та я», –
Сосулька прошептала тая.

И – наконец:

Простое Предложение лежало без движения.
И ждали продолжения внизу пустые строчки.
– Какое продолжение? – вздохнуло Предложение. –
Вы что, не понимаете, что я дошло до точки!

Это уже автобиография. В конце концов вымышленные истории создают свою собственную правду. Эмоции автора совсем не бытового плана – человек и мир, человек и жизнь, мир огромен и полон чудес. Казалось бы, что Реночка оставляет за читателем право реагировать на ее стихи как ему вздумается, как заблагорассудится, не навязывая никакой философии. Однако возможно ли обойтись без философии перед неотвратимым открытием:

Мы смертны, и только бессмертный Кашей
Считает, что это в порядке вещей.

В конкретной ситуации ясно, что главным чудом является жизнь, со всеми ее утратами и обретениями, огорчениями и милыми прелестями. Как на малом, тесном стиховом пространстве возникает смысловой и эмоциональный тон всей миниатюры? Чем создается? Поэтической лексикой? Высокой тональностью? Или, напротив, просторечной интонацией?

Под своими стихами Реночка никогда не ставила дат, не обозначала места их создания. И получалось, что они были всегда, события в них происходили давно или сию минуту, далеко или совсем рядом – неважно.

На море барашки.
А где же овечки?
Овечки?
Овечки, наверно, на речке.

И вдруг так поманят эти метафорические барашки и овечки, так вмиг распахнется прекрасное, опозитизированное пространство, обозначенное лучшими свойствами – движением, ветром, волнами, далью – море будет всегда! Человек смертен, а жизнь бессмертна. Чтобы понять

бессмертие жизни, нужно ощутить ее хрупкость, нежность, трагизм, неповторимость.

По пустыне шли стада
И сгорали от стыда.
Когда это было? Кто был пастух?

Почему-то художники-иллюстраторы рисуют то верблюдов в барханах, то баранов в дюнах. И читатель поневоле сопротивляется: им, верблюдам и баранам, нечего стыдиться. Здесь что-то иное, уходящее к библейским временам. Художественное время в поэтической строке становится миражным, мерцающим, ускользающим.

Когда Человечество было моложе,
Дворцы на каналах построили Дожи.
Столетия прошли и их славу умножили.
Дворцы устояли, а Дожи не дожили.

Мимоходом можно еще бросить:

Потомки бывают умнее, чем предки,
Но случаи эти сравнительно редки.

Читателю остается искать примеры или отрицать правоту автора, который свободно переходит от мифологического времени к индивидуальному его переживанию и передает самые разные настроения.

– Вчера прилетала какая-то птица.
Наверное с нами хотела проститься.

– Недавно встречала в Работе совместной
Твое Уравнение с одной Неизвестной.

– Я никогда не видела Окружности
Такой безукоризненной наружности.

Вчера, недавно, никогда – лирически-тревожное, насмешливо-ироничное состояние души сменяют друг друга как в старинной японской поэзии, где все увидено впервые и в единственный раз – «однажды, а может быть, дважды».

Автор, между тем, проявляет самообладание и ограничивает себя:

Известны из истории
Различные примеры,
Что кроме чувства юмора
Полезно чувство меры.

В стихах Мухи почти отсутствует традиционная в поэзии тема творчества. Она не делится муками, поисками тем, образов, лишь иногда может призадуматься:

Нет загадочней природы,
Чем у Аббревиатуры.

Хотя аббревиатура не имеет прямого отношения к поэзии, но ее загадочная натура таит в себе еще большую краткость. Действительно, порою одна буква может внести драматический смысл в жизненную ситуацию.

Мы обрели отечество
Ценой утраты отчества.

Сквозной темой всего творчества Реночки оставалась тема дома.

Человек построил Дом.
Дом стоит с большим трудом.

Дом здесь не «здание», а «мироздание». В прямом своем значении Дом – очень важный поэтический, этический и эстетический объект в стихах Мухи. Отношение к окружающему миру как к Дому – принцип жизнеустройства и творчества каждого персонажа, личной ответственности за порядок в доме.

В семье Осьминогов ужасная драма.
За ужином ссорятся папа и мама.
И бедные дети стоят на пороге
И просят родителей взять себя в ноги.

Каждый по-своему ценит свой Дом.

Был Биссектрисе дом не нужен.
Носилась вечно по делам.
Но, постарев, вернулась к мужу
И делит угол пополам.

Другое дело – Улитка: уходя за калитку, она уносит свой Дом с собой – «и Дома нет дома».

Дом и дорога неразделимы в творческом сознании и потому так проникновенна и мечтательно-благодарна интонация этих строчек:

А вчера меня Дорога
Прямо к Дому привела.
Полежала у порога,
Повернулась и ушла.

...Ушла Реночка. Было счастьем и радостью жить с нею рядом.

Наталья Рапопорт

Моя Рената

не выпало счастье дружить с Ренатой Мухой. Мягкий тёплый свет, который излучала Рената, согревал друзей и пронизывал её поэзию. Рената была человеком небывалой скромности. Она трогательно изумлялась, когда её замечали. Спасибо Евгению Евтушенко – Рената при жизни успела увидеть свои стихи включёнными в Антологию Русской Поэзии двадцатого века и осознать себя составной частью великой русской литературы. Радости её не было предела.

Мы познакомились в середине девяностых. Я стала свидетельницей её феноменального успеха как рассказчицы: на огромном, битком набитом стадионе в американском городке Прово Рената держала аудиторию минут двадцать разнообразными байками на английском языке – никто не шелохнулся, разве что иногда стадион взрывался хохотом, пугая окрестных птиц. Это было на следующий день после нашего знакомства, и я была на стадионе уже на правах особы, приближённой к императрице.

А состоялось наше знакомство примерно так. Телефонный звонок:

– Наташа? С вами говорит Рената Муха. У меня для вас письмо от Толи Вишневого и подарок от Серёжи Никитина. Как мне их вам передать?

Рената Муха. Я слышала это имя на концертах Никитина – он написал несколько песен на её слова, самая известная из них, пожалуй, Стихи о Плохой Погоде:

Стояла плохая погода,
На улице было сыро.
Шёл человек по городу
И ел бутерброд без сыра...

Кончались эти стихи, конечно, тем, что несчастный «ел бутерброд без хлеба» – в начале девяностых в России это звучало как репортаж с места событий.

Итак, телефонный звонок: с вами говорит Рената Муха.

– Рената, где вы?

– Я в Прово, на фестивале чтецов, это недалеко от вас.

– Сорок пять миль. Я сейчас подъеду, объясните только, как вас найти.

– Нет, подъезжать не надо, меня сейчас к вам привезут, у меня есть ваш адрес.

– Чудесно!

– Но тогда мне придётся у вас переночевать.

– Замечательно, нет проблем!

– Недели две.

– Нет проблем!

– Ну как это нет проблем?! Проблемы у вас конечно будут, но только с обедом и ужином – за завтраком я ем сравнительно мало.

– Справимся, летите!

Так в наш дом и в наши сердца залетела Рената Муха.

После успеха на стадионе она была в Юте нарасхват. С утра приезжали какие-то молодые люди – Рената утверждала, что все как на подбор голубые, что для Юты, вообще говоря, не характерно – и увозили её на очередное выступление, или мастер класс, или урок, или всё вместе взятое. Возвращалась Рената вечером, как говорится, усталая, но довольная. И тут наступал наш час – иногда до рассвета. Сказать, что мы беседовали, было бы преувеличением – беседовала в основном Рената, я слушала и наслаждалась. Кое-что из того, что она мне тогда рассказывала, вошло потом в программу, с которой она выступала публично, это были замечательные рассказы, свежие, сочные и ароматные. Мне было очень интересно. Рената родом из Харькова. В её молодые годы там был настоящий литературный Олимп – там жили Чичибабин, Вадим Левин, Даниэль – да кто там только не жил! Там

Рената и сочинила первые стихи. По-моему, это были стихи про ужа (цитирую по памяти):

Бывают в жизни чудеса:
Ужа ужалила оса.
Его ужалила в живот.
Ужу ужасно больно.
Вот.
Но доктор *ёж* сказал ужу:
Я ничего не нахожу,
Но всё-таки, сдаётся мне,
Вам лучше ползать на спине,
Пока живот не заживёт.
Вот.

Стихи эти перекликались с другими, Бруно Ясенского, которые я хорошо помнила:

Ужа ужалила ужица,
Ужу с ужицей не ужиться.
Уж уж от ужаса стал уже.
Ужа ужица съест на ужин.

Может, эти стихи и навеяли совсем молодой Ренате её «Ужа», который, как она рассказывала, напал на неё, когда она переходила улицу, и уже не отпустил.

У Ренаты есть длинные, классические стихи. Одно из них – Колыбельная книжке – настоящая поэтическая вершина, жемчужина поэзии, детской ли, взрослой. Только послушайте:

...Книжка за день так устала,
Что слипаются страницы...

...И кавычки по привычке
Раскрываются во сне...

...А в углу, в конце страницы,
Перенос повесил нос –
Он разлуку с третьим слогом
Очень плохо перенёс...

...Никого теперь не встретить
На страницах сонной книги,
Только медленно плетутся
Полусонные интриги...

С годами стихи Ренаты становились короче, короче, ещё короче – «начало следует», «недоговорки» – и обернулись редким даром сказать **всё** в двух коротких строчках – в этом отношении она превзошла даже гениального Губермана, которому обычно требуется четыре.

Потомки бывают умнее, чем предки,
Но случаи эти сравнительно редки.

К слову: по этому, сравнительно редкому случаю Рената подарила свою книжку нашей дочери Вике с соответствующим посвящением.

Но вернёмся в Юту, в тот первый Ренатин приезд. Рената рассказывала мне о Вадиме Левине и её первых опытах в детской поэзии, которые он с такой нежностью, теплотой, и осторожностью взращивал, как какую-нибудь орхидею, готовую каждую секунду увянуть. И как она гордилась и смущалась, когда впервые на опубликованных стихах увидела две фамилии: Вадим Левин, Рената Муха. Очень смешно Рената рассказывала о первом визите к мэтру – Борису Заходеру, куда её без специального для неё приглашения привёз Вадим Левин, но в дом не пустили дальше людской. Мэтр, по всему, был с характером. Ещё Рената рассказывала о Чичибабине, и, что было мне особенно дорого – о совсем молодом Даниэле, о Даниэле тех лет, которых я не знала. Словом, нам было о чём поговорить, и я очень горевала, когда её визит подходил к концу. Она улетала от нас к друзьям в Бостон. Накануне отъезда я решила ей сказать: Рената, что-то мне не нравится твой живот. Летишь в Бостон, там полно русских врачей. Может, тебя там посмотрит кто-нибудь за стишок-другой? Рената, конечно, проворчала, что до сих пор на её живот никто не жаловался, и с тем улетела. А через два дня мне по её просьбе позвонили из Бостона с сообщением, что Рената в больнице – отвезли по скорой помощи,

оперировали, и мои опасения подтвердились... С этого момента для Ренаты была жизнь взаимы, и она это знала – но ни в одной Ренатиной строчке вы этого не найдёте и не почувствуете. Такая невероятная сила духа была у этого человека. И, конечно, её поддерживали талант и замечательный муж «папа Вадик» Ткаченко (не путать с тоже замечательным Вадимом Левиным). Папа Вадик – математик, с ним Рената переехала из Харькова в Беэр-Шеву, и об одном нашем дне в Беэр-Шеве – дне, когда все мы «встали с той ноги» я ещё расскажу. И, конечно, Ренату поддерживали нежно любящие друзья. Вадима Левина – её крёстного отца в детской поэзии – я успела полюбить ещё по первым ренатиным рассказам, поэтому встретила как старого и дорогого друга, когда мы неожиданно познакомились в Москве в гостях у Дины Рубиной. С Диной меня, кстати, тоже познакомила Рената. Мы тогда совпали по времени в один из наших приездов в Москву. Рената прилетела из Беэр-Шевы для выступления в Еврейском Культурном Центре, я – из Юты на конференцию. Ренатин вечер вела Дина, в ту пору – на правах культурного атташе Сохнута. После концерта заскочили втроём в небольшой ресторан. С этого началось моё знакомство с Диной. В один из моих приездов в Москву Дина позвала меня в гости. Приглашение пришлось на день моего отлёта обратно в Штаты и я объяснила Дине, что есть некоторые трудности, потому что она зовёт на вечер, а я улетаю утром. Ладно, тогда приходите накануне, – легкомысленно сказала Дина и немедленно всё забыла. Вот я и явилась накануне, к её полному изумлению: «Я ждала вас завтра. Сегодня у меня совсем другие гости. Ну раз так, заходите, знакомьтесь». Гостей было трое, среди них – невысокий, неброский человек средних лет. Вадим Левин, – представила Дина. Я обрадовалась: – Вадим Левин? Вадим Левин Ренаты Мухи? Надо было видеть, как расцвёл Вадим при имени Ренаты. Мы мгновенно подружились, так что я борозды не испортила и вопреки очевидным Дининым опасениям вечер удался.

В моей, да наверное и во всякой жизни выстраивается длинная цепочка друзей и отношений, моя

«златая цепь». Вот и здесь протянулась цепочка от Сергея Никитина к Ренате Мухе, от неё – к Дине Рубиной и дальше к Вадиму Левину.

Вадим, живущий ныне в Марбурге, придумал «Глупую Лошадь» и они с Ренатой, упоминавшей её в своих выступлениях, мистифицировали народ, выдавая её за перевод из английской народной поэзии. Недавно «Глупую Лошадь» перевели «обратно» на «язык оригинала».

Однажды я приехала на выступление в Марбург с мужем Володей и нашим другом Яном Кандрором, большим поклонником и знатоком мухиной и левинской поэзии. Обедали у Левиных. Посреди обеда раздался пронзительный звонок, как будто в дверь. «Разве мы кого-то ждём?», – удивилась я. «Это курица», - подскочила Элла. Через минуту вернулась с большим и тяжёлым подносом. Ян среагировал мгновенно:

*Вдруг, как выстрел из винтовки,
Прозвучало за столом:
Я звоню вам из духовки.
Ваша курица. Шолом!*

Это положило начало разговору об импровизации и придуманных Ренатой жанрах «начало следует» и «недоговорки». Рената настойчиво приглашала своего читателя: поиграйте со мной! – и читатель включался в игру, часто очень удачно. Помню Ренатины строчки:

Теперь он питается разными кашами.
По-моему так хорошо. А по-вашему?

К этому последовало замечательное начало Марика Зеликина

*С яслей ненавидел он манную кашу
И с этим покинул он Родину нашу.
.....
Теперь он питается разными кашами.
По-моему так хорошо. А по-вашему?*

В эти игры с Ренатой играл и Губерман. Рената однажды участвовала в телепередаче «На троих», которую в Израиле ведут Игорь Губерман и Александр Окунь. «Третьей» в тот день была Рената. Она клялась мне, что всё, что там происходило, было чистой импровизацией. Рассказывала она об этом так. По ходу передачи Рената прочитала две строчки в жанре «Начало следует» и предложила ведущим сочинить к ним начало. Строчки были такие:

Сидит итальянка, весёлая с виду,
Сосёт апельсин и глотает обиду.

Губерман пощёлкал пальцами и секунд через пять предложил такое начало:

*Однажды в Вероне, в дождливую осень,
Еврей итальянку потрахал и бросил...*

.....
Сидит итальянка, весёлая с виду,
Сосёт апельсин и глотает обиду.

Рената много говорила о природе стиха – её этот вопрос очень занимал. Рассказывала, что строчки набегают неизвестно откуда, как будто кто-то их диктует. И в самое неожиданное время. Ожидая исхода тяжёлой операции сына в коридоре московской больницы, она вдруг услышала откуда-то изнутри (цитирую по памяти и наверняка с искажениями, потому что никогда не видела этих стихов напечатанными):

Английский король и законные дети
Однажды за ужином ели спагетти.
Но тут в коридоре послышалась драка:
Двенадцать потомков, рождённых вне брака,
Которые вследствие этого с детства
Ужасно боялись лишиться наследства,
Двенадцать потомков, прорвав оборону,
Явились потребовать трон и корону...
Кончалась эта чисто английская драма так:

...Готов уступить я и трон и корону,
Но можно сначала доесть макароны?

Рената сказала мне, что всё стихотворение явилось ей единым блоком в один из самых трагических моментов её жизни. А позже сочинила пленительную историю о том, что написала эти стихи по просьбе Никитина, который ждал пополнения её блестящих двестишестидесяти, и волновалась, передавая, а он глянул бегло и прокомментировал: «Длинно писать каждый дурак может».

Кстати, о трагических моментах: Рената и семья лечились в Москве. Когда распался Советский Союз и отношения с Украиной осложнились, возникли большие сложности с продолжением лечения – пациентов с Украины перестали принимать. Для Ренаты и её семьи было жизненно важно продолжать лечиться у знакомых с ними опытных московских врачей, но это было под явной угрозой. Рената рассказывала мне, что помог Никитин, давший благотворительный концерт, и её с семьёй взяли обратно в пациенты. Это дорогого стоит, можете мне поверить.

А теперь о дне, когда все мы встали с «той» ноги. Это был 2001 год. Я тогда получила грант от Израиля и могла приехать на два месяца поработать в иерусалимском университете. После долгих препирательств с мужем Володей по поводу моего предполагавшегося отъезда мы в конце концов пришли к консенсусу – поедем вместе, чтобы он не умирал каждый день от тревоги за меня, оставшись в Америке. Консенсус состоялся в самом начале сентября, и мы начали готовиться к отъезду. А одиннадцатого сентября произошло то, что произошло. Тут уж я сдалась и послала письмо с отказом от поездки ожидавшим меня иерусалимским коллегам. И получила от них очень грустный ответ: моё решение – это как раз то, чего добиваются от нас террористы – чтобы мы меняли свои планы и жили по их законам и под их давлением. Я не хотела жить по законам и под давлением террористов. Так поздней осенью 2001 года мы с Володей оказались в Израиле. И, конечно, в один из первых выходных поехали в Беэр-Шеву навестить Ренату и Вадима. У меня сохранился чудесный видеоклип – память об этом визите. В честь гостей

Рената зажарила огромную баранью ногу, мы почувствовали её аромат, ещё только подходя к подъезду, метров за пятьдесят – по-моему, он витал по всему городу. Когда мы вошли, Рената священнодействовала над ногой – это был гвоздь программы, освоить который в тот вечер удалось разве что на треть общими усилиями. Нога прошагала в следующий день. А на завтра выяснилось, что во всём этом действе был серьёзный умысел, а в *ноге* был двойной смысл. Потому что, проснувшись утром, мы не застали дома папу Вадика – он куда-то исчезал, но вскоре появился с огромным букетом замечательных цветов – этот декабрьский день оказался годовщиной их с Ренатой свадьбы! И потекли воспоминания о тех днях и годах. В день официальной свадьбы, рассказывала Рената, она была уже немножко беременна Алёшей. Коллеги папы Вадика – физики-математики – устроили из свадьбы настоящий театр: декорировали её как защиту диссертации. Диссертацией была, конечно, сама Рената. На диссертацию поступило несколько отзывов, все до одного положительные. В текущий момент диссертация была с приложением. И так далее...

Забыв про общие проблемы и беды, мы провели в Беэр-Шеве чудный день, окрашенный сочными ренатиными рассказами. Его вещественным следом, кроме видеоклипа, осталась ренатина книжка с надписью: «На память о дне, когда все мы встали с «той» ноги»...

Своё место в поэзии Рената сформулировала предельно точно: она писала для бывших детей и будущих взрослых, и каждый может найти в её стихах что-то адресованное ему лично.

Меня в совершенный восторг привело четверостишие о критиках – кто из нас не был их жертвой:

Как жаль, что в дубраве замолк соловей
И трели его не слышны среди ветвей.
– Ну, это как раз небольшая потеря, –
Заметила с ветки Глухая Тетеря.

Или вот это:

Преувеличивать всё глупо, –
Сказала микроскопу лупа.

И эти строчки:

Ну, дела – подумал Лось.
Не хотелось, а пришлось...

Согласитесь – детское ли это двестишье?

Или вот это:

Мне очень печально, – сказала слеза,
И я говорю это прямо в глаза.

Мне очень печально жить, не слыша голоса Ренаты Мухи. Последняя книжка, которую она мне подарила, называется «Однажды, а может быть – дважды». Я отправила ей в ответ:

*Бывает, что в масть попадает кликуха.
Примером тому – гениальная Муха,
В которой играет Божественный дух,
Однако – с усиьем считает до двух.
Которую, как без сомнения каждый,
Мы любим однажды,
А может быть – дважды...*

Нина Воронель

Герой своих романов

(сценарий художественного фильма)

Продолжение. Начало в № 8(9)

67. Мрачная тюремная камера

В камере Ставрогин стоит на полусогнутых ногах, упираясь руками о койку – потолок слишком низок, чтобы он мог выпрямиться, единственное окошко забито снаружи досками. На стене колонка надписей, процарапанных ложкой

«А. Ставрогин, 1850»

«А. Ставрогин, 1851»

«А. Ставрогин, 1852»

Ставрогин берет со стола ложку и царапает на стене

«А. Ставрогин, 1853»

68. Мастерская тюремного сапожника – день

Сапожник, сидя на низком стульчике, растягивает на раме красивую черно-белую шкуру. Рядом с ним, пощелкивая кнутом, стоит Кривцов.

КРИВЦОВ Ну как, хорош товар?

САПОЖНИК Товар-то первый класс, да маловато его. Как хотите, ваше благородие, а высокие сапожки из него никак не стачать.

КРИВЦОВ (*щелкая кнутом*) Что значит – никак – раз я приказал?

САПОЖНИК (*опасливо поглядывая на кнут*) Тут хоть приказывай, хоть не приказывай, а по ширине не проходит. Для высоких сапожек надо было выбирать собачку покрупней.

КРИВЦОВ А ты шкуру еще растяни, может и выйдет?

САПОЖНИК Да я уж и так растягивал, и эдак, а все по ширине не проходит.

КРИВЦОВ (*сердито щелкая кнутом*) Надо же! Не мог этот мудака собачку себе покрупней выбрать!

САПОЖНИК Да вы не огорчайтесь, ваше благородие, я из этой шкуры такие знатные сапожки вашей супруге стажаю, – загляденье! На каблучке, как положено, и застежка сбоку из белой кожи.

КРИВЦОВ (*направляясь к выходу*) Ладно, уговорил. Но помни, – если сапожки ей не понравятся, я с тебя самого шкуру спущу! Себе на сапоги!

Сапожник угодливо кланяется вслед спине Кривцова

69. Высокие стены Омского острога – предзакатный час

Заключённые приближаются к воротам. Их поджидает стая бродячих собак, но красивой дворняжки среди них нет. Федя выходит из строя и начинает бегать вдоль стены в поисках дружка, пока остальные не входят в крепость. Тюремщики загоняют Федю внутрь. Кривцов стоит у ворот, наблюдая эту сцену и щелкая своим неразлучным кнутом. Глаза узника и коменданта встречаются. Ворота затворяются, скрывая крошечную фигурку Феди на фоне бесконечной белизны.

70. Ветхий барак – ночь

Все лежат на нарах. В полной тишине Федя рассказывает:

ФЕДЯ Крестьяне из соседних деревень стали убегать в леса, чтобы присоединиться к отряду графа Андрея Ставрогина, который объявил себя незаконным сыном царя. Он был отмечен необыкновенно высоким ростом и красотой. Голос его был подобен раскатам грома...

Внезапно дверь распаивается и в барак врывается Кривцов в сопровождении тюремщиков с фонарями.

ТЮРЕМЩИК Всем построиться! Обыск!

71. Ветхий барак – часом позже

Заключённые построены в шеренгу перед расстеленным на полу одеялом, на котором свалены в кучу конфискованные вещи: водочные бутылки, самодельные

ножи, пакеты с чаем, белье и т. д. Кривцов стоит перед Фёдей, в руке у него зажата пачка мелко исписанных листков

КРИВЦОВ Ты никак романы здесь пишешь, господин писатель? Ты что, забыл свой приговор?

ФЕДЯ Это не романы, а так... записки, обрывки, поговорки...

КРИВЦОВ Сейчас мы эти поговорки зачитаем! *(читает)* На бесптичьи и жопа соловей.

Взрыв чудовищного хохота. Смеются и тюремщики и заключённые

КРИВЦОВ *(орет)* Прекратить смех, волки! Слушайте: Лучшая линия поведения здесь – показывать свое настоящее лицо, ведь все равно никто мне не поверит.

Тюремщики и заключённые смеются опять, падая от смеха друг на друга.

КРИВЦОВ Прекратить смех, волки! Может, кто-нибудь объяснит мне, что здесь смешного?

Хочет порвать листки, но внезапно взгляд его падает на край одного из них, на котором нарисована женская головка.

КРИВЦОВ Ты что, еще и художник, Достоевский?

ФЕДЯ Не то, чтобы очень... меня немного учили в Инженерной Академии.

КРИВЦОВ Да ну? А я как раз ищу художника, чтобы расписал мне новый дом. Супруга мне все кишки проела с этой росписью. Возьмешься расписать?

ФЕДЯ Ну, не знаю.

КРИВЦОВ Возьмешься, я листки твои тебе верну. Договорились?

ФЕДЯ А что рисовать-то надо?

КРИВЦОВ Что-нибудь красивое – ангелов, зверей, цветы.

ФЕДЯ Но вы понимаете, это не простая работа. Сколько времени у меня есть?

КРИВЦОВ А до апреля, пока супружница не возвратится. Но чтоб ей понравилось! Если ей не понравится твоя работа, получишь тысячу розг. Ну как, по рукам?

ФЕДЯ Ладно, но только чтобы два раза в день горячая пища, и помощник мне нужен – краски растирать.

КРИВЦОВ А кого бы ты хотел в помощники?

ФЕДЯ А вот его, Алеху. Его барыня сызмальства их живописи учила.

Алёха заметно удивлен.

КРИВЦОВ *(с подозрением)* Ты и вправду краски растирать умеешь?

Алёха молча кивает.

КРИВЦОВ Ладно, бери его под свою ответственность. Но и он тысячу розг получит, если вы мой новый дом поуродуете.

72. Ветхий барак – ночь

Все спят, только Алёха никак не может уснуть. Он осторожно сползает с верхних нар, подходит к спящему Феде и трясет его за плечо. Федя открывает глаза.

ФЕДЯ Что случилось?

АЛЕХА Послушай, мне страшно. Я понятия не имею, как растирают краски.

ФЕДЯ Ну и что? Я тоже понятия не имею.

АЛЕХА Может, лучше отказаться, пока не поздно?

ФЕДЯ Ты что, спятил? Мы два месяца будем жить как короли, а ты трусишь! Да мы всю эту премудрость по дороге выучим, увидишь!

73. Дом Кривцова – зимний день

Федя и Алёха складывают свои инструменты и краски, собираясь уходить. Работа завершена – стены и потолки дома расписаны чуть наивными, но милыми сценами с участием ангелов и мифологических образов. Появляется Кривцов в сопровождении своей Супруги, пышной блондинки. На ногах ее красивые сапожки из черно-белого меха.

КРИВЦОВ *(Супруге)* Вот они, наши художники! Скажи, они нарисовали то, что ты хотела, или не то? Если тебе не понравится, они будут наказаны. *(Феде и Алёхе)* Готовьтесь – прибыл ваш ревизор!

Супруга молча поворачивается на каблуках и начинает ходить из комнаты в комнату, оглядывая разрисованные стены. Кривцов семенит за ней, явно страшась ее суда. Федя глядит ей вслед, в основном на ее меховые сапожки.

АЛЕХА (*испуганным шепотом*) Пусть я буду проклят, если эти сапожки не сшиты из меха твоей собачки!

Федя вздрагивает, как от удара. В глазах его вспыхивает безумный огонь, он хватается большую кисть и окунает ее в ведро с черной краской. Алёха ловит его руку на взлете, в момент, когда он готов замазать черной краской ближайшую роспись. Федя сопротивляется. В это время возвращаются Кривцов с Супругой, оба очень довольные. Федя и Алёха замирают в разгар своей борьбы, Федя с поднятой кистью, с которой на пол капает черная краска.

СУПРУГА Это даже лучше, чем я себе представляла. Давайте выпьем за то, чтобы мы счастливо жили в этом доме.

Она идет к саквоюжу, оставленному ею в углу, и достает оттуда бутылку водки и две рюмки. Федя глядит на нее в оцепенении, не замечая, что со щетки на пол капает черная краска. Не замечая его странного поведения, Кривцов достает из кармана конфискованные им при обыске листки и протягивает их Феде.

КРИВЦОВ Вот твои записки, Достоевский.

Федя берет листки дрожащей рукой, не зная, куда девать грязную кисть. В этот момент Кривцов неожиданно падает перед ним на колени.

КРИВЦОВ Умоляю тебя – прости меня! Ты простишь меня, простишь?

Федя, держа кисть в одной руке, и записки в другой, ошеломленно смотрит на слезы, обильно текущие по щекам Кривцова.

КРИВЦОВ (*ползает перед ним на коленях*) Ты должен простить меня – за все то зло, что я тебе причинил! Я такой мерзавец, такой негодяй, но ты будь милосерден, Достоевский, и прости меня! Я вел себя с тобой, как

последний негодай, я же не знал, что ты такой великий художник. Но ты простишь меня, да?

Федя, наконец опускает кисть в ведро. Тем временем Супруга наливает водку в рюмки.

ФЕДЯ Не из шкуры ли моей собачки стачаны эти нарядные сапожки?

Лицо Алёхи искажается страхом. Кривцов в ужасе смотрит на сапожки Супруги.

КРИВЦОВ (*орет*) Сейчас же сними эти проклятые сапожки! Сними их ради всего святого!

Супруга стоит растерянно, с полной рюмкой в каждой руке, не зная, как ей быть.

СУПРУГА (*с недоумением*) Но почему? Они такие хорошенькие!

КРИВЦОВ (*вне себя*) Немедленно сними их, пока я не разрезал их прямо на тебе!

ФЕДЯ Оставьте в покое сапожки, я все равно уже простил вас.

Резко поворачивается и убегает. Все недоверчиво смотрят ему вслед. Алёха с видимым облегчением берет у Супруги рюмку с водкой, выпивает залпом и бежит вслед за Федей. Кривцов, не поднимаясь с колен, хватается вторую рюмку и осушает ее до дна.

74. Мрачная тюремная камера

В камере Ставрогин стоит на коленях, упираясь руками о койку – потолок слишком низок, чтобы он мог выпрямиться, единственное окошко забито снаружи досками.

На стене колонка надписей, процарапанных ложкой

«А. Ставрогин, 1850»

«А. Ставрогин, 1851»

«А. Ставрогин, 1852»

«А. Ставрогин, 1853»

Ставрогин берет со стола ложку и царапает на стене

«А Ставрогин, 1854»

75. Высокие стены Омского острога – утро, зима

Сани стоят в ожидании у ворот. Тюремщики выводят из ворот Федю, за ними выходит Кузнец с клеймом «КАТ» на щеке. Кузнец спиливает кандалы с ног Феде. Федя наклоняется, поднимает кандалы со снега и смотрит на них почти ностальгически.

КУЗНЕЦ Что, жалко расставаться с железными дружками?

ФЕДЯ Я так привык к ним за четыре года, что без них смогу, наверно, взлететь!

Бросает кандалы в снег и направляется к саням такой легкой походкой, будто и впрямь вот-вот готов взлететь.

ФЕДЯ *(простирая руки)* Свобода! Свобода – воскресение из мертвых! Со мной Бог!

76. Маленький город в степи - зимний день

Ветер метет снег по ухабистым улочкам Семипалатинска. Большая военная крепость громоздится на высоком берегу полноводной реки. Вокруг крепости сгрудились деревянные домишки. Федя подъезжает в санях к воротам крепости и входит внутрь. Над дверью одного из зданий надпись «Сибирский пехотный батальон» – Федя входит в эту дверь и через несколько минут выходит в солдатской форме.

77. Учебный плац в степи – зимний день

Пустынное поле, замеченное снегом. Молодой офицер муштрует дюжину Рекрутов.

ОФИЦЕР В позицию встать! Построиться по двое! Строем – бегом!

Все Рекруты дружно выполняют его команды. Все, кроме Феде, который выглядит старше своих лет. Лицо его покрыто потом. То и дело спотыкаясь и падая, он никак не может угнаться за своими молодыми сотоварищами.

ОФИЦЕР Рядовой Достоевский!

Федя с трудом поднимается с земли и отдает честь.

ФЕДЯ Слушаю, ваше благородие!

ОФИЦЕР Ты позоришь наш батальон! А ну, повтори все сначала!

Федя с трудом плетется обратно, оскальзываясь на влажном снегу. Лицо Офицера искажается гневом.

ОФИЦЕР Что ты ноги волочишь! Бегом, Достоевский, бегом!

Федя пытается бежать, но через несколько шагов опять спотыкается и падает, подвернув ногу. К плацу приближается конный Прапорщик, он отдает честь Офицеру и вручает ему записку. Тот читает ее и приказывает Феде:

ОФИЦЕР Рядовой Достоевский! Марш в город! Тебя вызывает новый прокурор. И поторопись – я жду тебя обратно через два часа!

78. Маленький город в степи – зимний день

Федя хромая, ковыляет по улице. Ветер швыряет ему в лицо хлопья снега. Вокруг ни души, только стая бродячих собак преследует жалкую фигуру в солдатской форме.

ФЕДЯ *(молится шепотом)* О Господи, делай со мной, что хочешь, только не отправляй меня обратно в тюрьму!

Лихорадочно утирая пот со лба, он старается ускорить шаг, но поврежденная нога не дает ему сделать это. Внезапно из переулка появляется изящная женщина, она идет сквозь снежные вихри, словно мираж – так не соответствует ее облик к этой жалкой улице, полной бродячих собак.

79. Лицо Феди крупным планом

В глазах у него все кружится. Он видит – эта женщина – Авдотья. Она улыбается ему сквозь снежное облако.

АВДОТЬЯ Куда вы исчезли, Достоевский? Нам так не хватает вас!

ФЕДЯ Я исчез, чтобы не отягощать вашу светлую жизнь. Ведь несчастье заразительно.

АВДОТЬЯ Разве вы были несчастливы с нами?

ФЕДЯ Нет, я был несчастлив без вас.

Авдотья приближается. Федя останавливается и простирает к ней руки – это незнакомая белокурая женщина, в ней нет ничего общего с темноглазой Авдотьей, кроме изящной фигуры. Она с удивлением смотрит на хромого солдата. Это – Мария.

80. Приёмная губернского прокурора

Секретарь, сидя за столом, равнодушно поднимает глаза на немолодого хромого солдата, который, войдя в приемную, прислонился к стене, чтобы не упасть.

ФЕДЯ (*докладывает непослушными губами*) Рядовой Достоевский явился по приказу господина прокурора!

СЕКРЕТАРЬ Почему так поздно, рядовой Достоевский? Его превосходительство уже спрашивали о вас дважды!

Секретарь выходит. Федя близок к обмороку, на его испуганном лице выступают крупные капли пота. Топот сапог Секретаря звучит в его ушах, как барабанная дробь.

81. Семёновский плац – зимний рассвет – видение

Идет подготовка Семеновского плаца к церемонии смертной казни.

Порывы ветра метут снег через площадь, смутно освещенную дрожащим пламенем многочисленных факелов. Солдаты привязывают к столбу Федю, одетого в белый саван.

ТОРЖЕСТВЕННЫЙ ГОЛОС, *подхваченный Эхом:* Федор Достоевский, двадцати восьми лет отроду, признан виновным в преступном заговоре против самодержавной власти... Суд приговаривает его к смертной казни расстрелянием... расстрелянием... расстрел...стрел...

82. Приёмная губернского прокурора

Из кабинета слышатся торопливые шаги – кто-то приближается к приемной почти бегом. Звук этих шагов усиливает барабанную дробь в Фединой голове. Он цепляется дрожащими пальцами за стену, чтобы не соскользнуть на пол. Барон Врангель, теперь уже молодой человек чуть старше двадцати, появляется на пороге. Измученный вид Феде потрясает его.

ВРАНГЕЛЬ Достоевский! Наконец-то вы здесь!

ФЕДЯ Прошу простить меня за то, что я заставил ваше превосходительство ждать, Я бежал всю дорогу, но моя нога...

Врангель бросается к Феде с протянутой для пожатия рукой.

ВРАНГЕЛЬ Простите, простите меня, что я заставил вас бежать всю дорогу! Я сам должен был приехать к вам, но я же не знал, что ваша нога...

Федя шарахается от протянутой руки Врангеля, словно уклоняется от удара в лицо. Он теряет равновесие и падает на колени. Входит Секретарь и замирает на пороге, наблюдая, как Господин Прокурор падает на колени рядом с пожилым солдатом с грязным измученным лицом.

ВРАНГЕЛЬ О простите, простите! Я не знал... Я думал, здесь, в кабинете, будет лучше.

Не понимая происходящего, Федя с трудом поднимается на ноги и становится во фронт перед коленопреклоненным Врангелем.

ФЕДЯ (непослушными губами) Рядовой Достоевский явился по приказу господина прокурора!

ВРАНГЕЛЬ (все еще на коленях) Вы здоровы? Выглядите вы ужасно – такой бледный, худой...

ФЕДЯ (в отчаянии) Пожалуйста, сударь, проведите меня к господину прокурору. Меня ведь накажут за опоздание.

ВРАНГЕЛЬ (все еще на коленях) Никто вас не накажет. Я и есть господин прокурор.

Федя, не веря ни своим глазам, ни своим ушам, смотрит на детское лицо собеседника.

ФЕДЯ Вы – господин прокурор?

ВРАНГЕЛЬ (*все еще на коленях*) Да, со вчерашнего дня я вошел в должность губернского прокурора Семипалатинского округа!

На Федю нападает приступ безудержного хохота.

ФЕДЯ Рад приветствовать вас в нашей цветущей пустыне, ваше превосходительство!

83. Парная прокурорской бани

Голый Федя лежит на полке, пока голый Врангель хлещет его по спине березовым веником.

ВРАНГЕЛЬ (*говорит без умолку*) Я стоял в толпе так далеко, что не мог разглядеть ваше лицо. Вы стояли на помосте, а я плакал. Это все было так жестоко!

ФЕДЯ Как вы туда попали?

ВРАНГЕЛЬ Дело в том, что мой дядя был комендантом Петропавловской крепости. Я надеюсь, вас это не отвратит от меня... Я его ненавижу. Я так ему и сказал, когда он в семье стал рассказывать об этой позорной казни. От него я узнал и всю ночь ждал, когда ваши коляски проедут мимо нашего дома... Тогда я выскочил и побежал им вслед. Там уже была толпа. Но мой кузен, гвардейский офицер, меня заметил и стал меня прогонять...

ФЕДЯ Что вам было за дело?

ВРАНГЕЛЬ Я столько раз плакал над вашей книгой, что выучил ее наизусть

84. Заснеженная площадка перед баней – ночь

Врангель и Федя выбегают из бани нагишом и с хохотом валяются в снег.

85. Раздевалка бани

Федя сидит на лавке в чистой рубахе. Врангель наряжается в свой прокурорский мундир с помощью своего пожилого одноглазого денщика Адама.

ВРАНГЕЛЬ (*с детской радостью*) Я думаю, ваш Офицер просто счастлив, узнавши, что вас задержал сам прокурор.

ФЕДЯ Почему именно вас назначили прокурором в эту забытую Богом дыру?

Адам опускается на колени, чтобы натянуть на ноги Врангеля высокие форменные сапоги.

ВРАНГЕЛЬ Я сам попросился... хотел служить Родине... Конечно, я не стану отрицать свои семейные связи, ведь все мы – мои деды, мои дядьки, мои кузены, – все служили и служат. *(Адаму)* Можешь итти, Адам, я сам справлюсь.

Адам выходит, захватив с собой поднос с остатками ужина.

ФЕДЯ Вы должны быть счастливы, выполняя свой долг.

ВРАНГЕЛЬ Я должен быть счастлив, но у меня не выходит. Я и представить себе не мог, как это далеко. Мне понадобился целый месяц, чтобы сюда добраться. Это ужасное, ужасное место *(захлебываясь слезами)*. От этого песка можно сойти с ума, и от снега тоже! И от бродячих собак! Можно подумать, здесь вообще нет людей, одни собаки! И ни одного друга, не с кем даже словом перемолвиться! Я так одинок! Я так скучаю по папе и маме!

ФЕДЯ Хватит плакать, хватит! Я тоже одинок – будем одиноки вдвоем!

86. Солдатский барак – вечер

Барак тускло освещен парой подвесных керосиновых ламп, заполняющих пространство фантастическими тенями. Разница между солдатским баракком и тюремным небольшая – те же двухэтажные нары с двух сторон, разделенные узким проходом. Федя, уставший от тяжелого дня муштры, лежит на своих нарах. У двери, на небольшой площадке, свободной от нар, группа молодых Рекрутов – Ваня, Егор, Миша, Серёга, – играют в грубую народную игру: один из них становится спиной ко всем, просунув левую руку под правую подмышку. Кто-то больно ударяет его по ладони, он быстро оборачивается, пытаясь угадать – кто именно. В случае удачной догадки ударивший занимает его место.

ВАНЯ (*замечая Федю*) Эй, Достоевский, иди поиграй с нами.

ФЕДЯ Отстань, я не умею играть в эту игру.

ВАНЯ Не беда! Иди сюда, мы тебя живо научим!

Федя покорно поднимается и выходит на площадку. Его ставят спиной к играющим. Его неумелая попытка просунуть левую руку под левую подмышку вызывает всеобщий смех.

ЕГОР (*тянет его за руку*) Ты что, не знаешь, что у человека две руки и две подмышки?

СЕРЕГА Ладно, пусть делает, как может. Начинаем!

Все игроки, тесно сплотившись, выстраиваются у Федю за спиной. Ваня больно ударяет Федю по ладони, и тут же возвращается в строй. Федя застыл, не оборачиваясь, словно не желая видеть всех с поднятыми кверху большими пальцами.

ЕГОР (*не выдерживает*) Ты собираешься угадать, кто тебя ударил, или нет?

Федя наконец оборачивается – все лица кажутся ему похожими, он наугад указывает на Серёгу. Общий смех.

МИША Не угадал! Не угадал!

ВАНЯ Раз не угадал – опять поворачивайся спиной!

Федя опять принимает позу жертвы. На этот раз двое – Егор и Миша – больно бьют его по ладони. Федя оборачивается так быстро, что успевает заметить, как Егор прыгает на свое место. Федя торжествующе указывает на него, но Миша возражает.

МИША Опять ошибся. Это был я!

ФЕДЯ Но я видел, как он прыгнул назад.

МИША Может, он и прыгнул, но стукнул тебя я!

Дверь открывается, входит Адам с пакетом.

АДАМ Посылка для рядового Достоевского.

ВАНЯ (*выхватывая пакет у Адама*) Ух, тяжелая! Небось, там полно вкусной жратвы!

Адам забирает посылку у Вани, вручает ее Феде и дожидается, пока Федя ее развяжет – там несколько книг. Федя счастлив, он гладит обложки, словно ласкает.

ФЕДЯ Пять лет я не держал в руках книгу!

ЕГОР Это ж надо! Какой идиот мог послать сюда книги?

АДАМ (*уходя*) Попридержи язык! Этот идиот – сам господин прокурор!

Все почтительно смолкают. Федя открывает одну из книг:

ФЕДЯ Бог с ней, со жратвой. У меня есть для вас что-то получше! (*читает*)

Редееет облаков летучая гряда,
Звезда печальная, вечерняя звезда
Твой луч осеребрил печальные равнины...

Замолкает, потрясенный взрывом мощного хохота. Не веря своим ушам, Федя секунду смотрит на своих юных друзей, потом вскакивает и выбегает из барака с книгой в руке.

ВАНЯ (*давясь от хохота*) Ой, уморил! Липучая грида... что за грида такая?

87. Плац при казарме – ночь

Плац покрыт пятнами не растаявшего еще снега. Холодно. Возле ворот одинокая собака воет на луну. Федя приближается к ней и нерешительно гладит ее по голове.

ФЕДЯ Как красиво ты воешь, дружок. Давай я тебе почитаю! (*открывает книгу*)

Тучки небесные, вечные странники,
Степью лазурною, цепью жемчужною,
Мчитесь вы будто, как я же, изгнанники
С милого севера в сторону южную...

Собака перестает выть и лижет Федино лицо.

88. Столовая в доме Врангеля – ранний вечер

Врангель наблюдает, как Адам накрывает стол для праздничного обеда. Федя в солдатской форме, стоя у окна, читает французскую газету.

ВРАНГЕЛЬ (*пробует квашеную капусту*) Капуста удалась на славу, Адам.

АДАМ Вы лучше попробуйте печеночный паштет.

Врангель зачерпывает ложку паштета и трогает Федю за плечо.

ВРАНГЕЛЬ Советую попробовать печеночный паштет. Это произведение искусства!

Федя поднимает глаза от газеты и видит через окно, как к дому подъезжают первые гости – высокий плечистый мужчина и изящная женщина, встреченная им в день приезда Врангеля, которую он принял за Авдотью.

ФЕДЯ (словно в трансе) Кто это?

ВРАНГЕЛЬ Это Исаевы, Александр и Мария, я говорил вам о них. Такой мезальянс – она, первая местная красавица, а он, первый местный пьяница.

Алекс и Мария входят. Федя не в силах оторвать взгляд от лица Марии, чего ни хозяин, ни гости не замечают. Адам помогает гостям снять шубы, Мария идет к зеркалу и прихорашивается.

ВРАНГЕЛЬ Дорогие друзья, я хочу представить вам своего друга, Федора Достоевского. Хоть он и в солдатской форме...

МАРИЯ Вы – писатель Достоевский, тот, что был приговорен к смертной казни?

ВРАНГЕЛЬ Вам об этом известно?

АЛЕКС У моей жены есть таинственные источники информации.

МАРИЯ Просто я интересуюсь литературой! (протягивая Феде руку для поцелуя) Как вам не стыдно, Врангель! Владеть таким сокровищем и прятать его, и это в нашем скучном городишке!

ФЕДЯ (поднося ее руку к губам) А ведь мы встречались. Вы прошли мимо по снежному облаку, как Принцесса, даже не заметив меня.

МАРИЯ О чем вы? Не понимаю...

АЛЕКС Какой сюрприз! Они, оказывается, встречались!

ФЕДЯ И даже я не понял, что наша встреча в снежном облаке была провидческой.

АЛЕКС (наливая себе водки) О Боже, кажется, к батальону воздыхателей моей жены добавился еще один!

Появляется еще одна пара, Беликовы, с юной дочерью Ольгой. Врангель и Адам спешат им навстречу.

ВРАНГЕЛЬ (*Феде по пути*) Это – наш новый губернатор, будьте с ним любезны.

МАДАМ БЕЛИКОВА Где же ваш грандиозный сюрприз, дорогой Барон?

ВРАНГЕЛЬ (*подталкивая Федю вперед*) Вот он, мадам!

89. Столовая в доме Врангеля – через два часа

Столовая празднично освещена множеством керосиновых ламп. Обед подходит к концу. ФЕДЯ сидит между Марией и Мадам Беликовой, Врангель разливает вино по бокалам.

ОЛЬГА (*кокетничает с Федей*) Наверно, трудно было завести друзей на каторге?

ФЕДЯ Напротив, у меня там был задушевный друг. Он был приговорен к пожизненному за убийство.

МАДАМ БЕЛИКОВА Ужас! Как можно было дружить с таким чудовищем?

ФЕДЯ Но он вовсе не чудовище! Он – человек нежнейшей души.

МАДАМ БЕЛИКОВА Это надо же! Сказать такое про убийцу – нежнейшей души человек!

ФЕДЯ Он пожертвовал своей свободой для спасения души. Он убил своего барина за то, что тот изнасиловал его невесту в день свадьбы.

Мадам Беликова и Ольга шокированы словами Феди.

МАРИЯ Объясните мне, Достоевский, как один человек может убить другого?

Алекс наполняет водкой не рюмку, а бокал для вина, и выпивает залпом.

АЛЕКС Разве нельзя убить просто для удовольствия?

МАРИЯ Я спрашиваю не тебя, а господина писателя.

АЛЕКС Конечно не меня! Кому интересно мое мнение? Я ведь не писатель!

ФЕДЯ Что вы, что вы? Мне как раз интересно ваше мнение.

АЛЕКС Вы ведь знаете, что великая Клеопатра обожала втыкать булавки в соски своих рабынь, чтобы наслаждаться их криками?

МАДАМ БЕЛИКОВА Что за ужасы вы рассказываете! Хватит на сегодня, я и так не смогу сомкнуть глаз.

АЛЕКС Если вы пригласите меня, я помогу вам скрасить бессонную ночь некоторыми радостями, завещанными великой Клеопатрой.

Воцаряется неловкая пауза. В поисках темы, способной ее заполнить, Мария поднимается из-за стола и поднимает французскую газету, оставленную Федей на подоконнике.

МАРИЯ Барон, вы не сказали мне, что получили свежую французскую газету.

ФЕДЯ (*впечатлен*) О, вы читаете по-французски?

МАРИЯ (*просматривая газету*) Французский – мой второй язык. Ведь мой папа французский дворянин. Он бежал из Франции во время этой ужасной революции и навеки застрял в России, женившись на моей матушке (*мечтательно*). Иногда я представляю себе, как бы сложилась моя жизнь, если бы они уехали в Париж!

Она углубляется в чтение газеты, пока Алекс подливает и подливает водку в свой бокал. Не отрывая глаз от газеты, Мария пытается забрать у него бокал, но он отталкивает ее. Мадам Беликова шепчет Феде на ухо.

МАДАМ БЕЛИКОВА Надеюсь, вы не поверили ее сказке про благородного французского отца?

ФЕДЯ Почему бы не поверить?

ОЛЬГА Потому что он был вовсе не дворянин.

МАДАМ БЕЛИКОВА А просто пленный наполеоновский солдат.

МАРИЯ (*Феде на хорошем французском*) Что эта тварь вам шепчет? Небось гадости про моего дорогого папу?

ФЕДЯ (*смущенно, на плохом французском*) Нет, нет, мы совсем не о том...

АЛЕКС (*по-русски*) Моя баба говорит по-французски, как парижская модистка, видал?

Делая вид, что он гладит Марию по плечу, Алекс начинает больно щипать ее голую руку. Мария закусывает

губу, чтобы не вскрикнуть, и, словно ничего не случилось, продолжает флиртовать с Федей, который ничего не замечает.

МАРИЯ *(на хорошем французском)* Не вступайтесь за этих стерв. Меня вы не обманете, я вижу их насквозь. Они терпеть меня не могут.

ФЕДЯ *(на плохом французском)* Ради Бога, не говорите так!

МАРИЯ *(на хорошем французском)* Не бойтесь, они ни слова не понимают по-французски! Господи, как я ненавижу свою убогую жизнь! Мне суждено погибнуть в этом гнусном городишке, по уши засыпанном песком!

ФЕДЯ *(умоляюще, по-французски)* Не надо так думать – вы так молоды, умны и прекрасны!

АЛЕКС *(по-русски, очень громко)* Да, вы правы – она, умная и прекрасная, оказалась женой негодяя и пьяницы. Разве это не ужасно?

Все это время Алекс продолжает нещадно впиваться ногтями в предплечье Марии, так что в конце концов она больше не может выдержать эту пытку. Отчаявшись, она наклоняется и впивается зубами в терзающую ее руку Алекса. Алекс, вскрикнув, отпускает ее и переключает свое внимание на водочную бутылку. Мария прижимает носовой платок к больной руке и поспешно выбегает в прихожую. Федя спешит за ней. Дамы Беликовы обмениваются взглядами, одновременно ревнивыми и злорадными.

90. Прихожая в доме Врангеля – поздний вечер

Мария, глотая слезы, сидит на лавке, на которой навалены шубы гостей. Очарованный Федя стоит перед Марией.

МАРИЯ. Представляю себе, как мы выйдем в ваших глазах. По сравнению с женщинами из вашей блестящей прошлой жизни!

ФЕДЯ Но вы, вы – ничуть не хуже их! Я и помыслить не смел, что встречу такую женщину в этой жалкой дыре!

Распахивается входная дверь и входит Офицер. Он снимает шинель и швыряет ее Феде. Федя отшатывается, и шинель падает на пол. Мария смеется. Рассерженный

Офицер поднимает руку, чтобы отпустить Феде звонкую пощечину, но Мария перехватывает его руку.

МАРИЯ Вы что, с ума сошли?

ОФИЦЕР Этот негодяй нарочно бросил мою шинель на пол.

МАРИЯ Как вы смеете так обращаться с другом господина прокурора?

Офицер недоверчиво смотрит на Федю. В прихожую вваливается Алекс со стаканом водки в руке.

ОФИЦЕР Рядовой Достоевский – друг господина прокурора?

МАРИЯ Да, его лучший друг! Так что лучше извинитесь немедленно!

ОФИЦЕР Как я могу отказать даме? (*Феде со скрытой угрозой*) Готовы ли вы принять мое извинение, рядовой Достоевский?

С этими словами Офицер идет в столовую, не дожидаясь ответа Феде, который, абсолютно очарованный, подносит руку Марии к губам.

АЛЕКС (*поднимая стакан*) За прекрасных дам!

Пьет, швыряет стакан об стенку и тяжело падает на пол во весь рост.

МАРИЯ Вы наверно удивляетесь, почему я все это терплю? Но я не могу покинуть – он смертельно болен и дни его сочтены.

Алекс неожиданно поднимает голову.

АЛЕКС Конечно, вы можете не верить этой сучке, но она и вправду жалеет меня, пьяницу и подонка.

91. Улица перед домом Исаевых – ночь

Федя, затаившись в тени дома, пытается сквозь неплотно задернутые занавески подглядеть, что там происходит. На занавеске появляется тень Марии с лампой в руке. Федя прикидывает к щели между занавесей – Мария склоняется над детской кроваткой, в которой спит маленький мальчик.

92. Солдатский барак – ранний вечер

Солдаты играют в карты. Федя старательно причесывается и чистит сапоги. Он очень возбужден, даже напевает себе под нос.

МИША (*кривляясь*) Куда это вы, интересно, собрались, рядовой Достоевский?

ВАНЯ (*кривляясь*) А вы не знаете? Меня вызвал сам господин прокурор!

МИША (*кривляясь*) Какой ужас! Сам господин прокурор?

ЕГОР А может, кто-то другой? Или другая?

МИША Другая? Не может быть!

ВАНЯ (*кривляясь*) Лучше не ходите к этой другой, рядовой Достоевский – вас арестуют!

Федя хватается шинель и выбегает. Вслед ему несется Хор голосов:

ХОР

Ах, куда ты, Федя? Куда ты, куда?

Тебя арестуют, не ходи туда!

93. Дом Исаевых – вечер

Мария, сидя у стола, что-то пишет, зачеркивает и снова пишет. Федя играет с ее восьмилетним сыном, Пашей.

ФЕДЯ Если ты можешь жонглировать двумя яблоками, почему не добавить третье?

ПАША Подбросить три – это чепуха!

Паша со смехом подбрасывает яблоки, но не может их поймать.

ФЕДЯ Главное, не подбросить, а поймать! Подними их и попробуй снова.

Паша ползает по комнате, собирая яблоки.

МАРИЯ Как мило с вашей стороны зря тратить время на моего глупого малыша.

ФЕДЯ Любая минута, проведенная с вами, не потрачена для меня зря.

Он пытается взять ее за руку, но она отодвигается.

МАРИЯ Хотите чаю? *(кричит)* Катя, принеси самовар!

Катя, хорошенькая молодая девушка, вносит самовар, наливает воду в заварной чайник, выставляет чашки на поднос.

ФЕДЯ *(Марии)* Как продвигается ваш перевод?

Мария прячет свои исписанные листки за корсаж.

МАРИЯ Что-то последняя строфа не ладится.

Федя в волнении протягивает руку к ее корсажу.

ФЕДЯ Дайте поглядеть.

МАРИЯ Катя, ты можешь итти домой. Господин Достоевский поможет мне убрать посуду.

КАТЯ *(уходя)* Спокойной ночи.

МАРИЯ Сейчас я вам прочту. Но вы не должны судить меня слишком строго.

Федя несет поднос с чашками на стол. Мария достаёт листки из-за корсажа и читает загробным голосом.

МАРИЯ

О, не бросай душистых лилий

В мой черный и холодный пруд!

Паша, отыскав все разбросанные яблоки, начинает радостно ими жонглировать.

ПАША Я могу жонглировать даже четырьмя яблоками!

Яблоко попадает в поднос, Федя не удерживает его и роняет – заварной чайник и две чашки разбиваются.

МАРИЯ Ой! Мой любимый сервиз! *(шлепает Пашу)* Сейчас же одевайся и иди встречать папу!

Огорченный Паша одевается и уходит, захлопнув с грохотом дверь. Мария опускается на колени и собирает осколки сервиза. Федя присоединяется к ней.

ФЕДЯ Это моя вина, я куплю вам новый сервиз.

МАРИЯ Не смешите меня – это ведь настоящий фарфор. Он стоит больше вашего годового жалованья.

ФЕДЯ Деньги ерунда! Деньги я как-нибудь заработаю. Или кого-нибудь ограблю...

МАРИЯ Кого вы можете здесь ограбить?

ФЕДЯ Например, старую гадалку на базарной площади. Она дает деньги в долг, значит, у нее есть что грабить! *(В транс)* Какая прекрасная идея для романа о преступлении и наказании. Я могу использовать образы тех, кого встречал на каторге...

МАРИЯ Сознайтесь, Достоевский, вы ведь влюблены в меня, правда?

ФЕДЯ Что вы? Как можно? Я бы и помыслить не посмел...

МАРИЯ Так да или нет?

ФЕДЯ Не мучайте меня! Такая женщина, как вы, не может интересоваться мною...

МАРИЯ А что во мне такого особенного?

ФЕДЯ Вы – за пять лет первый человек, с которым я могу говорить о своем новом романе.

Распахивается дверь и вваливается пьяный Алекс. Он налетает на Федю и Марию, все еще стоящих на коленях.

АЛЕКС Какая идиллическая картина! Пара коленопреклоненных влюбленных голубков!

МАРИЯ О, Алекс! Мой свадебный сервиз разбился!

АЛЕКС Ты считаешь, я должен оплакивать твой разбитый сервиз? Может, тебе лучше оплакать мою разбитую жизнь?

ФЕДЯ Вы несправедливы к ней, Алекс. Вы ведь знаете, как она страдает из-за вас!

Алекс берет руку Марии в обе свои и подносит к губам

АЛЕКС Я знаю, что она – мой ангел-хранитель.

Мария громко вскрикивает и вырывает у него руку, которую Алекс стиснул в кулак. Сквозь ее пальцы текут струйки крови. Она разжимает кулак – в ее ладонь впился большой острый осколок чашки.

ФЕДЯ *(вскакивает в ужасе)* Это вы? Вы, Алекс?

АЛЕКС Побитый пес ведь может и укусить. Зато потом он раскаивается и лижет раненную руку.

Опускается на колени рядом с Марией и слизывает капли крови с ее ладони.

МАРИЯ Оставь меня в покое, ты просто пьян.

АЛЕКС Да, я пьян, и завтра напьюсь, и умру пьяным. Потерпи, уже недолго ждать.

МАРИЯ Зачем ты устроил эту безобразную сцену перед Достоевским? Или ты к нему ревнуешь?

ФЕДЯ (*идет к двери*) Если вы не хотите меня видеть, я могу уйти и больше никогда не приходить.

МАРИЯ Останови его, Алекс. Нельзя, чтобы он ушел навсегда!

АЛЕКС Вы не можете покинуть мою несчастную жену. Кто, кроме вас, женится на ней, когда она станет вдовой?

МАРИЯ Эта шутка неудачная даже для пьяницы.

АЛЕКС Согласен – шутка неудачная. Разве ты можешь выйти за него замуж? Вам с Пашей и дня не прожить на его жалованье.

ФЕДЯ Вы можете обижать меня сколько угодно, вам все равно не удастся меня обидеть. Ведь вам очень больно? Я чувствую вашу боль, как свою собственную.

АЛЕКС (*поднимаясь с колен*) Больно, больно и страшно! И за себя, и за нее. Мне иногда так ее жалко, так жалко – ведь я не оставлю ей ни гроша, одни долги. Но чаще, гораздо чаще, я ее ненавижу – почему я должен умереть, а она будет жить?

ФЕДЯ А потом вы ненавидите себя за то, что ненавидели ее. И любуетесь своими страданиями. Я понимаю вас, я тоже иногда люблюсь своими страданиями...

АЛЕКС Отлично! Сейчас я дам вам возможность пострадать всем вместе и полюбоваться своими страданиями. Слушайте, слушайте – час назад меня уволили со службы! За то, что я напился!

Мария падает лицом на руки и начинает истерически рыдать.

АЛЕКС (*пьяно пляшет вокруг нее и поет*)

Уволен за то, что напился! Напился за то, что уволен!

Уволен – напился! Напился – уволен!

Уволься – напился! Упитья неволен!

94. Улица Семипалатинска – весна

Федя идет по улице в сопровождении бродячих собак. В руке у него плотно набитый мешок, на спине набитый ранец. Навстречу ему скачет калмыцкий конный эскадрон. Вдруг из-за угла прямо на Федю выскакивает невысокий Калмык.

КАЛМЫК (*визгливо кричит*) Сдавайся, русский пес!
Ты взят в плен!

Федя испуганно роняет свой мешок. Калмык смеется, Федя узнает в нем сына Марии, Пашу, загримированного под калмыка и одетого в калмыцкую одежду.

ФЕДЯ Ну брат, напугал ты меня!

ПАША (*в восторге*) Вы в самом деле испугались?

ФЕДЯ Кто тебя так ловко разрисовал?

Из-за угла выбегает горничная Марии, Катя

ПАША Да это все Катя придумала! Здорово, да?

КАТЯ Ты что тут натворил, хулиган? (*Феде*) Вы очень рассердились?

ФЕДЯ (*поднимает мешок*) Разве можно сердиться на ребенка?

КАТЯ Вы уезжаете?

ФЕДЯ Нет, просто переезжаю к другу. Все, рядовой Достоевский больше не будет жить в бараке!

КАТЯ Так вы уже больше не солдат?

ФЕДЯ Увы, я буду солдатом еще много-много лет.

КАТЯ Вот и хорошо! Форма очень красит мужчину!

Федя горько смеется. Катя, смутившись, уводит Пашу.

95. Двор и терраса давно не отремонтированного дома – ранний вечер

Федя и Врангель помогают Адаму разгружать телегу с вещами. Врангель с кувшином молока идет к дому через запущенный сад, Федя поднимается на террасу со стопкой книг.

ВРАНГЕЛЬ (*распахивает дверь*) Добро пожаловать в наше новое жилище, Достоевский! Это выглядит получше, чем барак.

Дверь вырывается из ржавых петель и сшибает Врангеля с ног. Ветхие доски террасы проваливаются под весом его тела, кувшин с молоком летит на землю. Грохот пробуждает к жизни семью змей, мирно спавших под террасой и они начинают расползаться во все стороны. Подбегают испуганный Адам и немедленно впадает в панику

АДАМ Спасите! Спасите! Змеи!

Врангель поднимается на ноги, как раз вовремя, чтобы увидеть, как все змеи дружно сползаются к молочной луже.

ФЕДЯ Тише, тише, Адам. Это всего лишь ужи.

ВРАНГЕЛЬ Они пьют молоко – я думаю, мы сможем приручить их. Пошли в дом.

96. Большая комната. Окна с разбитыми стёклами затянуты паутиной

Углы комнаты оккупированы колониями диковинных грибов.

ФЕДЯ Вы не предупредили меня, что это жилище бабы Яги. Вы только гляньте на эти грибы!

ВРАНГЕЛЬ (*в восторге*) Дивно красивые, правда? Мы можем оставить их здесь вместо цветов.

ФЕДЯ Конечно, если у нас нет ничего получше.

ВРАНГЕЛЬ Кое-что у нас есть (*хлопает в ладоши*). Адам, носи ее сюда!

Адам вносит большой квадратный предмет, запеленатый в одеяло.

ВРАНГЕЛЬ (*предвкушая*) Сними одеяло!

Адам осторожно снимает одеяло, открывая отличную копию «Сикстинской Мадонны» в раме.

97. Крупный план «Сикстинской Мадонны»

98. Большая комната. Окна с разбитыми стёклами затянуты паутиной

ФЕДЯ Мадонна Рафаэля? Я не верю своим глазам.

ВРАНГЕЛЬ Можете поверить. Вы часто повторяли, что это ваша любимая картина, и я попросил папу заказать эту копию для нашего нового дворца.

ФЕДЯ За одно это я соглашусь выращивать любые колдовские грибы во всех углах нашего дома.

Врангель бродит по комнате, примериваясь, куда бы повесить картину.

ФЕДЯ Вглядитесь в ее лицо – она готова принести своего ребенка в жертву человечеству! Она надеется этой жертвой искупить наши грехи, поглядите, какая сила в ее слабости!

ВРАНГЕЛЬ А вы знаете, что одному человеку почти что удалось принести эту жертву? В Дрездене во время революции мятежники водрузили подлинную «Сикстинскую Мадонну» на верхушку баррикады, чтобы остановить пушечный огонь королевской армии.

ФЕДЯ Какая безумная идея!

ВРАНГЕЛЬ Ходят слухи, что она была высказана бывшим русским офицером, который стоял во главе мятежников. Неужто вы об этом не слышали?

ФЕДЯ Где я мог об этом услышать? В мертвом доме?

ВРАНГЕЛЬ Ну конечно, конечно, как глупо с моей стороны! Этот офицер, не знаю, знакомо ли вам его имя, – его звали Андрей Ставрогин.

ФЕДЯ Андрей? Конечно, Андрей, – как я сразу не догадался! Кто еще мог бы пожертвовать картиной Рафаэля?

ВРАНГЕЛЬ Так вы его знали? Я не был с ним знаком, но о нем так много говорили. Это был не человек, а миф. Хотя было строжайше запрещено даже упоминать его имя, все только о нем и шептались. О его необычайной судьбе – он был дважды приговорен к смертной казни...

ФЕДЯ *(в ужасе)* И казнен?

ВРАНГЕЛЬ Нет, гораздо хуже – он заживо похоронен в Петропавловской крепости.

99. Мрачная тюремная камера

В камере Ставрогин стоит на коленях, упираясь руками о койку – потолок слишком низок, чтобы он мог выпрямиться, единственное окошко забито снаружи досками.

*На стене колонка надписей, процарапанных ложкой
«А. Ставрогин, 1850»*

«А. Ставрогин, 1851»

«А. Ставрогин, 1852»

«А. Ставрогин, 1853»

«А. Ставрогин, 1854»

«А. Ставрогин, 1855»

Ставрогин берет со стола ложку и с трудом царапает на стене

«А. Ставрогин, 1856»

100. Сад Врангеля – начало лета

Дом отремонтирован, сад приведен в порядок – всюду новые цветочные грядки и цветущие кусты. Врангель без мундира подстригает кусты. Входит измученный, покрытый пылью Федя и опускается на колени, чтобы подлить молока в блюдце, вокруг которого собралась семья ужей.

ВРАНГЕЛЬ Полюбуйтесь на петунью – она вот-вот расцветет.

ФЕДЯ Я полюбуюсь позже, сейчас у меня нет сил.

ВРАНГЕЛЬ Но позже будет поздно, она закроется на ночь.

ФЕДЯ (*с трудом волоча ноги*) Бог с вами, покажите свою петунью (*склоняется над грядкой*). Кто б мог подумать, что она здесь приживется!

ВРАНГЕЛЬ А я вам говорил!

Федя поднимает лейку и поливает себе голову, после чего поливает соседнюю грядку.

ВРАНГЕЛЬ Идите отдыхать. Вы же сами сказали, что у вас нет сил.

ФЕДЯ Я должен полить свои розы, вы явно ими пренебрегаете.

Врангель берет другую лейку и присоединяется к Феде.

ВРАНГЕЛЬ Раз вы ревнуете, я могу полить и ваши розы.

Подходит Адам с двумя ведрами воды и доликает воду в лейку. Федя, придя немного в себя, поливает из лейки Врангеля, который отвечает ему тем же. Оба хохочут.

ФЕДЯ Когда я вижу Божий мир в цвету, как сейчас, мне хочется поверить в Христа. Я так страдаю от своего тщетного стремления к вере! Но порой Бог посылает мне минуты благодати, и я прозреваю, что у человека нет никого, ближе и милосерднее Христа! Если мне предложат выбор между правдой и Христом, я предпочту Христа правде.

ВРАНГЕЛЬ Мне кажется, разумнее предпочесть правду.

ФЕДЯ Разумеется, это разумнее. Но наша убогая мудрость – всего лишь продукт наших убогих мозгов. В минуты прозрения моя душа тем сильнее, чем сильнее мой ум противится ей!

На водных струях, брызжущих из леек, появляется дуга радуги.

101. Сад при доме Врангеля – лето

Федя срезает пышно цветущие розы, Врангель считает срезанные цветы.

ВРАНГЕЛЬ Пять, шесть, семь... Стоп! Это уже восьмая! Разве мы не договорились срезать не больше семи в неделю?

ФЕДЯ Какой вы бесчувственный! Я же говорил вам, что сегодня у нее день рождения.

ВРАНГЕЛЬ Вы что, и вправду так в нее влюблены?

ФЕДЯ Я только о ней и думаю. Она такая особенная, такая... такая...

ВРАНГЕЛЬ А ее пьяница-муж? Как только вы его терпите? Я видел своими глазами, и не раз, как он терзал ее, – в прямом смысле, чтобы ей было больно.

ФЕДЯ Ему самому так больно, что можно его простить.

ВРАНГЕЛЬ Я-то могу его простить, но вам каково? Если вы и вправду ее любите?

ФЕДЯ Я? Даже когда он буйствует, я вижу его благородную душу сквозь эту страшную маску.

ВРАНГЕЛЬ *(со смехом)* Вас послушать, так вы в него влюблены, а не в нее!

ФЕДЯ (*нацеливаясь ножницами на розу*) Еще одну, последнюю, ладно?

ВРАНГЕЛЬ Если она для благородного Алекса, я категорически против.

ФЕДЯ Вы просто жадина!

Связав букет красной лентой, выбегает из сада.

102. Улица перед домом Исаевых – сумерки

В тот момент, когда Федя с букетом в руках подходит к дому, дверь дома распахивается и оттуда выбегает Катя, вслед которой вылетает блюдо и разбивается у ног Феди.

ФЕДЯ Это что – праздничный фейерверк?

Не отвечая, Катя убегает в слезах. Федя спешит в дом.

103. Гостиная в доме Исаевых – сумерки

В гостиной страшный беспорядок – Алекс, пьяный в стельку, швыряет на пол стаканы и тарелки с празднично сервированного стола. Мария, бледная и встрепанная, стоит, прижавшись спиной к стене.

АЛЕКС (*ревет*) Плевать я на них хотел! На них, на всех! (*плюет*) В жопу их всех! (*Марии*) А из тебя я всю душу вытрясу, если ты посмеешь хоть словом с кем-нибудь из них перемолвиться!

Движения Алекса становятся все более неловкими, он пытается стянуть со стола скатерть с оставшейся посудой, но не справляется с задачей, падает на пол, и тут же засыпает с громким храпом. Мария замечает Федю, который застыл в дверях, прижимая к груди букет.

МАРИЯ (*враждебно*) Что вы здесь делаете, Достоевский? Шпионите за мной?

ФЕДЯ Я принес вам розы – ко дню рождения.

МАРИЯ Мне сейчас только роз не хватает!

ФЕДЯ (*торопливо*) Это – единственные розы на тысячу миль! Я сам их вырастил – для вас. К празднику.

МАРИЯ (*показывая на Алекса*) Ничего себе праздник!

ФЕДЯ Если я лишний, я тотчас же уйду.

МАРИЯ Идите, идите, Достоевский! Зачем вам оставаться в доме, куда приличные люди не ходят?

ФЕДЯ Мне показалось, вы хотите, чтобы я ушел...

МАРИЯ Кому есть дело до моих желаний? *(показывает на Алекса)* Ему? Или этим подонкам, которые все разом сделались больны? *(швыряет Феде пачку конвертов, которые она все время сжимала в ладони)* Почитайте их письма! Все враз заболели! Все, как один! Можно подумать, что в городе началась эпидемия!

ФЕДЯ *бросает конверты на пол и протягивает Марии розы.*

ФЕДЯ Забудьте их, они не стоят ваших слез! А я здесь, с вами! И с розами! Ни у кого из них нет роз!

МАРИЯ *(берет розы)* Какие красивые! Может, можно их продать, чтобы заплатить хоть часть наших долгов?

ФЕДЯ Не плачьте, я достану денег и мы заплатим ваши долги.

104. Убогое жилище старой гадалки – вечер

Комната погружена во мрак. Только две тонких свечи горят по обе стороны блюда с водой, стоящего на столе перед круглым зеркалом. Федя сидит у стола и смотрит на отражение блюда в зеркале. Гадалка, стоя у Феде за спиной, делает руками пасы, от которых пламя свечей колеблется.

ГАДАЛКА Только один быстрый взгляд и закрой глаза.

Свет и тени создают в зеркале мгновенный образ, смутно напоминающий «Сикстинскую Мадонну». Федя закрывает глаза руками.

ГАДАЛКА Что ты видел?

ФЕДЯ Лицо любимой женщины.

Гадалка бросает в блюдо горсть черных и белых бобов, которые образуют плавающий узор.

ГАДАЛКА Это для нее ты просишь у меня деньги? А ты знаешь, под какой процент я даю в долг?

ФЕДЯ Мне все равно.

ГАДАЛКА Зато мне не все равно, Я хочу получить свои деньги обратно, и проценты тоже. И не вижу у тебя никакого источника дохода, из которого ты можешь мне вернуть этот долг.

ФЕДЯ Умоляю, одолжите мне денег. Я клянусь, что все вам верну!

ГАДАЛКА Конечно, вернешь! Даже круглый дурак не посмеет обмануть меня.

105. Бесконечная дорога в бескрайней степени – вечер

Федя и Врангель в мундире прокурора едут в запряженной тройкой коляске, которой правит Адам. Сзади к коляске привязана пара ружей.

ВРАНГЕЛЬ Я научу вас любить охоту. Это так увлекательно – прицелиться в летящую птицу и попасть!

ФЕДЯ Не надейтесь – я никогда не стану целиться в летящую птицу.

ВРАНГЕЛЬ Посмотрим! Вы себя еще не знаете, Достоевский.

На горизонте появляется зарево разгорающегося пожара.

АДАМ Глядите! В степи пожар.

Врангель вскакивает с сиденья и всматривается в даль.

ФЕДЯ *(силком усаживая его обратно)* Сидите! А то можете упасть и сломать себе шею.

АДАМ А вон люди! Видите – там, где огонь?

ВРАНГЕЛЬ Может, это поджигатели? Поскачем им навстречу!

ФЕДЯ А может, лучше поскачем от них подальше?

ВРАНГЕЛЬ *(в юношеском восторге)* Вперед, Адам! Гони коней! Или я не прокурор?

Адам поворачивает коней и гонит коляску в сторону пожара. На фоне пламени вырисовываются несколько бегущих фигур, поджигающих по пути траву.

ВРАНГЕЛЬ Эй вы! Что вы там делаете?

Люди продолжают свое дело, не обращая внимания на Врангеля, который схватил одно из ружей и побежал к ним.

ВРАНГЕЛЬ *(целясь на бегу)* Стой! Прекратить!
Стрелять буду!

Пожилой Крестьянин замечает, наконец, чиновника в форме, который бежит к нему с ружьем. Он останавливается и, улыбаясь, говорит – лицо и руки его черны от сажи.

КРЕСТЬЯНИН Мы старую траву сжигаем, ваше благородие. Мы делаем это каждый год, чтоб для новой землю приготовить.

ВРАНГЕЛЬ Сжигаете старую траву? Как это мудро!

Идет обратно к коляске. Федя всматривается в горячий воздух, трепещущий над горячей степью – в воздушном вихре возникает лицо «Сикстинской Мадонны», которое превращается в лицо Марии, со всех сторон окруженное языками пламени.

106. Горящая степь на горизонте – вечер

Федя и Врангель в коляске, Федя, задыхаясь, открывает глаза, словно выныривает из пучины.

ФЕДЯ Мы должны немедленно вернуться домой!

ВРАНГЕЛЬ С какой стати? Мы же собирались ночевать на берегу озера.

ФЕДЯ Оставайтесь, если хотите. А я должен вернуться – что-то случилось с Марией!

107. Сад перед домом Врангеля – ночь

Коляска с Федей и Врангелем подъезжает к дому, Федя выскакивает из коляски и бежит к дому – на ступеньках террасы сидит Катя.

ФЕДЯ Катя? Что случилось?

КАТЯ Мария Александровна просит вас ждать ее здесь завтра утром. Ей нужно срочно с вами поговорить.

ФЕДЯ Может, я лучше побегу к ней сейчас?

КАТЯ Нет, нет, она умоляет, чтобы вы этого не делали! Просто ждите ее завтра с утра.

ФЕДЯ Господи, что же случилось?

КАТЯ Не знаю. Мне кажется, что-то ужасное.

ФЕДЯ Как же я доживу до утра?

108. Терраса в саду при доме Врангеля – утро

Федя беспокойно бродит среди грядок, Врангель подливает молоко в блюдечко ужей.

ФЕДЯ Господи, где она? Почему ее нет?

ВРАНГЕЛЬ Успокойся, я слышу цокот копыт.

ФЕДЯ (*спешит к воротам*) Наконец-то!

У ворот останавливается коляска, в ней – Мадам Беликова и Ольга, которая все время грызет ногти. При виде дам Врангель заталкивает блюдце с молоком подальше под террасу.

МАДАМ БЕЛИКОВА Доброе утро! Надеюсь, вы не откажетесь показать нам свой прославленный сад?

ФЕДЯ (*сквозь зубы*) Отделайтесь от них как можно скорей.

ВРАНГЕЛЬ Вы что, совсем голову потеряли?

ФЕДЯ А вы бы на моем месте не потеряли? Гоните их к черту!

ВРАНГЕЛЬ Вы что, хотите, чтобы я прогнал жену губернатора?

ФЕДЯ А что делать? Мария ни за что не войдет сюда при них.

Дамы выходят из коляски и в сопровождении Врангеля направляются в сад. Пока они бродят от грядки к грядке, восхищаясь цветами, Федя исподтишка срезает несколько роз и с букетом в руках подкрадывается к террасе.

МАДАМ БЕЛИКОВА Просто чудо, что вы сделали из этого мертвого участка!

ВРАНГЕЛЬ А это наши фамильные гвоздики. Их семена прислал мне мой дорогой папа из нашего имения.

Федя опускается на колени и вытаскивает из-под террасы блюдечко с молоком, которое осторожно ставит на террасу. Потом заползает глубже и выбирается из-под террасы с горстью молодых ужей, которых водружает на край террасы рядом с блюдцем. Потом сам поднимается на террасу, находит там вазу, погружает в нее розы и ставит вазу перед блюдцем, чтобы скрыть ужей от глаз стороннего наблюдателя.

ФЕДЯ Не угодно ли прекрасным дамам взять домой букет роз?

Гости с интересом движутся по направлению к террасе.

ОЛЬГА Ты только погляди, мама, какие дивные розы!

МАДАМ БЕЛИКОВА Нет, нет, мы не смеем принять столь ценный подарок. Говорят, все эти розы предназначены только для одной особы.

ОЛЬГА (*грызя ногти*) Но мы не будем называть здесь ее имя...

Поднимаясь на террасу в сопровождении Врангеля, Мадам Беликова шлепает Ольгу по руке, чтобы та перестала грызть ногти. Тем временем Врангель замечает ужей и блюдечко, и начинает давиться от смеха.

ФЕДЯ Возможно, вы правы, но для вас мы можем сделать исключение.

Он поднимает вазу с розами, и глазам гостей предстает клубок извивающихся змей.

ОЛЬГА (*в панике*) А-а-а! Змеи-и-и-и! Змеи-и-и-и!

МАДАМ БЕЛИКОВА Змеи-и-и-и! Беги, Ольга! Беги!

Обе дамы в ужасе мчатся вниз по ступенькам террасы. В этот момент появляется Адам с чайным подносом.

АДАМ Успокойтесь, мадам. Успокойтесь, мадемуазель. Эти змеи совершенно не опасны...

Врангель с размаху наступает ему на ногу, он смолкает. Врангель хохоча, спешит за дамами, бегущими к своей коляске.

ВРАНГЕЛЬ Куда же вы, мадам? Мы ведь хотели угостить вас чаем!

Дамы с лихорадочной скоростью взбираются в коляску. Коляска с дамами уносится прочь, и оба – Федя и Врангель, – падают на землю, изнемогая от смеха. За смехом они не слышат цокота копыт – появляется Мария верхом на лошади. Федя вскакивает с земли и спешит ей навстречу. Врангель, утирая слезы смеха, гоняется за расползающимися ужами.

МАРИЯ Эй, что вы сделали нашим прелестным дамам? Они мчались отсюда, как угорелые!

ФЕДЯ Наконец-то вы приехали! Я чуть с ума не сошел, дожидаясь.

МАРИЯ (*вид у нее усталый*) Я приехала попрощаться навсегда.

Врангель, стараясь им не мешать, опускается на колени и собирает ужей в горсть.

ФЕДЯ Что значит – навсегда?

МАРИЯ Мы уезжаем. В Кузнецк. Слава Богу, Алекс получил работу.

ФЕДЯ В Кузнецк? Но это невозможно! Кузнецк в шестистах милях отсюда.

МАРИЯ Что с того? У нас нет выбора. Если мы не поедem туда, мы умрем с голоду. Здесь он не может заработать ни гроша.

ФЕДЯ Значит, ты хочешь от меня уехать?

МАРИЯ Разве ты не видишь, я просто счастлива!

ФЕДЯ Тебе надоела моя любовь и ты хочешь убежать от меня?

МАРИЯ Почему ты хочешь испортить наши последние минуты вместе?

ФЕДЯ Прости меня, прости! Я сам не знаю, что говорю! Я потерял голову от горя! Что со мной будет? Я и дня не смогу без тебя прожить!

Федя обнимает Марию, она припадает к нему, они целуются, полные отчаяния. Врангель пользуется моментом, чтобы проскользнуть мимо них в дом, но, поскользнувшись на ступеньках, падает и роняет ужей, которые падают прямо к ногам Марии. Она испуганно вскрикивает.

ФЕДЯ Не пугайся, это ужи – они совершенно безопасные.

Берет ужа и оборачивает вокруг своей шеи, как шарф.

МАРИЯ Ты с ума сошел! Сейчас же сбрось эту гадость!

ФЕДЯ А ты попробуй, погладь его – он такой гладкий, такой нежный наощупь.

МАРИЯ неуверенно касается блестящей спинки ужа кончиками пальцев.

109. Проселочная дорога – сумерки

Дорога уходит в негустой сосновый лес. Коляска Врангеля стоит на краю леса. Федя, нервно напряженный и подавленный, бродит вокруг коляски. Врангель сидит на сиденье.

ФЕДЯ Где же они? Уже ночь спускается, а их все нет!

ВРАНГЕЛЬ Скоро приедут, наберитесь терпения.

Вдали появляется телега, в которой едут Исаевы.

ФЕДЯ Вон они! Вон они! Едут! Вы не забыли, что вы должны сделать?

ВРАНГЕЛЬ Как я могу забыть, если вы попросили меня по меньшей мере сто раз?

Телега приближается, она без кучера, правит ею сам Алекс. Паша спит среди узлов и баулов. Федя приветственно машет, телега останавливается. Врангель, не выходя из коляски, достает из ящика бутылку шампанского.

МАРИЯ Вот где вы прячетесь! А я уже боялась, что мы так и уедем, не попрощавшись.

ФЕДЯ *(доставая из коляски стаканы)* Мы вас поджидаем, чтобы обмыть и оплакать ваш отъезд.

Врангель откупоривает бутылку и жестом подзывает Алекса к себе.

АЛЕКС Подумать только – шампанское! Чем я заслужил такую честь?

Врангель разливает шампанское по стаканам.

ВРАНГЕЛЬ Счастливого пути, дорогие друзья!

Алекс спрыгивает с телеги и идет к коляске.

ВРАНГЕЛЬ Взбирайтесь сюда, тут будет удобней.

Алекс поднимается в коляску и садится рядом с Врангелем. Тот подает ему стакан шампанского.

ФЕДЯ *(подхватив два стакана)* Пойду, отнесу шампанское Марии.

АЛЕКС Шампанское – это благородно, но я человек простой, я предпочитаю водку.

Врангель достает из-под ног бутылку водки.

ВРАНГЕЛЬ Каждый, кто предпочитает водку, может пить водку.

Пока Врангель щедро смешивает водку с шампанским в стакане Алекса Федя подходит к телеге и протягивает стакан Марии

ФЕДЯ Я все еще не могу поверить, что вы уезжаете навсегда. Так ужасно я чувствовал себя только в тюрьме. Тогда мне казалось, что меня похоронили заживо, сейчас тоже так кажется.

Мария что-то тихо отвечает ему, они шепчутся, склонив головы щека к щеке. Тем временем Врангель усердно спаивает Алекса, который быстро пьянеет, как всякий алкоголик. Убедившись, что Алекс заснул, он тихо свистит, Федя слышит его сигнал и уводит Марию в лес.

110. Сосновый лес – вечер

Федя страстно целует Марию, стоящую, прислонясь к стволу дерева. Она решительно отклоняет все его попытки повалить ее на траву, чтобы заняться с ней любовью.

МАРИЯ Мне пора, уже совсем стемнело.

ФЕДЯ Куда ты спешишь? Я так и знал – ты никогда меня не любила.

МАРИЯ Что за глупости! Конечно, я люблю тебя, ты мой самый лучший, самый верный друг.

ФЕДЯ Ты увидишь – я умру без тебя! Умру!

Расправив смятое платье, Мария решительно отталкивает Федю и направляется к дороге.

МАРИЯ Не говори глупостей! Ты будешь жить и каждый день писать мне письма о том, как ты меня любишь. Договорились?

111. Проселочная дорога – вечер

Врангель и Федя волокут одурманенного Алекса из коляски в телегу. Мария уже взобралась в телегу, она помогает им уложить Алекса рядом с Пашей, берет в руки вожжи и трогает лошадей. Телега начинает потихоньку двигаться. Федя, рыдая, бежит за телегой. Мария тоже плачет. Телега едет все быстрее и быстрее, и вскоре исчезает из виду, теряясь в бесконечности степи. Федя

некоторое время продолжает бежать по дороге, но шаг его становится все медленней, пока он не останавливается окончательно.

112. Крупный план лица Феди, искаженного отчаянием

(окончание следует)

Об авторах

Эдуард Бормашенко – публицист, физик. Живет в Ариэле, Израиль

Андрей Пелипенко – доктор философских наук, профессор.
Кандидат искусствоведения

Игорь Гергенрёдер – писатель. Автор нескольких книг.

Михаил Хазин – автор ряда книг прозы, поэзии и публицистики, вице-президент АААИ.

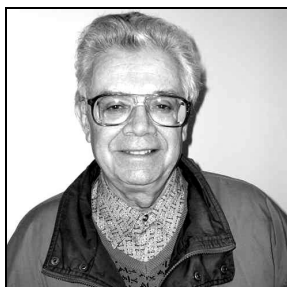
Александр Баршай – журналист, публицист. Постоянный автор газеты «Вести». Автор двух публицистических книг

Люсьен Фикс – переводчик, журналист, радиокомментатор. Автор книги «В эфире "Голос Америки"»

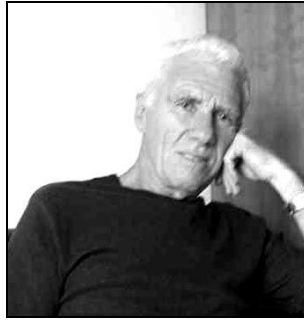
Софья Шапошникова – автор более 20 книг прозы и 9 книг стихов. Член Союза русскоязычных писателей Израиля

Ванкарем Никифорович – публицист, критик, переводчик. Автор нескольких книг. Живет в Чикаго

Александр Пивинский – поэт, переводчик. Автор книги стихов «Патроны для Винсента». Живёт в России

Даниэль Тамир – инженер, тренер, писатель. Автор трёх книг. Живёт в Израиле

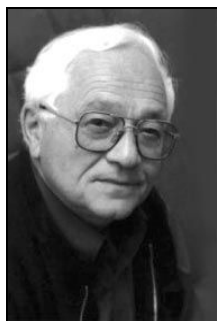
Евсей Цейтлин – культуролог, литературовед, критик, прозаик. Автор множества книг. Редактор газеты «Шалом»

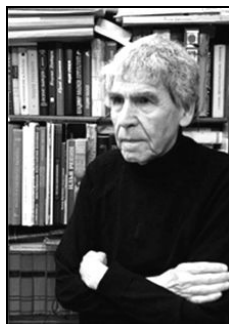
Елена Мазур-Матусевич – профессор университета штата Аляска (США), автор книги «Золотой век французской мистики», писатель, выставяющийся художник

Борис Курланд – доктор медицинских наук, поэт, писатель.
Автор двух книг. Живёт в Израиле

Хаим Соколин – доктор геолого-минералогических наук.
Автор многих рассказов, повестей, статей, романа

Владимир Порудоминский – писатель, автор научно-популярных и биографических книг. Член СП СССР (1969)

Евгения Ласкина, – журналист, внештатно работает в газете «Вести» и на радио РЭКА

Нина Воронель – автор нескольких книг стихотворений и переводов, пяти романов и двух книг воспоминаний

Нина Никипелова – филолог, доктор наук, профессор, живет и работает в Харькове

Наталья Рапопорт – доктор химических наук, автор книги «То ли быль, то ли небыль», живет в США

Журнал «Семь искусств», Сентябрь 2010
ред.-сост. Евгений Беркович
изд-во «Общества любителей еврейской старины»
Ганновер 2010, 431 стр. 17,09 а. л.

© Евгений Беркович (составление и редактирование)
© Дорота Белас (оформление)

Компьютерная верстка и техническое редактирование
Изабеллы Побединой

Ганновер
Общество любителей еврейской старины